

600044982X

НЕУДАЧНАЯ
ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ КИТАЙ
1874—1875 гг.

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЗАЩИТУ

Г. СОСНОВСКАГО

ПО ПОВОДУ КНИГИ

„ПУТЕШЕСТВІЕ ПО КИТАЮ“.

„Трудно искать патріотической подкладки въ торговой сдѣлкѣ. Каждый преслѣдуетъ прежде всего свои личныя цѣли; дѣло уже предержащей власти направлять ихъ на служеніе цѣлямъ обще-государственнымъ, частныя выгоды регулировать въ связи съ интересами блага общаго.“ Сосновскій.
(Воен. Сборн. 1876 г. № 9, стр. 190).

П. Я. Пясецкаго,
доктора медицины, автора „Путешествія по Китаю“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

1881.

BODLEIAN
20 SEP 1984
LIBRARY
ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В.О. 2 Л. 7

(595)

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Подёмныя деньги... матерялы... некоторыхъ ресунковъ... испровленіе... двести... розходовъ... куплёно... солѣй... всѣго... выстовки... во дворце...

Эти двѣнадцать словъ взяты изъ четырнадцати приводимыхъ ниже строкъ, принадлежащихъ перу бывшаго фотографа при экспедиціи въ Китай, А. Э. Боярскаго, за подписью котораго 28 ноября, въ № 329 газеты „Голосъ" было напечатано письмо подъ заглавіемъ „Экспедиція въ Китай", написанное будто-бы имъ, будто-бы 13 ноября въ Ростовѣ-на-Дону, по поводу моей книги „Путешествіе по Китаю" и недовольное ею во всѣхъ отношеніяхъ.

„Научнаго же интереса," —говорится между прочимъ въ названномъ письмѣ,—въ *„смыслѣ бытовомъ, географическомъ или историческомъ книга г. Пясецкаго представляетъ, къ сожалѣнію, очень и очень мало..."*

Въ № 30 той же газеты „Голосъ" на эти слова напечатанъ слѣдующій отвѣтъ: П. Я. Пясецкому за его сочиненіе „Путешествіе по Китаю" присуждена *большая золотая медаль.*

Въ письмѣ говорится далѣе, что *„книгу его* (т.-е. мою) *нельзя иначе назвать какъ пародіей на истину..."* Я могъ и хотѣлъ сказать, что это—неправда; но моего отвѣта редакція почтенной газеты напечатать не пожелала, и тѣмъ самымъ вынудила меня прибѣгнуть къ изданію настоящей брошюры, какъ единственному средству сказать слово въ защиту своего труда и своей чести отъ несправедливыхъ упрековъ, дѣлаемыхъ книгѣ, и столь же мало заслуженныхъ оскорбленій, наносимыхъ мнѣ, какъ автору, въ отмщеніе за ея напечатаніе... Мой тогдашній отвѣтъ, составленный въ видѣ газетной статьи, превратился въ настоящую брошюру.

Старикъ Пиѳагоръ сказалъ:

„Съ несправедливой родиной поступай, какъ съ мачихой:—храни молчаніе...“ Но такъ какъ я считалъ и считаю свою родину справедливою,—по крайней-мѣрѣ таково мое желаніе,—то я, вернувшись изъ путешествія въ Китай отнюдь не находилъ нужнымъ хранить молчаніе, а напечаталъ въ двухъ томахъ подробный разсказъ о томъ, что мы видѣли, сдѣлали и какъ все дѣлали. А такъ какъ мы все совершали въ нашемъ несчастномъ путешествіи не такъ, какъ должно, и экспедиція обязана этимъ исключительно ея бывшему начальнику, тогда капитану, а теперь полковнику, г. Сосновскому, то понятно, что книга моя должна была произвести на него тѣмъ болѣе сильное и тѣмъ худшее впечатлѣніе, чѣмъ правдивѣе она написана, а слѣдовательно, чѣмъ менѣе возможности оставляетъ сказать что-нибудь въ свое оправданіе. Я же считалъ бы себя достойнымъ презрѣнія, если бы изъ какихъ-нибудь личныхъ побужденій, опасеній или трусости, умолчалъ о томъ, чего не должно быть между людьми, получившими право на названіе образованныхъ. Но я говорю объ этомъ въ моей книгѣ не съ цѣлью сдѣлать непріятность названному лицу, а вслѣдствіе одного завѣтнаго желанія, а именно: чтобы, вѣроятно, первая въ своемъ родѣ, не ученая и не торговая, а „учено-торговая экспедиція капитана Сосновскаго“, была въ своемъ родѣ и послѣднею... Вотъ для чего я и написалъ свое „Путешествіе по Китаю“ такъ, какъ оно написано, а не такъ, какъ того требовалъ укоренившійся пагубный обычай—все выставлять въ привлекательномъ свѣтѣ, и говорить о почти полной неудачѣ, какъ о дѣлѣ, увѣнчанномъ множествомъ блестящихъ и полезныхъ результатовъ.

Настоящую работу я предпринялъ съ другою цѣлью, слѣдующею: чтобы никогда человѣкъ, отдавшій всю душу свою извѣстному дѣлу, самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнившій принятыя на себя обязанности и давшій результаты, больше которыхъ, при данныхъ условіяхъ, требовать—несправедливо, чтобы такой человѣкъ,—буду ли это я, другой ли кто,—дѣло не въ этомъ,—никогда не былъ поставленъ въ такое положеніе, чтобы ему приходилось еще увѣрять, что дѣло сдѣлано имъ честно, по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья; что все,

что представляется имъ, какъ своя работа, дѣйствительно сдѣлано имъ; что все, что онъ говоритъ въ своемъ описаніи, есть истина, а не ложь и клевета; чтобы подобнаго обвиненія никто и не посмѣлъ сказать печатно, не представивъ ни одного доказательства въ подтвержденіе своихъ словъ. Эти увѣренія понижаютъ чувство уваженія къ самому себѣ, ослабляютъ энергію его духовныхъ силъ и благородныхъ стремленій, дѣлаютъ менѣе добрымъ сердце и поселяютъ въ немъ чувство общаго недовольства собою и другими:—собою за то, зачѣмъ трудился много, неутомимо и желая трудиться еще больше; другими за то, что они не всегда умѣютъ отличить худое отъ добраго и караютъ именно за то, за что бы слѣдовало только уважать; а это— не путь къ доблести и къ новымъ безкорыстнымъ цѣлямъ и стремленіямъ... Надо, чтобы всякій создавалъ что-нибудь свое, хорошее или полезное, а не тратилъ время на убѣжденіе другихъ, что сдѣланное имъ дѣйствительно полезно или хорошо; еще же болѣе надо заботиться о томъ, чтобы написавшему правдивую книгу,—что не особенно-то легко достается, —не приходилось отстаивать ее противъ не серьёзныхъ, а богъ-знаетъ какихъ и чьихъ, обвиненій въ извращеніи фактовъ и искаженіи истины, обвиненій, хотя и жалкихъ по существу и забавныхъ по своей невѣроятности, тѣмъ не менѣе находящихъ себѣ мѣсто въ печати. Вотъ этого послѣдняго не должно быть, потому что если печать и есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ узнавать истину и хранить ее, то только тогда, когда она, дѣлая кому упрекъ, изобличая въ какомъ-либо нечестномъ дѣлѣ, или прямо нанося кому нибудь оскорбленія, не лишаетъ лицо возможности сказать слово въ свою защиту. Печать не должна ни въ кого бросать камнемъ изъ за угла или защищать тѣхъ, кто это дѣлаетъ.

А это, какъ объяснено выше, случилось именно со мной: напечатанное въ „Голосѣ“ письмо, подъ заглавіемъ „Экспедиція въ Китай“, обвиняетъ меня въ такихъ неслыханныхъ преступленіяхъ передъ печатью, обществомъ и г. Сосновскимъ, за которыя меня давно слѣдовало бы отдать подъ судъ и очень строго наказать. И это, конечно, и было бы немедленно сдѣлано, если бы обвинители мои хоть на волосъ вѣрили въ свои собственныя слова... Что заинтересованнымъ лицамъ хотѣлось оправдаться, и, за невозможно-

стью это сдѣлать, они рѣшились хоть оскорбить меня,—это совершенно естественно, и, если не законно, то обыкновенно; но почему редакція почтенной газеты нашла нужнымъ принять въ этомъ участіе своимъ отказомъ напечатать у себя мое возраженіе,—это для меня непонятно, тѣмъ болѣе, что сама же она въ № 118, назвала мое сочиненіе „въ высшей степени интереснымъ и почтеннымъ трудомъ"; сама же она говоритъ, что „наблюденія сдѣланныя авторомъ, чрезвычайно любопытны, не говоря уже о своеобразномъ впечатлѣніи, производимомъ картинами китайской жизни"....„Множество ученыхъ, этнографическихъ, промышленныхъ и другихъ замѣтокъ, продолжаетъ она, придаютъ разсказу еще больше значенія; особенно цѣнны его изслѣдованія быта и образа жизни этой оригинальной расы".... „Любознательность автора, старавшагося уловить все, что встрѣчалось ему на пути достойнаго замѣчанія, доходитъ до того, что онъ занимался въ путешествіи даже китайскимъ языкомъ и сообщаетъ свои наблюденія надъ нимъ. Словомъ, нѣтъ, кажется, такого предмета въ области знаній, которымъ бы остался чуждъ г. Пясецкій во время своихъ странствованій по Китаю"... Вѣдь я этихъ словъ произносить не просилъ и не заставлялъ, да и не могъ; и теперь только благодарю за нихъ..

Я сказалъ, что не считаю родины своей несправедливою; поэтому буду не молчать, а говорить. Да и не всегда можно „молчать во всеуслышаніе", когда насъ во всеуслышаніе же обвиняютъ, потому что хоть и говоритъ пословица—кто оправдывается, тотъ себя обвиняетъ, но въ тоже время говорится и другое: „рѣдко бываетъ, чтобы человѣкъ переносящій спокойно оскорбленіе не заслуживалъ его". Да кромѣ того, я намѣренъ не оправдывать себя, а обличать другихъ.

Начиная свою рѣчь, считаю необходимымъ теперь же заявить, что отечествомъ своимъ я называю Россію не потому, что „мнѣ въ ней хорошо", а потому что въ ней я родился, что предки мои, на сколько я ихъ знаю, всѣ люди русскіе (малороссы) православные; слѣдовательно и „*русское* имя "вообще, и „имя *русской* экспедиціи", особенно той, къ которой я самъ принадлежалъ, не могутъ быть менѣе дороги мнѣ, чѣмъ Адольфу Эразмовичу Боярскому, подписавшемуся подъ письмомъ въ защиту Юліана Ада-

мовича Сосновскаго. И не напрасны ли старанія объяснить полемическій характеръ моего „Путешествія по Китаю“, хотя и двусмысленной, но лишенной смысла фразой, будто я „принялъ на себя благородный трудъ очернить имя *русской* экспедиціи“, такъ какъ письмо не даетъ больше никакихъ объясненій. Національностью моей, поэтому, ничего тутъ объяснить нельзя, а надо поискать другихъ причинъ, почему я написалъ свою обличительную книгу, почему она производитъ на нѣкоторыхъ „невыносимо тяжелое“ впечатлѣніе, и почему г. Сосновскій самъ не выражаетъ на нее открыто никакихъ неудовольствій... Или въ самомъ дѣлѣ въ Россіи суда нѣтъ, что онъ не требуетъ меня къ отвѣту, если считаетъ меня виновнымъ противъ себя въ клеветѣ!..

Нѣтъ, честь всего русскаго мнѣ такъ дорога, что, безъ малѣйшаго преувеличенія, скажу: какъ мою книгу, такъ и настоящую брошюру, я написалъ именно въ защиту чести русскаго имени. И такъ какъ послѣдняя назначается по-преимуществу для тѣхъ изъ читателей, до которыхъ мое „Путешествіе по Китаю“ не доходило и, можетъ быть, никогда не дойдетъ, то я знакомлю ихъ съ его исторіей, характеромъ и содержаніемъ; и имъ станетъ понятно, почему нужно было сказать то, что сказано въ „Письмѣ фотографа Боярскаго“. Я говорю, что это письмо совсѣмъ не написано имъ, а есть возраженіе на мою книгу самого г. Сосновскаго. Я докажу, что книга моя (хоть она и моя), содержитъ очень много интересныхъ, хотя часто, благодаря г. Сосновскому, и не довольно подробныхъ свѣдѣній; что при чтеніи нѣкоторыхъ ея страницъ читатели испытываютъ нервную дрожь отъ возмущенія и негодованія. Я покажу далѣе, что г. Сосновскому—больше того, что сказано въ „Письмѣ“, говорить нечего; что все его письмо въ высшей степени возмутительно, но не содержаніемъ своимъ, а потому что оно все построено на обманѣ, который, онъ думалъ, можетъ остаться не разоблаченнымъ.

Пока, не все ясно; но читайте дальше, и все станетъ для васъ понятнымъ; я все сейчасъ объясню и докажу,— только будьте судьею безпристрастнымъ, потому что „пристрастіе порождаетъ безнаказанность“, а она вредитъ общественному благу. Да пристрастному, кромѣ того, не докажешь, пожалуй, что и дважды два—четыре.

ДВѢ НЕУДАЧНЫХЪ
ЭКСПЕДИЦІИ ВЪ КИТАЙ
Г. СОСНОВСКАГО.

„Приписывать своимъ врагамъ небывалыя вещи и лгать для того, чтобы обезславить ихъ, это значитъ—хлопотать для ихъ пользы". La Bruyère.

Снаряженіе экспедицій, и особенно правительственныхъ, въ отдаленныя и мало извѣстныя страны, далеко не можетъ быть отнесено къ разряду событій мелкихъ или обыкновенныхъ, а потому не заслуживающихъ особеннаго вниманія общества. Напротивъ, многосторонняя важность подобныхъ путешествій понималась и понимается всѣми образованными людьми; экспедиціи всегда имѣютъ значеніе, даже независимо отъ задачъ и цѣлей, для какихъ онѣ отправляются, а просто потому, что прохожденіе группы иноземныхъ путешественниковъ черезъ чужую страну есть до нѣкоторой степени историческій моментъ въ жизни двухъ народовъ,—одного, отправляющаго своихъ представителей, и другаго, принимающаго ихъ, и черезъ нихъ знакомящагося со страною, людьми и обычаями, а также желаніями и стремленіями перваго...

Но всѣ ли читатели знаютъ о томъ, что въ 1874 году правительствомъ нашимъ была отправлена въ Китай экспедиція съ извѣстными учеными и практическими задачами, что эта экспедиція въ числѣ трехъ оффиціальныхъ членовъ, Сосновскаго, Матусовскаго и Пясецкаго, проѣхала черезъ Сибирь, на Кяхту, черезъ Монголію, Восточный, Средній и Сѣверо-западный Китай, и вернулась въ Россію въ г. Зайсанъ? Я имѣю основанія думать, что еще до сихъ поръ не всѣмъ это извѣстно, потому что даже въ Петербургѣ, даже до послѣдняго времени, приходится (хотя

уже очень рѣдко) встрѣчать людей, которые ничего объ ней и не слыхивали. Экспедиція же въ Китай — событіе вообще не маловажное, не безъинтересное и рѣдкое; по тому же, какія мѣстности азіатскаго материка, въ предѣлахъ Китая, мы посѣтили, эта экспедиція была первою, и нетолько первою русскою, но и вообще европейскою. Казалось бы, какъ не знать: обыкновенно о подобныхъ путешествіяхъ въ обществѣ знаютъ и говорятъ еще за долго до отправленія путешественниковъ, успѣваютъ заинтересоваться и задачами, и самими отправляющимися людьми, высказываютъ свои надежды и критическія замѣчанія относительно большей или меньшей пригодности личнаго состава для выполненія начертанныхъ задачъ и т. п.; но ничего подобнаго не было, когда я собирался уѣзжать изъ Петербурга, въ мартѣ 1874 года, въ названное далекое путешествіе. И меня это тогда же нѣсколько удивляло: отчего это о нашей экспедиціи почти никто незнаетъ, думалось мнѣ; такъ что только съ моихъ словъ, напримѣръ, уже почти наканунѣ отъѣзда, репортеръ одной газеты, случайно встрѣтившись со мною, записалъ о ней краткія свѣдѣнія и напечаталъ всего двадцать, тридцать строкъ. Потомъ же я узналъ, что и это краткое извѣстіе было непріятно начальнику экспедиціи г. Сосновскому, потому что онъ, какъ оказалось, находилъ почему-то нужнымъ дѣлать изъ экспедиціи тайну, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, „пока мы не выѣдемъ этакъ примѣрно за Уралъ“), а что „потомъ могутъ писать о ней кому и что угодно“. Онъ опасался, какъ онъ говорилъ и какъ говорится въ его офиціальныхъ письмахъ*), чтобы не „возбудить иностранной подозрительности, а потому и просилъ говорить объ экспедиціи не иначе, какъ „конфиденціально“, „безъ огласки“. Тогда я искренно повѣрилъ этой причинѣ, но не понималъ, почему ея не нужно опасаться, какъ только мы переберемся въ Сибирь.... Не понималъ я также, почему правительству было обѣщано, что все путешествіе будетъ окончено въ полгода, какъ и то, что мы совершимъ его на 8450 р., когда предстоялъ такой большой путь.... Но тогда всѣ мои мысли летѣли впередъ, къ интереснѣйшей странѣ, которую мнѣ суждено было уви-

*) Напримѣръ, къ „представителямъ Московскаго Биржеваго Комитета“ и г. Губкину.

дать; я готовился къ будущей дѣятельности, и не въ свое дѣло не вмѣшивался...

Черезъ годъ и девять мѣсяцевъ экспедиція вернулась. И опять,—разговоровъ, печатныхъ сообщеній и разсужденій о ней было ужасно мало, но теперь уже по причинамъ совершенно понятнымъ. Теперь, г. Сосновскій, опасаясь чего-то совсѣмъ другого вмѣсто „иностранной подозрительности“, всѣми мѣрами заботился о томъ, чтобы объ экспедиціи вообще поменьше говорили и „не распускали слуховъ, особенно дурныхъ“; онъ даже письменно запрещалъ это своимъ спутникамъ, и старался о томъ, чтобы общество знало только одно хорошее, и чтобы его одного могло слышать и слушало. Эти мѣры, теперь уже вполнѣ понятной для меня предосторожности, простирались до того, что въ засѣданіи Географическаго Общества, напримѣръ, въ которомъ онъ дѣлалъ докладъ о совершонномъ экспедиціей путешествіи, онъ не рѣшился даже представить Совѣту Общества ни меня, ни г. Матусовскаго, находившихся тутъ же, и даже по его собственному приглашенію; а на наши работы, также доставленныя въ засѣданіе Общества не было обращено ничьего вниманія, словно въ нихъ таилось что нибудь для экспедиціи небезопасное.— Понятно, поэтому, отчего черезъ недѣлю въ публикѣ не было о ней и помину; и лишь изрѣдка потомъ появлялись отрывочныя свѣдѣнія то о томъ, то о другомъ изъ ея членовъ... Сравните-ка съ возвращеніемъ экспедицій г. Норденшельда или г. Пржевальскаго! А, вѣдь, наша экспедиція, какъ сказано, была тоже не маловажная.

Потомъ, также отдѣльно и разновременно, были напечатаны краткіе оффиціальные отчеты,—одни безъ всякихъ обѣщаній, другіе съ обѣщаніями, въ родѣ того, напримѣръ, что „мы разсчитываемъ, со временемъ, отдать весь собранный матеріалъ на судъ публики, а теперь можемъ сказать лишь одно: было святое сознаніе долга, а объ успѣхахъ— судить не намъ“... Такъ было сказано въ отчетѣ г. Сосновскаго. Но публика и самый этотъ отчетъ проглядѣла, потому что онъ былъ напечатанъ въ очень спеціальномъ журналѣ (Воен. Сборн. 1876. №№ 9, 10, 11), и обѣщаніе г. Сосновскаго такъ обѣщаніемъ и осталось. Словомъ, говорю, экспедиція, вмѣсто нѣкоторыхъ шума, славы и ожив-

ленныхъ разговоровъ, по поводу сообщеній объ интереснѣйшихъ азіатскихъ странахъ, была встрѣчена точно умышленно-холоднымъ равнодушіемъ; и печать какъ-будто вяло относилась къ ея результатамъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ заслуживали большія одобренія и похвалы всѣхъ, кому случайно удавалось ихъ увидать. Такой интересъ и вниманіе возбуждали между прочимъ и тѣ изъ моихъ работъ, которыя были для всякаго занимательны и каждому сразу понятны...

Нельзя не пожалѣть, что у насъ все еще считается иногда чуть не преступленіемъ, когда человѣкъ позволитъ себѣ самъ сказать другимъ, что онъ сдѣлалъ то-то и то-то, хотя потомъ его же упрекаютъ въ неумѣлости и непрактичности за то, что онъ никому не далъ своевременно знать о сдѣланномъ. А скажи,—пожалуй заговорятъ о недостаточной скромности, о желаніи „самопрославленія", какъ-будто въ самопрославленіи подобнаго рода лежитъ источникъ общественной бѣды. Да прославляйтесь и возвышайтесь всѣ, сдѣлайте одолженіе,—сказалъ бы я своимъ соотечественникамъ,—(особенно, когда необходимость заставляетъ) но только за такія дѣла, которыя бы потомъ и всѣ находили хорошими, и не унижали васъ за нихъ, а только почитали бы. Что тутъ можетъ выйти дурного? А солгалъ кто, похваливъ себя не по заслугамъ,—не онъ ли будетъ наказанъ? Не на то ли данъ людямъ смѣхъ, чтобы смѣяться надъ смѣшнымъ? Если же кто владѣетъ тѣмъ, что служитъ къ пользѣ или удовольствію другихъ, то отчего, позвольте спросить, предосудительно заявить ему объ этомъ самому? Отчего, если другіе нашли, что вы сдѣлали что-нибудь порядочное, самимъ вамъ возбраняется объ этомъ говорить?.. И замѣчательнѣе всего то, что подобный „образъ скромности" требуется не отъ всѣхъ и не во всѣхъ случаяхъ: таковъ ужъ „обычай",—этотъ „варваръ межъ людей". Но, будутъ ли названы слѣдующія мои слова „самопрославленіемъ", или еще какъ нибудь иначе, дѣлать нечего,—приходится отложить на минуту скромность въ сторону, потому что она въ данномъ случаѣ къ добру не поведетъ... Предоставляя другимъ каждому говорить за себя, я скажу слѣдующія нѣсколько словъ. Никогда не забуду я того неожиданнаго впечатлѣнія, какое произвели мои рисовальныя работы, исполненныя во время путешествія и представлявшія такое собраніе акварелей и

рисунковъ съ натуры, что они едва помѣстились въ громадной Георгіевской Залѣ Зимняго Дворца, въ день обычнаго Высочайшаго смотра военно-топографическихъ и другихъ работъ за истекшій годъ; никогда не забуду я общаго изумленія всѣхъ членовъ свиты Государя, отказывавшихся вѣрить, что всѣ рисунки сдѣланы мною однимъ, въ дорогѣ, и въ такое короткое время, какъ всего годъ и три мѣсяца, проведенные въ Китаѣ... Фактъ на лицо и живыхъ свидѣтелей его много... Никогда не забуду также какъ заинтересовала всѣхъ задуманная мною въ дорогѣ и приведенная въ исполненіе панорама, представляющая въ непрерывномъ изображеніи весь путь по пройденной странѣ, не въ видѣ маршрутной карты, понятной лишь для спеціалистовъ, а въ видѣ одной картины, наглядно показывающей зрителю всѣ главныя черты характера изображенныхъ странъ и почти не требующая объясненій. И эта новая работа, въ видѣ сто-аршинной картины, переходящей съ одного вала на другой, на особо устроенномъ станкѣ, также выставленная въ Зимнемъ Дворцѣ въ день Высочайшаго смотра работъ 76—77 года, удостоилась общаго вниманія и самыхъ лестныхъ похвалъ моимъ идеѣ, дарованію и трудолюбію. И я всему искренно вѣрилъ, потому-что самъ зналъ цѣну своимъ работамъ, что не могъ не знать, какою цѣною пріобрѣтаются эти вниманіе и похвалы, какой напряженной дѣятельности требовали эти „результаты“... Фактъ также на лицо, и объ этой работѣ былъ отчетъ въ „Русск. Инвалидѣ“... Не менѣе пріятное воспоминаніе сохраняется у меня о томъ днѣ, въ который Совѣтъ Академіи Художествъ, осмотрѣвъ мое собраніе дорожныхъ рисунковъ, выставленныхъ для публики, тутъ же единогласно рѣшилъ поднести мнѣ почетное званіе—„въ уваженіе полезной дѣятельности по искусству“, какъ сказано въ дипломѣ.

Но наступилъ военный годъ и все забылось: мыслями и чувствами всѣхъ овладѣли тогда театры военныхъ дѣйствій... И лишь съ окончаніемъ послѣднихъ оставшіеся въ живыхъ вернулись къ прежнимъ занятіямъ и своимъ неоконченнымъ дѣламъ. Я возвратился къ разработкѣ привезеннаго изъ китайскаго путешествія матеріала и торопился привести въ порядокъ свои дорожныя воспоминанія, которыя, два года спустя, и появились въ свѣтъ въ видѣ

двухъ томовъ названнаго „Путешествія по Китаю“. И вотъ, лишь благодаря этой книгѣ, русское общество не только вспомнило о нашей экспедиціи, но можно сказать впервые познакомилось съ ней, потому что все, что говорилось раньше, имѣло или спеціальный, или иной характеръ, а потому мало содѣйствовало къ ознакомленію съ дѣломъ. Теперь общество не вправѣ было жаловаться на то, что его оставляютъ въ невѣдѣніи относительно всего видѣннаго и узнаннаго, во время нашего путешествія, и что предлагаютъ лишь сухой перечень чуждыхъ уху именъ и скучныхъ цифръ. Оно и не жаловалось, а, судя по всему, заинтересовалось книгой; и печать отнеслась къ моему труду съ такимъ вниманіемъ, которое ясно доказало, что никто не былъ равнодушенъ къ дѣлу бывшей экспедиціи, какъ будто не интересному или не важному,—совсѣмъ напротивъ.

Но, угодивъ обществу своимъ простымъ дневникомъ, безъ малѣйшихъ претензій на ученость, серьезность или полезность моего труда, я не угодилъ двумъ изъ своихъ спутниковъ, имена которыхъ являются въ названномъ письмѣ, направленномъ противъ моей книги,—г. Сосновскому, и „взявшемуся“ защищать его г. Боярскому,—о чемъ я зналъ впередъ, давно, еще въ Китаѣ, и о чемъ впрочемъ ни мало не сокрушаюсь, хотя я всегда съ большимъ почтеніемъ отношусь къ отзывамъ постороннихъ о моихъ трудахъ: здѣсь дѣло исключительное. Письмо ихъ выражаетъ плохо скрытое желаніе убѣдить общество въ томъ, что книгу Пясецкаго, описывающую его путешествіе, совсѣмъ не стоитъ читать, потому что она вовсе неинтересна; что, кромѣ личныхъ счетовъ автора съ г. Сосновскимъ, будто бы почти ничего не содержитъ; что она въ высшей степени неправдива, и, наконецъ, что авторъ только желалъ ввести общество въ заблужденіе, наговоривъ богъ-знаетъ чего на г. Сосновскаго, но что послѣдній—вполнѣ достойный уваженія человѣкъ; или, выражаясь словами письма, что оба мои тома—ничто иное какъ „масса лжи и клеветы“... Мнѣ припомнились тутъ слова, сказанныя Livray, что „клеветникъ, будучи не въ состояніи возвыситься до честнаго человѣка, старается унизить его до себя“... И вотъ, по письму выходитъ, что я поступилъ именно такъ: полтора года старался я возвыситься до г. Сосновскаго,—не

могъ; и съ досады написалъ книгу въ цѣлыхъ тысячу страницъ съ единственною цѣлью „унизить его до себя.“

Въ письмѣ, отъ лица фотографа Боярскаго, авторомъ говорится слѣдующее:

„Мнѣ, а тѣмъ болѣе читающей публикѣ, нѣтъ дѣла до взаимныхъ отношеній, существующихъ между гг. Пясецкимъ и Сосновскимъ; это ихъ личные счеты“.

Тѣ изъ читателей, кто успѣлъ познакомиться съ моею книгою, уже знаютъ,—а незнакомые съ нею тотчасъ увидятъ,—что́ это за „взаимныя отношенія“, есть ли до нихъ дѣло читающей публикѣ и что́ это за „личные счеты“. Со мною ли только приходится считаться г. Сосновскому, или же съ этимъ самымъ обществомъ, которому до всего есть дѣло и должно быть до всего дѣло. Оно не въ правѣ убаюкивать себя противоположной фразой, и убаюкивать его ею въ данномъ случаѣ—преступно: кто же не знаетъ, что общественная жизнь и жизнь цѣлыхъ государствъ, есть ничто иное, какъ сумма хорошихъ и худыхъ „личныхъ“ дѣлъ, и что общество за первыя почитаетъ, а за вторыя караетъ, чтобъ они не находили себѣ подражателей... И такъ, вопросъ въ томъ: что такое представляетъ собою моя послѣдняя работа по командированію меня въ Китай,—извѣстное ли преступное дѣяніе, унижающее прежде всѣхъ меня самого, а также нашу печать, и оскорбляющее общество, или только добросовѣстно исполненный трудъ, за какой его приняли всѣ, непринимавшіе участія въ экспедиціи капитана Сосновскаго?...

Но прежде, чѣмъ перейти къ предмету небезъинтереснаго возникающаго спора, т. е. къ содержанію моей книги,—читателямъ, которые, какъ безпрестанно бываетъ, поставлены въ положеніе присяжныхъ судей, необходимо познакомиться съ краткой исторіей „Письма въ редакцію“, чтобы все для нихъ стало ясно, и чтобы имъ легче было рѣшить, которую изъ сторонъ признать правой, которую виновной; въ книгѣ ли моей заключается клевета, или клеветникомъ является авторъ „второй Экспедиціи въ Китай“? Вопросъ, какъ видите, хотя и личный, но далеко не маловажный, потому что касается совсѣмъ не самолюбія маленькихъ людей, каковы мы всѣ—члены бывшей экспедиціи, а большого литературнаго труда, имѣющаго полу-оффиціальный ха-

рактеръ, книги, въ которой передаются не только мои путевыя впечатлѣнія и наблюденія, а разсказывается довольно подробно и о томъ, какъ совершила свой путь правительственная экспедиція, стоившая казнѣ не 8450 руб., какъ гласила первоначальная смѣта, а 36,071 р. (не считая другихъ денегъ, отпущенныхъ на нее же); говорится о томъ, какъ исполнила она данныя ей порученія, и къ такимъ ли привела результатамъ, какихъ въ правѣ были ожидать отъ нея и правительство, и общество.

Въ чемъ же заключается исторія „Письма въ редакцію" и что объясняетъ она? Какъ всякая исторія, она проста, но, какъ исторія, объясняетъ очень многое.

Я охотно не коснулся бы этого вопроса, не смотря на всю его важность для настоящаго дѣла, если бы не былъ обязанъ дать обществу, и особенно нѣкоторымъ представителямъ его, объясненіе въ томъ, почему мой отвѣтъ не появился досихъ поръ ни въ томъ же „Голосѣ", гдѣ всѣ и ожидали его встрѣтить, ни въ какой другой газетѣ? Отвѣтомъ-то на этотъ послѣдній вопросъ и служитъ несложная исторія названнаго письма...

Я познакомился съ нею, когда мнѣ пришлось посѣтить редакцію „Голоса" съ просьбою помѣстить въ газетѣ мое возраженіе, а также и другія редакціи, когда первая отказалась принять мой отвѣтъ, не смотря на извѣстную статью закона о печати, гарантирующую личность каждаго отъ безнаказанныхъ и незаслуженныхъ оскорбленій. Она говоритъ: если въ повременномъ изданіи появится извѣстіе, касающееся частнаго лица, то изданіе сіе не можетъ отказать въ принятіи сообщенныхъ ему тѣмъ лицомъ возраженій и поправокъ, а напечатать это возраженіе безплатно, и въ размѣрѣ даже вдвое болѣе противъ статьи его вызывающей... Не зная за собою никакой вины передъ редакціей „Голоса", я былъ удивленъ; но не настаивалъ, и не пожелалъ достигать своего права принудительными мѣрами, а предпочелъ обратиться къ другому органу печати, который изъявилъ полную готовность помѣстить мой отвѣтъ, не стѣсняясь объемомъ. Но многими мнѣ было справедливо замѣчено, что напечатаніе его въ другой газетѣ далеко не можетъ имѣть одинаковаго значенія, какъ въ той же самой, и, кромѣ того, что его необходимо помѣстить непремѣнно

въ томъ же году, такъ какъ многіе подписчики на газету прекращаютъ выписываніе ея. Это заставило меня снова обратиться въ редакцію „Голоса“ и повторить свою просьбу. На этотъ разъ статья моя была принята и мнѣ обѣщали, по разсмотрѣніи ея, увѣдомить меня или даже прямо прислать корректурные листы.

Это было только въ первой половинѣ прошлаго декабря, а за два мѣсяца передъ тѣмъ, какъ сообщили мнѣ въ нѣскольких редакціяхъ, въ Петербургъ пріѣзжалъ изъ Ростова-на-Дону фотографъ Боярскій и усиленно хлопоталъ о напечатаніи какого-то письма въ защиту г. Сосновскаго и направленнаго противъ моей книги. Но оно не было принято по слишкомъ рѣзкому тону и его полной бездоказательности, такъ какъ ссылка на его собственный, ненапечатанный дневникъ не была принята за доказательство. Тогда тонъ письма былъ смягченъ, доказательства обвиненій усилены; но они все-таки оказались слабыми и письмо для печати неудобнымъ, „потому что—объяснили ему— нельзя же компрометировать большой и серьезный литературный трудъ, не имѣя несомнѣнныхъ, осязательныхъ доказательствъ возводимыхъ на него обвиненій въ искаженіи фактовъ, и не имѣя, наконецъ, никакого заявленія со стороны самого защищаемаго лица, которое само должно быть гораздо болѣе заинтересовано книгою“, чѣмъ г. Боярскій,—т.-е. г. Сосновскаго. Тогда въ Петербургъ пріѣзжаетъ послѣдній и начинаетъ, совмѣстно съ г. Боярскимъ, усиленно хлопотать о напечатаніи письма въ одной, въ другой, въ третьей и т. д. редакціяхъ; но оба они вездѣ получаютъ отказъ, несмотря на предъявленіе огромнаго количества разнаго рода какихъ-то „документовъ“, даже „за нумерами“, будто-бы „несомнѣнно доказывающихъ преступную лживость моей книги“ и справедливость словъ написаннаго на нее возраженія. Наконецъ имъ удалось убѣдить редакцію „Голоса“ тѣмъ, что настоящее „Письмо“ есть лишь краткое извлеченіе изъ „большой серьезной работы самого полковника Сосновскаго, которая уже печатается“, и въ ней „документально и по страницамъ изобличается вся моя книга въ самомъ грубомъ искаженіи истины“. Редакція соглашается принять это, какъ нѣмцы говорятъ, „впередъ бѣгущее сообщеніе“, но съ слѣдующею оговоркою отъ себя: „На-

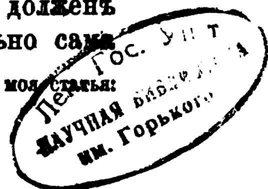
сколько намъ извѣстно, въ одномъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ появится вскорѣ обстоятельное разъясненіе полковника Сосновскаго всѣхъ недоразумѣній, вызываемыхъ книгою г. Пясецкаго."

Этимъ редакція какъ бы снимала съ себя всякую отвѣтственность за содержаніе письма. И такъ, оно напечатано (28 ноября); подъ нимъ подписана фамилія г. Боярскаго и его званіе, какъ участника бывшей экспедиціи, благодаря чему оно получило значеніе и силу свидѣтельскаго показанія... Обстоятельство самое важное.

Мой отвѣтъ вскорѣ написанъ и переданъ въ редакцію. Я ожидаю напечатанія его или какого-нибудь отвѣта, но ни того, ни другаго нѣтъ. Справляюсь, — передо мной извиняются, говоря, что еще не успѣли просмотрѣть рукопись, но обѣщаютъ непремѣнно напечатать ее въ нынѣшнемъ году, ни мало не стѣсняясь ея размѣрами, такъ-какъ, по словамъ редактора, „подобные счеты между знакомыми людьми не имѣютъ мѣста *)." Наконецъ, только 27 декабря мнѣ возвращаютъ рукопись съ чьими-то помѣтками и какими-то странными надписями, и самымъ категорическимъ образомъ объявляютъ, что возраженіе мое „ни въ какомъ случаѣ напечатано быть не можетъ и не будетъ"... Почему,—это и для меня, и для читателей безразлично;—важенъ лишь фактъ отказа, и то, что ни на одну уважительную причину мнѣ указать не могли, покрайней мѣрѣ не указали. Отказъ былъ тѣмъ болѣе страненъ, что ни за объемъ моего отвѣта, ни за характеръ его изложенія и даже многое въ его содержаніи я вовсе не стоялъ, и многое готовъ былъ бы выпустить или измѣнить; редакціи это было извѣстно. И такъ:

Вотъ причина, почему отъ меня не явилось никакого возраженія до окончанія прошлаго года. Въ другихъ редакціяхъ мнѣ отвѣчали, что теперь или время упущено, или размѣръ статьи великъ, или она не имѣетъ того интереса, какъ въ той же газетѣ, гдѣ напечатано вызвавшее ее „Письмо", и т. п. *Вотъ почему не явилось моего возраженія ни въ какой другой газетѣ.* Къ сказанному выше долженъ прибавить, что редакція „Голоса" очень настоятельно сама

*) Въ іюлѣ 1880 въ „Голосѣ" (№№ 198, 199) была напечатана моя статья: „Вѣроятна ли война Китая съ Россіей?"

предлагала помѣстить коротенькое заявленіе отъ меня, примѣрно въ такомъ духѣ: что „я считаю письмо г. Боярскаго не достаточно серьезнымъ, чтобы на него отвѣчать, а предпочитаю обождать появленія статьи защищаемаго имъ самого полковника Сосновскаго“.. Я былъ согласенъ, но съ однимъ условіемъ, — съ ограниченіемъ этого ожиданія извѣстнымъ временемъ:

— А если его статья не появится напримѣръ мѣсяцъ и два, спросилъ я г. редактора: — вы тогда напечатаете мое возраженіе на это письмо? Но получаю въ отвѣтъ, что это будетъ рѣшительно невозможно, потому-что нельзя же газетѣ говорить одно, а дѣлать другое... *Этимъ самымъ меня лишили возможности сдѣлать и предварительное краткое заявленіе.* Но онъ увѣрялъ меня, что г. Сосновскій уже печатаетъ свою подробную статью, только теперь уже не въ журналѣ, какъ предполагалъ раньше и какъ сказано въ замѣткѣ отъ редакціи, а отдѣльной книгой, такъ-какъ работа его разрослась до неожиданно-большихъ размѣровъ, и что она въ самомъ непродолжительномъ времени должна выйти въ свѣтъ. Мнѣ даже обѣщали прислать нѣкоторые листы ея, но я отклонилъ отъ себя это предложеніе, считая чтеніе листовъ чужой неизданной книги, безъ разрѣшенія автора, такимъ же неблаговиднымъ дѣяніемъ, какъ и чтеніе напримѣръ чужихъ рукописей, довѣряемыхъ только редакціи.

И такъ, читатели пока знаютъ, что о напечатаніи „Письма“ дѣятельно хлопотали двое: защитникъ Боярскій и его кліентъ. А сейчасъ они узнаютъ еще нѣчто другое.

Какъ искренно, казалось, вѣрила въ существованіе и печатаніе книги г. Сосновскаго редакція „Голоса“, такъ ни одной секунды не вѣрилъ я, не только въ ея „скорое“ появленіе въ свѣтъ, а и въ самую возможность напечатанія имъ не только такой книги, а даже не важной по объему журнальной статьи; не вѣрилъ и не могъ вѣрить именно потому, что она должна была служить изобличеніемъ меня въ неправдѣ, будто бы дозволенной себѣ мною въ моемъ описаніи нашего путешествія. Положимъ, что людямъ свойственно заблуждаться, и кто не ошибался; но и до сихъ поръ я остаюсь съ самымъ глубокимъ убѣжденіемъ, что ни одного сколько-нибудь дѣльнаго и серьез-

наго возраженія, хотя бы на самый ничтожный фактъ, разсказанный въ моей книгѣ, г. Сосновскій сдѣлать не въ состояніи, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, представить „дѣйствительныя" доказательства того, что „дѣйствительность есть ложь" и что „дѣйствительности" не было... Я былъ убѣжденъ въ этомъ всегда,—и въ самомъ Китаѣ, и въ Россіи, по возвращеніи экспедиціи; и доказательствъ тому, что я не ошибаюсь, было и есть много; а въ „Письмѣ" для меня явилось еще новое, послѣднее и самое яркое, доказательство того, что въ немъ раскрылся весь арсеналъ г. Сосновскаго для борьбы со мною, что къ сказанному въ этомъ письмѣ прибавить что нибудь болѣе вѣское онъ рѣшительно не можетъ. Не отрицаю того, что онъ въ состояніи исписать и испечатать много бумаги, но все это будетъ ни на волосъ не сильнѣе того же письма...

Да, вѣдь, оно написано не имъ,—можетъ мнѣ возразить при этихъ словахъ не посвященный въ дѣло читатель,— такъ на чемъ же основана такая ваша увѣренность?..

А она основана на другой непоколебимой увѣренности, что и все письмо отъ начала до конца сочинено не г. Боярскимъ, а г. Сосновскимъ, и лишь подписано чужимъ именемъ.

Читателямъ угодно знать, на чемъ основано мое убѣжденіе? На самомъ простомъ, но и самомъ прочномъ фундаментѣ,—на знаніи, какъ дѣла экспедиціи, такъ и лицъ, принимавшихъ въ ней участіе... Можетъ быть, многое въ моихъ словахъ кажется пока слишкомъ поспѣшнымъ, преждевременнымъ, или моимъ собственнымъ заблужденіемъ,— но, вѣдь, вдругъ всего не скажешь. Читайте дальше.

Могу ли я не знать дѣла, описаннаго мною въ книгѣ съ такою подробностью? Могу ли не знать лицъ, съ которыми прожилъ почти изо дня въ день по крайней мѣрѣ годъ, и не отворачивался отъ нихъ, а, напротивъ, изучалъ ихъ, потому что они сами меня интересовали. Съ гг. Боярскимъ и Сосновскимъ мы, къ сожалѣнію, скоро разошлись; но люди во враждѣ изучаются, пожалуй, еще лучше, чѣмъ когда находишься съ ними въ дружбѣ. И я, дѣйствительно, многое проглядѣлъ вначалѣ, когда между нами существовала еще дружба, и во многомъ, что называется, опростоволосѣлъ... И такъ, ни въ какомъ случаѣ не могъ я не узнать того, что принадлежитъ г. Сосновскому, какъ не могъ не знать,

наоборотъ, что, данное письмо ни въ какомъ случаѣ не можетъ принадлежать перу г. Боярскаго, потому что онъ, по степени своего образованія, не въ состояніи пускаться въ какую бы то ни было литературу; съ другой же стороны,—самоотверженно подписаться подъ чужимъ письмомъ можетъ,—это я могу допустить, очень легко...

Знай я впередъ, что мнѣ предстоитъ необходимость написать статью, подобную настоящей, я бы пріобрѣлъ и приберегъ нѣсколько образцовъ произведеній его пера, но въ настоящую минуту могу предложить на разсмотрѣніе читателей только двѣ копіи съ его росписокъ въ полученіи денегъ, приложенныхъ бывшимъ начальникомъ къ „Дѣлу Экспедиціи" (стр. 116), въ числѣ другихъ оправдательныхъ документовъ по расходованію суммъ. Вотъ онѣ:

Росписка первая. „*Подёмныя* деньги, изъ г. Омска *полученю* мною отъ подполковника Ю. А. Сосновскаго 600 р. 20 мая 1874 г. Въ г. *Хонькоу* получено мною 97 л. 4 ф. 8 января 1875 года (230 р.). Прогонныя деньги на перевозку разныхъ фотографическихъ вещей изъ Омска въ С.-Петербургъ получилъ (425 р.). Въ г. Омскѣ за *матерялы* и работу *некоторыхъ ресунковъ* и ихъ *испровленіе* послѣ крушенія 250 р. *Девести* пятьдесятъ руб. получено мною на уплату оныхъ *розходовъ*. Въ Иркутскѣ *куплёно Алкоголя, Эфира* и *Юдистыхъ солѣй* на сумму 50 р. *Всѣю* во время пути получилъ 1,555 р.".—Фотографъ А. Боярскій.

Росписка вторая. Получилъ отъ подполковника Ю. А. Сосновскаго 37 руб. на уплату столяру за рамы для *выстовки во Дворце*.—А. Боярскій.

Скажите теперь, могъ ли я хотя одну секунду думать, что вотъ этакій-то писатель есть авторъ названнаго письма, изобличающаго большой навыкъ въ сочиненіи различныхъ документовъ. Многіе того мнѣнія, что знаніе грамоты—дѣло совсѣмъ неважное и несущественное *); но навѣрно

*) Въ ред. „Голоса", напримѣръ, написали на моей рукописи противъ этихъ словъ слѣдующую фразу: „необразованные рыбаки проповѣдывали истину всему міру!" Но какъ велика и на сколько умѣстна тутъ приведенная аналогія, когда рѣчь идетъ о фальшивой подписи, предоставляю судить самимъ читателямъ. Я охотно приписалъ бы названное литературное произведеніе перу какого угодно „необразованнаго рыбака", если бы только въ этомъ произведеніи не замѣчалось очень рѣзкой двойственности въ особѣ его автора.

и въ вашемъ представленіи не вяжутся между собою, напримѣръ, эти „подёмныя деньги“ настоящаго г. Боярскаго съ „иронизированіями“ и „инсинуаціями“ г. Боярскаго-литератора; эти „некоторые ресунки“ перваго съ разными „компетентностями“ и „эшафодажами“ второго; эти „матерялы“ и „куплёно“ съ „фигюрированіями“, „пародіями“ и т. п. выраженіями, которыми авторъ письма съ непринужденной легкостью замѣняетъ недостающія ему русскія слова. Скажите теперь, можете ли вы, зная только это и ничего больше, признать г. Боярскаго авторомъ письма, которое по стилю, выраженіямъ и бойкости смѣлыхъ оборотовъ должно принадлежать человѣку, несомнѣнно много писавшему на своемъ вѣку?.. Полагаю, что вы, по крайней мѣрѣ, призадумаетесь... А развѣ можно не согласиться съ тѣмъ, что документы подобнаго рода, какъ „Письмо“, которое имѣетъ характеръ вполнѣ безпристрастнаго свидѣтельства, должны быть писаны самимъ лицомъ,—что въ подобныхъ случаяхъ даже редакція посторонняго участника не дозволительна. По крайней мѣрѣ я такъ понимаю: если я что нибудь свидѣтельствую и особенно съ цѣлью изобличенія, я не попрошу другаго сочинять мнѣ это свидѣтельское показаніе... Очень сожалѣю, что я говорю не на судѣ, а то бы мнѣ стоило только обратиться къ предсѣдателю съ просьбою попросить г. Боярскаго написать собственными силами нѣсколько строкъ на заданную тему, хотя бы напримѣръ на нехитрую фразу, взятую изъ подписаннаго имъ письма: что разумѣетъ онъ хоть подъ словами „въ смыслѣ историческомъ, географическомъ и бытовомъ“, и почему онъ находитъ, что книга моя даетъ въ этомъ смыслѣ очень мало?.. Тогда бы судъ увидалъ, что онъ за сочинитель, и можетъ ли рѣшиться на критику чужихъ сочиненій!..

Что же касается до содержанія письма, то даже совсѣмъ непосвященному въ дѣло читателю непонятно, почему г. Боярскій такъ разгнѣванъ, и моя книга произвела на него „невыносимо-тяжелое впечатлѣніе“, когда въ ней о немъ почти не говорится, а обо всемъ, что было въ немъ хорошаго, упоминается, напримѣръ объ его хорошей подготовкѣ въ фотографическомъ искусствѣ, о его трудолюбіи и объ исполненныхъ имъ работахъ? Почему онъ такъ страстно вступается за г. Сосновскаго, и, не представляя

никакихъ очевидныхъ для читателей доказательствъ, возвышаетъ его на пьедесталъ, просто говоря въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что экспедиція „обязана ему многимъ и главнымъ образомъ тѣмъ, что она прошла такъ благополучно и открыто черезъ весь Китай". „Онъ" говоритъ это, забывая, что самъ же вмѣстѣ со всѣми остальными чуть не погибъ отъ жажды только по винѣ г. Сосновскаго. Отчего онъ въ „Письмѣ", по крайней мѣрѣ, не отрицаетъ этого... Вѣдь объ этомъ у меня разсказано ясно... Но всѣ эти рѣчи нужны только для другихъ, а не для меня, который все знаетъ и который прочелъ въ „Письмѣ" гораздо больше, чѣмъ можетъ прозрѣть обыкновенный читатель. Въ немъ не было для меня ничего новаго, кромѣ того, что придумано для обличенія моей книги въ искаженіи истины. Всѣ выраженія хорошо мнѣ извѣстны; давно всѣ ихъ я слышалъ отъ г. Сосновскаго, и всѣ онѣ сводятся къ одному знаменателю: „не выносить сору изъ избы, а хранить „голые" и „сухіе" факты, которые онъ потомъ самъ освѣтитъ, хранить въ небольшомъ кружкѣ лицъ, участвовавшихъ въ экспедиціи". Мнѣ отлично знакомы эти запрещенія не разглашать про экспедицію ничего дурнаго, даже словесно, не только печатно. Сколько разъ слышалъ я эти угрозы, „другими свидѣтелями, документами", и т. п., что „противъ меня будутъ приняты мѣры", что „всему есть предѣлъ", что „въ дѣлахъ чести шутить нельзя"... Не тотъ же ли смыслъ всего „Письма"? Припомнимъ его содержаніе; и я попрошу теперь читателя взглянуть на него съ этой новой точки зрѣнія, т.-е. какъ на произведеніе, если пока не самого полковника Сосновскаго, то, по крайней мѣрѣ, другого неизвѣстнаго автора, потому что кто же нибудь непремѣнно долженъ былъ сочинить его и предложить г. Боярскому для подписанія.

Вы помните, что авторъ письма, отрекомендовавшись бывшимъ фотографомъ при экспедиціи, извѣщаетъ читателя, будто бы онъ, получивъ „Путешествіе по Китаю", съ особеннымъ удовольствіемъ принялся за чтеніе его, и потомъ (точно строгій экзаменаторъ) „пожелалъ полюбопытствовать", какъ я „изложилъ въ литературной формѣ тѣ голые (?) и сухіе (?) факты, которыхъ онъ самъ былъ очевидцемъ и которые, сверхъ того, занесены имъ въ его сохранившійся

дневникъ“... Долго читалъ онъ мою книгу и все никакъ будто бы не могъ уразумѣть, про какую это экспедицію въ Китай разсказывается въ ней хорошо знакомымъ ему авторомъ?.. И уже съ этого мѣста начинается фальшь, потому что все это объяснено у меня на первыхъ двухъ страницахъ. Наконецъ, онъ мало-по-малу убѣждается въ томъ, что я описываю ту самую „учено-торговую“ экспедицію, начальствовалъ надъ которою капитанъ Сосновскій, очень плохо оправдавшій это первое серьезное порученіе правительства, о чемъ и упоминается въ моей книгѣ, по ходу самыхъ описываемыхъ событій. Тогда авторъ письма, забывъ что онъ только „самый скромный и невидный участникъ экспедиціи“, т. е. фотографъ, неожиданно возмущается плохо объяснимымъ негодованіемъ и восклицаетъ:

«Но, Боже мой, что сдѣлалъ въ такомъ случаѣ г. Пясецкій съ дѣйствительностью; съ какимъ уваженіемъ относится онъ, въ своемъ сочиненіи къ правдѣ, людской совѣсти и суду общественнаго мнѣнія...“

Онъ недоумѣваетъ далѣе,—„для какой цѣли вышла моя книга въ свѣтъ“, и высказываетъ предположеніе, что я „сочинилъ её только для собственнаго прославленія, пользуясь для этого матеріаломъ бывшей экспедиціи и въ частности глумленіемъ надъ личностью бывшаго ея начальника“ г. Сосновскаго, надъ которымъ я „начинаю съ первыхъ же страницъ“ будто бы „иронизировать и затѣмъ съ неослабнымъ рвеніемъ продергивать его чуть не на каждой страницѣ двухъ объемистыхъ томовъ“... Что, будто бы, „безпощадно черня г. Сосновскаго самыми гнусными инсинуаціями“, я „тѣмъ самымъ какъ бы подготовляю темный фонъ, на которомъ рельефнѣе бы обрисовывалась личность самого автора“... Потомъ, какъ бы ничего не зная, какая горькая участь постигла „Отчетъ“ г. Сосновскаго, (см. ниже) онъ восклицаетъ: „но вѣдь, каждый даетъ только то, на что способенъ“... Я оказываюсь у него „лишь великимъ мастеромъ картинно извращать самые простые факты, подчасъ безцеремонно сваливая съ своей больной головы на чужую здоровую“ и т. д. въ этомъ родѣ. Затѣмъ, будто бы тотъ же фотографъ Боярскій находитъ, что книга моя „представляетъ“, къ его сожалѣнію, „очень мало научнаго интереса въ смыслѣ бытовомъ, географическомъ или

историческомъ, равно какъ не даетъ никакихъ матерьяловъ для ознакомленія съ задачами и результатами экспедиціи". (Новая неправда, потому что всѣ результаты ея перечислены подробно, и о задачахъ сказано на первой же страницѣ; кромѣ того, онѣ объяснены подробнѣе въ приложеніи). Далѣе—слѣдуетъ наборъ разнообразныхъ выраженій, съ цѣлью оскорбить автора непріятной книги, а также совершенно непонятныхъ для читателя предположеній, „удивленій моей смѣлости", намековъ и угрозъ.

Доказательствъ пока не приводится никакихъ, но за то это предоставляется г. Сосновскому, котораго авторъ письма проситъ „не медлить обнародованіемъ всего, что требуется, чтобъ вывести общественное мнѣніе изъ заблужденія, въ которое „я" постарался такъ ловко ввести его". Наконецъ, онъ объявляетъ, что „не можетъ *теперь же* (?) не возвысить своего голоса", и „какъ живой свидѣтель всего происходившаго" передъ его глазами не „опровергнуть невѣрность приводимыхъ" мною „фактовъ изъ обыденной жизни экспедиціи," ссылаясь на свой дневникъ, фотографическіе снимки и на мое сочиненіе, будто бы, противорѣчащее себѣ во многихъ мѣстахъ.

Наконецъ, чувствуя горькую необходимость представить читателямъ доказательства своихъ многочисленныхъ и столь опредѣленно высказанныхъ, голословныхъ обвиненій, какъ моей книгѣ, такъ и лично мнѣ, авторъ письма „беретъ на выдержку" нѣсколько „фактовъ"... И послѣ грознаго и, можно сказать, зловѣщаго вступленія, онъ вдругъ заводитъ рѣчь объ одной „сигарѣ", о своемъ часѣ пробужденія отъ сна, въ день 30 марта, о „банкѣ съ насѣкомыми", о ничтожныхъ подаркахъ, о безсодержательныхъ разговорахъ и ничтожной операціи, о „смѣшной тревогѣ" и еще болѣе смѣшныхъ обезьяньей „шуркѣ и обезьяньихъ лапахъ"—вотъ и все... И ни одного-то серьезнаго факта, ни одного правдиваго слова не встрѣчаешь и во всей этой части „Письма". Кто прочелъ его, тотъ самъ видѣлъ, даже ничего предварительно не зная, весь комизмъ и всю просто неизвинительную слабость приведенныхъ примѣровъ, не говоря уже о томъ новомъ и еще болѣе комичномъ явленіи, что всѣ эти примѣры наивно считаются доказательствами, для опроверженія моей „напечатанной" книги, только потому, что

въ еще сохранившемся, но „въ печать не предназначающемся“ дневникѣ г. фотографа „факты“ оказываются записанными иначе, чѣмъ у меня.... Это — доказательства дѣйствительно „неопровержимыя“, ибо сколько можно создать такихъ „еще сохранившихся дневниковъ“, и съ какимъ содержаніемъ!.. особенно предоставивъ себѣ скромное право обвинять другихъ, въ чемъ будетъ нужно въ каждый данный моментъ, при помощи такихъ выраженій, какъ „можетъ быть, были еще и другія вещи, но я увѣренно сказать не могу“... А именно такія выраженія употребляются въ письмѣ для приданія ему большей силы.

Мы еще возвратимся къ этимъ оригинальнымъ „доказательствамъ“, а теперь я только утверждаю тотъ фактъ, что и *эти-то наивные примѣры всѣ сочинены поневолѣ и потому ложны отъ перваго до послѣдняго слова.* Прошу принять это пока на вѣру, но принять въ буквальномъ смыслѣ.

Теперь читатели желаютъ знать, кто же настоящій авторъ „письма г. Боярскаго?“ Какъ его найти? Неужели самъ г. Сосновскій? И если дѣйствительно онъ, то какъ въ этомъ убѣдиться? Для этого требуется только вниманіе...

Читатели очень хорошо понимаютъ, что когда человѣкъ поставилъ себя въ необходимость писать ложное обвиненіе на другаго, подъ чужимъ именемъ, то онъ, сочиняя письмо отъ имени третьяго лица, конечно, сдѣлаетъ это возможно акуратнѣе, чтобы нигдѣ ни въ полусловѣ не оставить слѣда, по которому бы можно было угадать, что за спиною подписавшагося укрывается настоящій сочинитель; и развѣ - что по случайной оплошности проглядитъ онъ какъ-нибудь „неспрятанный въ воду конецъ“... Такой конецъ въ „Экспедиціи въ Китай“ какими-то судьбами авторъ дѣйствительно забылъ схоронить и выдалъ себя. Но я убѣжденъ, что сколько бы разъ и съ какимъ бы напряженнымъ вниманіемъ ни прочли вы знаменательнаго „Письма“, вы ни за что не замѣтили бы и не открыли бы его сами. Поэтому я приведу предательское мѣсто письма, которое заставитъ васъ самихъ назвать его оффиціальнаго автора, т.-е. фотографа г. Боярскаго, г. Сосновскимъ... Въ немъ подлинныя слова самого письма превращаютъ одного въ другаго на основаніи самаго простаго закона логики, по которому, — какъ нельзя начинать свою рѣчь словами —

„во-вторыхъ“, такъ никто не вправѣ сказать про себя, — „когда же я продолжалъ“ дѣлать то или другое, если онъ раньше не заявилъ, что онъ это дѣйствіе уже началъ *). Такъ какъ этотъ законъ основанъ на простомъ здравомъ смыслѣ, то противъ него не погрѣшаетъ ни одинъ простолюдинъ; а слѣдовательно, и отъ самаго „необразованнаго рыбака“ нельзя было бы ожидать, чтобы онъ сдѣлалъ ошибку противъ здраваго смысла; г. же Боярскій недостаткомъ его вовсе не страдаетъ и такой ошибки сдѣлать не могъ.

Теперь извольте читать слѣдующее мѣсто письма, въ которомъ всѣ выраженія, какъ: „я“, „мнѣ“ и т. п. должны, конечно, принадлежать его автору? — Не такъ ли? Посмотрите же, къ какому заключенію приводитъ васъ одна съ виду незначительная фраза въ приведенномъ отрывкѣ.

Разсказавъ, какъ въ моей книгѣ переданъ эпизодъ съ присланными отъ генералъ-губернатора Западнаго Китая подарками, авторъ письма говоритъ:

„Въ дѣйствительности же этотъ случай съ подарками происходилъ такъ: Пясецкому, Матусовскому, Андріевскому и мнѣ было прислано цзо-цун-таномъ, сверхъ двухъ кусковъ матеріи, по сто ланъ на каждаго. *На замѣчаніе г. Сосновскаго*, что деньги—не подарокъ и принимать ихъ нельзя, тотъ же г. Пясецкій, и *только онъ одинъ*, —(это напечатано даже курсивомъ), при молчаливомъ соучастіи г. Матусовскаго, возражалъ начальнику экспедиціи и настаивалъ, что въ подобной формѣ подарка нѣтъ ничего оскорбительнаго, что это тотъ же китайскій обычай. „Я тоже—продолжалъ докторъ—могу отдарить цзо-цунъ-тана, пославъ ему свой микроскопъ, стоющій сто рублей (сто же ланъ составляютъ болѣе двухъ сотъ металлическихъ рублей). Разговоръ этотъ происходилъ при всѣхъ. *Когда же я продолжалъ протестовать*, то г. Сосновскій обратился ко мнѣ съ словами: „Пясецкій, какъ видите, принимаетъ, а вы, все-таки, отказываетесь?“, на что я тогда же отвѣчалъ: „Пясецкій можетъ подарить свой микроскопъ, а я не могу ничего, потому что ничего не имѣю“.

Допустите теперь, что все, сказанное здѣсь, сущая правда,—пока не въ этомъ дѣло, — а обратите вниманіе

*) Неизвѣстный рецензентъ находитъ, что „честные“ люди не обязаны будто бы подчиняться законамъ логики: на моей рукописи, разсматривавшейся, какъ сказано въ редакціи „Голоса“, кто-то написалъ такое возраженіе: „а право честнаго человѣка“!.. Непонятно... Развѣ-что право нарушать также и законы логики присвоиваютъ себѣ тѣ „честные“ люди, для которыхъ подписаться подъ чужимъ письмомъ—дѣло вполнѣ дозволительное... Тогда—такъ!.

только на порядокъ событій, а именно: принесены подарки; г. Сосновскій дѣлаетъ замѣчаніе, — *протестуетъ* противъ принятія ихъ; г. Пясецкій настаиваетъ на послѣднемъ. Разговоръ этотъ происходитъ при всѣхъ, но *всѣ остальные*, какъ видно изъ письма, *молчали*. Итакъ, до сихъ поръ говорили только двое: г. Сосновскій, начавшій протестъ, и г. Пясецкій, возражавшій ему. Вы читаете дальше и, дойдя до словъ: „*Когда же я продолжалъ протестовать*", видите, что авторъ (если считать имъ г. Боярскаго) дѣлаетъ невозможную и непонятную ошибку противъ указаннаго выше здраваго смысла:—какъ же онъ можетъ „*продолжать* протестовать", когда онъ никакого протеста, какъ опять видно изъ письма, не начиналъ?!..

Объясняйте, какъ и чѣмъ угодно, происхожденіе этой ошибки, и вы увидите, что сколько бы вы не придумывали случайностей, какихъ бы ни допускали предположеній, вамъ не удастся ничѣмъ объяснить ея происхожденія,—ни незнаніемъ грамматики, ни для всякаго возможной ошибкой, ни типографской погрѣшностью... Подставляйте вмѣсто „я" чье угодно имя, ничего не выйдетъ, кромѣ того, что „я" здѣсь ни въ какомъ случаѣ г. Боярскимъ быть не можетъ. Но какъ, по пословицѣ, слова изъ пѣсни не выкинешь, такъ нельзя выкинуть изъ письма и фразу „когда же я продолжалъ протестовать"... „Я" находится тутъ, на лицо, и, какъ мѣстоимѣніе, требуетъ вмѣсто себя имени. Чье же имя оно замѣняетъ? Какому оно лицу принадлежитъ? Тому, безъ сомнѣнія, *кто могъ* сказать: „когда же я продолжалъ протестовать". А могъ это сказать только тотъ, о комъ говорится въ письмѣ, что онъ сдѣлалъ „замѣчаніе, что деньги не подарокъ и принимать ихъ нельзя";—могъ сказать тотъ, кому на это замѣчаніе возражали и тѣмъ заставили „продолжать протестовать"... Кто же это? Назовите... Да; выходитъ, что г. Сосновскій. Возразить тутъ нечего; и на моей рукописи въ редакціи никакого замѣчанія сдѣлано не было. Но надо же объяснить, какъ могла вкрасться подобная ошибка, если она сдѣлана г. Сосновскимъ?.. И какъ трудно было что-нибудь придумать въ первомъ случаѣ, т.-е. чтобъ приписать обличающую фразу г. Боярскому, допуская, что письмо писалъ онъ, такъ, наоборотъ, совершенно легко понять, какимъ об-

разомъ могла произойти подобная ошибка, если, какъ того требуетъ само письмо, считать сочинителемъ его г. Сосновскаго. А именно, ему для этого стоило только на секунду увлечься и забыть, что онъ пишетъ письмо не отъ себя, а отъ имени г. Боярскаго: вездѣ онъ, говоря отъ лица послѣдняго, писалъ „я"; и, говоря о себѣ, писалъ „г. Сосновскій" (или какъ во многихъ мѣстахъ во второй половинѣ письма—просто „Сосновскій", что тоже знаменательно); а тутъ, вмѣсто своей фамиліи, у него написалось „я", котораго требовала его редакція „эпизода съ подарками". Просмотрѣть вкравшуюся оплошность, или оговорку, при вторичномъ прочитываніи было тѣмъ легче, что свои мелкія ошибки всегда, какъ извѣстно, легче просматриваются; а здѣсь это было тѣмъ возможнѣе, что разсказъ о подаркахъ отъ генерала Цзо вышелъ у него лишеннымъ какого бы то ни было смысла, вслѣдствіе чего и читатели при бѣгломъ чтеніи этой ошибки не замѣчали. Надѣюсь,—понятно. Отсутствіе же смысла во всемъ приведенномъ разсказѣ и фальшь будутъ доказаны ниже.

Итакъ, читатели видятъ теперь, кто сочинялъ, заронившее въ ихъ душу сомнѣніе, свидѣтельское показаніе безпристрастнаго третьяго лица въ защиту г. Сосновскаго; того третьяго лица, которому будто бы ни до чего „нѣтъ дѣла" *), которое возвышаетъ свой голосъ только съ единственною цѣлью возстановить искаженную истину; которое въ письмѣ увѣряетъ редактора газеты, а слѣдовательно и общество, что говоритъ „по чистой совѣсти и съ искреннимъ убѣжденіемъ" и даже „принимаетъ на себя всѣ послѣдствія за все сказанное" и проч.... Читателямъ теперь стала вполнѣ понятна роль бывшаго фотографа при экспедиціи г. Боярскаго: дѣйствія такого рода предусмотрѣны закономъ и называются „*лжесвидѣтельствомъ*". Свидѣтельство же г. Боярскаго я называю „ложнымъ" не потому,

*) Г. Боярскій сталъ ко мнѣ въ открытыя враждебныя отношенія почти въ самомъ началѣ путешествія въ предѣлахъ Китая. Мы еще не доѣхали до Великой Стѣны, какъ онъ уже перестал говорить со мной, что и продолжалось во все остальное путешествіе. Первоначальной причины его негодованія на меня я не могу найти ни въ чемъ другомъ, кромѣ забавнаго опасенія, что мои дорожные рисунки могутъ будто бы быть опасными конкурентами его будущимъ фотографическимъ альбомамъ, отъ которыхъ они съ г. Сосновскимъ разсчитывали получить 100,000 р. и раздѣлить пополамъ (тысяча экземпляровъ по 100 руб.).

„О, злато, злато! Какъ много на землѣ творишь ты зла-то"..

что онъ несобственноручно написалъ письмо,—это еще можно бы извинить, если бы въ письмѣ заключалась правда,—а потому, что онъ, дѣйствительно знавшій все, что происходило въ экспедиціи, а слѣдовательно и обязанный знать, что въ моей книгѣ все разсказано точно такъ, какъ было, правдиво до послѣдняго содержательнаго слова,—подписывался подъ письмомъ, завѣдомо для него ложнымъ, и ложнымъ отъ перваго до послѣдняго содержательнаго слова.... Я могъ бы еще сильнѣе убѣдить читателей въ томъ, что г. Боярскій только обязательно предложилъ г. Сосновскому свое имя... изъ побужденій, до которыхъ намъ дѣла нѣтъ; я могъ бы набросать въ подробныхъ типичныхъ чертахъ портретъ этого, тогда еще почти юноши (лѣтъ двадцати съ небольшимъ); но я не имѣю права болѣе занимать вниманіе читателей его особой, непредставляющей внѣ сферы своей спеціальности никакого другаго интереса; и, на сколько я его изучилъ, онъ, мнѣ кажется, принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, для которыхъ невозможно даже раскаяніе. Прежде же мнѣ долго казалось, что, попади онъ къ другому начальнику, изъ него можно было бы сдѣлать и сноснаго товарища, и полезнаго спутника; но званіе „втораго начальника“ въ экспедиціи и предоставленная надъ всѣми власть, понятно, вскружили ему голову и сгубили его. Потворствовалъ же г. Сосновскій потому, что въ рукахъ г. Боярскаго, какъ производителя, были упомянутыя „сто тысячъ рублей въ перспективѣ“; и ему стоило только сложить руки или уничтожить сдѣланные негативы, и сто тысячъ разсѣеваются, какъ миражъ. Значитъ, не ублажать его было опасно.

Теперь читатели могутъ забыть г. „Боярскаго-литератора“ и помнить, что онъ только фотографъ, имя котораго еще встрѣтится кой-гдѣ въ дальнѣйшемъ разсказѣ; для насъ, если не интереснѣе, то несравненно больше значенія имѣетъ личность бывшаго начальника экспедиціи... Да теперь и все „Письмо“ получаетъ совсѣмъ иное значеніе; всѣ его выраженія пріобрѣтаютъ новый много-знаменательный и вполнѣ понятный смыслъ.

То, мимо чего непосвященные читатели проходили прежде безъ вниманія, теперь становится и для нихъ краснорѣчивымъ:—разоблачая весь внутренній міръ г. Сос-

новскаго; обнаруживая его полное безсиліе для борьбы съ моею книгой; дѣлая комичными нѣкоторые пріемы, которые имѣли смыслъ только въ устахъ другаго лица, и, наконецъ, призывая на него самого отвѣтственность передъ печатью и обществомъ за тѣ дѣйствительно важныя преступленія, которыя онъ хотѣлъ возвести на меня, не для того, чтобы преслѣдовать меня судомъ,—на это онъ не рѣшается,—а чтобы уронить меня въ глазахъ общества и вмѣстѣ съ тѣмъ подорвать довѣріе къ словамъ моей книги, думая что общество—безразсудное дитя, которое можно водить и проводить сколько угодно, всегда легко и безнаказанно, и забывъ, что я единица того же общества...

Вотъ для примѣра нѣсколько мѣстъ изъ „Письма", которыя теперь скажутъ вамъ гораздо больше, и совсѣмъ не то, что прежде. Онъ признается теперь самъ, что опровerженіе моей „объемистой" книги требуетъ и отъ него составленія такой же; что ему хотѣлось бы разсѣять такъ называемый „туманъ", (сквозь который всѣмъ слишкомъ ясно все видно), но онъ съ сожалѣніемъ признается, что это ему „не подъ силу". Словомъ, онъ видитъ, что затѣялъ не равную борьбу; это его раздражаетъ и онъ возлагаетъ всю надежду на обидныя фразы. Вотъ подтвержденія:

„Я могъ", говорится въ письмѣ, „привести опроверженіе лишь нѣкоторыхъ фактовъ" (ниже увидите, что это за опроверженіе и что это факты), „подобно которымъ (sic) наполнены оба тома г. Пясецкаго. Опроверженіе же всѣхъ ихъ, на основаніи фактическихъ данныхъ и свидѣтельскихъ показаній, потребовало бы составленія такой же объемистой книги, какъ и сочиненіе доктора...."

Съ послѣднимъ нельзя не согласиться. Но тогда, зачѣмъ же было и браться; или, покрайней мѣрѣ, зачѣмъ было вставлять слѣдующія неосмотрительныя слова:

„Хотѣлось бы прослѣдить отъ страницы до страницы всю книгу доктора, чтобъ разсѣять напущенный имъ туманъ (?!) и показать, что собственно останется отъ нея на долю истины. Къ сожалѣнію, мнѣ это не подъ силу...."

Да, смѣемъ думать!... И прибавляемъ, что если не подъ силу доказать что-нибудь, то благоразуміе требуетъ ужъ сидѣть смирно и молчать, а не говорить подобныя вещи:

„Буду, однако надѣяться, что общественное мнѣніе, надъ которымъ г. Пясецкій вздумалъ *безцеремонно издѣваться*, не оста-

нется долго въ заблужденіи и что *построенный, какъ видно опытною рукою, эшафодажъ лжи* будетъ уничтоженъ словомъ человѣка, болѣе меня компетентнаго и обладающаго всѣми необходимыми для того средствами....“

Прежде читатель думалъ, что въ этихъ словахъ „третьяго лица“ послѣднимъ дѣйствительно возлагается надежда на полковника Сосновскаго.... А теперь на кого же надѣяться! Кто теперь уничтожитъ „эшафодажъ лжи“, если пишущій эти строки есть самъ полковникъ Сосновскій?!.. А кто слышится вамъ въ этихъ словахъ,—посторонній ли свидѣтель, упомянутый ли фотографъ, или затронутый за живое самъ „оклеветанный“ г. Сосновскій:

„Разъ докторъ признаетъ возможность постановки такого вопроса“ (т.-е. не являются ли настоящія усложненія политическихъ дѣлъ съ Китаемъ прямымъ послѣдствіемъ нѣкоторыхъ нашихъ дѣйствій, напримѣръ въ г. Лань-Чжоу-Фу?), „*то я ему отвѣчу теперь же,* что если усложенія съ Китаемъ и имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ бывшей экспедиціи, то они являются послѣдствіемъ не „нѣкоторыхъ нашихъ дѣйствій“, и не въ Лан-чжеу, а исключительно образа дѣйствій самого г. Пясецкаго въ предѣлахъ нашего отечества, во время официальныхъ его визитовъ въ Омскѣ кому слѣдовало...“ (!!)

Вы видите, какъ плохо составлено письмо: то фотографа называютъ „самымъ скромнымъ и не виднымъ участникомъ экспедиціи“, то говорятъ отъ его лица такую сильную и серьёзную фразу, какъ только-что приведенная. Откуда же фотографу, котораго дѣло—сторона, по его собственнымъ словамъ, знать такія тонкія вещи, какъ причины политическихъ усложненій; и могло ли ему придти въ голову сваливать все на мои визиты къ кому-то, и не въ Китаѣ, а еще въ Омскѣ! И что значатъ слова—„*то я ему отвѣчу теперь же?*“—Вѣдь не Боярскій, а г. Сосновскій собирается отвѣчать мнѣ въ будущемъ, значитъ только послѣднему прилично выраженіе—„теперь же...“ Это опять недосмотръ!.. Спрашивается, можетъ ли теперь, послѣ всего сказаннаго, принадлежать г. Сосновскому, какъ автору такого безпримѣрнаго письма, право произносить слѣдующія слова:

„Но что же дѣлать, когда при чтеніи чуть не каждой страницы „Путешествія“ г. Пясецкаго, *возмущается чувство правды* и становится *обидно за печатное слово,* которымъ *ловкіе люди* могутъ такъ легко *морочить публику ради собственныхъ цѣлей...*“

Что теперь думаетъ читатель, когда слышитъ ихъ отъ самого г. Сосновскаго, а не отъ возмущеннаго „благороднаго“ свидѣтеля? Кто, оказывается, рискнулъ такъ безцеремонно издѣваться надъ общественнымъ мнѣніемъ? Чьею и какою рукою построенъ, можно сказать, невиданный „эшафодажъ лжи“? Позволительно ли теперь г. Сосновскому „обижаться за печатное слово“? Кто теперь тотъ „ловкій человѣкъ“, который осмѣлился было „морочить публику ради собственныхъ (и какихъ) цѣлей“?! Читайте дальше, и вы все увидите.

Раскрывъ теперь тайныя пружины „Письма въ редакцію“ и указавъ на другія средства, которыми противникъ хотѣлъ *лишить меня возможности отвѣчать на это письмо*, а также снявъ маски съ него и его сотрудника, я перейду къ моей книгѣ и покажу, даетъ ли она что-нибудь читателямъ; а также не скрою отъ нихъ, какой „туманъ“ напущенъ въ ней, въ чемъ заключаются мои „неясные“ намеки на что-то будто-бы недосказанное, необъясненное, но неблаговидное, касающееся особы г. Сосновскаго, имя котораго, къ сожалѣнію, дѣйствительно часто встрѣчается на ея страницахъ, но только, какъ главной помѣхи всякому хорошему стремленію, а отнюдь не какъ главнаго объекта моего изученія во время путешествія.

ИСТОРІЯ МОЕЙ КНИГИ.

ЕЯ ХАРАКТЕРЪ И СОДЕРЖАНІЕ.

„Ложь допускаетъ множество соображеній, но у правды только одна манера".

J. J. Rousseau.

Отправляясь въ путешествіе, я совершенно искренно вѣрилъ въ серьезность задачъ экспедиціи и въ стремленіе всѣхъ къ самому добросовѣстному исполненію ихъ, а потому и не имѣлъ никакихъ другихъ соображеній, кромѣ одного,—дѣлать свое указанное мнѣ дѣло, а если будетъ досугъ, то дѣлать и все другое, на что только хватитъ умѣнья; но главное, дѣлать и дѣлать,—пріобрѣтать какъ можно больше, собрать и привезти своей родинѣ все, что только встрѣтится интереснаго или важнаго и что не ускользнетъ отъ вниманія. У меня были спеціальныя задачи,—доставить свѣдѣнія о пройденныхъ нами странахъ въ естественно-историческомъ отношеніи, и я предполагалъ дѣйствовать по такому плану: кромѣ добыванія животныхъ, растеній и всякихъ другихъ образцовъ произведеній Китая, встрѣчающихся въ ихъ естественномъ состояніи или въ торговлѣ, вести подробное описаніе ихъ по отношенію къ мѣсто-нахожденію, ихъ распространенію, употребленію и т. п. Кромѣ того, на мнѣ лежала обязанность,—или по крайней мѣрѣ я ее такъ понималъ,—вести наблюденіе надъ здоровьемъ и болѣзнями туземцевъ, и, независимо отъ европейскихъ источниковъ, знакомиться посредствомъ бесѣдъ съ китайскими и монгольскими врачами, съ ихъ методомъ

леченія, средствами и вообще уровнемъ познаній ихъ въ медицинѣ. Я разсчитывалъ и на собственную обширную практическую дѣятельность въ Китаѣ, что мнѣ открывало въ тоже время самое широкое поле для наблюденій надъ бытомъ оригинальнѣйшаго и во многихъ отношеніяхъ мудраго народа, наблюденій, недоступныхъ для моихъ спутниковъ, которые имѣли каждый свои задачи. А ихъ работы распредѣлялись такъ: г. Сосновскій взялъ на себя изученіе товговли, военнаго дѣла и политическаго строя, а также, какъ онъ говорилъ много разъ, хотѣлъ „собирать легенды", существующія у китайскаго народа; г. Матусовскій, какъ офицеръ—топографъ, производилъ съемку и метеорологическія наблюденія, а кромѣ того предполагалъ вести подробный географическій дневникъ; его интересовалъ также вопросъ русской торговли въ Китаѣ. Кромѣ того, они совмѣстно должны были производить въ извѣстныхъ мѣстахъ астрономическія и физическія наблюденія для опредѣленія или провѣрки раньше опредѣленныхъ долготъ и широтъ данныхъ пунктовъ. Роль фотографа понятна, а я, какъ любитель живописи и отчасти самъ знакомый съ фотографіей, намѣревался помогать ему, гдѣ дѣломъ, гдѣ указаніями и совѣтомъ. Оставалась еще одна незанятая роль—вести общій дневникъ экспедиціи, и я еще въ г. Семипалатинскѣ поднималъ вопросъ о томъ, кто будетъ его вести; но тогда его какъ-то такъ замяли, какъ и многое другое; и мнѣ даже показалось, что начальникъ находилъ это совершенно лишнимъ; только я́, помню, говорилъ, что у меня одного едва ли найдется для этого время, и предлагалъ вести каждому свой, а на остановкахъ считываться и сводить его въ одно цѣлое, чтобъ по возвращеніи въ Россію онъ былъ почти готовъ къ печати. Таковы были наши задачи и планы,—мои по крайней мѣрѣ. Но имъ не суждено было осуществиться. Какъ и что вышло у другихъ, и если не вышло, то почему,—пусть говорятъ они сами, это ихъ дѣло, да я въ немъ и понимаю немного; помню только, что астрономическія наблюденія не удавались самымъ блестящимъ образомъ, а г. Сосновскій все поучалъ насъ о томъ, какъ ихъ нужно производить и обращалъ вниманіе на то, что, „главное, надо подкараулить полдень, т.-е. то мгновеніе, *когда солнце останавливается*", и говорилъ о томъ,

какъ это трудно, потому что это „моментъ чрезвычайно кратковременный". (Признаюсь, никогда раньше не слыхивалъ я ничего подобнаго)... И такъ, буду продолжать докладъ о моей собственной дѣятельности во время путешествія и ея результатахъ. Мои планы тоже далеко не сбылись,—многаго даже совсѣмъ не удалось сдѣлать, за то, наоборотъ, я пріобрѣлъ многое такое, о чемъ даже не помышлялъ. И г. Сосновскій совершенно справедливо дѣлаетъ мнѣ упрекъ въ письмѣ за № 7 отъ 4 апрѣля 1876 года (т.-е. уже по возвращеніи въ Россію). Онъ говоритъ:

„Что же касается художественнаго альбома и переводовъ изъ англійскихъ сочиненій, *) то въ смыслѣ отчетныхъ работъ они могутъ имѣть значеніе лишь настолько, насколько служатъ цѣлямъ, для которыхъ вы были командированы; я даже думаю, напротивъ, что самая масса этихъ побочныхъ работъ должна укрѣплять меня въ томъ убѣжденіи, какое я вынесъ за все время путешествія, что вами сдѣланъ minimum того, что слѣдовало и что можно было сдѣлать на почвѣ естественно-историческихъ изслѣдованій, еще нетронутой въ этихъ мѣстахъ".

Совершенно, говорю, справедливо, что мною сдѣланъ minimum по моимъ спеціальнымъ порученіямъ, а вмѣсто нихъ, выражаясь его словами пріобрѣтена,—„масса побочныхъ работъ"... (Онъ тогда еще не зналъ что готовятся еще два тома моего „Путешествія",—тоже „побочная" работа). Но несправедливо въ приведенномъ упрекѣ то, что будто бы мнѣ „*можно* было сдѣлать то, что слѣдовало". Вотъ въ этомъ-то и бѣда вся заключается, изъ-за этого-то и весь „сыръ-боръ загорѣлся", т.-е. въ томъ, что самъ предводитель и распорядитель нашъ, г. Сосновскій, такъ оригинально взглянулъ на экспедицію и такъ странно отнесся къ дѣлу и его исполнителямъ, что создалъ такія условія для своихъ спутниковъ, какъ-будто главной его заботой было,—чтобы никто изъ нихъ не сдѣлалъ за путешествіе ничего порядочнаго, какъ не сдѣлалъ ничего такого и онъ

---

*) Между дѣломъ мною, переведены, во время движенія въ лодкахъ по р. Хань въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, письма изъ путешествія по Китаю барона Рихтгофена, Отчетъ шанхайской торговой палаты и нѣкоторыя мѣста изъ сочиненія о Китаѣ W. Williams 'а.

самъ. Этотъ фактъ уже констатированъ; и напрасно въ его письмѣ въ редакцію „Голоса“ говорится, что:

„Г. Сосновскому мы обязаны многимъ, обязаны, главнымъ образомъ, тѣмъ, что русская экспедиція *прошла такъ благополучно и совершенно открыто черезъ весь Китай*, въ то время, какъ англо-индійская экспедиція Броуна окончилась умерщвленіемъ Мэргери и его товарищей.“ (И его товарищей?)

Во первыхъ, это—большой анахронизмъ, которому никто теперь уже не вѣритъ, а во вторыхъ, и очень неосмотрительный пріемъ, потому-что вдругъ какой-нибудь безпокойный читатель пожелаетъ узнать—чѣмъ именно „многимъ“ обязана экспедиція г. Сосновскому? Придется отвѣчать или молчать; а молчаніе на вопросъ—всегда замѣтно; да наконецъ такой любознательный человѣкъ и самъ справиться можетъ, а справка — моя книга. Въ третьихъ, что это за отрицательная заслуга, что экспедиція не погибла! Отчего же ей было погибать въ такой благословенной странѣ, какъ цивилизованный и добродушнѣйшій Китай?!.. Въ письмѣ говорится объ убійствѣ г. Мэргэри—и, по пути, его товарищей... Но убійство г. Мэргэри—дѣло темное, такъ-какъ въ запискахъ покойнаго, какъ своевременно было сообщено въ North China Herold (можно найти и NN), вездѣ говорилось, что онъ ѣдетъ всюду свободно и открыто, что народъ относится къ нему чрезвычайно добродушно и даже любезно, какъ нельзя больше. Это первое. Второе:—на сколько извѣстно, никого изъ его товарищей не умертвили; а слѣдовательно и не дозволительно подобными словами округлять свою фразу. Но если бы даже и они погибли, допустимъ, то на ряду съ этимъ случаемъ, какъ извѣстно очень не чуждымъ и Европѣ, мы знаемъ Уоллей, Арманъ-Давида, Пржевальскаго, Купера, Рихтгофена, Сечени, и мн. другихъ путешественниковъ, совершенно открыто и благополучно странствовавшихъ по Китаю и точно также пользовавшихся покровительствомъ и въ большинствѣ случаевъ предупредительнымъ вниманіемъ китайскихъ властей. А нашъ спутникъ, г. Андреевскій, развѣ неблагополучно проѣхалъ изъ Пекина въ Хань-Коу, только вдвоемъ съ китайцемъ Сюй, да еще почти безъ гроша въ карманѣ! А казакъ Павловъ, развѣ не одинъ, не при помощи тѣхъ же китайцевъ, пріѣхалъ изъ г. Лань-Чжоу въ Зайсанъ! А вѣдь то и

другое разстоянія мѣряются тысячами верстъ. Сколько, наконецъ, живетъ, бродило и бродитъ по Китаю миссіонеровъ; и никто ихъ не только не убиваетъ, а даже и не обижаетъ. Разбойники же вездѣ есть,—отчего не быть имъ и въ Китаѣ, особенно послѣ недавно пережитыхъ бѣдствій, разорившихъ цѣлыя огромныя области; съ другой стороны, можно легко напроситься на убійство самому или же поплатиться жизнью вслѣдствіе какой-нибудь вздорной причины въ родѣ несчастной случайности, недоразумѣнія, какъ могло случиться, напримѣръ, съ бар. Рихтгофеномъ... Не знаю, ошибаюсь ли я или нѣтъ, но я вынесъ такое впечатлѣніе, что съ извѣстнымъ тактомъ, изящной вѣжливостью и справедливостью, каждый человѣкъ можетъ смѣло пускаться въ какую угодно глушь Китая, соблюдая лишь тѣ осторожности, какія вездѣ необходимы; да и этихъ меньше нужно, потому-что одно названіе европейца (собственно „заморскаго") есть уже не малая „мѣра предосторожности."

Такъ,—говорю, г. Сосновскій самъ былъ, такъ сказать, на половину авторомъ „массы моихъ побочныхъ работъ", къ которымъ я отношу и свое „Путешествіе по Китаю", потому что я никогда не думалъ написать такую большую, популярную, книгу, точно такъ, какъ вначалѣ я бы ни за что не повѣрилъ, если бы мнѣ кто предсказывалъ, что мнѣ предстоитъ по возвращеніи изъ путешествія писать о немъ книгу полемическаго характера, которую теперь защищаю: такъ твердо вѣрилось мнѣ тогда въ неизмѣнную дружбу, мою со всѣми и всѣхъ со мною; такъ глубоко запали мнѣ въ душу слова завѣщанія, сказаннаго провожавшимъ насъ В. А. П.,—„всѣ за одного и одинъ за всѣхъ"!... Вѣдь тогда мы не знали, на что идемъ, вернемся ли, увидимся ли съ провожавшими насъ... Въ это только вѣрилось. Но не долго и вѣрить пришлось,—и въ нашъ общій блестящій успѣхъ, и въ тѣсную дружбу нашего маленькаго кружка людей, поѣхавшихъ, какъ вначалѣ думалось, ради одного общаго дѣла.... Гдѣ вы, золотыя мечты; что отъ васъ осталось! Что вы сулили и что вышло! Изъ ученаго путешествія—чуть не судебный процессъ... Еще до вступленія за рубежъ Китая въ душу закралось сомнѣніе; потомъ оно не разсѣивалось, а росло и крѣпло, и наконецъ перешло въ горькое убѣжденіе, что никакихъ задачъ у экс-

и предложенія глубоко обдуманныхъ реформъ въ сношеніяхъ съ нашимъ Восточнымъ Сосѣдомъ; и въ головѣ у насъ созрѣваетъ уже общій выводъ по поводу „всего видѣннаго, „узнаннаго изъ бесѣдъ съ русскими и иностранными консулами“ (не зная языковъ, ибо ихъ не всѣ изъ насъ знали) и изслѣдованными собственнымъ неутомимымъ трудомъ въ архивахъ и подъ лучами палящаго солнца, среди недружелюбнаго народа; у насъ уже формируется идея о „такъ называемомъ (?) „китаизмѣ“, о которомъ мы и докладывали потомъ въ Россію... Что,—это другой вопросъ...

„Отъ Хань-Коу начнется, говорятъ, ужъ самое настоящее путешествіе, которое уже будетъ продолжаться непрерывно до самаго прибытія въ Россію, въ Зайсанъ“...

Слава тебѣ, Господи! Наконецъ-то! думаемъ себѣ...

Но... началось и окончилось и это путешествіе, и если перемѣнилось что противъ начала, то только во всѣхъ отношеніяхъ къ худшему. Тѣмъ не менѣе дѣло считается сдѣланнымъ: учено-торговая экспедиція подполковника Сосновскаго благополучно возвратилась; новый торговый путь, будто бы, открытъ; по немъ будто бы, разрѣшено уже начать торговое движеніе русскимъ караванамъ. „Мы“ спѣшимъ обрадовать министра финансовъ (тогда М. Х. Рейтернъ) и просимъ у него разрѣшенія взять изъ семипалатинскаго казначейства 10,000 руб. для открытія „въ высшей степени выгоднаго“ для Россіи торговаго предпріятія самого г. Сосновскаго, по новому пути,—поставки хлѣба для китайскихъ войскъ,—но взять, разумѣется, заимообразно. Затѣмъ.... извѣстно, что затѣмъ: кто дѣломъ заинтересованъ, тотъ ждетъ подробностей и результатовъ, а мало знакомые съ нимъ, какъ я сказалъ, забыли обо всемъ черезъ недѣлю.

Вотъ краткая исторія нашего скорбнаго пути; вотъ и исторія моего дневника, который велъ я дорогой чуть ни сквозь слезы, нерѣдко по ночамъ, при свѣчкѣ, а то, въ сѣдлѣ на лошади, или по городамъ, гдѣ я бродилъ сначала совсѣмъ нѣмымъ, потомъ, когда научился немного говорить на туземномъ языкѣ, полунѣмымъ. Вотъ исторія той книги, которой мои бывшіе друзья, гг. Боярскій и Сосновскій, совсѣмъ неожидали, думая что и мой дневникъ „въ печать не предназначается“. Но развѣ возможно было оставить совершенно неописанными страны, можно сказать, впервые по-

сѣщенныя европейскими путешественниками, какъ Западный Китай, западная часть Гоби, восточная оконечность Тянь-шаня и За-тянь-шаньскія степи и пустыни. И я принялъ эту работу на себя только потому, что видѣлъ, что никто другой, по разнымъ причинамъ, ея на себя не беретъ. А возможно ли было описывать наше погубленное дѣло иначе, чѣмъ я это сдѣлалъ? Невозможно, потому что, если мнѣ не удалось помочь дѣлу экспедиціи, то на совѣсти каждаго изъ насъ лежитъ обязанность всѣми силами содѣйствовать къ тому, чтобъ никогда ничего подобнаго не повторилось. Кромѣ того, я не хотѣлъ, промолчавъ въ угоду немногимъ, оставить всѣмъ право думать, что на нашу просто невообразимую экспедицію похожи всѣ русскія путешествія, за которыми слѣдитъ весь просвѣщенный міръ. Наконецъ, я считалъ нравственнымъ долгомъ вступиться за почтенныя имена нашихъ путешественниковъ по Азіи, рядомъ съ которыми, кто знаетъ, можетъ быть поставлено, по невѣдѣнію о сущности дѣла, имя какого-нибудь автора „дневника непредназначавшагося въ печать", или ему подобнаго.

Теперь читатели, вѣроятно, пожелаютъ узнать, какъ это я дѣлаю, и что такое могъ я набрать для „извращенія истины" въ цѣлыхъ двухъ „объемистыхъ" томахъ?

Чтобъ бѣгло ознакомиться съ книгой, въ большинствѣ случаевъ достаточно заглянуть въ то, что сказалъ отъ себя авторъ, или въ оглавленіе, прочесть конецъ и пробѣжать нѣкоторыя страницы изъ средины, въ какомъ бы порядкѣ это не сдѣлать. Поэтому начнемъ съ конца, — съ тѣхъ словъ, которыя сказались, когда мы увидѣли себя въ средѣ русскихъ людей (въ-первомъ русскомъ городѣ Зайсанѣ), а не во власти только „сухопутнаго капитана корабля".

„Отчего же такъ весело и торжественно было на душѣ, хотя въ тоже время и ужасно тяжело и страшно,—страшно потому, что думалось, — не сонъ ли это одинъ... Зналъ ли тогда Зайсанскій Постъ, что онъ празднуетъ? Конечно, нѣтъ; и знать не могъ:—онъ праздновалъ, такъ сказать, освобожденіе крестьянъ, отпущеніе на волю крѣпостныхъ: Матусовскаго, Андреевскаго, Степанова, Смокотнина и автора (Боярскій составлялъ, по совершенно случайнымъ причинамъ, исключеніе, такъ какъ Сосновскій самъ былъ у него въ зависимомъ положеніи, вслѣдствіе несуществованія никакихъ оформленныхъ условій, на которыхъ первый вступилъ въ экспедицію, а потому онъ самъ былъ нашимъ вице-бариномъ). Читателю легко можетъ показаться юморъ въ моихъ словахъ, но его и тѣни

нѣтъ въ настоящемъ случаѣ: военная дисциплина есть тоже крѣпостное право; и она только на немъ и зиждется, и ею, какъ понятно, какъ и должно быть, только и сильны арміи. Отношенія экипажа и пассажировъ къ капитану корабля суть тоже крѣпостное право,—это всѣмъ извѣстно; и ни одинъ здравомыслящій человѣкъ на это роптать не станетъ, ибо понимаетъ, что иначе быть не можетъ. Поэтому не было ни новостью, ни неожиданностью для насъ, когда мы отправлялись въ Китай, что мы обязываемся безпрекословно подчиняться всегда и всѣмъ приказаніямъ начальника экспедиціи. Но мы менѣе всего думали, что должны будемъ представлять только военный отрядъ, а не изслѣдователей страны... Да, Зайсанъ, говорю,—явившійся на свѣтъ-божій черезъ восемь лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ въ Россіи, праздновалъ освобожденіе рабовъ отъ временной случайной власти... И тутъ только, въ этомъ отдаленномъ уголкѣ нашей родины, я понялъ, почувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что такое совершилось въ Россіи въ величайшій въ нашей исторіи день 19 февраля! Тогда только понялъ я, что, не бывъ рабомъ, нельзя постигнуть вполнѣ, что значитъ быть освобожденнымъ: здѣсь въ первый разъ передъ моими глазами открылась вся бездонная глубина того ужаса, какой омрачаетъ, не полтора года, а всю жизнь, раба по рожденію, не видящаго передъ собою того дня, въ который кончится эта убійственная „безотчетная“ власть человѣка надъ человѣкомъ“... (ст. 1106).

Изъ этого читатели видятъ, что книга моя, кромѣ описательнаго характера, заключаетъ въ себѣ еще элементъ обличительный. Но глубоко ошибутся они, если предположатъ, что мнѣ пріятно было вводить въ свою книгу то, воспоминаніе о чемъ болѣе всѣхъ горько мнѣ; что̀ мнѣ самому читать тяжелѣе всѣхъ; что̀ я искренно желалъ бы забыть, да забыть-то немогу!.. Три раза передѣлывалъ я свою рукопись, стараясь некасаться внутренняго быта самой экспедиціи, но пришелъ къ убѣжденію, что этого сдѣлать никакъ нельзя, потому что тогда читатель постоянно впадалъ бы въ недоумѣніе, и упрекалъ бы меня за недомолвки, теряясь въ вопросахъ, на которые я не могъ дать иныхъ отвѣтовъ, какъ тѣ которые далъ теперь. При второй передѣлкѣ рукописи, я рѣшилъ было придать своей книгѣ характеръ компиляціи изъ лучшихъ сочиненій о Китаѣ, пріурочивая заимствованный матеріалъ къ своему пути; но такая книга, какъ я увидѣлъ по двумъ, обработаннымъ въ такомъ родѣ, главамъ, потребовала бы отъ меня по меньшей мѣрѣ вдвое больше времени т.-е. не двухъ лѣтъ, а четырехъ, и затраты на изданіе гораздо большихъ средствъ.

Кромѣ того, мнѣ не хотѣлось смѣшивать собственныхъ впечатлѣній и свѣдѣній, каковы бы они ни были, съ такими же, данными раньше другими, не хотѣлъ и пользоваться ими, чтобы придать своему труду болѣе серьезный или ученый характеръ;—а вѣдь это дѣлается очень легко, особенно если не скрывать, у кого что берешь, а указывать авторовъ приводимыхъ цитатъ. Вотъ почему я удержалъ въ моемъ описаніи его настоящій характеръ.

Перейдемъ теперь къ содержанію книги... Кто-то сказалъ, что „нужно имѣть очень хорошее мнѣніе о своемъ умѣ, чтобы безъ трепета издавать книгу...“ Можетъ быть это и вѣрно, но не для всякаго рода книгъ: я, напримѣръ, издавалъ свое описаніе путешествія безъ малѣйшаго трепета, но не испытывалъ послѣдняго совершенно по другимъ причинамъ, а именно: потому что оба тома его представляютъ, можно сказать, одну большую памятную замѣтку обо всемъ, что встрѣчалось мнѣ на пути, и изложенную даже въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ все происходило въ дѣйствительности. Это имѣетъ свою невыгодную сторону въ литературномъ отношеніи, но въ высшей степени оказывается полезнымъ, напримѣръ, въ дѣлѣ полемическихъ состязаній: возможно ли теперь, серьезно утверждать, а не такъ, какъ это сдѣлано г. Сосновскимъ, что мною дѣйствительно „извращены факты“ и что книга моя представляетъ „лишь пародію на истину“. Навѣрно это всякому окажется „не подъ силу“; да и можетъ ли явиться вопросъ о правдивости или неправдивости повѣствованія, какъ бы чудовищно мѣстами оно ни было, когда я описываю все, что вижу и что происходитъ, изо-дня въ день.

О томъ, что говорится у меня о Китаѣ, я здѣсь касаться не буду, потому что не въ томъ моя задача, да и не для чего, такъ какъ мнѣ пришлось бы только повторять себя. Читатель находитъ въ моей книгѣ: характеръ проходимыхъ мѣстностей; пути сообщенія; города и ихъ жизнь; гостинницы, въ которыхъ мы останавливались; деревни и ихъ бытъ; рѣки и судоходство по нимъ; жизнь людей со всѣми ея доступными для моего наблюденія проявленіями и нѣкоторыми особенностями, свойственными только Китаю, какъ, напримѣръ, жилища, одежда, пища и ея приготовленіе, уродованіе женщинами своихъ ногъ, куреніе опіума,

чаетъ „воспособленіе“ въ 3000 р. золотомъ, для расширенія дѣятельности экспедиціи и большое количество образцовъ разныхъ товаровъ, для ознакомленія съ ними монголовъ и китайцевъ (въ книгѣ же говорится, что они нигдѣ, ни одного разу, кому либо изъ туземцевъ показаны не были). Девять дней проводимъ мы въ Ургѣ, безъ всякаго дѣла и не узнавъ ничего путнаго, о чемъ свидѣтельствуетъ и самъ г. Сосновскій въ донесеніи отъ 5 окт. 1874 г. № 33. Засиживаясь въ городахъ, мы спѣшимъ въ дорогѣ, и зачастую ѣдемъ даже по ночамъ... Въ Монголіи же это совершается не такъ, какъ на почтовыхъ, по шоссейнымъ дорогамъ, а примѣрно вотъ какъ. 31-го іюля 1875 г. записано у меня слѣдующее:

„Проѣхавъ двѣ станціи (въ пустынѣ Гоби)мы прибыли на третью, по имени Горбàнь-Наймà; солнце стояло еще довольно высоко, и мы могли бы добраться сегодня до слѣдующей станціи, но Сосновскій, охотившійся за кѣмъ-то, долго не возвращался; переводчикъ былъ также съ нимъ, и мы, прождавъ ихъ до сумерекъ, пришли къ заключенію, что вѣроятно здѣсь заночуемъ, тѣмъ болѣе, что на станціи не было видно тѣхъ обычныхъ приготовленій для дальнѣйшаго движенія, какія обыкновенно дѣлались еще до нашего пріѣзда: возлѣ юртъ не было ни людей, ни лошадей, ни верблюдовъ. Отсутствовавшіе явились только на закатѣ солнца, но, несмотря на позднее время, было отдано распоряженіе ѣхать дальше. Для телѣгъ достали лошадей и они отправились впередъ; а для насъ еще ловили ихъ въ табунѣ. Людей было такъ мало, что казакъ Степановъ самъ вооружился арканомъ и отправился добывать разныхъ саврасокъ и буланокъ.

Наконецъ снарядились,—нà-скоро, кой-какъ; лошадей наловили какихъ попало; а намъ предстоялъ переѣздъ въ тридцать пять верстъ, да еще ночью, которая ужъ надвигалась. Ну, когда мы пріѣдемъ на ночлегъ! думалось мнѣ и вѣроятно многимъ:—чуть ни къ тому времени, когда слѣдовало бы вставать и ѣхать дальше... Но мы вѣдь были въ степи... Отправились всѣ вмѣстѣ; но не отъѣхали и версты отъ станціи, какъ лошадь Сосновскаго споткнулась и упала, и онъ, разумѣется, съ нею. Перемѣнили лошадь, но только-что на нее надѣли уздечку, какъ она поднялась на дыбы и грохнулась назадъ, черезъ спину; съ нами были еще другія за-

---

и о томъ, что, если телеграфировать, то изъ Кяхты можетъ быть доставлено въ Пекинъ потребное количество серебра въ 15 дней“. И 27 фев. 1875 г. получили разрѣшеніе взять изъ нихъ 8364 р. причемъ 3000 р. испрошены г. Сосновскимъ въ *сіе безотчетное распоряженіе для уплаты двумъ другимъ переводчикамъ*, (какимъ, не сказано) Д. Э. Ч. I, ст. 61.

пасныя лошади; но онъ уже не хотѣлъ болѣе сѣсть ни на одну изъ лошадей, говоря, что не можетъ ѣхать верхомъ, потому что ушибъ ногу; но такъ какъ всѣ три телѣги уже уѣхали, то онъ придумалъ слѣдующій планъ: — вернуться на станцію, оттуда послать монгола гонцомъ на слѣдующую, и велѣть немедленно прислать оттуда одну телѣгу съ казакомъ, да приказать ему, чтобъ онъ ѣхалъ какъ можно скорѣе; а также привезти чаю, сахару и постель. Итого, въ оба конца надо было сдѣлать семьдесятъ верстъ да еще ночью и на измученныхъ лошадяхъ. Я попробовалъ посовѣтывать не оставаться тутъ, а ужъ добраться хоть шагомъ до слѣдующей станціи, доказывая, что мы потеряемъ изъ за этого цѣлый день, что наши постели, чай и сахаръ придутъ тогда, когда будутъ совсѣмъ не нужны. Но все было напрасно. „Если вамъ угодно, вы можете ѣхать, а я сказалъ, что останусь ночевать здѣсь и приказалъ прислать сюда за мною телѣгу“, отвѣтилъ съ разстановками на каждомъ словѣ Сосновскій.

Онъ остался съ переводчикомъ и казакомъ Степановымъ, а я, не желая проводить ночь въ пустой юртѣ, безъ постели, безъ достаточнаго платья, безъ ѣды, чаю и сахару, предпочелъ промаяться ночью часовъ шесть верхомъ на плохой лошади, да по крайней мѣрѣ добраться до постели, и, простившись съ своими спутниками, уѣхалъ вслѣдъ за передней компаніей, которая уже скрылась изъ виду. Со мной поѣхали два монгола съ одной заводной лошадью. Мы благополучно ѣхали рядомъ рысцой; потомъ моей лошадкѣ вздумалось пройтись галопомъ; степь была ровная и я не сталъ удерживать ее, въ надеждѣ потомъ проѣхать шагомъ и немного отдохнуть отъ ея тряской рыси, какъ вдругъ она рухнулась со всѣхъ ногъ на землю. Я, разумѣется, полетѣлъ съ нею вмѣстѣ и упалъ на правый локоть, а моя правая нога осталась подъ нею; еще лежа въ такомъ положеніи я шевельнулъ правой рукой и убѣдился, что кости всѣ цѣлы; тогда я сталъ высвобождать съ усиліемъ ногу изъ подъ тяжести лошади, и, выбравшись, всталъ, нигдѣ не чувствуя боли. Лошадь тоже сейчасъ поднялась, и стояла смирно; но только что я хотѣлъ было взять поводья, какъ вдругъ она, словно испуганная выстрѣломъ, шарахнулась отъ меня прочь и унеслась въ степь. Въ тотъ же мигъ монголъ пустился за нею въ погоню, а за нимъ другой, который держалъ запасную лошадь Было уже темно и они черезъ минуту пропали въ ночномъ мракѣ; я остался одинъ, безъ людей и безъ лошади... Кругомъ темнота и мнѣ видно только звѣздное небо надъ черной пустыней. Стою, жду. Сначала я слышалъ топотъ лошадей и голоса монголъ; но скоро и они пропали вдалекѣ. Я былъ совершенно покоенъ и не допускалъ мысли, что проводники бросятъ меня; я зналъ навѣрно, что они вернутся, если не нынче, такъ завтра; что никакой опасности здѣсь не могло быть, ни отъ людей, ни отъ звѣрей; но мнѣ начинало дѣлаться холодно и стало скучно ходить по одному мѣсту, въ ожиданіи, пока изловятъ мою лошадь. Предпринять я ровно ничего не могъ, поэтому оставалось только ждать спокойно и терпѣливо. Ходилъ я

ходилъ, поглядывая то на черную степь, то на небо, которое мало-по-малу заволокло тучами, и прислушиваясь ко всякому звуку. Вотъ слышу топотъ нѣсколькихъ лошадей и человѣческіе голоса, но ужасно далеко отъ меня. Судя по топоту, лошади неслись по степи самымъ отчаяннымъ галопомъ, и я только дивился смѣлости монголовъ, съ какою они носились по неровной степи въ такую темную ночь, не разбирая, разумѣется, никакихъ дорогъ: — я рѣшительно не могъ себѣ представить, какъ можно поймать лошадь при такой темнотѣ и начиналъ сомнѣваться, чтобъ имъ это удалось. Мнѣ хотѣлось кликнуть ихъ, заставивъ вернуться съ запасной лошадью, а убѣжавшую бросить, такъ какъ она не пропадетъ, но, во-первыхъ, они были далеко; во-вторыхъ, я ничего не зналъ по-монгольски. Стою и прислушиваюсь къ топоту; онъ то слышится яснѣе и до меня доносятся отрывистые и короткіе, какъ удары бича, крики монгола,—ай! ай!.. извѣщавшіе меня, что лошадь еще не поймана; то опять ровно ничего не было слышно. Только теперь я сталъ чувствовать боль въ рукѣ и ногѣ, но она не внушала мнѣ никакого опасенія.

Небо все темнѣло отъ надвигавшихся тучъ; вѣтеръ подулъ сильнѣе, а я былъ въ одномъ парусинномъ кителѣ, и хотя я не надѣялся согрѣть себя историческими воспоминаніями, но они сократили мнѣ время скучнаго ожиданія. А не хорошо было бы остаться здѣсь въ подобномъ положеніи въ ту эпоху, когда монголы были могущественнымъ и воинственннымъ народомъ; за то какъ теинресно.

Наконецъ послышался топотъ и на этотъ разъ ближе. Я крикнулъ и получилъ отвѣтъ; вскорѣ ко мнѣ подъѣхалъ монголъ съ заводной лошадью, но только онъ одинъ, и мы поѣхали съ нимъ вдвоемъ. Гдѣ былъ другой, я спросить не умѣлъ. Черезъ полчаса онъ возвратился съ пойманной лошадью, осѣдланною моимъ сѣдломъ, и такъ какъ монгольское сѣдло весьма неудобно, и эта лошадь была гораздо хуже первой, то я пересѣлъ на бѣглянку. Вмѣсто того, чтобъ быть усталой и измученной послѣ такой бѣшеной скачки, она только плясала и рвалась впередъ, имѣя непонятное стремленіе унестись, куда глаза глядятъ, такъ что я едва могъ сдерживать ее, сумасшедшую, и то только тѣмъ, что постоянно направлялъ ее на ѣхавшаго передо мной всадника. Такъ я промучился съ нею почти всю дорогу. Вдругъ къ намъ подскакиваетъ, неизвѣстно откуда взявшійся, всадникъ... Человѣкъ, въ этой пустынѣ, да еще ночью! Это такое рѣдкое явленіе, что не можетъ не произвести впечатлѣнія. Откуда? Кто онъ? какія у него намѣренія? Я не могъ ни спросить, ни сказать, кто я и куда ѣду, еслибы онъ сталъ спрашивать. Онъ подъѣхалъ очень близко прямо ко мнѣ, какъ будто ему именно меня было нужно, вглядѣлся пристально и потомъ, отъѣхавъ къ провожатымъ, заговорилъ съ ними по-монгольски. Этого было достаточно, чтобъ совершенно успокоиться. Монголъ—значитъ человѣкъ не опасный; но я такъ и не узналъ, кто онъ былъ,—вѣроятно, изъ нашей же компаніи, потому

что вскорѣ мы нагнали одну изъ телѣгъ. А я предполагалъ, что онѣ ужъ давно на станціи. Въ этой телѣгѣ ѣхалъ Матусовскій.

— Что вы такъ отстали?—спрашиваю его.

— Да лошади устали, едва идутъ; двадцать шаговъ пройдутъ и останавливаются отдыхать... А вы отчего такъ долго не ѣхали?—спрашивалъ онъ меня въ свою очередь.

Я разсказалъ объ оставшихся спутникахъ, о своемъ паденіи и побѣгѣ лошади.

— Вотъ такъ всегда бываетъ, когда по ночамъ ѣздятъ. Мы когда-нибудь еще шею себѣ сломимъ...—говорилъ онъ съ оттѣнкомъ досады.—Теперь бы спать давно надо, а тутъ вотъ еще тащись; на станцію пріѣдешь, тамъ еще дожидайся чаю, пока-то вода вскипитъ. Ну, кто ѣздитъ по ночамъ, когда въ томъ нѣтъ ни малѣйшей надобности. Всѣ порядочные люди выѣзжаютъ чѣмъ свѣтъ и съ закатомъ солнца останавливаются на ночлегъ,—вотъ какъ въ степи дѣлаютъ. Спросите кого хотите, кто ѣзжалъ, да и по здравому смыслу это ясно... Что мы станемъ дѣлать съ больнымъ, если кто-нибудь себѣ, напримѣръ, ногу сломаетъ, а ночью долго ли до этого!..

Я разсказалъ ему, какъ распорядился съ собою Сосновскій, и наша бесѣда по этому поводу значительно сократила время, и мы, наконецъ, дотащились до юртъ, больше которыхъ намъ ничего не было нужно. Но, увы, то, что зачернѣлось передъ нами и что мы приняли за юрты, были верблюды какого то чужого каравана, который шелъ навстрѣчу; мечты о скоромъ отдыхѣ исчезли, какъ мыльный пузырь и опять осталась одна дорожная скука да усталость. Еще съ часъ протащились мы и, накенецъ, послышался лай собакъ, запахло дымомъ горящаго навоза,—это ужъ несомнѣнные признаки близкаго кочевья. Дѣйствительно, вскорѣ мы очутились у самыхъ юртъ, которыя всегда точно изъ земли выростаютъ, когда къ нимъ подъѣзжаешь ночью и если не видишь издали огней. Эта станція по счету была 33-я отъ Урги, значитъ больше половины Гоби проѣхали.

Пріѣхавшіе раньше уже заснули, но мы разбудили ихъ потому что знали, что и они были голодны, какъ и мы, и велѣли скорѣе готовить чай и доставать сухари; разсказали о приключеніяхъ и стали дѣлать распоряженія объ отправленіи телѣги назадъ за оставшимися назади спутниками. Отправка телѣги тотчасъ въ обратный путь была просто жестокостью: бѣдные монголы чуть не заплакали, когда имъ объявили, что они должны сейчасъ же ѣхать опять назадъ, опять тащить телѣгу на своихъ избитыхъ бедрахъ *), на своихъ голодныхъ и измучонныхъ лошаденкахъ, которыя въ здѣшнихъ голодныхъ мѣстахъ едва находятъ себѣ пищу... Вотъ каковы „степные законы“ административные... Каковы же должны быть карательные! Мы не желали знакомиться съ ними и потому отправили,

*) Монголы не впрягаютъ лошадей въ экипажъ, а везутъ ихъ, сидя верхомъ на лошадяхъ и зацѣпляя за себя поперечную палку въ родѣ ваги.

какъ было приказано, одного казака назадъ съ постелями и припасами. Монголы думали, что не смѣли не повиноваться и поѣхали; но мысли о нихъ и ихъ несчастныхъ лошадяхъ долго мѣшали намъ заснуть спокойно .

Та же поспѣшность (въ дорогѣ) заставила насъ пройти мимо одного интереснѣйшаго въ географическомъ отношеніи пункта, какихъ, можетъ быть, и не найти нигдѣ на земномъ шарѣ кромѣ Китая,—это станція Норъ-Дянь, послѣдняя на южной окраинѣ монгольской плоской возвышенности, окаймленной здѣсь, какъ бы искусственною стѣною, не большими возвышенностями, за которыми слѣдуетъ крутой и глубочайшій спускъ къ такъ называемой Великой Равнинѣ Собственнаго Китая. Прочтите слѣдующую страницу (103) и скажите, стоило ли въ подобномъ мѣстѣ остановиться хоть на день; и когда оказалось, что „не стоило",—скажите также, можно ли уйти безъ сильнѣйшей досады, и особенно человѣку, владѣющему кистью и красками для писанія своего „живописнаго отчета"... Да, тогда была моя очередь досадовать и сокрушаться сердцемъ,—теперь другихъ; но мои сокрушенія никогда не прекратятся, ибо повтореніе, если оно и возможно,—все не прошлое.

„Когда я вышелъ изъ своей комнаты, солнце только-что поднялось надъ землей, и я отправился со двора, чтобъ ознакомиться съ загадочной мѣстностью, которой не могъ понять ночью. Выйдя за его ограду черезъ открытыя ворота, противоположныя тѣмъ, въ которыя мы вчера въѣхали, я вдругъ увидалъ передъ собою цѣлое море окутанныхъ туманомъ голубыхъ горъ и остановился на мѣстѣ, пораженный величіемъ и красотою картины; и долго не могъ оторвать очарованныхъ глазъ отъ земли, на которую, мнѣ чудилось, я смотрѣлъ съ воздушнаго шара;—такъ я былъ высоко, такъ круто обрывалась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня маленькая площадка, на которой я находился, и такъ далеко внизу открывалась передъ моими глазами взволнованная, какъ море, и какъ море, свѣтлая и синѣющая въ утреннемъ туманѣ, земля.

Я стоялъ на той точкѣ, съ которой путешественникъ бросаетъ первый взглядъ на землю Собственнаго Китая, на томъ мѣстѣ, про которое разсказываютъ съ восхищеніемъ всѣ, проѣзжавшіе по этой дорогѣ. Дѣйствительно, какое величественное, поражающее зрѣлище!

Отъ древней Великой Стѣны остался лишь низенькій каменный валъ, да многочисленныя болѣе или менѣе сохранившіяся башни, четырехъ-гранныя, нѣсколько съуживающіяся кверху. Онѣ расположены вдоль по стѣнѣ, преимущественно на вершинахъ горъ, черезъ которыя стѣна вьется безконечной змѣей. Я взошелъ на одну изъ

нихъ, чтобъ еще посмотрѣть на чудную картину... Не часто приходится человѣку переживать подобныя минуты, испытывать такія ощущенія, какія наполняли здѣсь мою душу. Онѣ были точно не подъ силу мнѣ одному и мнѣ хотѣлось раздѣлить ихъ съ кѣмъ-нибудь, но я былъ одинъ. Мнѣ хотѣлось сохранить воспоминаніе объ этой картинѣ, но я чувствовалъ все безсиліе языка передъ этимъ прекраснымъ и стройнымъ хаосомъ, подобіе котораго, и то слабое, можно передать только формами и красками. Въ самомъ дѣлѣ, какъ описать сотни вдругъ открывающихся глазу горъ, долинъ, ущелій, руслъ и горныхъ склоновъ съ разсѣянными по нимъ деревнями, разноцвѣтными пашнями и фермами, окутанными зеленью, съ сверкающими на солнцѣ, или голубыми озерами, съ движущимися людьми и животными, которыхъ глазъ едва различаетъ, но все-таки видитъ. Зритель вдругъ видитъ здѣсь жизнь—не деревни, не города, а цѣлой страны,—зрѣлище необыкновенное и непривычное! Тутъ кажется, что какимъ-то чудомъ видишь передъ собою разомъ цѣлое государство. Я стоялъ и смотрѣлъ то въ одну, то въ другую сторону, потомъ опять въ ту же; снова хотѣлъ записать, хоть что-нибудь, но только мучилъ себя, какъ передъ неуловимыми чертами лица красавицы; а красавица-природа стояла передо мной въ такомъ невозмутимомъ спокойствіи, какъ бы приглашая и писать, и рисовать съ нея. Тутъ была не одна, а тысячи картинъ, составленныхъ безъ рамъ и приведенныхъ въ гармонію. Я только вздыхалъ отъ волненія, наслаждался и восклицалъ: — Боже мой, какъ здѣсь хорошо... Неужели это земля"!...

Мы уѣхали и должны были прибыть сегодня въ первый китайскій городъ — Калганъ. День былъ удушливо-жаркій. Почти отъ самаго домика Норъ-Дянь мы стали спускаться подъ гору, на которую въ это время поднимался обозъ на быкахъ, намъ на встрѣчу. Дорога здѣсь идетъ карнизомъ по боку горы и такъ узка, что двѣ телѣги едва-едва разъѣзжаются и то не одновременно, а такъ, что одна должна прижаться къ горѣ, въ наклонномъ положеніи, и ждать, пока другая проѣдетъ. Справа по горѣ опять тянется Великая Стѣна, которую время и разрушаетъ, и убираетъ цвѣтами; а слѣва идетъ крутая покатость, спускающаяся до самаго дна глубочайшей долины. На ближайшихъ склонахъ этой покатости подѣланы искусственныя небольшія террасы, засѣянныя разными растеніями: коноплей, просомъ, картофелемъ или овсомъ; возлѣ нихъ, на подобныхъ же террасахъ, лѣпятся деревеньки и отдѣльные хорошенькіе домики съ балкончиками и террасками, убранными зеленью;—и люди, люди вездѣ, куда ни взглянешь: длиннокосые мужчины съ открытыми головами, съ вѣерами въ рукахъ или въ широкихъ соломенныхъ шляпахъ, въ бѣлыхъ рубашкахъ и широкихъ синихъ шароварахъ; полуголыя женщины въ однѣхъ юбкахъ на помочахъ и почти голыя дѣти съ яркими цвѣтами, украшающими ихъ оригинально причесанныя головки... И все это явилось такъ неожиданно, вдругъ послѣ тѣхъ безжизненныхъ пустынь, изъ которыхъ, можно сказать, мы только вчера выбрались"...

сновскому; возможно ли было вѣрить въ его безграничную власть; какъ наконецъ было не уйти и не совершить путешествіе отдѣльно, по другой дорогѣ, по человѣчески,—дѣлаютъ мнѣ упреки... А окажи я неповиновеніе, уйди или сдѣлай, что нибудь подобное, — кто знаетъ, не горчѣе ли были бы тогда упреки... Что могъ, напримѣръ, сдѣлать я, когда даже совѣты и настоянія Посланника, какъ вы видѣли, ни къ чему не привели... Но объ этомъ мы еще поговоримъ. Дадимъ „полный ходъ“ и будемъ продолжать „изслѣдовать“ Китай, или „извращать факты“... На первый планъ теперь еще ярче выступилъ принципъ экономіи, формулированный начальникомъ коротко и ясно: „намъ шириться нельзя“! И это случилось именно въ то время, когда, казалось, наоборотъ,—отчего же теперь не дозволить себѣ расширить средства экспедиціи, въ виду полученныхъ въ Кяхтѣ трехъ тысячъ рублей? На что же они даны! Но это мнѣ только „по неопытности“ и „незнанію службы“ такъ казалось. Переводчиковъ мы все не достаемъ, хотя номинальныхъ у насъ два есть;—чего же Петербургу желать!.. (Г. Андреевскій отлично знаетъ разговорный монгольскій языкъ, для насъ ненужный, а по китайски едва можетъ объясниться); Ѣдемъ по р. Бай-хэ въ г. Тянь-Цзинь и чуть не умираемъ съ голоду; да въ буквальномъ смыслѣ, а не потому что прихотей какихъ не можемъ удовлетворить. „Сдѣлайте запасъ провизіи“, говорили намъ въ Пекинѣ; а „мы“ отвѣчали:—перебьемся какъ нибудь и такъ. Въ городъ, куда мы ѣдемъ, г. Сосновскій раньше пріѣзжалъ недѣли на двѣ (изъ Пекина) одинъ, и тогда все здѣсь изучилъ; поэтому экспедиція провела въ немъ только два дня, просидѣвъ въ Пекинѣ почти два мѣсяца по причинамъ, совершенно неизвѣстнымъ, потому-что о какихъ-нибудь дѣлахъ ни разу и разговора не было. За то оттуда послано въ Петербургъ первое донесеніе (отъ 5 окт. 1874 г., № 33), начало котораго я приведу здѣсь, (не все, потому что затѣмъ слѣдуютъ подробности, подлежащія суду спеціалистовъ). Я буду просить гг. читателей самихъ вникать въ смыслъ приводимыхъ копій съ тѣхъ частей донесеній, которыя могутъ представлять общій интересъ, знакомя только съ характеромъ ихъ. Лучше всего, если, читая ихъ, вы будете думать, что письмо написано лично къ вамъ и тре-

буетъ вашихъ соображеній или распоряженій,—сейчасъ или въ будущемъ.—При этомъ, если и не вѣрить, то хоть помнить мой разсказъ о нашемъ движеніи, занятіяхъ, дѣловыхъ переговоровъ и т. п.

„Телеграммой изъ Кяхты я имѣлъ честь довести до свѣдѣнія В. В. П—ва (мин. финансовъ)", писалъ г. Сосновскій, „что переговоры съ купечествомъ затянули, сверхъ ожиданія, переѣздъ мой по Россіи. Я затруднялся сдѣлать тогда же какія либо сообщенія, потому-что располагалъ голыми, бездоказательными фактами, впечатлѣніями, искавшими провѣрки показаніями, кои претендуютъ еще на жизнь, но, казалось, способны занять прочное мѣсто въ отжившей уже памяти прошлаго. Отдѣлить дѣйствительное отъ напускнаго, долю правды отъ опутавшей ее фальши, возможно было только путемъ дальнѣйшихъ разспросовъ и личныхъ наблюденій, когда я переступилъ уже въ застѣнныя владѣнія Китая, провелъ нѣкоторое время въ Ургѣ и Калганѣ, пожилъ въ Тянь-Цзинѣ и Пекинѣ; мнѣ остается еще посѣтить Хань-Коу. чтобы ознакомиться съ особенностями этого всемірнаго чайнаго рынка и чтобы изучить техническую сторону чайнаго дѣла.

Изъ Петербурга я выѣхалъ 18 марта и только къ 30-му іюня былъ на границѣ къ Кяхтѣ. За исключеніемъ мѣсяца нахожденія въ Семипалатинскѣ, гдѣ завершались подготовленія къ предстоявшей экспедиціи, все остальное время проведено было или въ тарантасѣ, въ борьбѣ съ невзгодами наступившей ростали, или на остановкахъ въ попутныхъ городахъ для бесѣдъ съ представителями купечества. Съ этой цѣлью я потерялъ по нѣсколько дней въ Москвѣ, Нижнемъ и Казани, дней 5 въ Перми, по недѣлѣ въ Тюмени, Омскѣ, Томскѣ и Иркутскѣ и, наконецъ, до двухъ недѣль въ Кяхтѣ; вездѣ встрѣчалъ и неподдѣльное, исполненное живаго интереса сочувствіе, полную готовность служить общему дѣлу, и поглощенное личными разсчетами безучастіе; были требованія разумныя, выработанныя на почвѣ практической дѣятельности, а съ другой стороны—предначертанія столь размашистаго пошиба, какія могла вскормить лишь покоющаяся на слишкомъ обезпеченныхъ барышахъ извѣстнаго рода самодѣятельность. Говоря такимъ образомъ, можно для примѣра указать на ту записку, которую Москва, лучше сказать одинъ изъ представителей ея, извѣстный Морозовъ, адресовалъ кяхтинскимъ купеческимъ старшинамъ, приглашая ихъ присоединиться совѣтомъ и матеріальными воспособленіями къ возродившемуся у московскихъ биржевиковъ намѣренію послать свой особый, отдѣльно отъ правительственной экспедиціи, караванъ. У меня былъ въ рукахъ этотъ любопытный документъ, но, сознаюсь, я не съумѣю воспроизвести его здѣсь во всей прелести оригинала. (*Очень жаль*)! Предполагалось, заручившись паспортами въ Хань-Коу (?), отправить караванъ въ Ланъ-Чжеу, а другой на встрѣчу ему въ Хами; изслѣдовать пути на Хухо-Хото, пройти вдоль Великой Стѣны, посѣтить Ордосъ и зайти въ Улясутай; словомъ, съ

кускомъ морозовскаго ситцу въ рукахъ начертать дорожникъ Китая. Вообще, справедливость требуетъ сказать, что наши капиталисты-фабриканты, заявленія которыхъ цѣнятся до извѣстной степени, такъ-какъ издѣлія ихъ идутъ въ Китай, никакого понятія не имѣютъ о странѣ и рѣшительно не хотятъ знать ея требованій. Проживающіе здѣсь коммисіонеры частторговыхъ домовъ пишутъ имъ и о томъ, и о другомъ, посылаютъ образцы издѣлій, ввозимыхъ въ огромномъ количествѣ иностранцами,—все понапрасну"...

Далѣе слѣдуютъ специальныя „свѣдѣнія", оцѣненныя по достоинству гораздо болѣе меня свѣдущимъ г. Петровскимъ въ приложенной къ моему II тому рецензіи его. Что касается до меня, то я удивлялся только тому, какъ успѣвалъ г. Сосновскій такъ быстро соображать и дѣлать выводы и обобщенія, да еще такіе какъ приведенные, —смѣлые, рѣшительные, для нашего брата, не подготовленнаго даже непонятные... И такъ, специалисты оцѣнятъ ихъ и лучше, и справедливѣе меня; а мы отправимся вмѣстѣ взглянуть на интересную сцену посѣщенія русской военной лодки „Горностай", стоявшей въ то время въ г. Тянь-Цзинь, однимъ китайскимъ сановникомъ. (стр. 231).

Когда мы еще сидѣли за обѣденнымъ столомъ раздался пушечный выстрѣлъ, котораго я ожидалъ и который извѣстилъ о пріѣздѣ на лодку „Горностай" генералъ-губернатора столичной провинціи (Чжи-Ли) Ли-Хунъ-Чжана. Мнѣ еще не удавалось познакомиться въ самомъ Китаѣ ни съ однимъ мандариномъ; а этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго человѣка было въ особенности интересно видѣть. Я ушелъ, не дождавшись конца обѣда, и торопливымъ шагомъ шелъ по набережной къ „Горностаю", съ котораго продолжали раздаваться салютные выстрѣлы. На берегу около него выстроились въ двѣ шеренги солдаты конвоя Ли-Хунъ-Чжана. Я хорошо зналъ его по видѣннымъ въ Пекинѣ портретамъ, и взойдя на палубу нашей военной лодки, тотчасъ узналъ китайскаго генерала среди толпы, образовавшейся изъ нашихъ матросовъ и мандариновъ его свиты; да онъ и ростомъ былъ выше всѣхъ. Одѣтъ же онъ былъ такъ же, какъ всѣ; можетъ быть, и лицо у него было совершенно обыкновенное; но мы вообще склонны находить что-то особенное въ физіономіяхъ выдающихся людей, а Ли-Хунъ-Чжанъ, какъ мнѣ было извѣстно изъ разсказовъ о. Палладія, выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ по своимъ дарованіямъ, благодаря которымъ онъ, несмотря на скромное происхожденіе, достигъ такого высокаго положенія, а также по своему свѣтлому взгляду на государственный порядокъ и международныя отношенія. Однако, я не нашелъ въ его лицѣ чего-либо особенно выразительнаго. Открытый покатый лобъ, который у китайцевъ кажется вообще большимъ

вслѣдствіе манеры носить шляпу на затылкѣ; выдающіяся скулы, небольшіе темнокаріе глаза, зорко смотрящіе изъ-подъ нѣсколько нависшихъ верхнихъ вѣкъ и высоко поднятыя надъ ними брови; маленькій ротъ подъ опущенными рѣдкими усами и такой маленькій, ушедшій назадъ подбородокъ, какъ будто половины его недоставало; на немъ была темносиняя суконная куртка, съ синимъ же бархатнымъ воротникомъ; подъ нею синій атласный халатъ; черные атласные сапоги на толстыхъ бѣлыхъ подошвахъ, точь въ точь, какъ на остальныхъ и только „линъ-цзы",—т.-е. густая кисть изъ павлиньихъ перьевъ на шляпѣ отличала его отъ другихъ тѣмъ, что на ней было видно два глазка, а не одинъ, какъ у обыкновенныхъ генераловъ. Его черная круглая шляпа съ отвороченными краями нѣсколько напоминала формою русскій кокошникъ; а среднее возвышеніе ея покрывалось красною шелковою кистью, и на верху его на золотой ножкѣ укрѣпленъ розовый кaралловый шарикъ, величиною съ небольшой грецкій орѣхъ,—общій знакъ генеральскаго чина. Капитанъ „Горностая" г. Терентьевъ, встрѣтившій его въ полной формѣ, показывалъ ему въ подробности судно, орудія и способы обученія стрѣльбѣ изъ пушекъ. Разговоръ происходилъ при помощи секретаря нашего консульства г. Успенскаго. Ли-Хунъ-Чжанъ со вниманіемъ слушалъ и, какъ я замѣтилъ, всегда отлично понималъ его, когда самъ желалъ узнать что-нибудь, и на оборотъ, какъ будто понималъ совсѣмъ плохо, въ другихъ случаяхъ, — это не болѣе, какъ невинный дипломатическій пріемъ. Затѣмъ капитанъ перешелъ къ самому интересному: онъ обѣщалъ Ли показать устройство и дѣйствіе „торпедо", т.-е. подводной мины, употребляемой въ морской войнѣ для взрыванія непріятельскихъ кораблей. Эта мина имѣетъ видъ большой гранаты съ стеклянной трубкой на ея остромъ концѣ; въ этой трубкѣ находятся концы электрическихъ проволокъ, и до тѣхъ поръ, пока онѣ не соприкасаются между собою или пока между ними не явится какого-нибудь проводника, напримѣръ воды, мина спокойно остается подъ водой, но достаточно стеклянной трубкѣ сломаться, чтобъ вода охватила концы проводниковъ электричества, замкнула собою цѣпь и чтобъ произошелъ взрывъ. Или цѣпь можетъ быть замкнута иначе, въ самой батареѣ, находящейся на кораблѣ... Начались приготовленія. Матросы собирали мѣдныя и цинковыя пластинки Вольтова столба, перекладывая ихъ кусочками фланели и устанавливали ихъ въ ряды. Ли-Хунъ-Чжанъ и его свита смотрѣли на эти непонятныя для нихъ дѣйствія и неимѣвшіе значенія предметы; они смотрѣли то съ удивленіемъ, то какъ будто съ недовѣріемъ, чтобъ изъ такого вздора могло произойти что-нибудь путное, а въ тоже время — и съ нѣкоторымъ страхомъ, потому что они заранѣе знали, что изъ всего должно выдти. Мина въ это время находилась еще подъ водою и, когда баттарея была готова, ее приподняли, чтобъ показать, въ чемъ она состоитъ и потомъ снова погрузили въ воду.

На берегу собралась огромная толпа народа, которая также

знала, что должно совершиться; а по рѣкѣ спокойно проходили туземныя лодки и барки, которыхъ предупредить было невозможно. Все было готово, и вотъ, выждавъ минуту, когда вблизи не было никакихъ судовъ, капитанъ, обративъ вниманіе генерала на извѣстное мѣсто на рѣкѣ, — замкнулъ цѣпь. Въ тотъ же мигъ „Горностай“, на которомъ мы находились, вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ; вода въ томъ мѣстѣ, гдѣ была мина, вдругъ заволновалась, точно ее вскипятили мгновенно и потомъ кинулась кверху огромнымъ столбомъ саженъ въ пять или болѣе вышины и упала, какъ разомъ остановленный фонтанъ. Раздался взрывъ тысячъ голосовъ собравшихся на берегу зрителей, выразившихъ свой восторгъ, удивленіе и одобреніе. Генералъ и свита, повидимому, были поражены не менѣе и, успокоившись, стали выражать капитану свои похвалы словами и непремѣннымъ выставленіемъ правыхъ рукъ съ поднятымъ пальцемъ. Они опять подошли къ батареѣ и теперь страстно желали узнать, въ чемъ тутъ сущность; имъ захотѣлось устроить себѣ подобную штуку, и Ли-Хунъ-Чжанъ попросилъ у капитана позволеніе прислать къ нему одного изъ своихъ чиновниковъ, съ тѣмъ, чтобы онъ объяснилъ ему устройство мины, на что тотъ выразилъ полную готовность.

Затѣмъ когда осмотръ кончился, онъ представилъ ему меня и Сосновскаго, который также былъ на лодкѣ. Ему объяснили, что мы пріѣхали въ Китай съ цѣлью ознакомленія съ ихъ страною, чрезъ которую намѣрены проѣхать отсюда поперекъ и вернуться на родину съ противоположной стороны. Не зналъ ли онъ дѣйствительно о нашей экспедиціи,—что очень возможно,—или только сдѣлалъ видъ, что не знаетъ, только онъ отнесся къ этому извѣстію такъ, какъ будто въ первый разъ услыхалъ о немъ. Капитанъ пригласилъ всѣхъ въ свою каютъ-компанію, гдѣ было приготовлено угощеніе съ разными лакомствами, фруктами и шампанскимъ. Когда всѣ усѣлись вокругъ стола и началась бесѣда, разговоръ сначала долго вертѣлся на торпедо, потомъ Ли-Хунъ-Чжанъ сталъ разспрашивать насъ о предстоящемъ путешествіи, не разъ выражалъ удивленіе, какъ мы не боимся ѣхать такъ далеко, черезъ мѣста, гдѣ нѣтъ воды, черезъ край, гдѣ еще не совсѣмъ окончилось возстаніе, спрашивалъ сколько насъ, есть-ли съ нами оружіе, и просилъ показать ему образецъ. Послали за ружьемъ и продолжали бесѣду. Онъ выразилъ, между прочимъ, сожалѣніе, что въ Китаѣ нѣтъ ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, прибавивъ, что онъ непремѣнно устроилъ бы и тѣ и другія, если бы всѣ правительственныя лица были однихъ съ нимъ взглядовъ, а то есть много противниковъ этихъ нововведеній. Принесли ружье, штуцеръ системы Бердана, объяснили способъ его употребленія и силу боя, и у китайцевъ просто глаза разгорѣлись, — такъ онъ имъ понравился. Имъ, видимо, хотѣлось все перенять, все завести у себя, и генералъ, справившись о названіи ружья, велѣлъ своему адъютанту записать. Ружье назвали, какъ ихъ вообще называютъ,—берданкой и тотъ записалъ со всею точностью, какая возможна для китай-

скаго письма. Онъ написалъ и прочелъ: „Па-ли-данъ-кэ". Генералъ справился о его цѣнѣ и спросилъ у Сосновскаго: а нельзя ли получить нѣсколько такихъ ружей, и если можно, то желательно бы поскорѣе, на что тотъ отвѣчалъ, что очень возможно, что ему, Сосновскому, стоитъ только написать въ Россію письмо и ему, Ли-Хунъ-Чжану, ружья будутъ высланы немедленно. Генералъ былъ очень обрадованъ и пожелалъ получить тысячу штукъ.

— Черезъ два, много три мѣсяца вы ихъ навѣрно получите,— сказалъ Сосновскій.

И Ли-Хунъ-Чжанъ даже предложилъ уплатить деньги впередъ. Но исполнявшій обязанность переводчика, г. Успенскій, какъ секретарь консульства, предупреждалъ Сосновскаго, что подобнаго обѣщанія никакъ не слѣдовало давать, особенно въ виду политическихъ обстоятельствъ даннаго времени (у Китая тогда была война съ Японіей). Г. Успенскій говорилъ, что это дѣло не обойдется безъ затрудненій, и что, помимо Посланника, даже не увѣдомивъ его предварительно, отнюдь нельзя дѣлать подобныхъ вещей. Онъ даже отказывался передавать Ли-Хунъ-Чжану слова Сосновскаго, но тотъ брался самъ исполнить обѣщаніе. Такимъ образомъ, дѣло о ружьяхъ считалось рѣшеннымъ *). Потомъ разговоръ получилъ другое направленіе. Ли-Хунъ-Чжанъ спросилъ у насъ; есть ли у насъ карты западнаго Китая; сказалъ самъ, что мы, конечно, будемъ производить съемку во время пути и попросилъ прислать ему потомъ одинъ экземпляръ нашей новой карты... Вотъ какъ относился этотъ подозрительный китаецъ къ съемкамъ въ ихъ странѣ, и я вспомнилъ разсказы многихъ путешественниковъ о невозможности какихъ либо подобныхъ работъ въ Китаѣ; о необходимости производить ихъ тайкомъ, прибѣгая къ разнымъ отведеніямъ глазъ. Вѣроятно, въ этомъ выражалась также исключительная черта просвѣщеннаго генерала. Можетъ быть, другіе, думалъ я, отнесутся къ этому совсѣмъ иначе...

Занимаясь со страстію усовершенствованіемъ китайской арміи и желая преобразовать ее по европейскому образцу, онъ, какъ умный человѣкъ, часто провѣрялъ себя впечатлѣніями другихъ и спрашивалъ ихъ мнѣнія о своихъ солдатахъ. Такъ и сегодня, онъ обратился къ Сосновскому съ вопросомъ; видѣлъ ли онъ гдѣ-нибудь китайскихъ солдатъ и какъ ихъ находитъ.

— Ничего, солдаты молодцы, и все было бы хорошо, если бы они не стучали такъ ногами, когда маршируютъ... Солдаты должны ходить свободно, вольно,—пояснилъ онъ свою мысль.

Секретарь передалъ.

— Гмъ!—отвѣтилъ на это Ли-Хунъ-Чжанъ—и, смотря на Сосновскаго, нѣсколько времени помолчалъ. О солдатахъ онъ больше не спрашивалъ. Я сидѣлъ молча; альбомъ былъ со мною, и я, слушая эти разговоры, нарисовалъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ сцену взрыва торпедо и попросилъ г. Успенскаго передать рисунокъ ге-

*) Посланникъ остановилъ дѣло, и ружья высланы не были.

нералу и объяснить, что я прошу его сохранить этотъ набросокъ у себя, въ память посѣщенія имъ русской военной лодки и нашей встрѣчи. Генералъ былъ изумленъ тѣмъ, откуда взялось это изображеніе, весьма обрадовался подарку и продолжительно благодарилъ меня, сложивъ на груди руки и учтиво раскланиваясь. Свитскіе тотчасъ потянулись къ нему, вставая съ своихъ мѣстъ, и желая взглянуть на рисунокъ, который пошелъ по рукамъ,—заслуживая отъ всѣхъ похвалы и, читатель уже ожидаетъ, поднятія большихъ пальцевъ. Ужъ конечно! Затѣмъ Ли-Хунъ-Чжанъ велѣлъ передать рисунокъ одному изъ младшихъ офицеровъ, которые не сидѣли за столомъ, а стояли позади старшихъ чиновниковъ, и приказалъ ему тотчасъ отвезти его осторожно къ нему въ домъ.

— Ши! (есть!) — коротко отвѣтилъ офицеръ въ знакъ повиновенія и вышелъ. Мандарины теперь принялись внимательнѣе разсматривать меня и сидѣвшіе ко мнѣ ближе пробовали разговаривать; я качалъ головою, улыбался и пожималъ плечами; они старались говорить яснѣе, громче, но, разумѣется, напрасно. Секретарь же былъ единственнымъ переводчикомъ и былъ занятъ, такъ какъ генералъ продолжалъ бесѣдовать съ Сосновскимъ. Онъ предложилъ ему въ это время вопросъ о томъ, знаетъ ли онъ какого-то Цзо-Цзунъ-Тана (генералъ-губернатора Западнаго Китая, какъ пояснилъ секретарь), и какъ онъ его находитъ?

— Какъ же, знаю очень хорошо,—отвѣтилъ Сосновскій и прибавилъ, что онъ хорошій администраторъ, но плохой полководецъ.

Генералъ опять задумался.

— А вы можете быть хорошимъ полководцемъ?—спросилъ онъ потомъ.

— Могу,—отвѣтилъ Сосновскій, такъ весело разсмѣявшись, что разсмѣшилъ китайскаго генерала, который, по окончаніи этого смѣха, собрался уѣзжать и при прощаньи еще разъ повторилъ свою просьбу, чтобы обѣщанныя ружья были высланы, какъ можно скорѣе.

Была уже ночь. Мы всѣ проводили его съ лодки на берегъ, гдѣ его ожидалъ паланкинъ. Кланялся онъ, стоя у носилокъ; кланялись мы; мандарины его свиты дѣлали передъ нимъ реверансы и опять кланялись; наконецъ, онъ сѣлъ въ носилки; ихъ закрыли до половины занавѣской; четыре носильщика ловко подняли ихъ и быстро зашагали по набережной; конвойные солдаты дали два залпа изъ ружей и послѣдовали за генераломъ. Остальные мандарины вернулись на лодку и продолжали бесѣду о разныхъ предметахъ военнаго и морского дѣла. Теперь я внимательнѣе разсмотрѣлъ ихъ; они были большею частью живые, любознательные люди; но симпатичнѣе всѣхъ одинъ, по имени Лю, капитанъ китайской паровой яхты и, какъ говорили, любимецъ Ли-Хунъ-Чжана. Онъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ пріятной физіономіей, и живой, страстный, постоянно возбужденный любовью къ званію. Разсказывали, что онъ былъ слугою Ли-Хунъ-Чжана и сдѣлалъ карьеру благодаря своимъ дарованіямъ, прилежанію и трудолюбію; и если это правда, если карьеры этимъ путемъ часто дѣлаются въ Китаѣ, то

этому государству не грозитъ разрушеніе. Лихорадка любознательности снѣдала Лю, но и ему, какъ, знакомому читателю, Янъ-Фану, недостатокъ основного общаго образованія мѣшалъ хорошо понимать спеціальные предметы, что онъ самъ сознавалъ, и это, видимо, приводило его въ раздраженіе; но онъ не терялъ надежды научиться всему, чему хотѣлъ.

Въ г. Тянь-Цзинь мы сѣли на пароходъ, не смотря на то, что Петербургъ будетъ ожидать отъ насъ обѣщаннаго ему изслѣдованія сухопутной, дѣйствительно важной торговой дороги, если уже не изъ г. Хуху-Хото въ г. Хань-Коу, то, по крайней-мѣрѣ, изъ Пекина въ этотъ городъ. Учено-торговые изслѣдователи сухопутныхъ торговыхъ путей въ Китаѣ, плывемъ мы на американскомъ пароходѣ моремъ; черезъ нѣсколько дней заходимъ въ г. Шанъ-Хай; но такъ какъ тамъ все „ужасно дорого", то долго въ немъ „мы" не засидѣлись: я съ г. Матусовскимъ провелъ шесть дней, а г. Сосновскій съ остальными уѣхалъ на третій день. Въ такое время, конечно, многаго не осмотришь; но я разсказываю все-таки объ общемъ видѣ этого „города дворцовъ", какъ его называетъ (европейскій Шанъ-Хай; китайскій же— обыкновенный), его населеніи, о нѣкоторыхъ моихъ знакомствахъ, благодаря которымъ мнѣ удалось посѣтить англійско-китайскій банкъ, камеру китайскаго судьи во время разбора дѣлъ въ китайско-европейскомъ судѣ, и арсеналъ. Осмотръ послѣдняго производился всей компаніей, а потому совершонъ въ пять, много десять минутъ, хотя это одинъ изъ интереснѣйшихъ современныхъ вопросовъ, касающихся Китая. Я описываю ночную жизнь города, ночлежные пріюты въ видѣ шкафовъ для храненія платья въ нашихъ собраніяхъ и клубахъ, опійныя курильни, и говорю о самомъ куреніи и въ этомъ отношеніи сообщаю новыя свѣдѣнія, во многомъ противорѣчащія съ тѣми, какія были раньше извѣстны и считались вполнѣ достовѣрными (ст. 267).

Въ чемъ же заключаются дѣйствія опія? Въ чемъ его прелесть, такъ привязывающая къ нему людей. До сихъ поръ, кажется, всѣ были убѣждены, что онъ даетъ человѣку сонъ, сопровождаемый какими-то пріятными видѣніями; но это оказывается совершенно невѣрнымъ: никакихъ видѣній, ни даже сна опій при куреніи его не производитъ. Вначалѣ людямъ, просто, нравится запахъ его дыма, или они начинаютъ курить, подчиняясь модѣ, или изъ шалости, какъ мы табакъ. И затѣмъ незамѣтно подкрадывается бѣда, т. е. пріобрѣтается привычка, не удовлетворять которой почти невозможно.

Дѣйствія опія на старыхъ курильщиковъ совершенно тоже, какое оказываетъ похмѣлье на пьяницу. Они, говорю, отнюдь не впадаютъ въ дремоту, сопровождаемую какими-либо пріятными видѣніями, въ чемъ многіе убѣждены до сихъ поръ, а только чувствуютъ себя здоровѣе, бодрѣе и веселѣе. Отъ продолжительнаго некуренія у нихъ начинаются разныя болѣзненныя ощущенія, а именно: боли въ спинѣ, подъ ложечкой, слезотеченіе, тяжесть головы, общая слабость и неопредѣленная тоска съ упадкомъ духа; а послѣ куренія всѣ они проходятъ, уступая мѣсто чувству общаго довольства и бодрости".

Пріѣзжаемъ въ одинъ изъ главныхъ пунктовъ чайнаго царства, въ г. Ханъ-Коу; но о чаѣ здѣсь ничто не гововоритъ, потому что онъ растетъ не тутъ, а въ окрестныхъ мѣстностяхъ; Ханъ-Коу же только одинъ изъ важныхъ рынковъ для его сбыта и съ виду совершенно такой же, какъ всѣ другіе китайскіе города. Да и пріѣхали мы совсѣмъ не во время,—зимою, тогда какъ чайный сезонъ продолжается съ апрѣля по августъ, вслѣдствіе чего и съ этимъ дѣломъ намъ не удалось ознакомиться вполнѣ, хотя мы и провели въ Ханъ-Коу, вмѣсто двухъ предполагавшихся недѣль, два мѣсяца. Засидѣлась же здѣсь экспедиція на этотъ разъ по винѣ г. Губкина: проѣздомъ черезъ г. Кунгуръ, гдѣ живетъ этотъ, съ виду простой человѣкъ, ведущій, какъ говорятъ, торговые обороты на двадцать милліоновъ въ годъ, г. Сосновскому удалось преподать ему краткое наставленіе относительно общегосударственныхъ пользъ, т. е. насчетъ „воспособленія" экспедиціи, и г. Губкинъ изъявилъ согласіе пожертвовать съ своей стороны двѣ тысячи рублей, которыя „мы" должны были получить въ Ханъ-Коу отъ его повѣреннаго, г. Марьина (Старшаго). Тотчасъ по пріѣздѣ, разумѣется, справились насчетъ распоряженія о выдачѣ означенной суммы; но г. Марьинъ, оказывается, подобнаго не получалъ. Г. Сосновскій посылаетъ въ г. Кунгуръ телеграмму и ждетъ отвѣта... А мы ждемъ отъѣзда, который поневолѣ со дня на день откладывается; и хотя это всегда мѣшаетъ дѣлу, но кой чѣмъ занимаемся; къ сожалѣнію,—только кой чѣмъ, потому что безъ такого переводчика, который бы помогалъ мнѣ по обязанности, а не изъ любезности, ничего не можешь предпринять обдуманнаго и систематическаго. Тутъ я схожусь съ однимъ молодымъ человѣкомъ изъ здѣшней русской ко-

лоніи, г. Шевелевымъ, котораго намъ многіе рекомендовали раньше и почти настаивали, чтобы мы, во что бы ни стало, уговорили его ѣхать съ собою, потому что онъ отлично говоритъ, читаетъ и пишетъ по китайски, что онъ хорошо знакомъ съ коммерческимъ дѣломъ, что намъ вообще лучшаго спутника и помощника по этой части не найти и желать не надо. У г. Шевелева было еще одно „превосходное качество", это то, что онъ никакого жалованья не требовалъ, потому что, какъ обезпеченный человѣкъ, не нуждался въ немъ, а поѣхалъ бы изъ одной любознательности. Но какія причины заставили г. Сосновскаго обойти г. Шевелева,—человѣка, несомнѣнно умнаго, очень развитаго, много знающаго и имѣющаго тотъ зоркій проницательный взглядъ практическаго человѣка, какимъ онъ сразу угадываетъ многое, на что другому нужны мѣсяцы, — это такъ и осталось для меня тайною. Одинъ недостатокъ имѣлъ г. Шевелевъ, заключавшійся въ его самостоятельности, т. е. въ томъ, что имъ нельзя бы было также распоряжаться, приказывать „жить и умирать", какъ это совершалось надъ несчастнымъ г. Андреевскимъ,—исполнять безъ разсужденій все, что будетъ приказано. Пожалуй, что это и повело къ тому, что и г. Шевелевъ, подобно г. Журавлеву, не вошелъ въ составъ экспедиціи. Втораго предлагалъ г. Сосновскому еще въ Москвѣ предсѣдатель Биржеваго комитета, г. Морозовъ *); но г. Сосновскій требовалъ, чтобы г. Журавлевъ, рекомендуемый московскимъ купечествомъ въ качествѣ торговаго агента при правительственной экспедиціи находился въ полномъ распоряженіи его, начальника, и не иначе какъ въ званіи переводчика, и чтобы деньги и образцы товаровъ, которые купечество, повидимому очень сочувственно отнесшееся тогда къ дѣлу, ассигновало г. Журавлеву, — были переданы въ его вѣдѣніе. На это г. Морозовъ, въ письмѣ къ бывшему министру финансовъ (отъ 15 янв. 1874 г.), отвѣтилъ слѣдующее:

*) При этомъ упомяну кстати, что когда я проѣздомъ изъ Петербурга въ Китай, въ половинѣ марта 1874 года, посѣтилъ г. Морозова, чтобы получить отъ него, по порученію г. Сосновскаго, окончательный отвѣтъ, онъ принялъ меня, несмотря на мой мундиръ и штабъ-офицерскія эполеты, такъ обидно-сухо, что я, тогда ничего не знавшій, былъ чрезвычайно удивленъ. Впослѣдствіи дѣло объяснилось, какъ и читателямъ теперь причины извѣстны.

„Г. Сосновскій, какъ изъ объясненій съ нимъ я могъ замѣтить, имѣетъ по настоящему предмету (т.-е. изслѣдованію торговыхъ путей въ Китай) „весьма недостаточныя свѣдѣнія“...

А потомъ (отъ 7 марта, за № 118), онъ же говоритъ, что:

...„Письмо г. Сосновскаго, предложенное на обсужденіе московскаго купечества“ (относительно г. Журавлева же), „произвело такое впечатлѣніе, что придти съ нимъ къ соглашенію оказалось положительно невозможнымъ, такъ какъ едва ли кто либо изъ лицъ, извѣстныхъ купечеству, прожившихъ долгое время въ Китаѣ и слѣдовательно знакомыхъ съ мѣстнымъ положеніемъ дѣла, согласится быть въ полномъ его распоряженіи“.

Точно также осталось безъ объясненія, почему г. Сосновскій не дозволилъ мнѣ пригласить съ собою В. И. Нѣмчинова въ „Хань-Коу, въ качествѣ переводчика лично для себя, какъ я желалъ; а равно и о г. Андроновѣ *), рекомендованномъ М. Ѳ. Нѣмчиновымъ, въ Кяхтѣ; я не знаю настоящихъ причинъ, по которымъ и его забраковали. Послѣдняго мы даже и не видали; и я узналъ о немъ уже въ г. Тянь-Цзинь, когда живущіе тамъ русскіе (чины нашего консульства и представители русской торговли) выражали удивленіе: какимъ же образомъ экспедиція, носящая названіе учено-торговой, не имѣетъ ни переводчиковъ, ни лицъ, знакомыхъ съ торговлей.—Г. Андреевскаго (превосходно знающаго разговорный монгольскій языкъ, для насъ уже не нужный, а не китайскій), и никуда не годнаго старика Сюя, лѣтъ 60 слишкомъ, можно сказать, не говорящаго по-русски, тамъ знали, и называли только „декоративными“ переводчиками; желая же намъ успѣха въ дѣлѣ, они всѣми силами старались убѣдить насъ, что у

*) Гг. Шевелевъ, Журавлевъ и Андроновъ обучались въ школѣ китайскаго языка (существовавшей въ Кяхтѣ, а потомъ, будто бы за ненадобностію, уничтоженной). Они пробыли въ ней три года, потомъ продолжали изученіе китайскаго языка въ духовной миссіи въ Пекинѣ, въ теченіи двухъ лѣтъ, подъ руководствомъ о. Исаіи, составителя извѣстнаго, или, лучше сказать, неизвѣстнаго, русско-китайскаго словаря, и затѣмъ каждый изъ трехъ названныхъ лицъ прожилъ въ Китаѣ не менѣе десяти лѣтъ, гдѣ они практически, превосходно, говорятъ, изучили разговорную рѣчь, а также отлично знали и письменный языкъ. Въ лицѣ г. Шевелева этому являются убѣдительныя доказательства... Въ книгѣ я упоминаю еще о переводчикѣ Ѳедорѣ, китайцѣ-православномъ; но онъ пробылъ въ составѣ экспедиціи не долго; а изъ него, хотя онъ и неграмотный, можно было сдѣлать все-таки порядочнаго помощника. И его не съумѣли удержать;—ушелъ.

насъ переводчиковъ нѣтъ. Но мы уже давно сами это отлично знали; не зналъ только Петербургъ, какъ должно понимать и что представлять себѣ, произнося, данныя имъ г. Сосновскимъ, званія, одному—„Иркутскаго гражданина“, другому—„Представителя серьезной фирмы“... Можетъ быть, теперь г. Сосновскій „обстоятельно разъяснитъ“ намъ, чѣмъ руководился онъ, не принимая въ экспедицію свѣдущихъ и дѣйствительно полезныхъ людей; или пусть докажетъ, что я „умышленно извращаю факты“ или неправильно понялъ что-нибудь. Недостаткомъ же средствъ этого объяснять нельзя, потому что, какъ сказано, средства имѣлись; а въ Хань-Коу онѣ и еще увеличились на 2,000 р. независимо отъ казенныхъ.

И такъ, говорю, два мѣсяца просидѣли мы въ Хань-Коу, въ ожиданіи отвѣта отъ г. Губкина, и все собираясь уѣзжать. Я собралъ за это время нѣкоторыя свѣдѣнія о чайномъ дѣлѣ, съ чѣмъ могъ познакомиться собственнымъ наблюденіемъ, остальное—по разспросамъ; и пришелъ къ заключеніямъ, какихъ прежде не встрѣчалъ въ трактатахъ объ этомъ дѣлѣ у другихъ путешественниковъ (см. мой т. I, стр. 297—316). Объ этихъ свѣдѣніяхъ критика („Отголоски“ 1881 г., № 1. стат. В. В. Григорьева) сказала слѣдующее:

...„Въ Хань-Коу“... „путешественникъ нашъ изучаетъ чайное дѣло въ величайшей подробности, сообщаетъ о фабрикаціи чаевъ свѣдѣнія, поражающія неожиданностію, и приходитъ къ заключенію, уже совершенно невозможному, чтò намъ не зачѣмъ тратить милліоновъ на выписку чая изъ Китая, такъ-какъ зелье это можно замѣнить, въ особенности для простого народа, многими другими, въ самой Россіи произрастающими. Заключеніе это назвали мы „невозможнымъ“ не потому, чтобы, дѣйствительно, было оно неприложимо на практикѣ, а потому, что родъ человѣческій, привязавшись разъ къ какому бы ни было вздору, ни за чтò уже отъ него не откажется, какъ ни вразумляй его, что вздоръ есть вздоръ. Во всякомъ случаѣ, трактатъ г. Пясецкаго о фабрикаціи чаевъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія образованныхъ людей и въ особенности финансистовъ, заботящихся объ уменьшеніи непроизводительныхъ расходовъ“.

Не буду говорить о своихъ другихъ занятіяхъ въ Хань-Коу, но могу сказать смѣло, что времени у меня даромъ пропало не много. Что дѣлалъ г. Сосновскій, почти не вы-

ходя изъ дома (г. Шевелева, гдѣ онъ помѣщался,) никто не зналъ; онъ всего раза два-три былъ въ китайскомъ городѣ, и даже на чайныя плантаціи не съѣздилъ, а послалъ гг. Матусовскаго и Боярскаго, которыхъ сопровождали нѣкоторые изъ нашихъ хань-коу'скихъ земляковъ. Поэтому у него собственныхъ наблюденій не можетъ быть и онъ дѣйствительно ихъ не даетъ, а приводитъ лишь выписки изъ раньше напечатаннаго (ниже это доказывается)... Наконецъ, не дождавшись желаннаго отвѣта о 2,000 р. „мы" разсердились на г. Губкина и уѣхали, чтобъ потомъ посчитаться съ нимъ при обратномъ проѣздѣ черезъ г. Кунгуръ.

Вотъ какъ выражалъ г. Сосновскій изъ Хань-коу свое неудовольствіе по этому поводу на г. Губкина въ донесеніи къ министру финансовъ (отъ 24 дек. 1874. № 42).

„Милліонеръ—чаеторговецъ Губкинъ опредѣлилъ 2,000 р. для расширенія дѣйствій экспедиціи. Я разсчитывалъ на эти деньги и соотвѣтственно тому регулировалъ мои хозяйственныя соображенія. Не мало же я былъ удивленъ, когда, обратившись, по прибытіи сюда, къ повѣренному Губкина за полученіемъ денегъ, я *начисто* получилъ отказъ, ибо Губкинъ уклонился отъ выполненія даннаго слова и не выслалъ довѣренному должнаго приказа. Я телеграфировалъ Губкину, но, вотъ уже болѣе мѣсяца, не получаю отвѣта: *очень можетъ быть, что обѣщанная сумма понадобилась на сооруженіе подвиговъ благочестія* (?!).

Съ указанными выше интересомъ къ дѣлу, принципами и средствами, экспедиція отправляется изслѣдовать новыя страны, отъ Хань-Коу, гдѣ живутъ послѣдніе на нашемъ пути русскіе, до Зайсанскаго Поста, въ нашихъ предѣлахъ. Теперь, съ окончаніемъ „широкаго гостепріимства", на ряду съ безпредѣльной экономіей, вопреки обѣщаніямъ г. Сосновскаго и нашимъ ожиданіямъ, снова раздается команда: „подтягиваться" и „не задерживать общаго движенія", да напоминанія о томъ, что у экспедиціи есть дѣла поважнѣе, есть „государственныя заданія", что она снаряжена „ужъ никакъ не для ботаническихъ, художественныхъ, литературныхъ и т. п. цѣлей", что мы, подчиненные, должны помнить, что мы — „далеко не туристы на казенный счетъ", что наши работы „только побочныя" „и не особенно-то нуж-

ныя для цѣлей правительства" и т. п.; а главное, что намъ „шириться нельзя *)".

Обманутые и безпрестанно оскорбляемые изъ-за всякаго вздора, о которомъ даже и говорить совѣстно, при самой невзрачной обстановкѣ, плетемся мы по рѣкѣ Хань, безъ осмысленныхъ остановокъ, безъ обычныхъ у всѣхъ настоящихъ путешественниковъ дневокъ, безъ серьезной и извѣстной всѣмъ руководящей мысли, не смѣя и заикнуться объ обсужденіи какого-нибудь вопроса, научнаго или практическаго, или даже сдѣлать попытку подобнаго рода. Никто не смѣетъ и подумать о томъ, чтобы попросить начальника остановиться или обождать себя, чтобы что-нибудь узнать или осмотрѣть; не потому не смѣемъ, что боимся г. Сосновскаго, а потому что мы давно убѣдились, что подобныя просьбы принимаются неиначе, какъ оскорбительная „оппозиція", или желаніе „прогуливаться на казенный счетъ", и ни къ чему кромѣ оскорбленій не ведутъ. Исключеніе составляетъ одна фотографія, для которой, можно думать, исключительно снаряжена и вся экспедиція. Заявленія и требованія г. Боярскаго почти всегда законъ для г. Сосновскаго, потому-что тутъ интересы общіе; но хоть бы для фотографіи останавливались вездѣ, гдѣ стоило, а то и того нѣтъ. Когда же наболѣвшее сердце не выдержитъ, когда впадаешь въ отчаяніе, то что мудренаго, что съ языка сорвется слово досады, котораго и не скрываешь отъ г. Сосновскаго, въ надеждѣ хоть сколько-нибудь образумить его. Но такъ-какъ эти слова были не такого рода, чтобы за

---

*) Тогда на пищу для восьми человѣкъ тратился примѣрно одинъ рубль въ день! И мы съ г. Матусовскимъ черезъ недѣлю завели свою кухню... Слѣдующее письмо г. Андреевскаго свидѣтельствуетъ о незавидномъ положеніи, въ какомъ онъ находился въ путешествіи.

Вотъ что писалъ онъ 14 ноября 1875 г., къ одному изъ спутниковъ, безпокоимый ничтожнымъ долгомъ. Это было въ Семипалатинскѣ уже по возвращеніи изъ экспедиціи.

«Что я буду дѣлать,—уплатить вамъ слѣдующія съ меня 7 руб. не могу. Юліанъ Адамовичъ мнѣ денегъ не оставилъ ни копѣйки кромѣ 10 р., которые нужны на мелочные расходы,—вѣстовому на пищу, и свѣчу для канцеляріи, наконецъ, мнѣ хлѣба для чаю. Чортъ знаетъ, хоть въ Иртышъ такъ въ пору. 20 коп. извощику приходится занимать чуть не у дворника. Бѣдствуя въ Китаѣ, тоже приходится испытывать и на Руси. Жалованье, вы спросите, получилъ? Только казенное, по 600 р. въ годъ; а кяхтинское, увы!—Ни слова пока...

нихъ можно было карать на основаніи закона, то ему надо было вызвать меня на какой нибудь такой поступокъ, за который бы можно было „вполнѣ законно“ спровадить виновнаго „по этапу“,—какъ любилъ обѣщать г. Сосновскій,—обратно въ Пекинъ, а тамъ ужъ посланникъ самъ распорядится, какъ найдетъ нужнымъ, и предоставитъ средства вернуться въ Россію“.

Въ рѣкѣ Хань мы нашли сущій кладъ,—по дешевизнѣ проѣзда по ней въ лодкахъ, а также всѣхъ жизненныхъ припасовъ; поэтому г. Сосновскій, назвавъ эту рѣку *кратчайшей діагональю*, ведущей отъ его *общегосударственной артеріи*, т. е. рѣки Янъ-Цзы, къ той странѣ, которая, какъ онъ говоритъ (еще не видавъ ея), „повидимому, относится къ области нашего торговаго вліянія“, рѣшился ѣхать по ней точь-въ-точь, какъ въ оны-времена странствовали по невѣдомымъ странамъ сказочные герои,—ѣхать до тѣхъ поръ „пока или самого, или лошадь съѣдятъ“. И дѣйствительно, онъ таки добился того, что лодка его, получившая по крайней мѣрѣ сотню предостереженій, (и казаковъ, и китайцевъ), разбилась наконецъ, какъ онъ писалъ потомъ, „въ щепы“. Въ самомъ дѣлѣ, и при наниманіи лодки, и послѣ, ему постоянно говорили, что по своему устройству, вполнѣ удобному для низовьевъ рѣки, она вовсе не годится для ея средней части и верховьевъ, и что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ пройти до г. Хань-Чжунъ-Фу, лежащаго уже не подалеку отъ истоковъ р. Хань. Но лодка нанята до этого пункта и коварный хозяинъ ея уже и деньги всѣ выбралъ,—(что-то около 300 руб. за два мѣсяца, за всю компанію, кромѣ меня и г. Матусовскаго, ѣхавшихъ по совѣту „ничего-непонимающихъ китайцевъ“ въ такой лодкѣ, какую слѣдовало нанять и г. Сосновскому: тогда и онъ также прошелъ бы вполнѣ благополучно, какъ и мы)... Но, можетъ быть, тутъ были какія-нибудь высшія заданія, „которыхъ я понимать не могъ“... Много совершилось курьезовъ на этой рѣкѣ, невѣроятныхъ распоряженій, забавнѣйшихъ или возмутительныхъ сценъ, во время нашего трехъ мѣсячнаго движенія по рѣкѣ, на манеръ бурлаковъ съ грузомъ; но, частью они упомянуты въ книгѣ, а большею частью мнѣ и разсказывать о нихъ, было и есть, стыдно; а потому я о нихъ умолчу и теперь; пусть повѣствуетъ лучше

самъ г. Сосновскій, если желаетъ; но пусть повѣствуетъ обстоятельно, по числамъ и съ именами всего и всѣхъ, и, опровергнувъ то, что я разсказываю. Приведу здѣсь только разсказъ о крушеніи его лодки, совершившемся въ день 30 марта 1875 года, чтобы дать читателямъ образчикъ моихъ *лжи, клеветы* и *извращенія фактовъ* изъ этой эпохи (стр. 562).

„Поднявшись чѣмъ-свѣтъ, рабочіе тронулись, а, слѣдовательно, и Матусовскій долженъ былъ немедленно встать и сѣсть за работу. Скоро и я былъ на палубѣ, вызванный на воздухъ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ Наступилъ восхитительный день и въ сегоднешнемъ утрѣ среди дикой прелести природы было что-то особенно торжественное, праздничное сіяющее. Лучи солнца ярко освѣщали горы праваго берега рѣки и пробужденные ими, казалось, видимо распускались цвѣты и деревья; всюду свистали и чокали птицы; жужжали насѣкомыя; а рѣка, сначала спокойная, зеленая и гладкая, какъ зеркало, невдалекѣ отъ насъ превращалась въ бѣлые клубы, которые съ ревомъ, прыжками неслись черезъ камни и мчались съ быстротою стрѣлы къ намъ на встрѣчу. Вода течетъ вообще быстро, но, за исключеніемъ одного мѣста, не бурлитъ, не пѣнится, а только плещется кой-гдѣ у береговъ, мѣстами же образуетъ совершенно тихія заводи. И въ одной изъ нихъ, недалеко отъ бушевавшего мѣста рѣки, мы остановились у берега, приготовляясь вступить въ находившійся передъ нами порогъ подъ названіемъ Лунъ-Танъ.

Наша лодка стояла впереди и должна была идти первою. Рабочіе съ обѣихъ лодокъ и еще, призванные изъ селенія китайцы, собрались около нея и раздѣлились на двѣ партіи; одну оставили на лѣвомъ берегу, другую перевезли и высадили на правый, и у каждой партіи былъ въ рукахъ свой крѣпкій бамбуковый канатъ. Оба они были привязаны къ основанію мачты, а отъ верхушки ея шелъ еще третій, отведенный также на лѣвый берегъ. Когда лодка еще стояла у берега, рабочіе отошли на длину канатовъ, выровнялись и ждали команды. Синъ-Ванъ стоитъ на носу лодки, съ багромъ въ одной рукѣ и съ поднятой другой рукой для команды, потому что за страшнымъ ревомъ воды не слышно ни одного слова, какъ бы ни кричалъ даже самый громогласный китаецъ, желавшій сказать что-нибудь. На лодкѣ стоятъ еще нѣсколько человѣкъ съ баграми, выставленными на подобіе веселъ направо и налѣво противъ торчащихъ изъ воды камней. Наконецъ, Синъ-Ванъ, еще разъ осмотрѣвъ всѣхъ и все, далъ знакъ рукой и рабочіе тронулись. Мы съ Матусовскимъ сидимъ въ лодкѣ и смотримъ впередъ на бѣшеную воду. Подходимъ ближе и ближе, и вступили въ самый порогъ. Валы передъ нами; валы со всѣхъ сторонъ; они колотятъ и треплятъ лодку, крутятся, скачутъ, и, какъ будто сознательно, силятся вскочить въ нее черезъ борта, чтобы залить и со-

крушить дерзкую ладью, осмѣлившуюся идти имъ наперекоръ. И невольный страхъ закрался въ душу, когда намъ показалось, что лодка наша перестала двигаться и какъ будто остановилась посреди этой разъяренной воды. Зачѣмъ мы, подумалось мнѣ въ эту минуту, не вынесли на берегъ болѣе драгоцѣнныхъ вещей, которыми были, конечно, результаты нашихъ работъ... Но теперь было ужъ поздно и, если ее сорветъ съ удерживающихъ канатовъ, тогда, конечно, все погибло: записки, карта, растенія, чучела, рисунки, образцы почвъ и минераловъ. Все это уплыветъ или пойдетъ ко дну, и страхъ за эти вещи былъ такъ великъ, что о себѣ и не подумалось въ эту минуту... Да, минута страшная и долгая! Но профессоръ судоходства, какъ у насъ назывался лоцманъ Ванъ, спокоенъ и только серьезенъ; лодка, сказалъ онъ, надежна; несущіяся мимо насъ валы не достаютъ до краевъ ея высокихъ бортовъ; канаты онъ осмотрѣлъ самъ, и пока все идетъ благополучно. Матусовскому тоже пришла какая-то мысль, и онъ захотѣлъ передать ее мнѣ. Мы стояли рядомъ; онъ приложилъ ротъ къ моему уху, и я видѣлъ по его лицу, что онъ кричалъ изо всѣхъ силъ; но я не могъ расслышать ни одного слова. Вотъ какой невообразимый шумъ и ревъ воды вѣчно стоитъ въ воздухѣ надъ порогомъ. Величественно и чрезвычайно интересно! И непріятна только неизбѣжная медленность прохожденія лодки черезъ этотъ адъ кромѣшній. А нашъ Ванъ какъ будто нарочно выбираетъ въ немъ самыя страшныя мѣста: казалось бы можно и слѣдовало бы ихъ обойти,— нѣтъ, онъ направляетъ лодку именно въ самый кипятокъ, прямо въ разрѣзъ несущимся на встрѣчу валамъ. Но ему, разумѣется, никто не осмѣлился мѣшать и давать совѣты; мы вполнѣ довѣряли его знаніямъ. Отъ испытываемаго волненія я забылъ посмотрѣть на часы, чтобъ опредѣлить сколько времени прошло, пока мы медленно и незамѣтно проходили самую опасную часть порога; показалось же мнѣ, что мы оставались въ немъ около четверти часа.

Но вотъ, лодка поднялась на относительно спокойную часть рѣки и страшный Лунъ-Танъ остался позади насъ. Мы прошли еще въ четверть версты только при помощи своихъ рабочихъ и, повернувъ за выдающійся мысъ, гдѣ рѣка значительно спокойнѣе, пристали къ лѣвому берегу; а всѣ, помогавшіе намъ, посторонніе люди вернулись къ другой лодкѣ, чтобъ точно также общими силами провести и ее. Затѣмъ нашъ Тай-Гунъ, Ванъ и всѣ наши рабочіе отправились къ ней на помощь; и мы съ Матусовскимъ, оставивъ казака караулить лодку, пошли назадъ къ порогу, чтобъ посмотрѣть и, если нужно будетъ, помогать при прохожденіи другой лодки. Мы шли всѣ вмѣстѣ.

— Ма-Янъ-Чуанъ здѣсь не пройдетъ,—сказалъ дорогой Синъ-Ванъ, сказалъ съ такою увѣренностью и такъ помахалъ отрицательно рукою передъ своимъ задумчивымъ лицомъ, что мнѣ даже жутко стало. Точно онъ произнесъ смертный приговоръ.

Опять хотѣлось пойти сказать, чтобы не шли на опасность, а

сдѣлали какъ-нибудь иначе. Но какъ это сказать? Кому? Кто послушаетъ? А дѣло общее...

Разговоръ все вращался на одномъ вопросѣ:—какъ проберется здѣсь другая лодка? Но скоро и говорить нельзя было: приходилось постоянно смотрѣть подъ ноги, чтобъ не упасть и не изломать себѣ руки или ноги. По песку и наваленнымъ въ безпорядкѣ грудамъ огромныхъ камней—обломковъ скалъ, поднялись мы на возвышеніе, въ родѣ морены, съ котораго передъ нами открылся весь порогъ, и въ самой срединѣ его мы увидали въ эту минуту грузовую купеческую лодку, которая пошла черезъ него слѣдомъ за нами, Теперь, со стороны намъ было еще страшнѣе смотрѣть на эту борьбу съ ужасающей силой рѣки, потревоженной въ своемъ теченіи. Непосредственно за этой чужой, по-немногу подвигалась впередъ и лодка Сосновскаго. Человѣкъ по двадцати, китайцевъ съ криками, заглушаемыми шумомъ порога, отъ паденія котораго, казалось, дрожала земля, тянули каждый канатъ, и лучше было не думать, что будетъ, если только одинъ изъ нихъ лопнетъ... Тогда, конечно, не выдержать и остальнымъ. Вотъ выбралась на безопасное мѣсто купеческая лодка,—еще однимъ шансомъ для благополучнаго исхода больше: двѣ лодки прошли, авось и эта пройдетъ, думаемъ мы. Но дѣло въ томъ, что первыя двѣ совсѣмъ иного устройства: тѣ узкія и глубокія; эта широка, низка и чрезвычайно неустойчива на водѣ; да еще эти крылья по бокамъ!..

Сосновскій, по обыкновенію, вышелъ на берегъ; съ нимъ и старикъ Сюй, а всѣ остальные были на лодкѣ и переводчикъ съ фотографомъ только-что встали съ постелей. Мы слѣдимъ за нею со страхомъ. Вотъ она въ срединѣ порога. Волны напираютъ и разбиваются объ ея широкій и плоскій носъ, мало возвышающійся надъ водой; онѣ качаютъ ее изъ стороны въ сторону, такъ что мачта, подобно метроному, описываетъ верхнимъ концомъ большую дугу; эти качанія все дѣлаются шире, и людямъ, бывшимъ на лодкѣ, уже трудно стоять; но помѣшать колебаніямъ ея или уменьшить ихъ невозможно. Вдругъ одинъ валъ вскатывается на носъ съ одной стороны и такъ сильно накрениваетъ лодку, что она зачерпнула правымъ крыломъ, наклонилась еще сильнѣе, вслѣдствіе чего одинъ изъ ея, и безъ того низкихъ, бортовъ почти легъ на воду, и черезъ секунду вода хлынула черезъ весь ея правый край въ трюмъ... Раздались крики ужаса, и люди въ смятеніи бросились къ лѣвому краю, который все выше и выше поднимался надъ водой, по мѣрѣ того, какъ правый медленно погружался въ воду. Сопротивленіе, оказываемое лодкой, теперь, вдругъ, какъ понятно, страшно возросло и канаты, не выпускаемые рабочими изъ рукъ, лопнули одинъ за другимъ!.. Дальше разсказывать нечего...

Впрочемъ, читатель не болѣе опытный, чѣмъ я, можетъ подумать, что лодку тотчасъ же послѣ этого стрѣлой помчало внизъ и мигомъ разбило въ щепки. Нѣтъ, этотъ актъ совершался медленно: лодку, уже лежавшую на боку, постепенно потянуло внизъ по теченію, стало поворачивать ее поперегъ рѣки, и въ тотъ моментъ,

когда она своей передней частью приблизилась къ берегу, Андреевскій, Боярскій и казакъ Павловъ соскочили съ нея на берегъ; а хозяинъ лодки, обнявшись съ своей женой и, видимо готовясь къ смерти, казакъ Степановъ, который ея, кажется, вообще не признаетъ, и китаецъ, управлявшій лодкой, остались на ней и ие быстро поплыли внизъ по теченію.

Мы съ Матусовскимъ безсознательно побѣжали за нею вдоль берега, но помочь ровно ничѣмъ не могли. Да и всѣ точно онѣмѣли и потеряли сознаніе; всѣ смотрѣли, молча, молча бѣжали и ничего не предпринимали;—это былъ моментъ общаго столбняка. Мнѣ показалось даже, что въ эту минуту наступила полная тишина, какъ будто даже самый порогъ пересталъ шумѣть... Лодку тихо уносило внизъ и постепенно обламывало у нея то ту, то другую часть; отломилась съ трескомъ мачта и лодка стала еще болѣе поворачиваться все на правую сторону, а люди карабкались на поднявшійся лѣвый бортъ; наконецъ она перевернулась совсѣмъ дномъ кверху, но тоже не вдругъ, а такъ медленно, что находившіеся на ней всѣ успѣли мало-по-малу перебраться на верхъ и теперь плыли, стоя на ея днѣ, обращенномъ кверху! Раздался еще непріятный трескъ какъ бы ломающагося деревяннаго дома;—это опрокинутая лодка задѣвала за подводные камни и обламывала по частямъ свои корму, каюты и крышу, которыя вмѣстѣ съ вываливавшимися вещами падали на дно или всплывали на поверхность воды и уносились теченіемъ внизъ по рѣкѣ. Плыли деревянные ящики, чемоданы и разныя мелкія вещи...

Когда, наконецъ, продолжительное оцѣпенѣніе прошло; люди начали дѣйствовать; казакъ Павловъ раздѣлся и отправился съ берега вплавь за лодкой, чтобъ поймать канатъ, вытащить его на берегъ и остановить лодку, но не нашелъ его и вернулся на берегъ. Съ другого берега поплылъ съ тою же цѣлью одинъ китаецъ, поймалъ канатъ и, съ страшными усиліями, вытащилъ его на берегъ; другіе схватили его, натянули, изо всѣхъ силъ упершись ногами въ землю, но канатъ порвался, какъ нитка; — такъ велико было сопротивленіе опрокинутой лодки. Казакъ Степановъ вытащилъ другую бичеву изъ воды, взялъ ея свободный конецъ въ зубы и пустился вплавь съ лодки къ берегу въ томъ мѣстѣ, гдѣ теченіе было уже слабѣе, выскочилъ на берегъ и, закинувъ канатъ за камень, держалъ своими желѣзными руками, которыя не разъ обрывали новыя веревки въ палецъ толщиной. Онъ удержалъ лодку; и на этотъ разъ канатъ выдержалъ сопротивленіе и она остановилась. Ее притянули къ берегу и бывшіе на ней три человѣка, совершивъ чудесное плаваніе, могли сойти на землю. Мы тоже остановились въ нашемъ машинальномъ движеніи за лодкой и сошлись съ Матусовскимъ.

— Свершилось!—проговорилъ онъ:—сбылись предсказанія китайцевъ, совѣтами которыхъ мы такъ смѣло пренебрегали. Вотъ и наказаніе, и какое наказаніе! Теперь все потеряно и экспедиція наша кончена: по всей вѣроятности, намъ придется отсюда воз-

вратиться съ позоромъ во-свояси... Но, теперь не время предрѣшать, продолжалъ онъ, а надо скорѣе-скорѣе идти туда; намъ необходимо присутствовать тамъ, чтобы знать, что погибло и что спасено... Вы вѣдь ничего не понимаете... Понимаете, почему это необходимо? спросилъ онъ.

— Ничего не понимаю,—отвѣтилъ я...

— Ну, поймете послѣ, а теперь идемъ скорѣе.

Лодку остановили на противоположномъ отъ насъ берегу; сообщеній же здѣсь не было никакихъ и намъ нужно было вернуться къ своей лодкѣ и на ней переправиться на другую сторону. И теперь, возвращаясь къ тому мѣсту, гдѣ она остановилась, я былъ пораженъ величиною пройденнаго нами пространства: я думалъ, что оно не болѣе двухъ сотъ шаговъ, а теперь оказалось, мы пробѣжали, перескакивая съ камня на камень, болѣе версты... Скорымъ шагомъ прошли мы его, переправились у того же мѣста на другой берегъ и по трудной тропинкѣ, черезъ камни и воду, пришли къ мѣсту, гдѣ находились остатки погибшей лодки. На берегу валялись разные вытащенные обломки ея; сидѣли два привязанные пѣтуха, спасшіеся какимъ-то чудомъ и лежали нѣкоторыя вынутыя, насквозь промоченныя вещи. Бѣдный хозяинъ лодки, молча и неподвижно стоялъ, какъ безумный, на берегу, дико и мрачно смотря куда-то вдаль; возлѣ него сидѣла и рыдала его жена. Сосновскій увидалъ насъ и съ неожиданнымъ спокойствіемъ объявляетъ: „Слава Богу, бумаги спасены“.

— Какія бумаги?!—спрашиваетъ удивленный Матусовскій.

— А торговыя свѣдѣнія и общія замѣтки о Китаѣ.

Разговоръ на эту тему больше не продолжался... До общихъ ли замѣтокъ о Китаѣ теперь было! Намъ было и грустно и стыдно. Начальникъ не казался смущеннымъ, точно случилось то, чего онъ желалъ, а не такое несчастіе. Онъ сталъ отдавать распоряженія и прибѣгать къ разнымъ мѣропріятіямъ; но говорилъ все на русскомъ языкѣ, а исполнителями, кромѣ Степанова, были только китайцы, и потому ничего изъ его словъ не понимали. Степановъ, раздѣтый, стоялъ въ водѣ и вытаскивалъ снизу изъ опрокинутаго кузова лодки удержавшіеся въ немъ ящики. Мы готовы были помогать, дѣлать что-нибудь, но чѣмъ тутъ поможешь, что сдѣлаешь? И стояли пока нѣмыми свидѣтелями сцены, похожей на сонъ,—такъ быстро все совершилось,—и ожидали, пока явится дѣло. Мы молчали, потому что никакія слова на умъ не шли. Можно было бы сказать: вы теперь видите, что китайцы дѣло говорили, что насъ нужно было послушать, когда мы васъ предостерегали... Но что теперь толку изъ этихъ словъ! Да и просто изъ деликатности ничего не говорили.

— Сюй Сяньшенъ! — обратился начальникъ къ переводчику, который не понималъ обыкновенной русской рѣчи, а потому съ нимъ говорили не иначе, какъ по кяхтински: „потяни веревку мало мало буди ѐси... Степановъ! да руби же дно! Что ты дурака валяешь!.. Руби дно, говорятъ тебѣ“! приказывалъ начальникъ ка-

заку, всегда отличавшемуся умомъ, сообразительностью и безпримѣрнымъ усердіемъ. „Переворачивай лодку, и таскай скорѣй ящики!..“

Легко сказать: переворачивай лодку, въ которой ѣхало человѣкъ до пятнадцати... Толстякъ поваръ Лао-Бу-Тянь, также голый, стоялъ на днѣ лодки и рубилъ его топоромъ, но ровно ничего не могъ сдѣлать, потому что топоръ каждую минуту попадалъ на гвозди. Сосновскій предполагалъ, что дно не подается, вслѣдствіе его неумѣнія, и кричалъ ему, чтобъ онъ ушелъ прочь; но тотъ, конечно, не понималъ и еще усерднѣе дѣйствовалъ топоромъ; Сюй не понимаетъ, чего начальникъ хочетъ отъ Лао-Бу-Тяня и распорядитель выходилъ изъ себя. Дѣйствительно, ужасно досадно.

— Вы, господа, хоть бы казака Смокотнина прислали, — обратился къ намъ начальникъ тономъ укоризны.

— Мы казака оставили караулить лодку, а сами пришли помочь, въ чемъ нужно.

— Да что, пришли помочь!.. Смокотнинъ по крайней мѣрѣ переводчикомъ могъ бы быть, а то ничего не можешь приказать. Такимъ образомъ, полная негодность Сюя была признана оффиціально. Андреевскаго здѣсь не было; онъ ушелъ съ фотографомъ внизъ по теченію догонять уплывавшія вещи. Я видѣлъ, что дѣйствительно безъ нашего казака тутъ ничего не выйдетъ, и потому вернулся назадъ къ своей лодкѣ; а Матусовскій остался тамъ, чтобы знать, что окажется спасеннымъ и что погибло, для того, чтобы опредѣлить, какія могутъ быть вѣроятныя послѣдствія несчастія.

Я послалъ казака, а самъ остался караульщикомъ и принялся за препарированіе убитыхъ сегодня утромъ птицъ, и былъ очень радъ этой механической работѣ, потому что никакія другія занятія на умъ не шли; — бодрость духа пропала совершенно и ко всему явилась апатія. Тревожныя мысли о еще далекомъ и опасномъ пути, который намъ предстояло проѣхать на безумной тройкѣ изъ „авось, небось и какъ-нибудь“,—эти мысли наводили просто ужасъ и не разъ думалось — вернуться бы лучше... А любознательность влекла впередъ, въ невѣдомыя страны! И вотъ во всемъ существѣ совершается борьба страстнаго стремленія въ интересную даль съ опасеніями, которыя нашептывали иныя мысли: они говорили — быть бѣдѣ; не можетъ кончиться это путешествіе благополучно; развѣ только совершится чудо... но, вѣдь, чудеса въ наше время рѣдки. Потомъ мысли обращались отъ мрачнаго будущаго къ печальному настоящему; въ глазахъ мерещился этотъ жалкій образъ погибающей лодки; жалки были пострадавшіе спутники; но не по своей ли винѣ они попали въ настоящее скверное положеніе. Цѣлая семья лодочника была разорена въ конецъ; потому что вмѣстѣ съ лодкой для нея погибли домъ, средства къ жизни и всѣ надежды на остальную жизнь. Скверно было и положеніе всей учено-торговой экспедиціи: все цѣнное и необходимое т.-е. деньги, оружіе, патроны и порохъ, безъ которыхъ намъ нельзя было пускаться

въ край, неизвѣстный и еще неуспокоившійся, все это погибло. Эти вещи, какъ большею частью самыя тяжелыя, выпали, конечно, прежде всѣхъ и разсѣяны теперь по дну рѣки; сохранился, повидимому, одинъ ни на что не нужный хламъ. Какъ идти дальше! Пойдемъ ли мы дальше или придется вернуться? Въ такихъ соображеніяхъ прошелъ весь мучительный день — прелестный ясный день, но не радостный для насъ. Я провелъ его одинъ и только въ сумеркахъ вернулся Матусовскій. Я не стану передавать нашихъ бесѣдъ, потому что читателю не трудно угадать, что и о чемъ мы могли говорить, послѣ всего, что ему стало извѣстно.

Мы послали въ лагерь пострадавшихъ, приготовленной на нашей лодкѣ, рисовой каши съ мясомъ, согрѣтый чай и сахару, а также свѣчей, табаку и другихъ вещей первой необходимости, съ конвойными казаками. Сообщеніе между мѣстами нашихъ стоянокъ было трудное, разстояніе большое, и мы было хотѣли съ нашей лодкой перейти къ мѣсту другого лагеря, но наши китайцы ни за что не хотѣли проходить черезъ порогъ Лунъ-Танъ еще разъ, говоря, что никто не можетъ ручаться, что мы и во второй разъ пройдемъ его благополучно. „На этой рѣкѣ не мало лодокъ гибнетъ“ прибавили они и наотрѣзъ отказались.

Итакъ, мы остались на своемъ мѣстѣ. Уже когда совсѣмъ стемнѣло и надъ горами поднялся молодой мѣсяцъ, возвратился изъ другого лагеря нашъ казакъ и сообщилъ слѣдующія новости. При помощи Вана и рабочихъ достали изъ ближайшаго селенія партію китайцевъ, искусныхъ водолазовъ, которые пріѣхали въ лодкѣ и, начавъ поиски, несмотря на всѣ помѣхи, какія дѣлали имъ ненужными совѣтами и неудобоисполнимыми распоряженіями, скоро вытащили изъ воды нѣкоторыя вещи. Этимъ они собственно показали степень своего умѣнья, и доброжелательные къ намъ туземцы просили передать нашему начальнику, что если впередъ не назначить водолазамъ хорошаго вознагражденія, то они могутъ утаить серебро, сказавъ, что его не находятъ, а потомъ вынуть и раздѣлить между собою, какъ добычу. Надо пообѣщать, говорили, рублей по сту (на наши деньги) съ ящика; тогда они будутъ стараться и достанутъ. Послѣ продолжительныхъ убѣжденій и доводовъ Сосновскій, наконецъ, согласился. Китайцамъ объявили о назначенномъ вознагражденіи и они начали плавать въ лодкѣ, которую удерживали на канатѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ лодку перевернуло на бокъ въ первый разъ; длинными баграми они нащупывали вещи и когда думали, что нашли что-нибудь, одинъ нырялъ, спускаясь по упертому въ дно шесту, и если какая тяжелая вещь дѣйствительно находилась на данномъ мѣстѣ, онъ тамъ прикрѣплялъ ее къ крючку багра и при помощи веревки подавалъ сигналъ находившимся въ лодкѣ товарищамъ, чтобъ тащили, а онъ поднимался вмѣстѣ съ вещью поддерживая ее; легкія же предметы вытаскивалъ просто, выплывая на поверхность воды. Такимъ образомъ были вытащены одинъ изъ двухъ ящиковъ серебра, вѣсомъ — пудовъ въ пять, одно ружье, револьверъ, который стрѣлялъ и теперь

также хорошо, какъ будто и не былъ въ водѣ, дробь, всѣ ящики съ патронами, а также котелокъ лодочника, четырнадцать связокъ мѣдныхъ денегъ (чохъ), нѣсколько мѣшковъ рису и еще кой-что изъ мелочи.

Казакъ превозносилъ китайцевъ-водолазовъ и удивлялся ихъ искусству; но выражалъ свое изумленіе въ очень странной формѣ:

— Ну ужъ, ваше высокоблагородіе, этакихъ ловкихъ суфлёровъ, подлецовъ, я еще и не видывалъ; иной нырнетъ и пропадетъ подъ водой; стоимъ, стоимъ, ждемъ, — нѣту! Ну, думаемъ, конецъ китаишкѣ; небудетъ больше афіюнишку курить... *) Нѣтъ, — вынырнетъ; а одинъ таки чуть было душу Богу не отдалъ, такъ что даже не съ разу и въ себя пришелъ; больше ужъ не полѣзъ нынче, — завтра, говоритъ, пріѣдемъ, опять искать будемъ. Да вѣдь и гдѣ ныряютъ! У самого порога, гдѣ вода такъ и кипитъ... Обѣщаютъ такъ, что будто бы все разыщутъ... Ай, ай, ай!—вздохнулъ казакъ, окончивъ свой разсказъ и задумавшись. — Господи Боже нашъ, какое несчастіе надъ нами приключилось! А сколько же говорили и предостереженій дѣлали, но на нихъ никакого „предмета не обращали". Вотъ и вышло. Вѣдь теперь что смѣху-то будетъ у китаишковъ! Они и теперь хохочатъ, только что не смѣютъ показывать"...

На слѣдующій день, „рано утромъ, я пришелъ провѣдать своихъ жалкихъ спутниковъ. Мѣсто на берегу Хань-Цзяна, гдѣ имъ неожиданно пришлось расположиться лагеремъ, представляло хотя не веселую, но любопытную пеструю картину, которая даже самимъ пострадавшимъ такъ понравилась, что они фотографировали ее, для воспоминанія. Но она съ гораздо большею пользою можетъ служить назиданіемъ въ томъ, чтобы относиться къ совѣтамъ туземцевъ съ бóльшимъ уваженіемъ. Вотъ содержаніе картины. Все, что было спасено, послѣ потопленія, явилось на свѣтъ Божій, но въ такомъ видѣ, что требовалось много времени, чтобы все разобрать, просушить и хотя сколько-нибудь предохранить отъ дальнѣйшей порчи. Знакомые читателю пятнадцать ящиковъ тюменьской работы съ фотографическими принадлежностями; пожертвованныя кяхтинскимъ купечествомъ образцы товаровъ русской мануфактуры, которымъ такъ и не суждено было явиться передъ глазами китайцевъ въ приличномъ видѣ, потому что сукна, мѣха, кожи и другія матеріи послѣ Лунъ-Тан'ской ванны находились въ самомъ плачевномъ состояніи. На берегу въ живописномъ безпорядкѣ были разложены большіе ящики чаю, подаренные нашими соотечественниками въ Хань-Коу для употребленія въ дорогѣ, въ томъ числѣ нашъ одинъ, котораго намъ никакъ не удалось получить отъ Сосновскаго, и одинъ, подаренный казакамъ. Теперь этотъ чай, разумѣется, весь погибъ. Рядомъ съ чаемъ лежало множество книгъ, которыхъ бы хватило на маленькую библіотеку, но, должно

*) Онъ называлъ опій не иначе какъ афіунъ; названіе это встрѣчается и въ старинныхъ книгахъ.

быть, все негодныхъ, потому что начальникъ много разъ жаловался мнѣ, что ему читать нечего. Дальше слѣдовалъ какъ бы магазинъ вещей китайской работы, и шелковыхъ матерій, большею частью полученныхъ въ подарокъ отъ мандариновъ, въ томъ числѣ и принадлежавшія намъ съ Матусовскимъ, также своевременно не отданныя. По сосѣдству съ ними просушивалось платье, бѣлье и обувь, ящики съ музыкой и ящики безъ всякой музыки, запасы разнаго рода консервовъ, приготовленные для переѣзда черезъ Гоби, впрочемъ въ миніатюрномъ количествѣ, разныя вещи, предназначавшія для подарковъ мандаринамъ, въ родѣ игрушечныхъ волшебныхъ фонарей, умывальниковъ изъ папье-маше, двухъ, трехъ дешевыхъ серебрянныхъ часовъ, хромолитографированныхъ картинъ, представляющихъ, напримѣръ, два розана и одну птичку или двѣ птички и одинъ розанъ и т. п. Тутъ же находился подъ стеклянным колпакомъ рельефный пейзажъ, представляющій горы, съ вертящеюся мельницею на нихъ, море съ качающимся кораблемъ и съ хриплой музыкой внутри. Лежали тутъ разные физическіе инструменты, какіе всегда берутъ съ собою въ экспедиціи; наконецъ оба ящика серебра, (другой достали сегодня), патроны, оружіе и палатки, которыя теперь были поставлены и служили мѣстомъ жительства. Словомъ, тутъ былъ цѣлый базаръ; но въ какомъ жалкомъ видѣ находилось большинство вещей и сколько требовалось работы,—скучной, ненужной и отчасти безплодной работы, по разборкѣ, раскладкѣ, просушкѣ и новой укладкѣ на половину никуда негоднаго хлама. Къ счастію, еще *не было потеряно никакихъ цѣнныхъ вещей; не пропало ничего, кромѣ нѣкотораго бѣлья, платья, пуда пороху и, говорятъ, рублей на двѣсти серебра* *). Была одна потеря не цѣнная, но чрезвычайно важная, мы лишились такъ-называемаго „Охраняющаго сіянія“ (Ху-Чжао) т.-е. выданнаго намъ китайскимъ правительствомъ паспорта, который унесло водою“.

Прилагаю, для сравненія въ точности, или неточности, описаніе того же эпизода, сдѣланное г. Сосновскимъ въ своемъ донесеніи въ Пекинъ нашему посланнику. (9 апр. 1875 г. № 49). Въ книгѣ моей я знакомлю читателей съ общимъ характеромъ этого донесенія и его содержаніемъ; здѣсь же ограничиваюсь лишь идущимъ къ дѣлу отрывкомъ. Въ немъ для каждаго ясно желаніе его автора оправдаться въ несчастномъ приключеніи и свалить съ себя всю вину на „китайца“, который, какъ говоритъ самъ г. Сосновскій, „въ ходячихъ понятіяхъ есть *существо подначальное, міръ инстинктовъ, коему не сродны побужденія высшаго порядка*, котораго *трудъ, знанія; богатства его страны*

*) Приведенныя строки, какъ тутъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, напечатаны курсивомъ только здѣсь, а не въ книгѣ.

можно эксплоатировать, но нельзя признавать за нимъ права гражданства... Можетъ быть, вы, читатель, встрѣчали такія понятія о китайцѣ; и, можетъ быть, вы также понимаете, что тутъ сказано; а ниже увидите что рѣшительно во всемъ несчастіи виноваты одни китайцы: они виноваты въ томъ, что г. Сосновскій *оказался на берегу, а не въ лодкѣ* (тогда бы она ни въ какомъ случаѣ не погибла); что погубивъ лодку въ *одно мгновеніе*, они сейчасъ всѣ *разбѣжались*, кто по сухому пути, кто вплавь и *ихъ больше не видали.* Виноватой еще оказалась чужая купеческая лодка, позади которой по какому-то новому закону напоръ воды былъ не слабѣе, какъ всегда бываетъ, а *еще болѣе усиливался!..* Не обвиняется только несчастный хозяинъ лодки, который съ своей семьей пущенъ по-міру, и о которомъ г. Сосновскій считаетъ лишнимъ упоминать. Послушайте его собственное повѣствованіе:

„Съ разсвѣтомъ 30-го мы тронулись и благополучно прошли половину ущелья. Впереди шла г. Матусовскаго лодка, позади ея посторонняя купеческая, а затѣмъ и наша. Не доходя шаговъ за 200 до порога Лунъ-Танъ, есть другой съ выдавшимся посрединѣ рѣки и къ сторонѣ перваго камнемъ. Мы миновали его и причалили къ берегу, чтобы посадить часть рабочихъ и перейти на другую сторону, такъ-какъ тамъ надлежало проходить Лунъ-Танъ. Этотъ послѣдній представляетъ узкую щель, стѣсненную съ лѣваго берега выдавшимся мысомъ съ нагроможденной массой камня, а съ правой—обрывистой стѣной ущелья; поперегъ каменный уступъ вздымаетъ пѣнистые валы на высоту до 3-хъ слишкомъ футовъ и уноситъ затѣмъ съ ужасающей быстротой. Я имѣлъ обыкновеніе, при проходѣ болѣе трудныхъ пороговъ, сходить предварительно на берегъ *), чтобы самому убѣдиться, не слѣдуетъ ли выгружать вещи. И здѣсь, сходя съ лодки, я ждалъ, чтобы повременили переѣзжать и дождались меня. Но лоцманъ или не дослышалъ, или просто по самоувѣренности перешелъ на ту сторону. Не успѣлъ я еще достаточно приблизиться къ порогу **), какъ наша лодка, которую сначала скрывалъ отъ меня небольшой увалъ, стала входить въ стремнину, а что самое главное—не выждала выхода шедшей впереди купеческой лодки. Сильный и безъ того напоръ воды еще болѣе усилился, валы стали возвышаться. Было время, когда можно было еще отойти и избѣгнуть бѣдствія. Я надрывался, кричалъ, но за шумомъ моего голоса не было слышно. Одно мгновеніе... волна нахлынула и лодка повалилась на бокъ. Рабочіе разбѣжались. Лоцманы одинъ и другой кинулись въ воду, переплыли рѣку и послѣ

*) Это правда. И обходить пороги сухимъ путемъ.

**) Откуда?

того мы ихъ не видали. Надо было разсчитывать на собственныя усилія. Первоначально всѣ помыслы были обращены на то, чтобы не допустить лодку до сейчасъ пройденнаго порога. Урядникъ Павловъ, какъ былъ въ одеждѣ, бросился привязывать вмѣстѣ съ Степановымъ канатъ, конецъ котораго г. Боярскій, намотавши на камень, удерживалъ на берегу. Все тщетно: канатъ выдернулъ переводину, на которой былъ укрѣпленъ и лодку понесло на камень; такъ-какъ у этого мѣста ущелье съуживается, то я имѣлъ еще надежду удержать ее здѣсь. Дѣйствительно, я успѣлъ, при помощи двухъ оставшихся вѣрными рабочихъ, задернуть привязанный къ верху мачты лямочный канатъ, да и конецъ мачты уперся въ выдавшуюся скалу берега. Я послалъ г. Боярскаго и г. Андреевскаго на низъ (!) перехватывать уносимыя вещи. а казакъ Степановъ оставался на лодкѣ слѣдить, куда будутъ валиться грузныя, какъ-то: оружіе, патроны, серебро и пр. Недолго продолжалась борьба: мачта не выдержала, переломилась въ корнѣ и лодку окончательно унесло на порогъ, смяло и опрокинуло вверхъ дномъ. Лишь только измученный остовъ вышелъ изъ стремнины, Степановъ съ концомъ веревки, бросился вплавь и намъ удалось наконецъ привалить его къ берегу. Все поглотила лютая пучина! Вдали отъ своихъ, среди чужаго намъ населенія и имѣя на своей отвѣтственности 8 человѣкъ, я остался на первыхъ порахъ безъ всего. Тяжкое испытаніе вынесъ я въ этотъ памятный день. Но какъ уложить въ формы простой (?) рѣчи то беззавѣтное самоотреченіе, съ которымъ каждый изъ упомянутыхъ сотоварищей моихъ въ *святомъ* сознаніи долга преслѣдовалъ лишь одну мысль: спасти то, что нужно для цѣлей правительства (?). Нужно было видѣть, съ какой радостью, съ какимъ восторгомъ Боярскій и Андреевскій перехватывали каждый лоскутъ путевыхъ замѣтокъ, каждый клочекъ бумаги въ то время, когда стремленіе уносило собственныя ихъ вещи, скопленныя годами тяжкаго труда.

Нужно быть очевидцемъ происшествія, чтобы достаточно оцѣнить доблесть казаковъ, когда Павловъ, явно рискуя жизнью, захлестываетъ канатъ, а Степановъ, презирая смерть, *мнитъ* только о томъ, чтобы не все отдать грозной силѣ. Мнѣ рѣшительно не съумѣть передать эти подвиги величія духа"...

О подвигахъ величія духа гг. Боярскаго и Андреевскаго, посланныхъ г. Сосновскимъ по крушеніи лодки на низъ, мы касаться не будемъ, потому что *формы простой рѣчи* и безъ всякихъ коментарій достаточно комичны, неискренни и ужъ совсѣмъ неправдоподобны:—по крайней мѣрѣ я,—каюсь,—не былъ бы способенъ *съ восторгомъ и радостью перехватывать то, что нужно для цѣлей правительства*, когда *стремленіе уносило* бы мои *собственныя вещи*, особенно *скопленныя годами тяжкаго труда*... Всѣ эти *годы*

труда, эти *мнитъ,—восторгъ и радость, и святое сознаніе долга* нужны были лишь для того, чтобы выпросить для пострадавшихъ еще *воспособленіе* у нашихъ купцовъ въ Тянь-Цзинѣ и Хань-Коу, что г. Сосновскій и дѣлаетъ въ концѣ того же письма къ Посланнику, несмотря на то, что тутъ же сообщаетъ о пожертвованіи купца Родіонова въ 2000 р. на расходы экспедиціи.—(Воспособленіе было потомъ дѣйствительно получено, въ размѣрѣ 800 серебр. рублей, которые и были раздѣлены между пострадавшими отъ крушенія)... Но будемъ продолжать разсказъ.

Теперь только была нанята мѣстная лодка; словомъ, вышло точь-въ-точь какъ подъ Семипалатинскомъ съ потеряннымъ серебромъ и шитьемъ мѣшковъ на станціи. Г. Сосновскій съ компаніей благополучно миновали въ ней остальные не менѣе, если не болѣе, опасные пороги, и мы прибыли въ г. Хань-Чжунъ-Фу. Здѣсь просидѣли мѣсяцъ, потому что наши подмоченные спутники сушились, подклеивались, чистились и изъ *негоднаго* чая тщательно выдѣлывали *превосходные* „образцы" чая „отмѣнныхъ качествъ", получаемыхъ съ „мѣстныхъ" плантацій, которыхъ мы не видали, но о которыхъ г. Сосновскій сообщаетъ самыя положительныя свѣдѣнія, совѣтуя купцамъ ѣхать за нимъ и привозить въ Россію. Онъ писалъ отсюда о какомъ-то „цзы-янъ-сянь'скомъ чаѣ", увѣряя, но не приводя никакихъ основаній, что онъ будто бы и есть „тотъ самый пресловутый красненькій, семипалатинскій чай, о которомъ трактуютъ всѣ учебники географіи" (?!) (Къ этому убѣжденію онъ пришелъ еще въ Россіи до отъѣзда въ Китай). Онъ увѣряетъ, что г. Хань-Чжунъ-Фу есть крупный чайный рынокъ, что чай въ немъ—не почемъ, напримѣръ, 200 фунтовъ стоютъ только 3 рубля (?!); я же считаю долгомъ обратить на это вниманіе какъ спеціалистовъ, такъ и будущихъ путешественниковъ и нашихъ представителей торговли: я говорю, что чаю въ г. Хань-Чжунъ-Фу, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ, и что сорта продающагося тамъ (какъ онъ продается и въ другихъ городахъ Китая, и въ Россіи) для насъ совсѣмъ не годятся, потому-что мы къ такимъ вовсе не привыкли и никто ихъ пить не станетъ. Привезенные мною образцы убѣдили меня въ этомъ совершенно.

Изъ г. Хань-Чжунъ-Фу *) путь нашъ лежалъ на югъ, въ провинцію Сы-Чуань, изученіе которой, по словамъ г. Сосновскаго (не устнымъ, а написаннымъ въ оффиціальныхъ бумагахъ), составляло *самую главную задачу* экспедиціи. И дѣйствительно, мы изслѣдуемъ новый западный путь въ Китай, такъ какія же провинціи и изучать намъ, какъ не западныя, и особенно, когда онѣ, подобно пров. Сы-Чуань, называются самими китайцами и „житницей", и „садомъ", и „раемъ" Китая. Но читатели отчета г. Сосновскаго и до-сихъ-поръ не могутъ рѣшить,—*были ли мы въ этой провинціи или нѣтъ*, потому-что объ этомъ вопросѣ тамъ говорится въ такихъ выраженіяхъ, что не принадлежавшій къ экспедиціи непремѣнно подумаетъ, что авторъ отчета, безъ сомнѣнія, Сы-Чуань посѣтилъ; но головы на отсѣченіе не дастъ, если его спросить — точно ли вы въ этомъ увѣрены?—Ужъ одна такая фраза, напримѣръ, сму-

*) Изъ этого города, выведенный изъ терпѣнія однимъ несправедливѣйшимъ и возмутительнымъ поступкомъ г. Сосновскаго, я рѣшился уѣхать обратно въ Пекинъ, не зная, что предпринять дальше, а только, чтобы уйти отъ гг. Сосновскаго и Боярскаго, которыхъ мои постоянныя занятія наводили богъ-знаетъ на какія мысли. Первый отпускалъ меня съ радостью. Но когда г. Матусовскій тутъ же заявилъ и о своемъ подобномъ желаніи, то г. Сосновскій понялъ, что возвращеніе двоихъ, а не одного, можетъ безповоротно скомпрометировать экспедицію и ея предводителя, и вынужденъ былъ принять видъ самаго доброжелательнаго человѣка, для котораго дѣло—дороже всего. Онъ даже говорилъ, что охотно сложилъ бы съ себя званіе начальника, но не смѣетъ. Когда же я предложилъ выдать ему, вполнѣ оправдывающее его отказъ, свидѣтельство о болѣзни, то онъ нашелъ это „положительно неудобнымъ", безъ объясненія причинъ... Послѣ этого мы помирились, и первый шагъ къ миру опять сдѣлалъ *я*, какъ и прежде. „Худой миръ" продержался съ мѣсяцъ, но дѣло отъ того не выиграло... Самый же поступокъ г. Сосновскаго состоялъ въ грубыхъ, а главное рѣшительно ничѣмъ не заслуженныхъ, оскорбительныхъ упрекахъ и выговорахъ, произведенныхъ посреди двора, при большомъ собраніи посторонних туземцевъ, и сопровождавшихся такой жестикуляціей у самаго моего лица, такимъ настоятельнымъ вызовомъ меня на какое-нибудь безумное дѣйствіе, что я, чувствуя близость потери сознанія и самообладанія, спасъ себя и г. Сосновскаго отъ большой бѣды только тѣмъ, что отошелъ за стоявшій тутъ же столъ и призвалъ на помощь все благоразуміе и волю, что бы не совершить того, чего заслуживалъ, въ ту минуту заблуждавшійся, капитанъ... Поводомъ же къ оскорбительнымъ рѣчамъ послужили, — никто не повѣритъ, — слѣдующія слова, сказанныя мною одному наскучившему мнѣ китайцу, долго просившему меня сдѣлать его портретъ:—„Вѣдь вамъ обѣщали сдѣлать фотографическій портретъ, такъ подождите его—получите"... Вотъ это и было принято, какъ желаніе командывать и г. Сосновскимъ, и г. Боярскимъ, и распоряжаться *чужой* (?) фотографіей!!.. И *чужая*-то она только потому, что *казенная*.

титъ хоть кого: „меня рѣшительно поражаютъ богатства этой страны!! *). Но пора всѣмъ знать, что мы *даже въ предѣлы* этой провинціи не вступали: теперь намъ не время обманываться. *Мы* даже и г. Андреевскаго съ Сюемъ не послали туда, хотя бы для декораціи или изъ приличія; а пошли прямо на сѣверъ, черезъ горы, вьючнымъ путемъ... Точно также пусть не вѣрятъ тѣ, для кого это важно, будто этотъ путь „не особенно труденъ“ и „довольно удобенъ“. Это—ужасный путь черезъ большой горный кряжъ, гдѣ лошадямъ и муламъ не разъ приходится взбираться по изсѣченнымъ въ гранитѣ лѣстницамъ (см. кн. стр. 656). Въ моей „Панорамѣ“ это наглядно показано, и всѣ могутъ это во-очію видѣть. Даже самъ г. Сосновскій, желающій, не знаю для чего, скрывать недостатки Западнаго пути, и преувеличить его достоинства (ниже доказано), говоритъ о трудностяхъ его подъема и спуска. Онъ хвалитъ и дальнѣйшую телѣжную дорогу на г. Гунъ-Чанъ-Фу, но тоже дѣлаетъ это въ такихъ выраженіяхъ, что выходитъ и очень дурно, и совсѣмъ не дурно: „Несмотря на глубокія выбоины, ямы и колеи при частыхъ дождяхъ въ глинистомъ грунтѣ, созданныя, такъ сказать, годами небрежнаго отношенія администраціи, дорога все-таки должна (?) считаться достаточно (?) проѣзжей“... Да, но для китайцевъ, кажется, нѣтъ дорогъ „недостаточно проѣзжихъ“; китаецъ въ своей, стальной по крѣпости, телѣгѣ, проѣзжаетъ тамъ, гдѣ у не-китайца, даже всадника, голова кружится (я говорилъ, напримѣръ, о подобной дорогѣ изъ Монголіи къ г. Калгану, въ долинѣ рѣки Янъ-Хо, въ Гуань-Гоу, и проч.).

---

*) Г. Сосновскій въ своемъ Отчетѣ почти все описываетъ и какъ очевидецъ, и какъ не-очевидецъ. Напримѣръ: „Досихъ поръ всѣ наши свѣдѣнія о чайныхъ мѣсторожденіяхъ въ сы-чуаньской провинціи ограничивались показаніемъ о Іакинфа... Между тѣмъ вся она, можно сказать, одна обширная чайная плантація“... (В. Сб. № 11. стр. 249). Или: „Поднимаясь изъ Хань-Коу вверхъ по Хань-Цзяну, мы видимъ, что въ низовьяхъ, въ Ху-бэи, иностранная мануфактура заняла прочное мѣсто; „въ верховьяхъ же, въ провинціяхъ Шенъ-Си и Сы-Чуань, напротивъ, *вступаемъ въ раіонъ*, который слишкомъ удаленъ отъ иностранной конкуренціи, а потому долженъ, повидимому, примыкать къ области нашего торговаго вліянія“ (№ 9. ст. 190).

Подобный способъ изложенія фактовъ преступенъ потому, что онъ прямо вводитъ въ заблужденіе, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше къ словамъ довѣрія. Г. министру финансовъ, напримѣръ, прямо писали изъ воен. министерства (отъ 9 окт. 1875 г. за № 352): „Во время своего путешествія, отъ Хань-коу до Хань-чжунъ-фу, чрезъ провинцію Сы-чуань, богатую прекрасными чайными плантаціями, подполковникъ Сосновскій обратилъ вниманіе на разводимые тамъ сорты чая и назначеніе, какое они могли бы имѣть„... и т. д. какъ назвать такое дѣйствіе.

Въ книгѣ своей я говорю, что путешествіе наше можетъ быть раздѣлено на двѣ части, которыя могутъ быть названы такъ: часть первую можно озаглавить словами: „Какъ бы до Лань-Чжоу добраться!“ а вторую—„Какъ бы поскорѣе добраться домой!“... Мы пріѣзжаемъ, наконецъ, въ этотъ таинственный своею привлекательностью городъ, этотъ кульминаціонный пунктъ учено-торговой экспедиціи. Г. Сосновскій „добрался“ часами шестью раньше меня съ г. Матусовскимъ, такъ-какъ насъ все задерживали въ дорогѣ разныя „побочныя“ неважныя занятія, мало-по-малу приносившія-таки свои плоды, хотя и малые... Мы оставимъ пока начальника на-единѣ, а сами бросимъ взглядъ на эту столицу провинціи Гань-Су,—г. Лань-Чжоу, о которомъ до-сихъ-поръ Европа кромѣ имени мало что знала. (стр. 737).

„По мѣрѣ углубленія въ городъ, на каждомъ шагу открывались и смѣнялись тѣ живописные уголки, какими такъ богаты большіе оживленные китайскіе города, и они тѣмъ сильнѣе произвели на меня впечатлѣніе, что мы за послѣднее время видѣли только развалины и развалины. Тутъ опять передъ глазами являлись, по мѣрѣ нашего движенія, великолѣпные старинные храмы съ ихъ привлекательной пестротою формъ, узоровъ и красокъ, тріумфальныя арки, перспективы дворовъ казенныхъ зданій, вѣковыя деревья, трельяжи и тенты надъ улицами—и вездѣ кишащій китайскій людъ, къ которому я привыкъ и былъ радъ снова увидать эту шумную, веселую до разгула, толпу... Вотъ и ворота внутренней стѣны и возлѣ нихъ, на этой стѣнѣ свидѣтельство строгости китайскихъ законовъ—пять клѣтокъ съ головами недавно казненныхъ дунганъ (мусульманъ)· За этими воротами количество людей еще больше: они толпятся на улицѣ, выбѣгаютъ изъ дверей, смотрятъ изъ лавокъ, съ крышъ, изъ дверей, отовсюду куда только можно было пробраться и откуда можно было увидать насъ... Да, возмущеніе всѣхъ жителей Лань-Чжоу, до одного, свидѣтельствовало, что этотъ городъ не былъ знакомъ съ людьми иной націи. И я самъ заглядѣлся на интереснѣйшую живую картину, которая была бы привлекательна и на холстѣ, и на театральной сценѣ, а въ натурѣ въ сто разъ интереснѣе и привлекательнѣе. Солнце свѣтило намъ вслѣдъ, и когда я, чтобы все видѣть, оборачивался назадъ, передъ моими глазами являлось поразительное зрѣлище какъ будто фантастической городской улицы: во всю ширину ея съ неистовымъ шумомъ и гамомъ валила толпа людей, которые шли, бѣжали перепрыгивали черезъ попадавшіеся по сторонамъ улицы предметы,—какіе именно—за толпой нельзя было видѣть. И вся эта масса людей двигалась, словно въ дыму пожара, въ облакахъ поднятой ногами пыли, сквозь

которую пробивались лучи горячаго солнца и точно сіяніемъ окружали каждую голову, или возвышавшуюся фигуру, напримѣръ, людей, ѣхавшихъ на лошадяхъ... Въ этакой-то толпѣ еще ѣдутъ верхомъ!—Велика должна быть привычка у лошадей и муловъ къ подобной обстановкѣ, чтобъ не взбѣситься, когда люди жмутъ и толкаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ;—въ этакой-то толпѣ нѣкоторые падали и на нихъ валились другіе и, разумѣется, напрасно было бы останавливаться и спрашивать, не случилось-ли съ кѣмъ чего, не задавили-ли кого?.. Да кромѣ того, остановиться значило еще болѣе увеличить смятеніе, потому что всѣ эти тысячи людей составляли какъ будто одну цѣлую массу, двигавшуюся вдругъ, какъ идетъ взломанный ледъ... Я смотрѣлъ во всѣ глаза, стараясь ничего не пропустить, и хотя, казалось, успѣлъ въ этомъ, но впечатлѣній было получено, во время проѣзда по улицамъ города до нашей квартиры, такъ много, что всѣ подробности перепутались и слились въ одно общее ощущеніе чего-то чарующаго, торжественнаго и въ высокой степени интереснаго. Такія сцены, видѣнныя разъ въ жизни, никогда не изглаживаются изъ памяти. Въ Европѣ этого не увидать!

Городъ Лань-Чжоу великъ, богатъ, многолюденъ и нѣсколько напоминаетъ лучшія части Пекина. Вотъ первое впечатлѣніе, произведенное имъ на меня. Въ одной изъ улицъ насъ встрѣтили нѣсколько человѣкъ конныхъ солдатъ. Поровнявшись съ нами, они повернули налѣво кругомъ и поѣхали впереди, расчищая и указывая дорогу къ нашей квартирѣ"...

Входимъ въ отведенную для насъ квартиру и къ намъ, сверхъ обыкновенія, входитъ казакъ Павловъ, и ни съ того ни съ сего начинаетъ сообщать новости. Изъ его словъ выходило: какъ будто нашъ начальникъ заранѣе готовился къ этому поспѣшному визиту, какъ будто и выѣхалъ для этого сегодня рано, несмотря на дождь; точно и парадную форму для этого съ собою взялъ, и тому подобныя—совсѣмъ не правдоподобныя вещи... Мы съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія Сосновскаго, чтобъ узнать новости. Приблизительно черезъ часъ онъ возвратился, и ужъ давно мы не видали его въ такомъ веселомъ настроеніи духа. Предполагая, что мы ничего не знали о визитѣ, онъ разсказалъ, что былъ уже у Цзо-Цзунъ-Тана, также повторилъ, что онъ самъ ужасно просилъ его придти „сейчасъ же, какъ только я пріѣхалъ", что „просто дождаться не могъ, что онъ чудесный старикъ, умный, очень образованный, а главное дѣльный человѣкъ"... Хотя и трудновато было съ нашими разговорными средствами такъ быстро и многосторонне опредѣлить человѣка; но все возможно, думаемъ себѣ, и съ интересомъ слушаемъ дальше.

— Онъ долго разговаривать не любитъ,—продолжалъ Сосновскій и пустяковъ не болтаетъ, а прямо приступилъ къ сути; и мы съ нимъ ужъ одно дѣло устроили,—говорилъ онъ, весело смѣясь и отъ удовольствія болѣе обыкновеннаго жестикулируя.—Прелестнѣйшій старикъ!—восклицалъ онъ въ еще не совсѣмъ понятномъ для

насъ восторгѣ.—Вотъ этакихъ бы къ намъ на границу: съ такими можно дѣла обдѣлывать... Прихожу, ну, тамъ поговорили кой о чемъ, потомъ онъ чуть не съ первыхъ словъ говоритъ:—вотъ вы наши сосѣди и старые друзья; вотъ докажите дружбу на дѣлѣ,—помогите намъ, дайте хлѣба для нашей арміи, потому что у насъ свой, хотя есть, да его сюда привезти невозможно; а вамъ ничего не стоитъ доставить намъ; за цѣной, говоритъ, ужъ мы не постоимъ, что хотите, заплатимъ, потому что серебра-то у насъ много, да вѣдь серебромъ солдата не накормишь.

— Извольте,—я говорю,—мы можемъ дать вамъ хлѣба; только, говорю, пожалуй—дорого покажется.—Все заплатимъ, говоритъ; ну я ему и махнулъ: хотите, говорю по 15 ланъ за четверть (30 серебряныхъ рублей). А онъ съ разу:—извольте, говоритъ. Такъ мы и порѣшили: что я берусь доставить на первый разъ 25,000 четвертей, по тридцати серебряныхъ рублей за каждую.

Я ничего не понималъ, да и теперь тоже мало во всякаго рода торговыхъ операціяхъ, а потому и мало интересовался этимъ вопросомъ, не зналъ степени его выгодности или невыгодъ и риска, не говоря ужъ о другихъ тонкостяхъ въ родѣ того, какое отношеніе имѣетъ эта сдѣлка къ экспедиціи, почему начальникъ такъ доволенъ и какія изъ всего этого будутъ послѣдствія... Но тоже лѣзу въ разговоръ.

— А не боитесь вы браться за подобную операцію,—говорю я ему, — а вдругъ не исполните, не найдете, напримѣръ, перевозочныхъ средствъ или хлѣбъ будетъ дорогъ; да вообще, незнакомое дѣло; и когда вамъ заниматься имъ: тутъ отчетъ по экспедиціи, выставка, мало ли въ Россіи хлопотъ будетъ. Мнѣ вчужѣ страшно; я бы не взялся.

— Ну, хлѣбъ дорогъ!—возразилъ онъ и даже очень близко махнулъ на меня ручной кистью, а я для чего же назначилъ 30 руб. за четверть; какъ бы дорогъ ни былъ, а мы все въ убыткѣ не будемъ; да у насъ въ Семипалатинской области хлѣба дѣвать некуда — вѣдь тамъ, батенька, въ казну по 3 рубля четверть ставятъ; а что вы говорите — перевозочныхъ средствъ, такъ ихъ сколько угодно; мнѣ стоитъ только записку написать къ киргизамъ, такъ сейчасъ верблюдовъ будетъ даже болѣе, чѣмъ нужно.

Онъ вспомнилъ о семипалатинской области, о киргизахъ и оживился еще болѣе. Но мнѣ ужъ стало скучно; меня тянуло скорѣе туда, въ шумную живописную улицу. Пообѣдать бы скорѣе,—я бы ушелъ.

— Киргизы меня знаютъ,—продолжаетъ Сосновскій,—да у нихъ даже мои простыя записки, какъ деньги, ходятъ; бывало, пріѣдетъ одинъ и проситъ: пожалуйте, говоритъ,—записочку, съ меня вотъ долгъ, что-ли, взыскиваютъ, такъ чтобъ для успокоенія имъ, — я вашу записочку и представлю... Это сплошь и рядомъ бывало, и сколько я такихъ записокъ выпустилъ. Положительно какъ деньги ходили.

— Положимъ, что операція эта несомнѣнно сулитъ огромные

барыши,—заговорилъ Матусовскій,—но намъ доставлять китайцамъ хлѣбъ едва-ли удобно по многимъ политическимъ соображеніямъ. Теперь у насъ на границѣ, слава Богу, успокоилось, кончилась рѣзня, грабежи и эта безконечная трескотня китайцевъ съ мусульманами и обратно; а дадимъ мы хлѣба,—они опять приведутъ войска, и тутъ воскреснутъ снова и кашгарскій вопросъ, и кульчжинскій вопросъ, и мусульманъ они дорѣзывать пойдутъ... Не дѣлайте этого, это совсѣмъ не въ нашихъ интересахъ и не въ интересахъ человѣколюбія вообще. Попомните мое слово, что изъ этого хлѣба кромѣ рѣзни ничего не выйдетъ...—говорилъ, какъ пророкъ, коренастый человѣкъ, задумавшись и разглаживая свою густѣйшую бороду.

— Экъ куда хватили,—возразилъ Сосновскій:—да что же вы мнѣ будете разсказывать, когда я отлично знаю всѣ пограничныя дѣла! Вѣдь, я думаю, я самъ въ Семипалатинскѣ служу, такъ уже позвольте мнѣ лучше знать обще-государственныя пользы. Наконецъ, мы этимъ самымъ открываемъ уже и торговыя сношенія этимъ путемъ. Разъ наши караваны съ хлѣбомъ пошли, вотъ путь и открытъ!

— Да, для нашего хлѣба онъ будетъ открытъ, но только для него и только до тѣхъ поръ, пока въ немъ будутъ нуждаться, а потомъ, какъ свои посѣвы сдѣлаютъ, такъ и хлѣба не впустятъ, особенно по этакой-то цѣнѣ. Вѣдь они не дураки тоже... Да развѣ Цзо-Цзунъ-Танъ своею властью можетъ открывать новые торговые пути; вѣдь это дѣло правительства... По моему, это дѣло для насъ вредное, и вы, если подумаете, навѣрно со мной согласитесь. Что оно выгодно для того, кто будетъ поставлять хлѣбъ, я спорить не стану: тутъ отъ первой поставки сотни тысячъ барыша получатся. Но вѣдь государственные интересы не въ томъ заключаются, чтобъ отдѣльные купцы наживали большіе барыши... И вы лучше сдѣлаете, если бросите это дѣло; послушайтесь меня и, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, откажитесь, или условно скажите,—тамъ, если можно будетъ, пожалуй,—а не давайте положительнаго обѣщанія...

Но Сосновскій ни съ чѣмъ не согласился и кончилъ разговоръ тѣмъ, что Матусовскій слишкомъ не опытенъ и плохо знаетъ наши политическія и торговыя сношенія съ Китаемъ и даже, „можно сказать, это выходитъ изъ предѣловъ его компетентности“.

Если все, сейчасъ расказанное, есть ложь, отчего же въ Письмѣ не однимъ словомъ объ этомъ не упомянуто?! Это тѣмъ болѣе слѣдовало сдѣлать, что въ Петербургъ г. Сосновскій писалъ объ этомъ совсѣмъ иначе,—какъ именно, будетъ сказано ниже его же словами.

Теперь читателямъ не безъинтересенъ будетъ нашъ первый визитъ къ генералъ-губернатору Цзо, тѣмъ болѣе,

что имя его еще не разъ встрѣтиться имъ и здѣсь, и можетъ быть, еще когда нибудь въ газетахъ. (стр. 745).

„Вотъ всѣ въ сборѣ; всѣ въ полномъ парадѣ, даже и всѣ казаки съ нами въ своихъ высокихъ черныхъ папахахъ, при палашахъ;—и отправляемся въ квартиру генералъ-губернатора Цзо. Онъ жилъ на другомъ дворѣ, отдѣленномъ отъ нашего еще нѣсколькими промежуточными. Пройдя эти нѣсколько дворовъ и столько же воротъ между ними, мы наконецъ вступили въ обширное, съ одной стороны, открытое помѣщеніе въ родѣ лѣтнихъ сценъ нашихъ увеселительныхъ садовъ, но служащее совсѣмъ для другой цѣли,—для засѣданій генералъ-губернатора во время суда. Тутъ стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ; нѣсколько креселъ подъ такими же чехлами; тумба краснаго цвѣта съ зеленымъ ободкомъ, и на ней шкатулка, въ которой хранится императорская печать; а позади стола находится щитъ, скрывающій входъ въ дальнѣйшіе невѣдомые намъ покои. Изъ этой оригинальной судебной залы вела одна дверь направо въ пріемную комнату, куда насъ ввели два мандарина. Она имѣла обыкновенный характеръ, т.-е. представляла длинную узкую комнату съ поставленными у стѣнъ креслами и столиками между ними и съ почетнымъ мѣстомъ въ глубинѣ ея, устроеннымъ на канѣ. Въ обоихъ противоположныхъ концахъ ея находилось по одному большому окну, а на стѣнахъ висѣли изящныя надписи и снимки съ разныхъ старинныхъ памятниковъ, — довольно обыкновенное украшеніе стѣнъ въ китайскихъ комнатахъ.

Цзо-Цзунъ-Танъ не только не встрѣтилъ насъ, какъ это сдѣлалъ не менѣе его важный сановникъ, генералъ-губернаторъ провинцій Ху-Бэй и Ху-Нань, Ли-Да-Чэнь,—онъ еще заставилъ довольно долго подождать себя. Это было тѣмъ болѣе неучтиво и неожиданно, что нашъ начальникъ уже сдѣлалъ ему визитъ вчера, да еще тотчасъ по пріѣздѣ... Наконецъ стоявшіе у дверей мандарины шепнули намъ съ извѣстной таинственностью,—идетъ!—и приняли почтительныя позы; начальникъ также выстроилъ насъ въ рядъ по чинамъ, противъ входной двери, въ которой вскорѣ показался повелитель Гань-су и Шэнь-Си, въ сопровожденіи человѣкъ двѣнадцати мандариновъ, одѣтыхъ въ полную парадную форму, а на немъ самомъ была только форменная шляпа. Генералъ Цзо человѣкъ небольшого роста, довольно полный, лѣтъ около шестидесяти и своимъ серьезнымъ и умнымъ лицомъ нѣсколько напомнилъ мнѣ Бисмарка, только въ смугломъ видѣ, и не съ голубыми глазами и рыжими волосами, а черноглазаго брюнета; а „три волоска" растутъ у Цзо-Цзунъ-Тана не на головѣ, а на бородѣ въ видѣ намека на эспаньолку. Тонкіе, но не длинные усы состоятъ изъ числа волосковъ нѣсколько большаго. Такова его наружность; а въ медленныхъ движеніяхъ проявлялось сознаніе собственнаго достоинства, но было не мало и аффектаціи, расчитанной, очевидно, на то, чтобъ произвести сильное впечатлѣніе, до тумана въ глазахъ и

дрожи въ колѣнкахъ. Но, кажется, этого онъ вовсе не достигъ; впрочемъ, все мое вниманіе было обращено на него. Входя въ комнату, онъ сдѣлалъ общій, весьма ограниченный, поклонъ и остановился какъ будто удивленный какою то неожиданностью; сдѣлалъ шагъ въ комнату и снова остановился, ничего не говоря и важно смотря на всѣхъ вообще. Одинъ изъ мандариновъ подалъ ему списокъ всѣхъ представлявшихся. Онъ медленно взялъ его въ руку и отнесъ возможно дальше отъ глазъ, внизъ и нѣсколько въ бокъ, какъ дѣлаютъ старики высокаго достоинства; — не важные, тѣ разсматриваютъ предметъ, держа его на уровнѣ глазъ или даже выше и смотрятъ какъ бы черезъ очки.

И такъ, взглянувъ на списокъ, онъ произнесъ первое имя начальника и самъ указалъ на него, какъ бы говоря,—знаю; потомъ произнесъ второе и поднялъ глаза, ожидая, когда ему укажутъ того, кто носитъ это имя; и такъ далѣе, по очереди. Онъ вызывалъ; ему указывали, и онъ медленно и пристально разсматривалъ каждаго, какъ будто собирался пріобрѣсти себѣ котораго-нибудь изъ насъ и выбиралъ, не зная, которому отдать предпочтеніе. Затѣмъ, онъ рѣшился тутъ же, у дверей, теперь же, выучить всѣ наши имена, даже казаковъ, что, разумѣется, не сразу далось ему; но онъ и не спѣшилъ; настоялъ таки на своемъ—выучилъ,—хотя тотчасъ опять всѣхъ перепуталъ: Со оказался Па, Анъ—По, и т. д.

А мы все стоимъ передъ нимъ, и онъ стоитъ и отъ двери не отходитъ, какъ будто намѣренъ тутъ и визитъ кончить. Меня это не сердило, потому что я и не думалъ о томъ, стоимъ мы или ужъ сѣли; я изучалъ китайскаго сановника съ неменьшимъ вниманіемъ чѣмъ онъ насъ. Наконецъ, когда мой осмотръ кончился и я вспомнилъ, что не подабаетъ намъ такъ долго оставаться передъ нимъ, стоя, я говорю своимъ спутникамъ:

— Что же, сядемте, господа, я вижу, что онъ самъ пригласить насъ сѣсть не намѣренъ. Я сдѣлалъ движеніе къ кану, и хотя Цзо не могъ понять моихъ словъ, но понялъ жестъ и тронулся отъ двери, прося проходить насъ впередъ; но шелъ необыкновенно медленными шагами и все продолжалъ осматривать насъ и какъ бы сравнивать между собою. Сдѣлавъ шагъ, онъ останавливался; останавливались и мы всѣ; еще шагъ и опять остановка... И какъ, должно быть смѣшны мы были всѣ въ этой комедіи: точно обѣ стороны ожидали другъ отъ друга какой-нибудь нескромный и не совсѣмъ безопасной выходки и остерегались. Да, Цзо принималъ насъ такъ какъ *не принималъ еще никто до сихъ поръ*. Но почему же это? Почему прежде не случалось ничего подобнаго? Что должно было выражать его странное поведеніе? Хотѣлъ ли онъ показать намъ всѣмъ, что онъ считаетъ насъ за очень неважныхъ людей, съ которыми можно и нужно обращаться свысока, чтобъ не скомпрометировать свое достоинство, оказавъ слишкомъ много вниманія и уваженія людямъ, которые, по своему положенію, того не заслуживали? Это тѣмъ возможнѣе, что китайцамъ, при ихъ незнаніи ничего о чужихъ обычаяхъ и жизни, чрезвычайно

трудно опредѣлить, при встрѣчѣ съ иностранцами, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, а какъ мы были ему рекомендованы, намъ было не извѣстно. Мнѣ казалось, онъ долго затруднялся, не зная, слѣдуетъ ли ему пригласить садиться всѣхъ или только одного Сосновскаго. Онъ, видимо, даже долго не рѣшался провести насъ въ глубину комнаты, имѣя, повидимому, намѣреніе отпустить насъ тутъ же въ дверяхъ, но не рѣшался. Выраженіе его лица то было серьезно и онъ, молча, продолжалъ осматривать насъ, то, какъ бы опомнившись, замѣнялъ его любезнымъ и тихо смѣялся, безъ видимой причины, басистымъ, генеральскимъ смѣхомъ, изобличавшимъ какую-то мысль, которая такъ и сквозила въ этомъ смѣхѣ, и особенно въ лицѣ, когда оно опять принимало серьезное и задумчивое выраженіе; прочесть ее ясно и безошибочно было трудно. Эта тягостная и непріятная сцена продолжалась, какъ мнѣ казалось, минутъ десять и дѣйствующимъ лицомъ былъ исключительно Цзо-Цзунъ-Танъ; наше же дѣло было только бояться и благоговѣть.

Наконецъ мы доползли до кана и креселъ и я пригласилъ своихъ товарищей садиться, сѣлъ самъ, чтобъ вывести бѣднаго генерала изъ затрудненія и успокоить его насчетъ того, что онъ имѣетъ дѣло не съ прислугой нашего начальника, а также съ „чиновными особами“. И это, повидимому, развязало и языкъ, и всѣ движенія Цзо-Цзунъ-Тана, который тотчасъ пригласилъ насъ садиться, потомъ сѣлъ самъ и приказалъ подать чай. Началась бесѣда, въ которой говорилъ почти одинъ Цзо: онъ показалъ, что знакомъ съ иностранцами, что знаетъ о нихъ кой-что, проводилъ нѣкоторыя различія между китайскими обычаями и европейскими, напримѣръ въ манерѣ чтенія и письма; онъ представлялъ, какъ читаютъ китайцы сверху внизъ и отъ правой руки къ лѣвой, и какъ мы это дѣлаемъ. Онъ водилъ пальцемъ въ горизонтальномъ направленіи какъ бы по строчкамъ, изображая нашу манеру писать непрерывно, быстро и мелко и, водя пальцемъ по воображаемой страницѣ, приговаривалъ: ту-ту ту-ту-ту! Ту-ту-ту-ту-ту! Потомъ онъ освѣдомился у насъ, умѣемъ ли мы говорить и читать по китайски и когда сказали, что нѣкоторые научились немногому, онъ произвелъ легкій экзаменъ; но теперь безъ важности, а любезнымъ тономъ и съ веселыми улыбками. Разговоръ шелъ все въ томъ же духѣ.

Визитъ продолжался долѣе обыкновеннаго; но мы вынесли изъ него, какъ вообще бываетъ при первыхъ визитахъ, чрезвычайно мало; видно было только, что Цзо хотѣлось поближе познакомиться съ нами, многое узнать отъ насъ, что оказалось почти невозможнымъ, потому что наши и его слова, прошедшія чрезъ уста двухъ переводчиковъ, рѣдко доходили до взаимнаго пониманія. При прощаніи генералъ опять внимательно осматривалъ насъ, заинтересовался нашимъ форменнымъ платьемъ, значками разнаго рода и различіями нашихъ мундировъ, разспрашивая, зачѣмъ это, что значитъ то, и, между прочимъ, спросилъ, отчего у меня эполеты густые, а у Сосновскаго нѣтъ, на что получилъ отвѣтъ, что это обо-

значаетъ *разныя вѣдомства*, въ которыхъ мы служимъ; (а я до сихъ поръ находился въ заблужденіи, думая, что они служатъ выраженіемъ высшаго чина, независимо отъ разницы въ вѣдомствахъ). Въ судебной залѣ мы разстались, и вернувшись къ себѣ, нѣкоторое время ожидали визита Цзо, на основаніи предшествовавшихъ примѣровъ, а потому не переодѣвались и не начинали никакихъ занятій; но наши ожиданія были напрасны,—генералъ не только не отдалъ намъ оффиціальнаго визита, но даже не прислалъ никого вмѣсто себя извиниться, что самъ почему либо быть не можетъ, какъ это всегда дѣлается по законамъ китайской учтивости. Словомъ, пріемъ вышелъ необыкновенный и для нашего самолюбія обидный. Это всѣ видѣли и чувствовали.

День прошелъ очень безтолково, почти ничего не принеся съ собою; а вечеромъ, совершая свою обычную прогулку, Цзо зашелъ къ намъ запросто, хотя и со свитой, но одѣтой также по домашнему. Это была новая неучтивость, что мы всѣ понимали, но не всѣ желали протестовать: начальникъ, напримѣръ, оправдывалъ эту неделикатность его преклоннымъ возрастомъ. Сановный гость пробылъ у насъ съ полчаса, въ продолженіе котораго „мы" посвящали его *въ тайны географіи Китая*, или, лучше сказать, щеголяли передъ нимъ своими обширными свѣдѣніями по этой части; потомъ указали пройденный нами путь, и по поводу послѣдняго Цзо выразилъ большое удивленіе: — отчего мы ѣхали по р. Хань-Цзяну до Хань-Чжунъ-Фу и какъ же не посѣтили Си-Ань-Фу, находясь отъ него такъ близко. Онъ говорилъ, что мы много потеряли, не видавъ этого замѣчательнаго города, красиваго по своему виду, интереснаго въ историческомъ отношеніи, какъ бывшаго столицей Китая и чрезвычайно важнаго въ торговомъ отношеніи.

Какъ ни мало мы понимали изъ того, что говорилъ Цзо, нельзя было не замѣтить, что онъ уменъ и, по китайски, хорошо образованный человѣкъ; а слушая его плавную рѣчь, оживленную выразительною игрою физіономіи и жестами, нельзя было не чувствовать, даже не понимая языка, что онъ говорилъ краснорѣчиво и увлекательно, что заставляло меня еще болѣе сожалѣть о неимѣніи средствъ хорошо понимать его и толково побесѣдовать съ нимъ.

Уже стемнѣло, когда онъ собрался уходить домой. Свита его, все время стоявшая позади его кресла и, казалось, внимательно слушавшая его, какъ будто пробудилась отъ пріятной дремоты и засуетилась. Генералу подали его длинную палку съ золотымъ набалдашникомъ, въ родѣ архіерейскаго посоха; два солдата, ожидавшіе его за дверьми на террасѣ, зажгли большіе шарообразные фонари изъ прозрачной бѣлой шелковой матеріи съ красными буквами, изображавшими его имя и титулъ, Онъ всталъ со стула, и простившись съ нами, обѣщалъ заходить по вечерамъ вмѣстѣ ужинать и бесѣдовать; двое изъ свитскихъ, слегка поддерживая его подъ руки, свели съ лѣстницы, и онъ, выставивъ впередъ свой животъ и постукивая длинной палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ,

медленными шагами направился черезъ дворъ къ воротамъ. Мы по обычаю проводили его до первыхъ воротъ, гдѣ онъ остановился, простился со всѣми еще разъ и просилъ насъ не безпокоиться, — не провожать его болѣе и возвратиться къ себѣ; но мы, соблюдая этикетъ, выражали желаніе проводить еще; однако, принуждены были уступить его сопротивленію и вернулись въ свою комнату, каждый съ своими впечатлѣніями, еще не сообщенными другъ другу. Какъ всегда бываетъ, впечатлѣнія былъ различны: кто былъ отъ него въ восхищеніи и, при прощаніи даже сдѣлалъ такое неловкое движеніе, что другимъ показалось, какъ будто Цзо *поцѣлывали въ руку*;—на кого онъ произвелъ впечатлѣніе человѣка съ большимъ умомъ и тактомъ, но аффектированнаго и сухого. Одни утверждали, что онъ замѣчательно добрый человѣкъ, а другіе говорили:—нѣтъ, этому пальца въ ротъ не клади... Но, разумѣется, всѣ эти заключенія строились лишь на первомъ впечатлѣніи и, слѣдовательно, большого значенія не имѣли".

Въ этомъ же городѣ, на ряду съ хлѣбной сдѣлкой, произошло также не мало курьезовъ, то смѣшныхъ, то обидныхъ для всей экспедиціи, а черезъ нее и для всѣхъ русскихъ. Вотъ, напримѣръ, что разсказано у меня на стр. 768.

„Возвращаясь домой обыкновенно въ сумеркахъ, я иногда заставалъ у насъ въ гостяхъ Цзо-Цзунъ-Тана, который приходилъ ужинать съ нами, запросто. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ изъ его квартиры къ намъ заранѣе приносились европейскіе серебряные подсвѣчники съ нѣсколькими стеариновыми свѣчами, которые такимъ образомъ были его вѣрнымъ предвѣстникомъ... И все-то европейскими вещами Цзо намъ точно глаза колетъ; но ни слова не говоритъ, что онъ хочетъ этимъ сказать. Прихожу разъ домой. Всѣ уже сидятъ за столомъ. Цзо попросилъ показать ему, что я нарисовалъ сегодня въ городѣ; смотрѣлъ, хвалилъ, но, казалось, ничего не понималъ въ живописи,—за то нѣкоторые изъ стоявшей за нимъ свиты такъ и впивались глазами въ рисунокъ изъ-за спины своего начальника и, не смѣя говорить въ его присутствіи, молча расхваливали его, показывая мнѣ большіе пальцы и кивая головами. За ужиномъ Цзо много распрашивалъ про нашего Государя, про его видъ, ростъ, образъ жизни, спрашивалъ, показывается ли онъ народу и былъ ужасно удивленъ, когда узналъ, что нашъ Государь не только открыто ѣздитъ по улицамъ, но даже гуляетъ пѣшкомъ.

Полюбопытствовалъ Цзо на счетъ нравственности нашихъ чиновниковъ, спрашивалъ, учиняютъ ли они беззаконія, на что нашъ начальникъ отвѣтилъ ему, что хотя это и случается, но очень рѣдко, потому что у насъ это опасно,—сейчасъ въ газетахъ отдѣлаютъ,—и рекомендовалъ китайцамъ гласность, какъ самое лучшее средство для исправленія чиновниковъ. Интересовался любознательный Цзо-Цзунъ-Танъ и военнымъ дѣломъ и нашими философскими

воззрѣніями и настоящимъ бытомъ русскихъ, желая отчасти, можетъ быть, блеснуть своими свѣдѣніями о чужихъ странахъ; но лучше бы онъ этого не дѣлалъ, потому что изобличалъ только свое невѣдѣніе, которое, впрочемъ, насъ нимало не удивляло. Рѣшился удивить насъ сегодня нашъ начальникъ своими непостижимыми отвѣтами генералу Цзо на его вопросы; и до сихъ поръ я ихъ не понимаю. Спрашиваетъ, напримѣръ, Цзо: сколько лѣтъ, по мнѣнію русскихъ, существуетъ вселенная? Сосновскій отвѣчаетъ:—семь тысячъ триста... и такъ далѣе.

Цзо лукаво улыбнулся и обратился къ своей свитѣ съ замѣчаніемъ, котораго никто изъ насъ не разслышалъ. Мандарины только усмѣхнулись молча.

— Да наша имперія больше лѣтъ существуетъ, — возразилъ намъ генералъ.

Я также говорю Сосновскому, что вѣдь это же лѣтосчисленіе церковное, а научные выводы заставляютъ предполагать...

— Да что-жъ вы мнѣ будете разсказывать о научныхъ выводахъ, когда это однѣ теоріи, которымъ ни одинъ образованный человѣкъ не вѣритъ,—остановилъ онъ меня.

Я не спорилъ, и разговоръ о матеріяхъ, трудно разрѣшимыхъ прекратился; а Цзо перешелъ къ вопросамъ современнымъ и болѣе существеннымъ.

— Всѣ ли въ Россіи ѣдятъ лошадиное мясо?—спросилъ онъ и, получивъ въ отвѣтъ:—далеко не всѣ,—удивилъ насъ другимъ, ужъ совсѣмъ неожиданнымъ вопросомъ.

— Есть ли еще въ Россіи людоѣдство?

— Есть, но въ очень немногихъ мѣстахъ, въ очень немногихъ,—отвѣтилъ Сосновскій какъ на самый обыкновенный вопросъ.

Мы удивленно взглянули на него, раскрывъ глаза и недоумѣвали, къ чему поведетъ эта шутка. Только видимъ, онъ не шутитъ, и переводчикъ готовъ передать его отвѣтъ.

— Ну зачѣмъ же вы его вводите въ такое непріятное для Россіи заблужденіе, — говоримъ и я, и Матусовскій. Гдѣ же у насъ людоѣдство?!—спросили мы въ одинъ голосъ.

— Вы даже и этого не знаете,—подтруниваетъ надъ нами начальникъ. А про самоѣдовъ-то вы, господа, забыли; — вѣдь ужъ одно это названіе доказываетъ вамъ существованіе факта, а вы будете со мной спорить...

— Позвольте, самоѣдъ не русское слово и значитъ...

— Да что же вы будете мнѣ разсказывать.

— Но зачѣмъ же китайскій мандаринъ будетъ имѣть о Россіи...

— Да оставьте пожалуйста. Что у васъ за страсть противорѣчить ради одной оппозиціи... Иннокентій Степанычъ передавайте, что я вамъ говорю, а то мы этакъ никогда не кончимъ...

Удивленные не менѣе, чѣмъ удивились бы передъ самымъ актомъ людоѣдства въ Россіи, мы досидѣли до конца ужина и рады были, что онъ кончился. А Цзо, можетъ быть, радовался совершенно новымъ свѣдѣніямъ о Россіи... Впрочемъ, утѣшали мы себя

надеждою, авось не все дошло до его сознанія... А можетъ быть, это-то какъ нарочно и дойдетъ.

Приведенныя непостижимыя рѣчи такъ ошеломили меня, что я ничего не видалъ и не слыхалъ кругомъ; совершенно не замѣтилъ, какъ принялъ свѣдѣніе о людоѣдствѣ въ немногихъ мѣстахъ Россіи Цзо-Цзунъ-Танъ, что выражали въ это время лица стоявшихъ позади его мандариновъ.

Гостепріимный не то гость, не то хозяинъ, Цзо Цзунъ-Танъ усиленно, словно хохолъ, приставалъ къ намъ безпрестанно съ потчиваніемъ и упрашиваніемъ отвѣдать того, поѣсть другого. Особенно усиленно угощалъ онъ насъ сегодня бараниной, поданной очень оригинально: въ комнату на особомъ низенькомъ столикѣ былъ принесенъ поставленный на ноги цѣлый зажаренный баранъ, изъ котораго поваръ тутъ же вырѣзывалъ мясо мелкими кусочками и на блюдцѣ подавалъ на столъ. Мы ѣли ужасно много, только уступая просьбамъ, а въ ушахъ все раздавались,—людоѣды, самоеды, однѣ теоріи"...

„Когда послѣ этого разговора я встрѣчалъ Цзо-Цзунъ-Тана или кого-нибудь изъ здѣшнихъ мандариновъ, мнѣ всякій разъ приходило въ голову,—а можетъ быть, онъ смотритъ на меня, и хотя любезничаетъ, а про себя думаетъ: пожалуй и ты, братъ, изъ „весьма немногихъ мѣстъ Россіи"; пожалуй онъ только изъ деликатности не спрашиваетъ, — вкусно-ли „жень-дэ жоу" (человѣческое мясо). И эта мысль—не совсѣмъ праздная, потому что, если насъ могли спросить о русскомъ людоѣдствѣ, значитъ они думали, что оно есть, хотя, можетъ быть, и сомнѣвались; теперь же, когда начальникъ нашъ разсѣялъ эти сомнѣнія, мысль о немъ вполнѣ законна... Ахъ, какъ бы хотѣлось послушать бесѣды Цзо съ своими пріятелями послѣ этого замѣчательнаго вечера 20 іюня. Но еще болѣе хотѣлось бы забыть объ этомъ вечерѣ...

Это все *ложь и клевета?*—спрашиваю я автора „Письма" и подписавшаго его, „по чистой совѣсти", свидѣтеля?.. А любому изъ читателей, самому смѣлому человѣку, предложу такой вопросъ:—вы́ могли́ бы дозволить себѣ подобный разсказъ, когда пишете не повѣсть о вымышленныхъ герояхъ, а отчетъ о живыхъ лицахъ, и не прячетесь подъ чужой фамиліей или какими нибудь буквами въ родѣ Ѳ. Б., а называете себя полнымъ именемъ?.. Тотъ же вопросъ я предложилъ бы читателямъ по прочтеніи ими каждаго приводимаго отрывка изъ моей книги. Незнаю,—можетъ быть, ошибусь; но мнѣ кажется, ни одинъ человѣкъ не въ состояніи будетъ допустить возможность такого неосмысленнаго и такого немыслимаго явленія.

Да, не мало, говорю, чудесъ и крупнѣйшихъ безтакт-

ностей натворили „мы“ въ „завѣтномъ“ г. Лань-Чжоу... Не угодно ли, напримѣръ, прочесть мое описаніе посѣщенія нами китайскихъ маневровъ, въ присутствіи генерала Цзо. (Стр. 771).

„Двадцать перваго іюня, еще до восхода солнца, мы были разбуждены необычайнымъ звуками, какъ будто поднявшейся въ городѣ тревоги, — выстрѣлами, барабаннымъ боемъ и отчаянными завываніями военныхъ трубъ, которыя, казалось, раздирали воздухъ или сами дрались на части. Съ просонокъ я подумалъ, не подступилъ ли къ городу непріятель и началъ осаду его, что собираютъ гарнизонъ для отраженія врага; и, не будь мы предупреждены наканунѣ объ имѣющихъ быть въ этотъ день маневрахъ, мы не сразу бы поняли, что значитъ эта ранняя, небывалая тревога и, пожалуй, не отнеслись бы спокойно къ поднявшейся суматохѣ. Суматоха же и шумъ происходили оттого, что войска, расположенныя въ ямыни, отправлялись на мѣсто ученія. Съ восходомъ же солнца встали и мы, и вскорѣ были совсѣмъ готовы, чтобъ ѣхать за городъ на мѣсто ученія; но Сосновскій нашелъ нужнымъ обождать, чтобы дать время Цзо-Цзунъ-Тану проѣхать туда, потому что намъ, говорилъ онъ, приличнѣе явиться послѣ него. Что касается меня, я не зналъ, что для насъ приличнѣе; но пожалѣлъ о томъ, что мы не увидимъ всего съ самаго начала, напримѣръ: пріѣзда Цзо-Цзунъ-Тана, встрѣчи его войсками и проч. Наконецъ, вѣдь мы сказали, непремѣнно будемъ, — не стали бы ждать насъ, какъ въ Фань-Чэнѣ... Но, сказано, что мы выѣдемъ не раньше какъ послѣ выстрѣла изъ пушки, извѣщающаго обыкновенно о выѣздѣ генералъ-губернатора изъ своего дома. Ждали мы, ждали этого выстрѣла, а Цзо, какъ оказалось потомъ, ждалъ нашего отъѣзда, для того, чтобъ не пріѣхать раньше, чтобъ не онъ насъ встрѣтилъ, а мы его. Мандарины безпрестанно прибѣгали на нашъ дворъ справляться, уѣхали ли мы или еще нѣтъ; адъютантъ Цзо нѣсколько разъ приходилъ спрашивать, когда же мы поѣдемъ; прямо говорилъ, что пора ѣхать, что всѣ уже въ сборѣ и ждутъ. Ему отвѣчали — сейчасъ поѣдемъ, и опять сидѣли въ ожиданіи распоряженія Сосновскаго.

Не знаю, что чувствовалъ Цзо, поставленный въ такое непріятное положеніе; но онъ, наконецъ, не выдержалъ, и три выстрѣла дали знать всему городу, что онъ отправился на мѣсто маневръ, гдѣ его, конечно, давно ожидали.

— Ну, вотъ теперь обождемъ съ четверть часа, чтобъ дать время ему доѣхать, и можемъ тронуться, — объявилъ Сосновскій.

Черезъ четверть часа мы отправились, и теперь нашъ начальникъ почему-то вдругъ сталъ торопиться и, вмѣсто того, чтобъ намъ прибыть чинно, всѣмъ вмѣстѣ, нашелъ нужнымъ ускакать впередъ, даже не приказавъ намъ, чтобъ мы „подтягивались“. Казакъ Павловъ слѣдовалъ за нимъ; а гдѣ были другіе, я не замѣ-

тилъ, потому что, всѣ какъ-то разсѣялись безъ своего предводителя, да и на душѣ было въ этотъ день отчего-то скверно. Мы съ Матусовскимъ, Смокотнинымъ и Таномъ, ѣдемъ гдѣ рысцой, гдѣ шагомъ, смотря по дорогѣ. Теперь спѣшить нечего, потому что интересный моментъ ужъ пропущенъ и его не воротишь.

Манервы происходили за городомъ, примѣрно верстахъ въ трехъ отъ него. Погода была прекрасная и толпы народа валили по дорогѣ, такъ какъ въ городѣ знали, что и пріѣзжіе иностранцы будутъ присутствовать на разводѣ. Вотъ мы ужъ не далеко, и дорога, ведущая къ мѣсту маневръ, обогнувъ какія-то развалины домиковъ, поворачиваетъ налѣво; вправо отъ насъ расположены вдали войска, на равнинѣ, окаймленной съ одной стороны горами, съ другой—городскою стѣною съ ея высокимъ бастіономъ съ тремя рядами амбразуръ; а влѣво, противъ фронта,—находится небольшой домикъ, къ которому мы и направились, такъ какъ оттуда, говорятъ, мы будемъ смотрѣть. Онъ состоитъ изъ трехъ крытыхъ террасъ или открытыхъ комнатъ, изъ которыхъ средняя, по обыкновенію, назначается для лицъ болѣе почетныхъ, куда, безъ сомнѣненія, пригласятъ и насъ, думаемъ себѣ, подъѣзжая къ домику; въ этомъ среднемъ отдѣленіи мы думаемъ найти нашего начальника рядомъ съ генералъ-губернаторомъ; но, подъѣхавъ, видимъ, въ немъ лишь нѣсколько не знакомыхъ мандариновъ, изъ которыхъ ни одинъ не только не поздоровался съ нами, но, очевидно, и замѣтить не хотѣлъ или не могъ, какъ будто мы и въ самомъ дѣлѣ были не замѣтны. Мы поняли, что на насъ сильно разсердились за наше дѣйствительно не ловкое промедленіе; но не понимаемъ еще, отчего же всѣ сидятъ и ходятъ въ какомъ-то сонномъ настроеніи, отчего не начинаютъ маневръ,—вѣдь нашъ начальникъ ужъ долженъ былъ пріѣхать. Только гдѣ онъ еще не находимъ; не видимъ и Цзо-Цзунъ-Тана... Должно быть, не къ этому домику намъ надо подъѣхать, тутъ, вѣрно, офицеры одни, а генералъ-губернаторъ съ Сосновскимъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Ищемъ такого и не находимъ; а Танъ утверждаетъ, что здѣсь, и предлагаетъ слѣзать съ лошадей. Сошли и увидали знакомаго, адъютанта Цзо, Ши-Да-Ло-ѣ, который раскланивается и сходитъ со ступеней лѣстницы, здоровается и, забирая насъ подъ руки, всходитъ съ нами наверхъ террасы. Здѣсь, какъ-то нерѣшительно, заминаясь и краснѣя, указываетъ намъ наши мѣста въ боковомъ отдѣленіи съ лѣвой стороны, гдѣ у стола сидѣлъ и Сосновскій, который почему-то старался насъ ободрить своимъ примѣромъ. Чѣмъ-то смущенный Ши предлагаетъ намъ усаживаться около стола, но дѣлаетъ это такъ несмѣло, какъ будто ожидаетъ съ нашей стороны какого-нибудь возраженія въ родѣ:—что вы, съ ума сошли, или: — съ чего же вы взяли, что мы тутъ сядемъ! И мы дѣйствительно почувствовали нѣчто такое, что заставляетъ человѣка сдѣлать возраженіе въ духѣ вышеприведенныхъ.

— Это что же? За задній столъ съ музыкантами?—обращаюсь я къ Сосновскому.—Я тутъ не сяду, говорю. За кого же они насъ

принимаютъ. Вѣдь это не дома,—тутъ войска, толпа народа... Мое мнѣніе таково, что здѣсь нельзя не считаться мѣстами, какимъ бы вздоромъ это въ сущности ни было.

Сосновскій согласился и Матусовскій поддержалъ меня,—и я, ободренный тѣмъ, что попалъ въ тонъ, продолжаю говорить въ томъ же духѣ и совѣтую или не усаживаться здѣсь совсѣмъ и ѣхать сейчасъ обратно домой или пойти и занять мѣста въ среднемъ отдѣленіи рядомъ съ Цзо. Пусть попробуютъ попросить встать...

Мандаринъ Ши, хотя и не понималъ по-русски, но догадался о чемъ у насъ шелъ оживленный разговоръ и ушелъ. Хотя я и сознавалъ, что мы сами заставили всегда учтивыхъ и весьма любезныхъ къ намъ китайцевъ дать намъ почувствовать, что нельзя же безнаказанно такъ поступать съ ихъ генералъ-губернаторами, тѣмъ не менѣе досада меня разбирала. И совѣстно, и обидно! А главное—сознаешь свое безсиліе поправить непоправимое... И жалко, наконецъ, было той пріятной и веселой встрѣчи, которая несомнѣнно была бы намъ сдѣлана. И почетъ—хорошая вещь; а веселое настроеніе духа еще дороже и лучше, — иначе на весь міръ смотришь, когда веселъ; живѣе умъ и всѣ чувства тогда острѣе.

— Ну, что же, господа, уѣдемте или пойдемъ на приличныя мѣста,—обращаюсь я главнымъ образомъ, къ Сосновскому и спрашиваю его:—видѣлся-ли онъ съ Цзо-Цзунъ-Таномъ, и какъ онъ его принялъ.

— Цзо-Цзунъ-Тана что-то задержало, и онъ прислалъ сказать, что сейчасъ будетъ; онъ-было выѣхалъ, да съ дороги вернулся.

А, вотъ въ чемъ дѣло!.. Мнѣ все стало ясно.

— Лай-лё! Лай-лё!—(Ѣдетъ, ѣдетъ!) раздались голоса и всѣ задвигались, какъ всегда бываетъ при приближеніи важной особы; послышался какой-то легкій шорохъ въ родѣ предвѣстника какъ бы надвигающейся бури и потомъ всѣ притихли.

И такъ, Цзо-Цзунъ-Танъ перехитрилъ насъ: значитъ, выстрѣлы, извѣщавшіе объ его выѣздѣ, были фальшивые... Этакіе коварные люди!.. Мы желали, чтобъ онъ встрѣтилъ насъ; а онъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ показать намъ свой пріѣздъ и увеличить число встрѣчавшихъ его лицъ еще и иностранными гостями. Да если спокойно разсуждать, положеніе его было дѣйствительно затруднительное: и неловко старику, генералъ-губернатору, встрѣчать насъ, неловко съ другой стороны и не встрѣтить. Вотъ почему, вѣроятно, и вынужденъ онъ былъ вступить съ нами въ препиранія по поводу того, кому раньше пріѣхать на разводъ... А мы были наказаны и могли только протестовать; но нашъ протестъ могъ быть замѣтнымъ только въ случаѣ удаленія всѣхъ; теперь же Сосновскій уже не находилъ удобнымъ это сдѣлать, что и справедливо. Можно было уѣхать развѣ по пріѣздѣ Цзо-Цзунъ-Тана, отговорившись „дѣлами“ или „болѣзнью“; а теперь неловко уйдти, когда онъ подъѣзжаетъ къ намъ.

Вдали, въ облакѣ пыли, показалась группа всадниковъ; войска

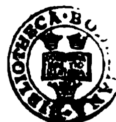
зашевелились точно колосья на нивѣ отъ дуновенія вѣтра; впередъ къ палаткѣ прискакало нѣсколько человѣкъ солдатъ; вскорѣ за ними подъѣхала свита; находившіеся здѣсь два палача,—непремѣнные символы власти важнаго сановника,—вышли впередъ и стали по сторонамъ дороги, оперщись обѣими руками на свои длинныя палки, выставивъ нижніе концы ихъ впередъ. Солдаты сомкнулись рядами вдоль дороги и изъ множества ихъ разноцвѣтныхъ флаговъ вдругъ образовалась цѣлая аллея, пестрѣвшая, какъ гигантскій цвѣтникъ, самыми яркими красками. Въ противоположномъ концѣ аллеи показался всадникъ, быстро ѣхавшій на превосходномъ иноходцѣ небольшого роста, плавно несшемся вдоль этой фантастической аллеи. Этотъ всадникъ былъ невысокій толстый генералъ, одѣтый въ курму яркаго желтаго цвѣта, въ черной шляпѣ на подобіе кокошника; а за нимъ, не отставая отъ него, слѣдовали четыре мандарина. Это былъ самъ генералъ Цзо, который черезъ нѣсколько секундъ остановился передъ палаткой. Лицо его было серьезно, съ выраженіемъ невозмутимаго спокойствія, а нахмуренныя брови придавали ему оттѣнокъ сосредоточенной мысли и, даже нѣкотораго гнѣва. Выражалось на немъ и сознаніе своего достоинства и сознаніе важности того, что совершалось вокругъ и что совершалъ онъ самъ.

Его лошадь въ тотъ же мигъ была взята подъ уздцы; генералъ, принятый на руки двухъ мандариновъ и поддерживаемый подъ руки, введенъ былъ по нѣсколькимъ ступенямъ на площадку, гдѣ его ожидали мандарины и мы. Всѣ встали; китайцы стояли въ почтительной неподвижности, которая должна была изображать готовность на все и окаменѣніе отъ страха предъ всемогущимъ человѣкомъ, какимъ дѣйствительно является здѣсь начальникъ края. Цзо поздоровался съ мандаринами и потомъ сталъ какъ бы отыскивать кого-то, оглядываясь по сторонамъ и, очевидно, умышленно не замѣчая насъ, которыхъ за версту отличали отъ всѣхъ остальныхъ наши мундиры; онъ искалъ именно насъ, стоявшихъ отъ него въ двухъ шагахъ и, наконецъ, нашелъ, и даже будто обрадовавшись, поздоровался' придавъ лицу любезное выраженіе, и потомъ прошелъ въ среднее отдѣленіе, гдѣ съ нимъ помѣстились три генерала и гдѣ кромѣ того стояли три пустыхъ кресла, приготовленныя, безъ сомнѣнія, для насъ. Но приглашенія не послѣдовало, и мы принуждены были сѣсть на прежнія мѣста въ мало-почетномъ лѣвомъ отдѣленіи, за перегородкой, у особаго стола.

— Теперь уѣдемте,—говорю я опять; простимся и уѣдемъ.

— Ну, что обижать старика,—отвѣтилъ Сосновскій,—вѣдь это только незнаніе европейскихъ обычаевъ; а никакого особаго умысла я здѣсь положительно не вижу.

Ну, если начальникъ не видитъ, думаю себѣ, значитъ его нѣтъ, значитъ, просто незнаніе европейскихъ обычаевъ, и я также сѣлъ къ столу: для чего же я одинъ уѣду! А интереснаго тутъ много... На столѣ тотчасъ явились чай и разныя печенья,—этого насъ не лишили; но и чай и сладкія печенья не уменьшали [illegible]

лоченной обиды да еще проглоченной такъ кротко, покорно, можно сказать раболѣпно. Хотя обиду мы и сами выхлопотали себѣ, своимъ малымъ знаніемъ житейскаго такта, все-таки не позволительно было, по моему, такъ унизительно переносить ее передъ такимъ многочисленнымъ собраніемъ. Но, можетъ быть, все это мнѣ только казалось въ силу моей страсти къ оппозиціи; можетъ быть все совершалось именно такъ, какъ должно".

Какъ теперь не утверждать г. Сосновскому, что это все ложь!.. А для чего же такую ложь написалъ бы я? — Пусть хоть на этотъ вопросъ дадутъ мнѣ хоть какой нибудь отвѣтъ, чтобъ и читатели могли знать *мои личныя цѣли*.

Не безъинтересенъ, и въ смыслѣ настоящей брошюры, официіальный обѣдъ у генерала Цзо, данный намъ на второй или третій день послѣ нашего пріѣзда въ Лань-Чжоу, (стр. 758).

На слѣдующій день утромъ каждый изъ насъ получилъ по большому запечатанному конверту изъ красной бумаги, съ наклеенной на него вдоль полоской, также красной бумаги, на которой былъ написанъ адресъ каждаго. Внутри конверта заключался сложенный втрое листокъ красной бумаги, на которой было написано, какъ объяснилъ намъ Ши, что Цзо-Цзунъ-Танъ приглашаетъ къ себѣ кушать такого-то въ такой-то день и часъ. Этотъ часъ, по нашему, былъ бы для нѣкоторыхъ слишкомъ раннимъ даже для утренняго чаю, не только для обѣда, а именно генералъ приглашалъ насъ къ десяти часамъ утра. Но въ чужой приходъ съ своими обычаями не ходятъ, и мы, въ виду оффиціальности приглашенія, надѣли мундиры и, едва успѣвъ напиться чаю, отправились. День былъ чудесный, солнечный.

Цзо на этотъ разъ встрѣтилъ насъ подъ знакомымъ читателю навѣсомъ или въ открытой судебной залѣ. Онъ и вся его свита были въ форменномъ платьѣ. Значитъ, теперь онъ понялъ что-то, чего раньше не понималъ и, приглашая насъ всѣхъ, не боялся уронить своего достоинства... Поздоровавшись и потомъ взаимно уступая дорогу, которая вела теперь не въ знакомую намъ пріемную, а вглубь залы на таинственный дворъ, черезъ дверь, закрытую щитомъ. Мы употребили по крайней мѣрѣ съ четверть часа, чтобъ пройти этотъ и еще одинъ дворъ и трое дверей, пока, наконецъ, вступили въ комнату, гдѣ уже былъ приготовленъ обѣденный столъ и стояли четыре слуги, одѣтые въ новые халаты изъ легкой шелковой матеріи блѣдно-оранжеваго цвѣта и въ форменныхъ шляпахъ на головахъ. Эта комната, которой трудно дать названіе по ея виду и обстановкѣ, походила отчасти на кабинетъ. Она была раздѣлена аркой на двѣ половины и имѣла такіе скромные размѣры, что стоявшій въ ея первой половинѣ небольшой четырехъ-

угольный столъ, за которымъ могло сѣсть никакъ не болѣе восьми человѣкъ, занималъ ее почти всю. Въ обоихъ отдѣленіяхъ комнаты были устроены ниши съ окнами и въ нихъ каны, которые были заложены бумагами и книгами, но нигдѣ не было даже подобія рабочаго стола.

Въ первомъ отдѣленіи, въ которомъ мы всѣ собрались, я замѣтилъ у дверей собраніе палокъ, съ какими Цзо совершаетъ свои прогулки и до которыхъ онъ, должно быть, охотникъ, а на низенькомъ столикѣ, стоявшемъ на канѣ,—значитъ на самомъ почетномъ мѣстѣ,—былъ поставленъ подарокъ, поднесенный Цзо-Цзунъ-Тану нашимъ начальникомъ въ первый же день пріѣзда,—тотъ самый о сохранности котораго, помните, казакъ Павловъ такъ заботился, когда мы собирались уѣзжать изъ Цинь-Чжоу и вещи наши укладывались на телѣги. Теперь и мы могли полюбоваться этой дорогой вещью, стоющею, по словамъ Павлова, двѣсти рублей, такъ-какъ раньше намъ не случилось ея видѣть *). Она была, разумѣется, европейской работы, (потому-что нельзя же китайцу дарить что-нибудь китайское) и представляла стеклянный колпакъ, подъ которымъ съ большимъ вкусомъ были изображены изъ картона горы, обсыпанныя пескомъ и убранныя камушками, а также оклеенныя мохомъ, на подобіе деревьевъ; на горахъ стоитъ мельница, четыре крыла которой могутъ быть приведены во вращательное движеніе, и разбросаны нарисованные домики, а внизу, на синихъ бумажныхъ волнахъ, представленъ корабль съ парусами и мачтами, могущій совершать колебанія съ боку на бокъ; кромѣ того, въ глубинѣ этой живой картины, имѣющей размѣры, я думаю, не менѣе трехъ четвертей аршина, скрыта табакерка съ музыкой, играющая одну пьесу, какую именно, не могу сказать.

— Видите? — обратился онъ къ Сосновскому, какъ только мы вошли въ комнату,—вашъ подарокъ... Я поставилъ его на первомъ мѣстѣ въ своей комнатѣ. Онъ очень мило и любезно разсмѣялся и еще разъ поблагодарилъ его, такъ что видно было, что эта совершенно обыкновенная вещь въ Европѣ, заинтересовала его.

Во время моего осмотра комнаты, я замѣтилъ еще стоявшую на небольшомъ консолѣ, надъ нишей, почти у самаго потолка, желтую шкатулку, съ нарисованнымъ на ней дракономъ и генералъ объяснилъ, что въ ней находится одна изъ одеждъ богдохана, кажется, пожалованная ему въ видѣ особой милости. Затѣмъ, моимъ вниманіемъ овладѣлъ обѣденный столъ. Онъ былъ черный лакиро-

*) Тутъ есть замѣченное мною самимъ противорѣчіе въ моей книгѣ: я забылъ, что видѣлъ эту драгоцѣнность раньше, на другой день послѣ крушенія лодки, на берегу и потомъ въ г. Хань-Чжунъ-Фу, когда ее, полинявшую и полуразвалившуюся, подклеивали и приводили въ должное состояніе красоты. Впрочемъ я тогда не обратилъ на нее большого вниманія, потому что и вообразить не могъ, что эта почти дѣтская игрушка, да еще испорченная, можетъ быть преподнесена одному изъ „вице-королей“, какъ называютъ китайскихъ генералъ-губернаторовъ живущіе тамъ англичане.

ванный, ничѣмъ не покрытый и на немъ не находилось никакихъ салфетокъ, а были положены только приборы и стояли блюдца съ первыми кушаньями, какими обыкновенно начинается китайскій обѣдъ, а именно: разнаго рода лакомства въ родѣ цукатовъ, сухихъ вареній и фруктовъ въ сахарѣ, (очень похожихъ на наши кіевскіе консервы), нарѣзанные ломтиками свѣжіе фрукты и пастила изъ фруктовъ діоспиросъ, а также, по непонятной для насъ прихоти китайскаго вкуса, ветчина и вяленая соленая рыба. Вотъ удивительное сочетаніе! Всѣ эти предметы были очень искусно и изящно положены на блюдцахъ въ видѣ прозрачныхъ пирамидокъ. Каждый же приборъ состоялъ изъ фарфоровыхъ блюдечка и двухъ маленькихъ чашечекъ, изъ серебряной вилки о двухъ зубцахъ, и двухъ палочекъ изъ слоновой кости. Вокругъ стола стояли шесть табуретовъ съ надѣтыми на нихъ чехлами синяго цвѣта и положенными сверхъ ихъ плоскими красными подушками.

Затѣмъ Цзо приступилъ къ предобѣденной церемоніи. Всѣ еще были на ногахъ, ходили по комнатѣ или, лучше сказать, переступали съ ноги на ногу потому, что ходить было негдѣ, и стояли. По данному знаку, подошелъ къ хозяину слуга, державшій въ лѣвой рукѣ подносъ съ мелкими чашечками, а въ правой металлическій, — я бы сказалъ графинъ съ виномъ, если бы онъ не былъ вполнѣ похожъ на чайникъ. Тотъ взялъ двумя руками одну чашечку, хотя она была мала и для двухъ пальцевъ; слуга налилъ въ нее вина и Цзо, обратившись къ намъ, назвалъ по имени нашего начальника, которому въ это время адъютантъ указалъ его мѣсто за столомъ, шепнувъ:—„только не садитесь, пока Цзо-Гунъ-Бао не пригласитъ къ столу всѣхъ.“ Хозяинъ поднялъ надъ головой чашечку и, торжественно подойдя къ указанному мѣсту, поставилъ ее на столъ у его прибора; потомъ бралъ отдѣльно каждую вещь прибора также двумя руками, каждую поднималъ надъ своей головой и клалъ обратно на свое мѣсто; затѣмъ пододвинулъ табуретку и рукою смахнулъ съ нея пыль, хотя ея тамъ не было. Сдѣлавъ это, онъ снова поднялъ сложенныя руки надъ головой, причемъ широкіе рукава его курмы совершенно закрыли его лицо, низко поклонился Сосновскому и молча указалъ рукою мѣсто, возлѣ котораго тотъ остался, стоя.

Тѣ же самыя провозглашенія имени, подниманія вещей и поклоненія съ тою же торжественностью и серьезностью были повторены генераломъ Цзо надъ вещами остальныхъ приборовъ и табуретами, кромѣ своего. Когда всѣ такимъ образомъ были разставлены у своихъ мѣстъ, Цзо подошелъ къ своему, считавшемуся, разумѣется, наименѣе почетнымъ, и пригласилъ насъ садиться; мы просили его сѣсть прежде насъ; начались препиранія, но, конечно, онъ сѣлъ послѣ всѣхъ. Цзо, очевидно, рѣшился поразить насъ и любезностью и учтивостью, и гостепріимствомъ.

Всѣ усѣлись. Одинъ изъ слугъ, стоявшій позади хозяина, повѣсилъ ему на грудь салфетку; но какую! какою у насъ развѣ посуду перетираютъ на кухнѣ, и то не вездѣ: изъ грубой ткани, съ

не менѣе грубымъ рисункомъ въ два цвѣта, синяго съ бѣлымъ; затѣмъ онъ положилъ около него на столъ кусочекъ не менѣе грубой бѣлой холстины, сложенной вчетверо и на него зубочистку изъ слоновой кости. Другой слуга положилъ около каждаго изъ насъ маленькія бумажки, сложенныя вчетверо, не болѣе вершка въ квадратѣ и долженствовавшія играть роль салфетокъ. Обѣдъ начался. Цзо взялъ свою чашечку вина и, вставъ, поклонился намъ, пригласивъ пить; мы отвѣтили тѣмъ же и, сѣвъ, онъ сталъ брать своими палочками кусочки разныхъ конфектъ и фруктовъ, ветчины и соленой рыбы, и положивъ каждому по кусочку каждаго кушанья собственноручно предложилъ брать самимъ, кому что угодно. Затѣмъ началось подаваніе кушаній, и первымъ блюдомъ, конечно, явился супъ изъ ласточкиныхъ гнѣздъ, за которымъ потянулся длинный рядъ блюдъ, и я скоро имъ и счетъ потерялъ; ихъ было не менѣе сорока, всякихъ—вареныхъ, пареныхъ, жареныхъ, соусовъ, всевозможныхъ смѣсей, состава которыхъ и не разберешь, но большею частью очень вкусныхъ. Изъ каждаго блюда хозяинъ сначала самъ клалъ каждому гостю на блюдечко понемногу и потомъ приглашалъ каждаго брать и кушать кому и что угодно. Эти кушанья не подавались одно за другимъ, а оставлялись на столѣ до тѣхъ поръ, пока на немъ не оставалось и вершка свободнаго мѣста; тогда раньше поданныя убирались со стола и замѣнялись новыми, подававшимися также по нѣскольку за разъ. Среди обѣда безпрестанно подливалось вино, такъ что чашечки-рюмки ни минуты не оставались не наполненными до краевъ.

Замѣтивъ, что мы мало пили вина, онъ спросилъ, не желаемъ ли мы европейскаго, прибавивъ не безъ гордости, что у него есть и европейскія вина. Мы отвѣтили, что намъ интереснѣе и пріятнѣе пить китайское, просили его не безпокоиться и поберечь европейское для своихъ друзей - китайцевъ, для которыхъ оно будетъ любопытною рѣдкостью.

— Нѣтъ, я самъ пью часто и постоянно получаю ихъ, — сказалъ онъ, и отдалъ приказаніе слугѣ; тотъ ушелъ и вскорѣ возвратился съ подносомъ, на которомъ стоялъ великолѣпный хрустальный приборъ превосходной европейской работы, состоявшій изъ двухъ изящныхъ графиновъ и полдюжины рюмокъ, заключавшихся въ небольшомъ шкафчикѣ изъ толстыхъ шлифованныхъ стеколъ, оправленныхъ золоченною бронзою. Слуга налилъ рюмки и подалъ.

— Линь-вань, назвалъ хозяинъ вино, не будучи въ состояніи точнѣе произнести слово рейнвейнъ.

Онъ спрашивалъ, хорошо ли вино, которое онъ и самъ пилъ съ видимымъ удовольствіемъ; хорошъ ли приборъ, и очевидно щеголялъ передъ нами тѣмъ, что имѣлъ у себя европейскія вещи и европейское вино. Онъ извинился, что въ настоящее время не имѣетъ „шань-пань-цзю“ (шампанскаго; цзю значитъ вино), „которое,—я знаю,“ говорилъ онъ, „европейцы очень любятъ“.

Обѣдъ продолжался долго; но такъ какъ Цзо говорилъ почти безъ умолку и изъ разговоровъ кой-что понималось, кой-что удава-

лось сказать и намъ самимъ, то время проходило не особенно скучно. Я ужъ говорилъ, какое непріятное напряженіе мозга чувствуешь при разговорахъ черезъ переводчика, какъ утомляешься и какъ скоро потомъ забываешь, о чемъ шла рѣчь.

Наконецъ, обѣдъ, прерывавшійся разъ для питья чая, съ цѣлью „осажденія пищи внизъ“, и для куренья, и продолжавшійся шесть часовъ,—кончился. Важный и нѣсколько надменный, но утонченно-вѣжливый генералъ-губернаторъ рыгалъ не только на всю комнату, но и на весь дворъ; впрочемъ, что значитъ отрыжка... Да, онъ убѣдительно доказалъ, что приличія—вещь чисто условная. Впрочемъ, Цзо былъ первый и единствввный въ такой степени физіологически-безцеремонный китайскій сановникъ изъ всѣхъ, видѣнныхъ нами.

Читатель знаетъ уже, что, по китайскимъ понятіямъ, учтивость требуетъ, чтобъ гости немедленно послѣ обѣда прощались съ хозяиномъ и оставляли его въ покоѣ отдыхать и переваривать пищу, а Цзо истребилъ ея огромное количество; мы тоже наѣлись, изъ любознательности, до чувства тяжести въ желудкѣ: надо же было все перепробовать, хотя было бы гораздо интереснѣе узнать, какъ и изъ чего что дѣлается. Мы встали и, поблагодаривъ хозяина, стали прощаться, прося его не безпокоиться и не провожать насъ; но онъ, какъ учтивѣйшій китаецъ, не могъ этого допустить и отправился съ нами черезъ дворъ. Шелъ онъ черезъ этотъ дворъ въ какихъ-нибудь пятьдесятъ шаговъ ширины, я думаю, цѣлую четверть часа, медленно переставляя ноги и безпрестанно останавливаясь, чтобъ еще поболтать и узнать что-нибудь. Не припомню, какъ разговоръ опять перешелъ къ европейцамъ, и онъ разсказалъ намъ объ одномъ французѣ, который находился, нѣсколько лѣтъ назадъ, на китайской службѣ и, уѣхавъ въ Парижъ, прислалъ ему оттуда на память подарокъ; Цзо остановился и велѣлъ одному изъ сопровождавшихъ насъ слугъ принести его. Тотъ скоро возвратился съ маленькимъ футляромъ въ рукахъ и подалъ. Цзо открылъ и показалъ намъ великолѣпные золотые часы-хронометръ съ парижской выставки 1872, что было обозначено на нижней доскѣ, а на верхней была сдѣлана изъ эмали военная мандаринская шляпа съ краснымъ шарикомъ и павлиньимъ перомъ съ двумя глазками, — гордостью китайскихъ сановниковъ. Хитрый генералъ сдѣлалъ видъ, что самъ не понимаетъ, хорошая-ли это вещь или нѣтъ, и опять у каждаго поочереди спросилъ наше мнѣніе. И когда мы всѣ похвалили, онъ объяснилъ, что часы эти и стоятъ около тысячи рублей. Онъ возвратилъ ихъ слугѣ и велѣлъ отнести на мѣсто; а самъ остановился и, смотря на насъ, опять задумался, какъ при первомъ свиданіи, и опять тихо разсмѣялся особеннымъ басистымъ смѣхомъ, и если бы нужно было какъ-нибудь назвать послѣдній, я назвалъ бы его незаслуженно-обиднымъ; а причины его точно не знаю.

Проводивъ насъ до дверей второго двора, онъ простился съ нами и возвратился къ себѣ, а мы прошли еще черезъ одинъ дворъ въ свою квартиру и нѣсколько времени вели бесѣду относительно Цзо-

Цзунъ-Тана, который чрезвычайно нравился Сосновскому, и онъ даже говорилъ: — *Я ужасно доволенъ тѣмъ, что Западный Край отдали въ его руки!*

Поговорили объ европейскихъ вещахъ и винѣ, задумались надъ тѣмъ, зачѣмъ онъ показалъ намъ подарки другихъ европейцевъ, и рѣшили, что онъ до нѣкоторой степени недоволенъ подаркомъ нашего начальника. А тутъ, вскорѣ послѣ нашего возвращенія домой, является маленькій мандаринъ съ просьбою отъ Цзо-Цзунъ-Тана прислать ему футляръ отъ подаренной нами вещи. Это поставило *насъ* въ немалое затрудненіе такъ какъ извѣстно, что для подобныхъ вещей никакихъ футляровъ не дѣлается. Простого же деревяннаго ящика *мы* заблагоразсудили не посылать, а приказали сказать, что футляръ погибъ, т.-е. расклеился и испортился на порогѣ Лунъ-Танъ. Спасибо—онъ еще разъ выручилъ; хоть и прозрачно, а все-таки выручилъ.

Такъ какъ въ карающемъ меня письмѣ говорится объ искаженіи мною факта проводовъ изъ г. Лань-Чжоу, и г. Сосновскій упрекаетъ меня по этому поводу даже *болѣе* чѣмъ въ недобросовѣстности (хотя и дѣлаетъ это тотчасъ за очевидно умышленнымъ и цѣлесообразнымъ искаженіемъ текста моей же собственной книги, что ниже будетъ доказано), то я приведу здѣсь и разсказъ о нашемъ отъѣздѣ изъ Лань-Чжоу, совершившемся,—что грѣха таить,—не безъ нѣкотораго позора. (стр. 814).

„Хотя и предполагалось выѣхать сегодня раннимъ утромъ, но собрались только къ часу; наконецъ, все вынесено, всѣ на ногахъ, съ надѣтыми на себя дорожными принадлежностями; верховыя лошади, которыхъ мы здѣсь купили себѣ потому, что дальше, пожалуй, не у кого будетъ достать наемныхъ, стоятъ у подъѣзда; но для переводчика и фотографа лошадей *не куплено* и Сосновскій требуетъ казенныхъ. Провожавшіе насъ мандарины съ ногъ сбились, бѣгая то за тѣмъ, то за другимъ. Привели лошадей; теперь оказывается *сѣделъ нѣтъ;* послали спросить у генералъ-губернатора: нельзя ли дать на время два сѣдла изъ его собственныхъ? Тотъ велѣлъ *подарить*. Пока мы стояли и ходили въ ожиданіи окончанія всѣхъ приготовленій, въ наши комнаты уже явилась прислуга и начала выносить мебель, мести полы, причемъ поднялась страшная пыль, въ которой мы поневолѣ должны были находиться. Не знаю, существуетъ ли въ Китаѣ обычай такъ торопиться съ уборкой оставляемой, но еще не оставленной квартиры, или это была демонстрація, выраженіе нетерпѣнія и удовольствія, что мы наконецъ, уѣзжаемъ, — не знаю; во всякомъ случаѣ это не могло служить доказательствомъ особеннаго къ намъ почтенія. Собравшись совсѣмъ и стоя въ бездѣйствіи на террасѣ, [redacted]сматривалъ на толпившихся и стоявшихъ людей, [redacted]отрѣв-

шихъ на наши сборы, и не подмѣтилъ ни у кого выраженія сожалѣнія или грусти; а насмѣшливыя выраженія на лицахъ солдатъ и даже мандариновъ мелькали довольно часто и явно показывали намъ, что оказанныя любезности, даровое помѣщеніе, даровое кормленіе пятнадцати человѣкъ нашей компаніи въ продолженіе почти мѣсяца и щедрые подарки Цзо, никакъ не слѣдуетъ принимать, какъ я и раньше предполагалъ, за выраженіе нѣжной дружбы и платонической любви къ намъ здѣшнихъ китайцевъ... Да и за что же бы, правду говоря, они могли воспламениться, по отношенію къ намъ подобными чувствами?

„Цзо-Цзунъ-Танъ *не пришелъ* проститься съ нами и, подъ предлогомъ болѣзни *отказался принять насъ*, когда нашъ начальникъ выразилъ желаніе еще разъ проститься съ нимъ. Насъ провожалъ и исполнялъ всѣ наши просьбы и порученія адъютантъ Цзо, — Ши-ло-ѣ, бѣлый, толстый добрякъ, который бывалъ у насъ каждый день по нѣскольку разъ, и все время находился въ роли коммиссіонера, исполняя ее неутомимо и всегда самымъ любезнымъ образомъ. Но за эти услуги и доброе расположеніе къ намъ мы подарили ему при прощаньи клеенчатый подонникъ, баночку помады и маленькое открывающееся костяное яичко, величиною съ простой орѣхъ, изъ котораго что-то вынималось, кажется цѣпочка изъ нѣсколькихъ стеклянныхъ зернышекъ... „Лунъ-Танъ!“ — точно раздалось въ ушахъ... Впрочемъ Ши обѣщали прислать изъ Россіи всего, всего... Потомъ *мы* передали ему рублей на сто серебра, прося раздать поварамъ, прислугѣ, конюхамъ и конвойнымъ солдатамъ, служившимъ намъ во время нашего пребыванія въ Лань-Чжоу. (Мы съ Матусовскимъ вели свои расходы и счеты отдѣльно).

Наконецъ, кончились всѣ сборы; мы простились больше знаками и жестами, потому что передать толково хотя бы одну фразу не было никакой возможности, — и уѣхали... я было хотѣлъ сказать безъ всякаго сожалѣнія, но нѣтъ: мнѣ было жаль покидать добродушнаго толстяка Ши, нѣкоторыхъ изъ своихъ паціентовъ, которые пришли проводить меня, и солдатъ, добродушныхъ малыхъ, привыкшихъ ко мнѣ во время нашихъ прогулокъ и работы въ городѣ. Грустили и они, провожая меня, и выражали это, кто какъ умѣлъ. А, можетъ быть, этого и не было, и мнѣ только такъ казалось, вслѣдствіе самообольщенія.

„Тронулся транспортъ изъ пятнадцати телѣгъ; за нимъ уѣхали со двора и мы... Но уѣхали какъ-то странно, даже, можно сказать, неловко. Послѣ встрѣчи до нѣкоторой степени почетной, послѣ, какъ казалось, такого любезнаго пріема, насъ проводили такъ, какъ будто не проводили, а выпроводили:—китайцы, такіе охотники до всякаго рода демонстраній, теперь не сдѣлали ни одного выстрѣла, не выставили ни одного флага; никто не явился хотя бы съ однимъ словомъ отъ генералъ-губернатора; ни одинъ мандаринъ не поѣхалъ проводить насъ, хотя бы до городскихъ воротъ, какъ это дѣлается у китайцевъ при малѣйшемъ вниманіи къ людямъ... Словомъ, *благодѣяній* намъ въ Лань-Чжоу было оказано чрезвычайно

много, а выраженія *почтенія*—ни на волосъ. Казаться мнѣ это не могло, потому что одно и тоже всѣмъ вдругъ не кажется, стало быть, таковъ фактъ; а какія были его причины, доподлинно неизвѣстно, и поэтому я пройду ихъ молчаніемъ. Но не могу не сказать, что мы съ Матусовскимъ имѣли основаніе думать, что опохмѣляемся горькимъ виномъ на чужомъ непочетномъ пиру... Забыть бы все скорѣе, да не забывается...

„Мы выѣхали за городъ, а мысли возвращаются туда и внутренними очами я вижу и слышу, что теперь тамъ происходитъ и что говорится...

„Такимъ-то образомъ кончился первый длинный періодъ нашего путешествія, который можетъ быть названъ часто повторявшимися словами распорядителя экспедиціи: — „Намъ бы только до Ланьчжоу добраться“!

Теперь читателямъ полезно выслушать и противную сторону. Вотъ, какъ описываетъ г. Сосновскій генерала Цзо и свои сношенія съ нимъ,—сначала при личныхъ свиданіяхъ, а потомъ письменныя. Я же только прошу помнить, что „переводчикъ“ нашъ, г. Андреевскій, могъ,—не въ обиду ему будь сказано,—едва-едва кой что объяснить, и еще менѣе понять, покитайски, если разговоръ мало-мальски принималъ отвлеченный характеръ; прочесть же или написать что-нибудь онъ могъ еще менѣе меня, хоть слегка заглядывавшаго въ китайскую грамматику о. Іакинѳа и христоматію профессора Васильева,—т.-е. буквально ни одного слова; да онъ и претензій на бо́льшія познанія въ китайскомъ языкѣ не имѣлъ и никогда не выражалъ. Вотъ, при его-то исключительномъ содѣйствіи пріобрѣтены г. Сосновскимъ т. н. свѣдѣнія о Китаѣ и представителяхъ его народа; черезъ него совершалась будто бы переписка съ китайскимъ генераломъ Цзо. Изъ Лань-Чжоу г. Сосновскій писалъ въ Петербургъ слѣдующее:

„Уже другой годъ, какъ я въ Китаѣ, видѣлъ *всѣ классы общества*, и военныхъ, и гражданскихъ, и ученыхъ, и простолюдиновъ, *но рѣшительно не находилъ такого просвѣщеннаго китайца, какъ Цзо-цунъ-танъ* (Цзо—фамилія, Цунъ-танъ—высшая государственная степень). *Онъ положительно удивляетъ меня своими здравыми понятіями, точными и опредѣленными свѣдѣніями о Россіи* [1]). Въ большинствѣ случаевъ, *разговоръ съ ученымъ китайцемъ не выходитъ изъ среды ихъ классическихъ книгъ и отвлеченныхъ умство-*

[1]) Вспомните, напримѣръ, его вопросы объ [redacted] пищу лошадинаго мяса и о людоѣдствѣ въ Россіи; и думайте, [redacted]

ваній, а за предѣлами страны они неизбѣжно оказываются круглыми невѣждами; Цзо-цунъ-танъ совсѣмъ *иное*. — Мы гостимъ у него въ домѣ и почти каждый день сходимся *для бесѣдъ*. Онъ началъ свою военную карьеру въ Ху-нани, въ дѣлахъ противъ тайпинговъ, оттуда переведенъ былъ въ Фу-чжеу-фу, гдѣ, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Дзинксльмъ, устраивалъ лучшій въ Китаѣ арсеналъ и, наконецъ, въ 8-е лѣто Тунъ-чжи, назначенъ сюда т.-е. управлять съ неограниченною (?) властью Шень-си, Гань-су и Хухеноромъ. *Военными дарованіями едва ли онъ располагаетъ, но какъ администраторъ и устроитель въ высшей степени талантливая личность. Натура прямая, открытая и, главное, честная.* Онъ понялъ, что вся эта неурядица происходитъ, главнымъ образомъ отъ взяточничества. Набралъ хорошихъ чиновниковъ [2]), набралъ солдатъ, далъ имъ хорошее устройство [3]), назначилъ порядочное жалованье, которое аккуратно выплачивается [4]), устроилъ въ Ланъ-чжеу арсеналъ, гдѣ приготовляетъ новѣйшихъ системъ ружья и пушки [5]), а заручившись этими способами, въ три года укротилъ мятежъ и *вызвалъ къ жизни* ввѣренную его попеченію груду развалинъ. Сначала онъ взялъ Хе-чжеу, гнѣздо возстанія, потомъ Симинъ-фу, въ третьемъ году Су-чжеу и возстановилъ сообщенія съ Хами и Баркюлемъ. Съ мая настоящаго года ему подчинена, съ титуломъ Баньши-да-чженя, или намѣстника, вся западная окраина, т.-е. Чжунгарія и Восточный Туркестанъ, *чему нельзя не порадоваться*, ибо, какъ онъ самъ замѣчаетъ, онъ взялъ этотъ край, чтобы удалить пьяницъ—дзянъ-дзюней, *которые затрудняютъ только сношенія* [6]). „Ихъ дѣло есть, пить и писать стихи". Урумчи онъ разсчитываетъ покорить въ 11-й лунѣ, или въ декабрѣ этого года. Всего въ районѣ подчиненнаго ему края состоитъ 150 т. человѣкъ [7]) изъ коихъ $^1/_3$ съ европейскими ружьями [8]); на театрѣ дѣйствій находится около 70 т., но, по замѣчанію Цунъ-ду, они составляютъ крайне ненадежную боевую силу и скорѣе должны быть названы солдатами-землепашцами. Арсеналъ въ весьма удовлетворительномъ состояніи [9]). Его устроивалъ французъ Даргобей, а теперь онъ управляется весьма свѣдущимъ кантонцемъ. Вообще какъ въ дѣйствующихъ войскахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ нѣтъ вовсе служащихъ иностранцевъ; есть только одинъ индѣецъ, кото-

---

[2]) Мы ни одного не видали при исполненіи обязанностей, а еслибъ и видѣли, то качествъ ихъ опредѣлить, конечно, не могли бы.

[3]) Какое? Въ чемъ именно оно лучше прежняго?

[4]) А именно? И какъ дознано, что оно аккуратно выплачивается? Какъ вообще это узнавалось г. Сосновскимъ?

[5]) Какихъ именно системъ и сколько?

[6]) Съ кѣмъ? И въ какихъ напримѣръ дѣлахъ?

[7]) Изъ какихъ источниковъ это свѣдѣніе,—онъ ли самъ сказалъ, или провѣрено?

[8]) Какой конструкціи? И самъ ли г. Сосновскій въ этомъ убѣдился?

[9]) Что говоритъ подробное, спеціальное описаніе его? Потому что нашего смотра его въ десять минутъ (!) не можетъ быть достаточно.

рый недавно отправленъ въ Гученъ, командовать артиллеріей [10]. Арсеналъ успѣлъ уже подготовить до 60-ти стальныхъ и мѣдныхъ заряжающихся съ казенной части, орудій и небольшое число митральезъ [11].

„Въ одной изъ бесѣдъ [12] я спросилъ Цзо: какого онъ мнѣнія относительно установленія нашихъ *торговыхъ связей* черезъ Ланьчжеу, Хами, Баркюль, Гученъ и долину Иртыша? Онъ отвѣчалъ: „Конечно, хорошо. Пусть лучше у насъ останется провозная плата нежели переходитъ въ руки англичанъ" [13] (мимоходомъ сказать, онъ ихъ не терпитъ). Но прежде, чѣмъ говорить *о новомъ пути*, продолжалъ Цзо, „надо умиротворить край".—„Всѣ эти переговоры и о Кульджѣ, и объ Иртышѣ ни къ чему не ведутъ: *нужно дѣло*".

„*Не въ предѣлахъ моей миссіи входить въ какіе бы то ни было переговоры*" [14], а потому я и *прекратилъ* дальнѣйшія разсужденія на эту тему [15]). Спустя нѣсколько дней, я *снова* завелъ рѣчь, замѣтивъ, что, по всей вѣроятности, (?) армія нуждается въ продовольственныхъ припасахъ и предметахъ обмундированія (!) и что какъ относится Цзунъ-Танъ къ тому обстоятельству, если купцы наши повезутъ теперь же хлѣбъ и красный товаръ. *Цзо никакъ, повидимому, не ожидалъ подобной манны небесной* (!). Я передалъ его слова *съ буквальной точностью* (!!): „Отвѣчая на ваше расположеніе (?), буду говорить прямо. Есть у меня солдаты, есть пушки; хлѣба у меня нѣтъ. Еще до пріѣзда вашего, когда дошли только первые вѣсти, меня неоднократно спрашивали: зачѣмъ русскіе ѣдутъ? Вѣдь ходятъ настойчивые слухи, что они помогаютъ татарамъ, посылая оружіе и продовольствіе; а въ послѣднее время, по поводу убійства Маргари, стали даже поговаривать, что Россія, какъ родственная Англіи держава, имѣетъ оказать ей содѣйствіе движеніемъ войскъ съ запада, а потому русскіе и дѣлаютъ теперь предварительныя изслѣдованія. Я отвѣчалъ". Приэтомъ Цунъ-ду обратился къ окружавшимъ его чиновникамъ съ словами: „не такъ-ли"? „идутъ Рус-

---

[10]) Что это за артиллерійскій генералъ? Какова степень его военныхъ познаній? (Этотъ индіецъ есть раззорившійся содержатель опійной курильни, но жалкій и добродушный человѣкъ, о которомъ упоминается въ моей книгѣ на страницахъ 944—960). Могъ ли читатель это думать!

[11]) Гдѣ они находятся? Въ самомъ же Лань-Чжоу мы видѣли девять пушекъ и нигдѣ не видали ни одной митральезы.

[12]) Эта бесѣда происходила, какъ указано выше, тотчасъ по пріѣздѣ въ Лань-Чжоу и все дѣло было кончено въ тотъ же день.

[13]) Развѣ англичане здѣсь торговали когда-нибудь?

[14]) Совершенная правда, тѣмъ не менѣе г. Сосновскій вошелъ.

[15]) Онъ въ день пріѣзда заключилъ съ Цзо-Цзунъ-Таномъ контрактъ на доставку 25,000 четвертей пшеницы къ ближайшему январю (1876 г.). Это было сообщено намъ всѣмъ, самимъ г. Сосновскимъ. Цзо-Цзунъ-Танъ на общихъ бесѣдахъ за обѣдами и ужинами, т. е. при всѣхъ, никогда не сказалъ о поставкѣ хлѣба ни одного слова, какъ [illegible] въ головѣ о ней не было; точно также не было какого [illegible] съ Китаемъ вообще.

скіе, идутъ наши искренніе друзья, дорогіе гости" (?!!). „Теперь ваши слова" (?), продолжалъ онъ, относясь ко мнѣ, „лучшее подтвержденіе моихъ". Услуга за услугу. Если вы возьметесь доставить мнѣ хлѣба, то напишите вашимъ купцамъ: пусть идутъ въ Гученъ, Хами, даже въ Ланъ-чжеу. Мнѣ дана неограниченная власть [16]). Я предпишу по городамъ оказывать русскимъ особое покровительство, давать помѣщенія, а буде надо и проводниковъ. *Я самъ хунанецъ и отвѣчаю, что чаи будете получать безъ подмѣсей.* Не могу я разрѣшить вашимъ купцамъ строить собственные дома и заводить постоянные склады [17]), но обязуюсь сдѣлать отъ себя по этому предмету представленіе въ Цзулинъ-ямынь" [18]). Приэтомъ Цзунъ-ду *далъ понять*, что Дунъ-Ванъ, братъ государя, его близкій пріятель. „Сдѣлавши дѣло, заключилъ Цзо, „*мы не станемъ долго разговаривать ни о Кульджѣ, за которую съ насъ требуютъ большую контрибуцію, тогда какъ таможенный доходъ отъ нея никогда небылъ великъ, ни объ Иртышѣ, который для насъ особой важности не имѣетъ*" [19]). *Какъ жалѣлъ я въ эту минуту, что не имѣю права перевести все это на бумагу* [20]). *Я хорошо понимаю и вижу отсюда* (!), *что дѣло возстанія проиграно безповоротно*"... „Въ декабрѣ Урумчи Цунъ-Танъ возметъ несомнѣнно; онъ располагаетъ для того болѣе чѣмъ достаточными средствами. Судя по всему даже Якубъ-Бекъ не можетъ разсчитывать на самостоятельную будущность. Очень можетъ быть, что на первыхъ порахъ онъ и одержитъ верхъ, но въ концѣ концовъ все таки уступитъ".

„Желая разсѣять невыгодные толки [21]) и чтобы, по возможности облегчить дѣло будущаго [22]), я заключилъ съ Цзунъ-Таномъ отъ своего лица сдѣлку, копію съ которой имѣю честь представить"... [23]) „*Помянутая сдѣлка есть личное мое предпріятіе, тѣмъ не менѣе, въ случаѣ надобности* (?), *ее всегда можно выставить дѣйствіемъ правительства, что я поступилъ какъ агентъ его.* А тогда, не нарушая собственныхъ интересовъ, мы фактически оказываемъ громадную услугу: а) нѣтъ хлѣба — нечего ѣсть, нельзя держать солдатъ, дѣло возстанія затягивается; б) громадное сбереженіе расходовъ, о чемъ Китай въ настоящее время больше всего хлопочетъ. Цунъ-Ду мнѣ говорилъ, что онъ платитъ 9, 10, 11 и болѣе ланъ за сто гиновъ, причемъ доставка невѣрная и продолжительная, ибо хлѣбъ идетъ изъ Гуй-Хуачена. *Велико, должно быть, значеніе услуги,*

---

[16]) Что всѣ вышеприведенныя слова—неправда, событія уже доказали: да они и не могли быть ни сказаны, ни поняты г. Сосновскимъ, по указаннымъ причинамъ.

[17]) А это-то и есть дѣло первой важности. Это то и тормозитъ торговлю.

[18]) Гдѣ же его неограниченная власть?

[19]) Событія доказали полную несправедливость этихъ придуманныхъ словъ.

[20]) Да вѣдь это же переведено и прислано въ Петербургъ, гдѣ и хранится до настоящаго времени, все. Или какъ-нибудь иначе перевести?

[21]) Какіе и о чемъ? Ихъ тогда не могло быть. Странное предчувствіе!

[22]) Какое? Какъ все глухо говорится!

[23]) Упомянутый договоръ о поставкѣ для китайскихъ войскъ хлѣба.

если даже о моей, совершенно частной, сдѣлкѣ Цунъ-Ду пишетъ въ Цзуминъ-Ямынь, какъ о какомъ-нибудь трофеѣ побѣдномъ (!) [25]; *чиновники и генералы являются привѣтствовать и благодарить* [26])". Во-вторыхъ, мы оказываемъ не менѣе важную нравственную поддержку, что Цзунъ-Танъ понимаетъ вполнѣ: будутъ русскіе возить хлѣбъ,—*татары перестанутъ шириться*, поспѣшатъ искать соглашенія съ своимъ законнымъ правительствомъ".

Таковы важнѣйшія послѣдствія разсматриваемой сдѣлки; если правительству угодно будетъ дать, *такъ сказать*, свое имя, то и массу другихъ комбинацій можно построить на ней; къ тому же ни затратъ, ни хлопотъ. Конечно, я считалъ бы большой милостью, если его п—во (бывшій министръ финансовъ), соблаговолитъ приказать выдать мнѣ небольшую заимообразную ссуду—тысячь въ 10-ть и предписать, на случай, Семипалатинскому казначейству принять въ счетъ податей, вмѣсто бумажныхъ денегъ, серебряные слитки, тогда и выполненіе легче, и размѣръ операцій можетъ быть тихъ (?). Но самое серьезное значеніе, о чемъ я убѣдительно прошу, будетъ имѣть разрѣшеніе въ конвой сотни казаковъ (!).

Это писалось г. Сосновскимъ изъ Лань-Чжоу въ Петербургъ. А вотъ, отправленная туда же, „Копія съ письма начальника учено-торговой экспедиціи Шаньганскому генералъ-губернатору Цзо, отъ 2 декабря 1875 года. (Гдѣ и кѣмъ писано это, кѣмъ переведено на китайскій языкъ—неизвѣстно, а переводъ его, какъ читатели увидятъ, долженъ требовать самаго тонкаго знанія языка. Неизвѣстно также, получилъ ли его Цзо, и что сказалъ въ отвѣтъ).

„Цзунъ-Танъ! Не знаю, получили ли Вы мое письмо изъ Зайсана, которое я отправилъ съ начальникомъ сопровождавшаго насъ конвоя [1]). Я писалъ Вамъ тогда о движеніи первыхъ транспортовъ; теперь совершенно точно и опредѣленно говорю, что въ Гучень будетъ доставлено для сдачи Даудаутхаю 4.872,000 гиновъ. Не смотря на то, что хлѣбъ подвозится изъ отдаленныхъ мѣстностей, такъ-какъ въ Зайсанскомъ округѣ неурожай [2]), что лучшее время, какъ я писалъ, упущено, ибо Павловъ много запоздалъ вслѣдствіе того, что зачастую подводы были очень плохи и что изъ Гучена его отправили не прямой дорогой черезъ Булунь-Тохой, а кружной—черезъ Сазанзу и Тарбагатай,—Вы получите хлѣбъ все-таки дешевле условленной цѣны, именно каждые 200 гиновъ не по 15 ланъ, какъ бы слѣдовало по условію, а по 14, что составитъ экономіи на все количество около 25 т. ланъ. *Мнѣ пріятно сооб-*

[25]) Какъ это сдѣлалось извѣстнымъ г. Сосновскому?

[26]) 16 іюня мы сдѣлали въ Лань-Чжоу шесть офиціальныхъ визитовъ къ мѣстнымъ властямъ и насъ никто не принялъ, кромѣ одного самаго малаго.

[1]) Намъ и никому также неизвѣстно. [2]) [illegible] слышалъ бы навѣрно, еслибы онъ былъ.

щить Вамъ объ этомъ, такъ-какъ въ тяжкое время, какое Вы переживаете, каждый лань сбереженія есть положительно заслуга передъ Престоломъ и родиной (!!).

„Для болѣе удобнаго движенія хлѣбныхъ транспортовъ, мы условились, при личныхъ нашихъ соглашеніяхъ въ Лань-Чжоу-Фу, устроить попутные склады или магазины, причемъ моему усмотрѣнію предоставлялся выборъ мѣста, а Вы возмѣщали издержки (!). Желая, по возможности, облегчить Ваши затраты, я принимаю на свой счетъ постройку складовъ, а Васъ прошу только сдѣлать распоряженіе, чтобы мѣстныя власти не дѣлали никакихъ затрудненій и препятствій, а, напротивъ, буде надо, оказывали содѣйствіе. Такъ какъ транспорты будутъ двигаться разными путями, то склады необходимо выстроить въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) на Иртышѣ у устья Кабы, 2) на урочищѣ Чанонэй-Усу по прямой дорогѣ изъ Зайсана въ Гучень, 3) въ Вулунь-Тохоѣ и 4) въ Гученѣ. Въ Булунь-Тохоѣ и Гученѣ много брошенныхъ построекъ: пусть уступятъ, а я приведу ихъ въ порядокъ. Напишите Дзинъ-Дзянь-Дзюню и и начальнику Хобдинскаго округа, ибо я отправляю людей и необходимые матеріалы для постройки. (?!)

„Почти все упомянутое количество хлѣба будетъ доставлено зимой и ранней весной, и лишь ничтожная остальная часть прибудетъ въ 5-й лунѣ. Вы поймете, съ какими трудностями приходится бороться, если скажу, что для однятія этого груза надо 14 тыс. верблюдовъ. Хотя, по условію, $^1/_4$ можетъ быть въ зернѣ, но, зная, что Вы встрѣтите недостатокъ мельницъ въ Гученѣ, я отправляю все мукой, и только около двухъ ваней (10,000) будетъ зерна, которые придутъ въ первыхъ транспортахъ, ибо, торопясь начать отправку, нельзя было терять время на перемолъ. По настоящее число вышло уже 600 верблюдовъ съ 20 ванями, другіе готовятся къ движенію; кромѣ того, изъ Зайсана погнали гурты барановъ, рогатаго скота и лошадей. *И такъ, Цзунъ-Танъ, будьте покойны и считайте дѣло о поставкѣ хлѣба окончательно устроеннымъ.*

Затѣмъ начинается самая интересная, но (къ счастью) и самая невѣроятная для доведенія ея до свѣденія Цзо, часть письма, будто бы отправленнаго къ нему въ г. Лань-Чжоу... Да оно тамъ и не нужно было: вѣдь только Петербургъ долженъ былъ знать, какія „мы“ письма пишемъ къ китайскимъ „сановникамъ съ неограниченной властью“; какъ потоварищески обходимся съ ними; какова глубина „нашихъ“ познаній въ китайской исторіи и т. п... Но если бы Цзо получилъ это посланіе, то какъ бы я желалъ присутствовать при чтеніи имъ этого наставленія и обученіи его практической грамотѣ!.. Не повѣдаетъ ли г. Сосновскій, кто перевелъ это письмо на китайскій языкъ? И нельзя ли достать копію? Вѣдь не въ русскомъ же оригиналѣ, надѣюсь, оно отправлено къ нему...

„Заручившись средствами, Вы ускорите дѣло умиротворенія порученнаго Вамъ края. *Небо благословитъ Ваше оружіе, но сколько заботъ впереди:* страна раззорена, масса населенія погибла;—какъ поднять и оживить край? *Вспомните времена князя Юйя, стяжавшаго безсмертное имя. Мнѣ кажется, что сама судьба ставитъ Васъ въ положеніе славнаго князя:* тогда Хуанъ-Хе губила народъ, теперь—Хой-Хойцы. Собирая воды въ назначенные предѣлы, выравнивая земли для посѣва хлѣбовъ, мудрый князь умножилъ жизненныя средства населенія, и оно почтило его имя, завѣщало потомству, труды же и старанія вполнѣ оправдало исправнымъ платежемъ податей и налоговъ. *Вы должны идти стопами Юйя, повторить его дѣянія, т.-е. усилить, улучшить матеріальное положеніе народа.* Но какіе способы? Во времена Юйя можно было обойтись собственными средствами государства, хотя и тогда понадобились десятки лѣтъ для исправленія; теперь другое. Неустройства и мятежи тянутся съ первыхъ дней Сянъ-Фына; казна израсходовалась, оскудѣла; нуженъ притокъ богатства другихъ странъ, другихъ народовъ. Вы сами были въ Фу-Чжеу-Фу [3]). То ли онъ теперь что былъ прежде? А Шанхай, Тянъ-Цзинъ, Хань-Коу и другіе [4])? Возьмемъ близкій примѣръ. Я знаю, что для того, чтобы дать лишній заработокъ населенію, *Вы намѣренно платите высокой цѣной за перевозку Вашего провіанта и другихъ казенныхъ кладей. Скажите: не лучше ли, если эти деньги останутся у Васъ въ карманѣ?* Сейчасъ объясню Вамъ. *Положимъ, я питаюсь исключительно тѣмъ, что занимаюсь перевозкой.* Понятно, что если у меня работа постоянная, если мои мулы и телѣги постоянно въ движеніи, то я беру дешевле, и наоборотъ: *если работа не постоянная, случайная, то я пользуюсь представившейся оказіей, беру дорого, такъ какъ долженъ припасти и для будущаго.* Если теперь допустимъ, что по пути отъ Гучена будутъ ходить купеческіе караваны: проѣздъ безустанный—обезпеченное занятіе населенію, а потому нѣтъ надобности въ приплатахъ, которыя Вы дѣлаете теперь. Населеніе нуждается въ иностранныхъ товарахъ: сукно, плисъ, даба [5]) и пр. Скажите: что для Васъ выгоднѣе: будутъ ли они приходить дальнимъ, кружнымъ путемъ или прямымъ, который къ тому же пролегаетъ въ предѣлахъ подчиненнаго Вамъ края? Товары дешевле,—народу легче; увеличивается благосостояніе,—обезпечивается исправное отнесеніе государственныхъ повинностей. А таможенныя поступленія, которыя составляютъ прямой доходъ казны? Развѣ Ли-Цунъ-Танъ располагалъ бы такими средствами, если бы не было Кяхты, Цзянъ-Цзя-Коу и другихъ? Къ тому же если не мы, то англичане будутъ доставлять товары въ Шань-Гань, ибо, какъ Вамъ извѣстно, путь черезъ Юнань уже открытъ. Гань-Су не то, что, напримѣръ, Ху-Нань; здѣсь есть много своихъ [illegible], а въ Гань-Су нуженъ

[3]) Мы же сами въ немъ не [illegible] особеннаго не случилось. [5]) Бумажная ткань Да-бу [illegible] китайцами, а отнюдь—не иностранный товаръ.

привозъ извнѣ; даже въ лучшія спокойныя времена эта провинція требовала отъ казны, а не доставляла ей (?). Вы содержите массу войскъ, даете имъ обмундированіе, для котораго требуются иностранныя матеріи. Напишите, *и я найду* Вамъ моихъ соотечественниковъ, которые вступятъ съ Вами въ соглашеніе, поведутъ дѣло честно и аккуратно. Для арсенала въ Лань-Чжоу-Фу требуется желѣзо, сталь и другіе предметы, которые Вы выписываете въ настоящее время изъ Шанхая, тогда какъ тоже самое можемъ доставлять мы, скоро, удобно и превосходныхъ достоинствъ; нужно *только*, (!) чтобы установилось торговое движеніе въ этомъ направленіи, т.-е. чрезъ Цзя-Юй-Гуань. *Въ нашихъ бесѣдахъ въ Лань-Чжоу-Фу мы много толковали на эту тему* [6]; изъ Хами я писалъ Вамъ [7]), что Джанъ-Да-Чжень познакомилъ меня съ содержаніемъ письма, которое онъ получилъ изъ Бимбу-Ямыня, гдѣ говорилось, что Дворъ съ удовольствіемъ принялъ Ваши извѣщенія и полагаетъ, что надо заключить договоръ [8]).—*Настаивайте, Цзунъ-Танъ, потому-что Вы любите народъ, понимаете его нужды.* Все въ Вашихъ рукахъ: Вы сами, членъ Цзулинъ-Ямыня, облечены высокимъ довѣріемъ верховной власти, *и если исторія знаетъ „Юй-Гунъ“* [9]), *то настанетъ время, что на ряду съ ней будетъ и „Цзо-Тунъ“. Пользовавшись Вашимъ гостепріимствомъ и расположеніемъ, проѣхавъ страну на всемъ протяженіи отъ моря до запада, гдѣ видѣлъ привѣтъ и радушіе, я даю Вамъ чистосердечный, дружескій совѣтъ* (!!).

„Изъ Зайсана я писалъ Вамъ, что для лучшаго охраненія хлѣбныхъ транспортовъ и каравана съ товаромъ въ Бѣломъ мѣсяцѣ [10]) выступитъ въ Гучень нашъ отрядъ изъ сотни всадниковъ; тогда же я просилъ и теперь повторяю мою просьбу: прикажите отвести приличныя помѣщенія для начальника, офицеровъ и солдатъ; разсчитываю, что имъ окажутъ гостепріимство, какимъ вообще отличается китайскій народъ. Отрядъ пойдетъ только до Гучена, но товарный караванъ [11]), вѣроятно, дальше, на первый разъ до Хами, населеніе коего, какъ равно и Баркюля, чрезвычайно нуждается; Джанъ-Да-Чжень хотѣлъ было отправить въ Зайсанъ своего генерала для закупокъ разныхъ вещей для войскъ [12]); думаю, что удобнѣе, если онъ найдетъ все необходимое (?) на мѣстѣ. *По дорогѣ изъ Гучена въ Баркюль попадаются мѣстами мелкія воровскія шайки* [13]); прошу

---

[6]) Какъ *я* уже упомянулъ, эти бесѣды были, вѣроятно, конфиденціальныя, потому-что при всѣхъ, подобныхъ разгороровъ не происходило. [7]) Ниже я указываю, какъ производился переводъ этого письма, чему я былъ свидѣтелемъ. [8]) События доказали совершенно противное. [9]) Труды князя Юйя извѣстны въ исторіи подъ именемъ „Юй-Гунъ“, т.-е. дань или подать Юйя (примѣч. г. Сосновскаго). [10]) Первый мѣсяцъ. [11]) Чей, съ какими товарами, съ какими цѣлями и правами? ничего не извѣстно, а Петербургу это необходимо было бы знать. [12]) Какія вещи для войскъ можно купить въ Зайсанѣ, въ которомъ было жителей не больше тысячи человѣкъ; по-крайней-мѣрѣ, такъ говорили въ 1875 году. [13]) Тутъ у насъ была описанная ниже тревога, но воровскихъ шаекъ мы не видали ни одной, даже издали.

Васъ очень, Цзунъ-Танъ, во избѣжаніе всякихъ непріятностей, сдѣлать распоряженіе, чтобы въ опасныхъ мѣстахъ караванъ находился подъ охраною войскъ; *населеніе, увѣренъ, будетъ относиться благоразумно, потому-что барыши барышами, а помощь, все-таки, помощью.* (!!) Если караванъ встрѣтитъ надобность въ помѣщеніяхъ, то не откажите и въ этомъ; пустыхъ, брошенныхъ зданій много.

„*Не взыщите, если мое письмо грѣшитъ противъ тонкостей языка:* (!?!) Вы знаете услуги моихъ переводчиковъ [14]). Пишите по адресу въ Зайсанъ, а еще лучше черезъ начальника нашего отряда въ Гученѣ, который доставитъ мнѣ вполнѣ благонадежно“ [15]).

Итакъ, отъ г. Лань-Чжоу начинается *новая эра*, новыя задачи и стремленія,—скорѣе добраться домой,—и теперь еще болѣе, чѣмъ прежде, пренебрегая всѣмъ, чтобы скорѣе начать торговлю хлѣбомъ. Тутъ начинается по-истинѣ небывалый „скорбный путь“, потому что, г. Сосновскій все презираетъ:—я ужъ не говорю о наукѣ—стоитъ ли о такомъ ребячествѣ разсуждать, — нѣтъ, страданія людей и животныхъ, жизнь спутниковъ, русскихъ и китайцевъ, самые законы природы, все попрано, поругано и принесено въ жертву „идеѣ“ и золотымъ мечтамъ о близкой „славѣ“. Мы проходимъ впервые-видѣнныя страны, съ ихъ городами, съ страшной исторіей недавняго прошлаго, написанной въ этихъ тысячахъ развалинъ и въ этомъ безмолвіи недавно кипѣвшихъ жизнью городовъ и селъ; проходимъ мимо какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ, Лянъ-Чжоу, Гань-Чжоу, и еще нѣсколькихъ промежуточныхъ, а также погибшихъ или почти погибшихъ городовъ Сю-Чжоу, Ань-Си, Хами, Баркюль и Гу-Чэнъ. И хотя мы знаемъ, что должны будемъ писать „отчетъ очевидцевъ“ о всѣхъ послѣдствіяхъ страшной междоусобицы, называемой Мусульманскимъ или Дунганскимъ возстаніемъ, должны будемъ дать свѣдѣнія и о ней самой, но ничего не спрашиваемъ, не собираемъ, не узнаёмъ... Да и какъ спросить, и какъ узнать?... Мы только ѣдемъ,

---

[14]) Не знаю насколько это извѣстно Цзо-Цзунъ-Тану, а читатели теперь отлично ихъ знаютъ. [15]) Я ужъ не дѣлаю никакихъ поправокъ находящихся здѣсь, непростительныхъ для путешественника по Китаю, ошибокъ противъ общепринятой орѳографіи и обнаруживающихъ незнакомство съ самыми обыкновенными словами, потому что для не знакомыхъ съ языкомъ примѣры не будутъ вполнѣ понятны, а знающіе посмѣются сами надъ разными Бимбу, Цзулинъ-Ямынь, Цунъ-Ду и т. п. Ничего также не говорю о выпискахъ изъ чужихъ книгъ насчетъ всякихъ Юй-Гуновъ.

ѣдемъ и ѣдемъ, какъ ссыльные, какъ эти погонщики муловъ и верблюдовъ, которые насъ везутъ!..

Вотъ двѣ картинки изъ нашего путешествія, одна изъ — переѣзда черезъ Гоби, во второй половинѣ августа, между городами Ань-Си и Хами, другая—съ перевала черезъ горы Тянь-Шань (стр. 913 и 962).

16 Августа.

„Цѣлыхъ тридцать верстъ проѣхали мы сегодня по мѣстности, покрытой желто-краснымъ пескомъ, сквозь который мѣстами виднѣлся голый гранитъ, какъ бы истрескавшійся и спаянный жилами кварца. Встрѣчались сухіе глинистые холмы съ торчащими на нихъ пластинками темнаго сланца; попадалась бѣдная, сѣренькая растительность,—вотъ и все, что видѣли сегодня за дорогу. Еще должно упомянуть объ одномъ колодцѣ, встрѣтившемся на пути. Колодцы въ пустынѣ представляютъ одни изъ интереснѣйшихъ предметовъ, и играютъ, конечно, первостепенную роль, а потому я буду упоминать о каждомъ изъ нихъ. Такъ, упомянутый тотчасъ находится среди совершенно безжизненной мѣстности, если не считать за признакъ жизни развалины бывшаго пикета, состоявшаго изъ нѣсколькихъ мазанокъ; а самый колодезь представляетъ довольно правильную цилиндрическую яму, около полутора сажени глубины и аршина полутора въ діаметрѣ. Часть дна ея суха, а въ другой стоитъ вода, которую по-неволѣ доставали такимъ образомъ: одинъ солдатъ китайскаго конвоя спустился въ яму, другой легъ ничкомъ на землю у наружнаго отверстія и, опуская внизъ руку, подавалъ и принималъ чайникъ. Вода была чистая, холодная, лишь съ легкимъ вкусомъ соды; и мы, напившись сами, напоили лошадей, которыя хотя не могли видѣть воды, но догадались, что она близко, поняли, должно быть, что мы пьемъ, — и такъ и рвались къ колодцу; но, чтобъ напоить ихъ, пришлось прибѣгнуть къ помощи моей жестяной коробки: изъ нея вынули собранныя дорогой растенія, и, наполняя изъ чайника водою, подносили, лошадямъ, которыя видимо, томились жаждою.

Пройдя отсюда верстъ двадцать, увидали лужайку, на которой стояло нѣсколько телѣгъ и бродили выпряженные мулы; пролетѣла стая дикихъ голубей и мелкихъ птичекъ; заяцъ пробѣжалъ въ сторонѣ... Подъѣзжаемъ и находимъ родникъ, богатый водою, которая собралась въ лужу, и изъ нея по склону бѣжитъ маленькій ручей, наполняющій какія-то ямки, какъ будто нарочно вырытыя, чтобъ онѣ служили резервуарами. Нѣкоторыя изъ нихъ были пусты и одѣты сочною зеленью, свойственною влажной почвѣ; возлѣ другихъ, наполненныхъ водою, сидѣли пріѣхавшіе раньше китайскіе солдаты и мыли себѣ ноги, сидя на краю ямъ и опустивъ ихъ въ воду. Это былъ родникъ Да-Чуань-Цзы. Мы были убѣждены, что здѣсь будемъ ночевать, такъ какъ извѣстно, что въ пустыняхъ родникъ или колодезь есть станція, что, если не заночуешь возлѣ

одного, то по-неволѣ надо идти, во что бы ни стало, до слѣдующаго источника, или проводить ночь безъ воды, что и непрактично, и не всегда безопасно.

Сегодня предъ отправленіемъ въ путь ходилъ темный слухъ, что намъ предстоитъ пройти 130 ли или 65 верстъ, но такъ какъ мы уже много разъ убѣждались, что предположенія весьма часто не сбываются, и такъ какъ, никакихъ распоряженій и объявленій относительно разстоянія, какое предполагалось пройти сегодня, сдѣлано не было, то теперь никто не зналъ, что дѣлать, — будемъ ли здѣсь ночевать или еще поѣдемъ, дальше. Распорядитель же тащился теперь въ телѣгѣ, и пока не прибылъ. Потомъ онъ пріѣхалъ, но спалъ; а будить его казаки не рѣшались... Долго мы ждали, прилегли на землѣ, въ тѣни телѣги и вздремнули. Затѣмъ насъ позвали обѣдать, и послѣ обѣда *), (состоявшаго изъ рису да прогорклаго сала съ лукомъ и рѣдькой), и уже часа въ три, объявили, что сегодня должны проѣхать еще тридцать верстъ.

Дорога пошла по страшно пустынной мѣстности, представлявшей обнаженную землю, съ холмистой поверхностью; по сторонамъ стояли довольно высокіе пригорки, сплошь усыпанные кусками, какъ будто искусственно набитаго сланца, да кой-гдѣ виднѣлись рѣденькіе сѣрые кустики; а изъ животныхъ не встрѣчалось никого, кромѣ кузнечиковъ и ящерицъ. Вообще, природа, если могла быть интересна, то только своею дикостью и мертвенной пустотой. Протащились мы до заката солнца; вотъ оно скрылось, и мы уже болѣе часа ѣдемъ въ потьмахъ, а до мѣста ночлега все еще не добрались.

— Не угодно ли вамъ производить съемку! — восклицаетъ съ понятной досадой Матусовскій.

— Что же вы дѣлаете въ этихъ случаяхъ?—спросилъ я.

— Да что же! Или остается плюнуть на все, или вотъ завтра ворочайся назадъ и снимай то, что сегодня проѣдешь въ потемкахъ.

Въ воздухѣ еще потемнѣло и стало такъ свѣжо, что мы въ нашемъ легкомъ платьѣ прозябли до дрожи, хотя днемъ не знали куда дѣваться отъ жару... Судя по времени, какое мы находились въ движеніи, намъ уже слѣдовало бы добраться до колодца; и мы внимательно присматривались къ дорогѣ, боясь проглядѣть тропинку въ сторону, какія обыкновенно ведутъ къ водѣ, находящейся всегда нѣсколько въ боку отъ дороги. Но никакой боковой тропинки не было; а ночь все темнѣла, и воздухъ становился все холоднѣе. Рядомъ съ нами ѣхали шесть человѣкъ конвоировъ, и мы послали двухъ впередъ отыскивать колодезь; между тѣмъ, отдѣлилась одна дорога вправо, по которой поѣхалъ третій изъ конвойныхъ, и мы условились съ нимъ, чтобъ онъ, если найдетъ воду, далъ знать;—сами же

*) Обѣдъ былъ даровой, китайскій, потому что г. Сосновскій находилъ лишнимъ имѣть собственную кухню и запасы. У меня же съ г. Матусовскимъ они хотя и были сдѣланы, но мы лишь изрѣдка имѣли возможность сварить себѣ свой обѣдъ и принуждены были также ожидать, пока дадутъ чего нибудь поѣсть. Стыдно было ужасно, а помочь горю нѣтъ возможности.

отправились прямо. Тутъ чаще стали попадаться кочки; на землѣ, казавшейся до сихъ поръ черною, забѣлѣлись солонцы; появилось одно растенiе чiй;—все признаки близкой воды... Мы остановились, ожидая сигналовъ отъ отправленныхъ на поиски китайскихъ солдатъ и черезъ нѣсколько времени, въ правой сторонѣ, мелькнулъ на мгновенiе и погасъ огонекъ; а почти вслѣдъ за нимъ прокатился выстрѣлъ, и въ воздухѣ совершенно ясно провизжала пуля,—мы не могли опредѣлить—гдѣ, но, судя по ясному звуку, недалеко отъ насъ.

Что это, нападенiе, — подумали мы или намѣренiе произвести убiйство, задуманное китайскимъ солдатомъ; или же просто остроумный сигналъ пулевымъ выстрѣломъ, направленнымъ въ нашу сторону, сигналъ о томъ, что найдена вода? Послѣднее было всего вѣроятнѣе; но одинъ изъ бывшихъ при насъ солдатъ понялъ выстрѣлъ иначе: онъ догадался, что уѣхавшiй искать колодецъ потерялъ насъ изъ виду, и потому послалъ ему отвѣтный выстрѣлъ.

— Ха-о! (ладно!),—послышался издали голосъ.

Мы велѣли спросить, не нашёлъ ли онъ воды? Спросили. Слышимъ, кричитъ—Мó-шуй! (нѣтъ воды).

Когда остановились, чтобы обождать бывшихъ назади спутниковъ, къ намъ подъѣхалъ сзади Степановъ, — усталый и противъ обыкновенiя невеселый.

— Ты откуда?—спрашиваемъ его.

— Я за вами.

— Что? мы вѣрно колодезь проѣхали?

— Нѣтъ, сзади-то нѣту; это меня, капитанъ, послали впередъ... Что, говорятъ, тебѣ тутъ время даромъ терять; ступай съ чайникомъ впередъ и готовь чай; я прiѣду, говорятъ,—онъ ужъ готовъ будетъ... Я думалъ,—вы нашли воду, что остановились, продолжалъ онъ и, помолчавъ, вздохнулъ.

— Принималъ присягу Царю — служить вѣрой и правдой, — долженъ служить... Это былъ единственный случай намека на ропотъ... за всю дорогу... Должно быть, ему было очень тяжело.

Мы хорошо поняли его вздохъ и этотъ отрывокъ изъ его мыслей... Не зная, подобно намъ, гдѣ искать воды для приготовленiя чаю, онъ остался здѣсь,—ожидать возвращенiя уѣхавшихъ солдатъ или остальной компанiи, бывшей назади, чтобы узнать, какiя послѣдуютъ новыя распоряженiя, — ночевать безъ воды или ѣхать искать ее. Мы сошли съ лошадей и, чтобы согрѣться, стали ходить взадъ и впередъ, ведя бесѣду о выгодахъ и потеряхъ отъ подобнаго странствованiя по ночамъ. Китайскiе солдаты разлеглись на дорогѣ, возлѣ своихъ лошадей; казакъ Смокотнинъ поставилъ нашихъ трехъ коней вмѣстѣ, связавъ ихъ поводьями, а самъ прилегъ и вздремнулъ... Намъ и ходить надоѣло, и усталость сильная чувствовалась; тоже разлеглись на разостланномъ пледѣ *) и, при-

*) Когда я потомъ всталъ и накинулъ его на себя, я замѣтилъ на немъ появленiе электрическихъ искръ и ясно слышалъ ихъ трескъ, всякiй разъ когда проводилъ по немъ ногтями. Явленiе это продолжалось нѣсколько минутъ.

крывшись кожаными плащами, толковали кой о чемъ; но и говорить ни о чемъ не хотѣлось: всѣ впали въ какое-то полусознаніе. Надъ пустыней царила полная тишина, такъ что очень издалека до насъ доносились стукъ лошадиныхъ копытъ подъѣзжавшихъ порознь конвойныхъ,—человѣка по два, по три; звонъ чугунныхъ колокольчиковъ и скрипъ колесъ, медленно тащившихся телѣгъ; слышалось даже хрустѣніе песку подъ колесами, акомпанируемое частыми криками погонщиковъ на своихъ измученныхъ животныхъ. И жалко было этихъ людей, а особенно животныхъ. Извозчики, по крайней мѣрѣ, получали отъ насъ, что-то въ родѣ девяти съ половиной копѣекъ, за каждый день; а ихъ бѣдныя твари, худыя и изнуренныя.... За что онѣ должны надрывать свои послѣднія силы, которымъ предстояло еще много работы, такъ какъ замѣнить ихъ другими здѣсь невозможно!...

Подъѣзжавшіе солдаты останавливались и располагались въ нашей временной квартирѣ, то-есть на голой степи; другіе, узнавъ, что мы остановились не у колодца, проѣзжали дальше; а иные даже не спрашивали и ѣхали мимо, какъ люди, которые не имѣли съ нами ничего общаго. Словомъ, безпорядочность въ движеніи была полнѣйшая.

— А что, если бы въ этой мѣстности дѣйствительно существовали разбойники или шайки дунганъ, и они вздумали бы сдѣлать на насъ нападеніе,—обратился я къ Матусовскому;—что бы могли мы сдѣлать при подобномъ движеніи, да еще среди такой темноты...

— Да, счастье наше, что разбойниковъ здѣсь нѣтъ... Только одно небо насъ и хранитъ,—отвѣтилъ онъ.

Подошелъ транспортъ, и впереди всѣхъ начальникъ въ своей телѣгѣ.

— Степановъ! чай готовъ?—крикнулъ онъ, думая, что мы расположились ужъ на мѣстѣ ночлега, у колодца.

— Это-то воды нѣтъ,—отвѣчаетъ Степановъ.

За этимъ послѣдовалъ строжайшій и въ высшій степени комичный выговоръ—„всѣмъ дуракамъ, которые ужъ и колодца-то не умѣютъ найти"... Начались разспросы, справки о томъ, далеко-ли до воды, и узнавъ, что еще около десяти ли, потащились дальше. Пошли и мы садиться на своихъ лошадей; но казакъ возвращается и говоритъ, что онъ не можетъ ихъ розыскать. Мы думали, что лошади тутъ гдѣ-нибудь въ двухъ шагахъ, что ихъ только за темнотою ночи не видно; пошли искать сами, разошлись, перекликаемся, чтобъ не растеряться; оказывается, что лошадей нигдѣ и вблизи нѣтъ. Между тѣмъ, весь транспортъ уже исчезъ вдали; въ темнотѣ его не видно, а только слышно; наконецъ и звуки затихли. Мы стали прислушиваться, не фыркнетъ ли, не стукнетъ ли копытомъ лошадь, не брякнетъ ли стремя... Нѣтъ, ничего не слышно: мертвая тишина кругомъ и непроглядный мракъ; и лошади, словно сквозь землю, провалились... Намъ ничего не оставалось, какъ, отложивъ отыскиваніе лошадей до завтра, идти самимъ пѣшкомъ вслѣдъ

за транспортомъ, потому что провести холодную ночь на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ, и безъ воды, когда такъ хочется пить,перспектива совсѣмъ не привлекательная. Пошли, но мысль о лошадяхъ сильно тревожила насъ, такъ какъ онѣ могли уйти за ночь богъ-знаетъ куда. Мы шли по дорогѣ, которая была нѣсколько свѣтлѣе остальной поверхности, и потому, всматриваясь внимательно, ее можно было видѣть. Часто спотыкаясь и утопая ногами въ пескѣ, таща на себѣ нѣкоторыя дорожныя вещи, какъ кожаные плащи и пледы, мы скоро такъ согрѣлись, что намъ пришлось раскрываться и нести лишнее платье въ рукахъ... Когда мы добрались до колодца, лагерь былъ уже разбитъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горѣли костры; начальникъ уже спалъ; Танъ Ло-ѣ и слуга Ма только собирались ставить нашу палатку; а „Сквозной" кипятилъ воду въ чайникѣ. Подойдя къ нашей палаткѣ, я вдругъ слышу отвратительный запахъ сѣрнистаго водорода, и къ нашему огорченію оказалось, что онъ происходилъ отъ колодца: — такого качества въ немъ вода (минеральная, сѣрнистая)... Судите же, какимъ чаемъ пришлось намъ сегодня утолять жажду. Только съ прибавленіемъ большого числа мятныхъ капель возможно было проглотить по нѣскольку стакановъ этой противной микстуры. Не менѣе жажды насъ мучилъ и голодъ; — но когда было варить что-нибудь, когда и безъ того мы легли спать въ третьемъ часу ночи!... Пришлось ограничиться сухояденіемъ. Мнѣ еще нужно было выбрать изъ жестянки и переложить въ бумагу собранныя сегодня растенія; но когда бы я сталъ это дѣлать!... Отложилъ до завтра. Нужно было приготовить чучела изъ двухъ убитыхъ грызуновъ, изъ породы тушканчиковъ, во множествѣ попадавшихся сегодня ночью... Тоже отложилъ, потому, что силы покинули меня и отъ сна закрывались глаза. Я надѣялся, что, авось, завтра будетъ не такой мучительный и безтолковый день, какъ сегодня; авось, мы не будемъ больше дѣлать двухъ переходовъ, въ одинъ день. Теперь одна надежда,— на авось.

„На слѣдующій день, рано утромъ, нашъ казакъ и два китайскихъ солдата отправились на поиски за пропавшими лошадьми; а всѣ остальные, такъ торопившіеся и дорожившіе временемъ, должны были сидѣть и ждать, теряя сегодня то, что было выиграно вчера. Двое изъ сопровождавшихъ насъ мандариновъ пришли къ намъ и начинаютъ горячо доказывать, что дѣлать такіе переходы, какъ вчера, невозможно; они просили пощадить ихъ людей и животныхъ.

— Сегодня,—говорятъ они,—на пути будутъ два колодца: одинъ въ пятнадцати, другой—въ шестидесяти верстахъ отъ этого ночлега, и, такъ какъ мы сегодня выступимъ поздно, то необходимо у перваго и остановиться. Тамъ будетъ хорошая вода, хорошій кормъ и животныя отдохнутъ; если же мы пойдемъ на другой колодезь, то опять опоздаемъ и еще болѣе измучимся и сами, и замучимъ лошадей и муловъ.

— Ну, тамъ посмотримъ,—нечего впередъ загадывать,—отвѣчаетъ имъ Сосновскій.

Между тѣмъ, привели нашихъ отысканныхъ лошадей, но безъ уздечекъ, которыхъ не могли найти, и безъ тѣхъ вещей, какія находились въ карманахъ чепраковъ. Я лишился дорогой книги, которую читалъ ѣдучи,—записной книжки, ящика съ красками и банки со спиртомъ, въ которую клались находимыя въ дорогѣ насѣкомыя. Потери были важныя, но мы обрадовались, что хоть лошади отыскались.

Наконецъ, собрались и тронулись въ путь, опять безъ объявленія впередъ, гдѣ останавливаться.. А отложенной вчера работы такъ и неудалось исполнить,—всѣ поневолѣ проспали.

Мѣстность въ этотъ четвертый день нашего странствованія черезъ Гоби имѣла совершенно пустынный характеръ, и только представляла нѣсколько болѣе разнообразія, благодаря холмамъ, ложбинамъ и неглубокимъ оврагамъ, да весьма разнообразной окраскѣ ея безплодной почвы, что зависѣло отъ различнаго состава послѣдней. Въ одномъ мѣстѣ бѣлѣли известковые и кварцевые холмы; тутъ виднѣлись пригорки изъ краснаго песчаника; тамъ желтая глина и пестрый гранитъ, по которому разбросаны обломки темнаго, почти чернаго сланца. Куда ни поглядишь — все одинъ камень, да голая земля. Но, какою голою ни казалась почва при общемъ и бѣгломъ взглядѣ, на ней все-таки можно было найти мелкія растенія; какъ ни пустынна была здѣшняя степь, стоило остановиться и обладать спокойнымъ состояніемъ духа, чтобъ найти и тутъ много разносторонняго интереса... И я былъ убѣжденъ, что сегодня у меня хватитъ времени на все,—и записать наблюденія и впечатлѣнія послѣднихъ дней, и собрать все, что слѣдовало, для моихъ коллекцій; отойти въ сторону отъ дороги, чего во время движенія мнѣ не удавалось сдѣлать, и нарисовать съ натуры хотя одинъ видъ Гоби: я былъ убѣжденъ, что сегодня мы остановимся у перваго изъ колодцевъ. Догналъ Матусовскаго и хочу спросить, далеко-ли еще до завѣтнаго мѣста, какъ онъ встрѣчаетъ меня словами:

— Поздравляю васъ съ предстоящимъ удовольствіемъ прокачаться на лошади еще сорокъ пять верстъ до слѣдующаго колодца. Всѣ ужъ уѣхали... А этотъ вотъ тутъ,—указалъ онъ на зеленѣвшій въ сторонѣ оазисъ.—Говорятъ, и вода хорошая и кормовой травы много... Мандарины приходили еще разъ,—продолжалъ онъ,—уговаривая и доказывая, что неблагоразумно уѣзжать сегодня дальше, что насъ опять захватитъ въ дорогѣ ночь; приходили извозчики кланяться, чтобъ пожалѣли хоть скотину ихъ; но ихъ прогнали и приказали ѣхать дальше".—Матусовскій вздохнулъ и задумался.

Похоронилъ и я свои планы на нынѣшній день:—значитъ, цѣль Сосновскаго достигалась;—мы могли только ѣхать, а не работать хотя для этого было дано все, что нужно.

Молча сѣли мы на лошадей и отправились. Былъ уже часъ второй дня. Вскорѣ мы выбрались изъ пригорковъ на об[illegible] гладкую долину, подобную широчайшей рѣкѣ, окаймлен[illegible]

шенными берегами, и намъ предстояло пересѣчь ее поперекъ; а недалеко, за противоположной ея окраиной, находится, говорятъ, и второй колодезь.—Ну, если такъ, такъ это еще немного, подумалъ я... День стоялъ жаркій и жара была какая то особенная: она не томила и не разслабляла тѣла, какъ бываетъ, напримѣръ, передъ грозою, когда небо покроется облаками, а въ воздухѣ душно; она не производила испарины, а была какая-то жгучая, и отъ нея особенно страдали лицо и руки, какъ ничѣмъ непокрытыя. Жгли собственно прямые или отраженные лучи солнца, температура же воздуха не была очень высока; поэтому, когда набѣжитъ, бывало, облако и, подобно гигантскому зонту, на время скроетъ насъ отъ солнца, тогда испытываешь ощущеніе, какъ будто погружаешься въ прохладную ванну. Къ сожалѣнію, облако быстро проходило и солнце опять принималось жечь насъ немилосердно, что не прекращалось даже и въ то время, когда оно стояло уже совсѣмъ надъ горизонтомъ и готово было закатиться.

Цѣлый день мы тащились поперекъ упомянутой однообразной равнины. Я собралъ немного растеній, а изъ животныхъ видѣлъ только мертваго волка, трупъ котораго не разложился, а высохъ, вѣроятно, вслѣдствіе крайней сухости воздуха. Мы ѣхали безъ остановки, а разстояніе до противоположной гряды холмовъ, казалось, оставалось все такимъ же, какъ и сначала. Мулы уже съ трудомъ тащили телѣги; нѣкоторые падали часто; другіе отказались везти и шли привязанными позади телѣгъ, возложивъ на другихъ свою работу... Сѣло солнце, и горы какъ будто покрылись бархатомъ темно-фіолетоваго цвѣта; догорѣла заря; вотъ и вечерній сумракъ разлился по долинѣ; а до пригорковъ, какъ видно, все еще далеко, потому что передовые конвойные нашего каравана, растянувшагося на огромное пространство, ѣхали и ѣхали по долинѣ, и ни одинъ человѣкъ не достигъ еще ея края. Вотъ настала и ночь... Долго тащились еще и наконецъ-то добрались до края долины и въѣхали въ ущелье; дорога тутъ пошла въ гору по глубокимъ и сыпучимъ пескамъ, повернула направо, потомъ налѣво, и мы увидали въ темнотѣ огонекъ,—радостный вѣстникъ присутствія тамъ раньше прибывшихъ людей. Затѣмъ раздался выстрѣлъ, служившій намъ сигналомъ, и не болѣе какъ черезъ четверть часа мы прибыли къ колодцу, близь котораго, вокругъ костровъ, сидѣли и лежали солдаты, бесѣдовавшіе и курившіе свои трубочки; тутъ же былъ казакъ Степановъ, посланный впередъ для приготовленія заранѣе чаю. Одинъ изъ солдатъ подалъ намъ по чашкѣ холодной воды, которую мы выпили съ жадностью и также принялись ходить взадъ и впередъ, въ скучномъ ожиданіи прихода транспорта. Мандарины были уже здѣсь.

Всѣ устали,—говоритъ мандаринъ Чжу;—люди устали, мулы тоже; много телѣгъ еще осталось далеко назади и придутъ нескоро; и съ провизіей телѣга отстала, значитъ, и ѣсть нечего... Такъ нехорошо дѣлать...

— Да, нехорошо,—бормотали мы,—не зная, что отвѣчать.

„Если читателю случалось просиживать цѣлый день (!) верхомъ на лошади, то онъ знаетъ, какую усталость чувствуетъ человѣкъ въ спинѣ и колѣнахъ, какъ хочется послѣ такой прогулки скорѣе лечь и расправить просто замершіе члены... Мы прилегли на песчаномъ пригоркѣ въ ожиданіи чая и ѣды; но и сегодня намъ не суждено было утолить голодъ порядочной пищей: и провизія, и посуда, все осталось назади, и мы заснули голодными;—мы, то-есть я съ Матусовскимъ; о другихъ я ничего не зналъ. Прислуга, впрочемъ, также голодала.

Если приходилось голодать намъ, оффиціальнымъ и неоффиціальнымъ членамъ экспедиціи; если мы были принуждены валяться на голой землѣ и были измучены, то нетрудно себѣ представить положеніе остальныхъ, погонщиковъ и конвойныхъ солдатъ, положеніе животныхъ. Если наши лошади, для которыхъ имѣлся запасный кормъ, съѣли бамбуковыя циновки (!), служившія покрышками для телѣгъ, то что же должны были испытывать извозчичьи мулы, существовавшіе исключительно подножнымъ кормомъ, котораго или не было, или мы проѣзжали его мимо, или некогда было ѣсть... Жаль было ихъ бѣдныхъ; но среди общихъ страданій легче переносились свои. А тутъ страдали всѣ, кромѣ обезьяны Сосновскаго, сидѣвшей въ телѣгѣ:—только она одна наѣлась, напилась и ничего не понимала, потому что ничего и понимать не могла; всѣ же люди очень хорошо знали и видѣли, что испытываемыя ими лишенія и муки животныхъ—вовсе не неизбѣжныя, противъ которыхъ роптать нельзя,—что ихъ легко могло не быть, что, слѣдовательно, они ненужны... И между всѣми людьми слышался очень недружелюбный ропотъ.

Вотъ, какъ мы отнеслись къ одному изъ интереснѣйшихъ пунктовъ въ географическомъ отношеніи, къ перевалу черезъ Небесныя Горы (Тянь-Шань), 31 авг. (стр. 962).

„Продолжая подниматься, мы, наконецъ, достигли перевала и нашли здѣсь ветхую китайскую кумирню, три юрты и маленькій домишко съ такимъ же дворикомъ. Это китайскій пикетъ, на которомъ живутъ четыре человѣка солдатъ, и назначеніе его, конечно, состоитъ въ томъ, чтобъ проѣзжающіе могли найти пріютъ для ночлега. Но ночь еще не наступила, слѣдовательно, можно ѣхать дальше, разсуждаемъ *мы*, совсѣмъ позабывъ о своемъ транспортѣ, который давно остался назади. Рѣшено только закусить здѣсь и отправляться, такъ что я едва успѣлъ бросить взглядъ на это интересное мѣсто. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ избушки начинается уже и спускъ на сѣверный склонъ, по которому проходитъ дорога. Я пошелъ-было полюбоваться обширнымъ видомъ, открывающимся оттуда, но рѣзкій холодъ, насквозь пронизавшій меня,— изнѣженнаго лѣтними жарами, заставилъ немед[illegible] въ домъ, чтобы отогрѣться; да и опасно было о
вычномъ холодѣ, хотя онъ былъ вовсе

нію термометра:—не великъ морозъ въ одиннадцать градусовъ тепла!.. Но дѣло въ томъ, что вчерашній день меньше тридцати не было, а тутъ вдругъ одиннадцать, да еще съ подобнымъ зефиромъ, который съ ногъ валитъ.

Все, однако, заставляло остановиться здѣсь и переночевать: мѣсто и пріютъ были, потому что, кромѣ упомянутаго домика и нашихъ палатокъ, сюда были привезены, и ужъ третій день какъ поставлены, три юрты, высланныя изъ Хами собственно для насъ, по распоряженію того же любезнаго Чжана; транспортъ нашъ, состоявшій изъ двѣнадцати телѣгъ и восьми вьючныхъ муловъ, понятно, не могъ поспѣвать за легкими всадниками и *далеко отсталъ*, особенно телѣги; а въ нихъ было все необходимое для ночлега; и къ ночи всѣ могли собраться только къ этому пункту. Это было ясно,— и по разстоянію, и по трудности ужасной горной дороги, и по тѣмъ усиліямъ, съ какими шли бѣдныя животныя, оставленныя нами еще далеко внизу въ ущельѣ... Съ другой стороны, заночевать здѣсь слѣдовало потому, что мы имѣли бы время подробно и всесторонне ознакомиться съ мѣстностью на перевалѣ, который представлялъ нѣкоторую новость для образованнаго міра: о немъ знали; но отъ насъ потребуютъ подробностей. Наконецъ, просто интересно было съ точки зрѣнія общечеловѣческой — если угодно, даже малодушной,—а все-таки слѣдовало провести тутъ ночь:—полюбоваться съ горъ вечернимъ закатомъ, съ высоты слишкомъ въ 9000 футъ; на другой день встрѣтить здѣсь солнце; словомъ, пожить десятокъ часовъ здѣшнею своеобразною жизнью, чтобъ потомъ своимъ разсказомъ дать возможность другимъ, хотя издали, хотя мысленно, испытать впечатлѣнія, всегда волнующія человѣка, очищающія и возвышающія его душу тою невѣдомою тоскою, которая происходитъ отъ постояннаго стремленія къ лучшему, невѣдомому и недоступному міру. А намекомъ на него является именно отдаленный міръ высокихъ горныхъ странъ, неудержимо влекущій къ себѣ и наши мысли, и благородное чувство высшаго наслажденія... Не многимъ счастливцамъ доводится побывать въ немъ самимъ; а намъ и выпало на долю это счастье, да мы гордо отвернулись отъ него сами, и, сказавъ:—трогай дальше,—уѣхали, едва успѣвъ бросить взглядъ на окружавшую насъ величественную и живописную природу Тянь-Шаня.

Съ подавленнымъ сердцемъ и угнетенными мыслями покинули мы домикъ на тянь-шаньскомъ перевалѣ, оставивъ тамъ начальника съ компаніей, пошли по покрытой снѣгомъ дорогѣ и стали спускаться пѣшкомъ, ведя своихъ лошадей въ поводу. Тутъ устроенъ весьма удобный спускъ на долину: дорога, идущая зигзагами, довольно гладка и настолько широка. что, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, три и даже четыре телѣги могли бы свободно ѣхать по ней рядомъ... Быстро спустились мы съ крутой горы за снѣжную линію, сразу почувствовавъ, какъ воздухъ сдѣлался теплѣе, и наконецъ, достигли широкой и гладкой долины, которая ушла вдаль, къ сѣверо-западу, и тамъ замкнулась горами, но не снѣжными: снѣжный

хребетъ остался за нами, и протянулся величественною цѣпью на юго-востокъ... Переходъ поразительный, хотя и не новый, хорошо знакомый ходившимъ по высокимъ горамъ... Въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ тамъ былъ мракъ, снѣгъ, пасмурное небо, холодный вѣтеръ свистѣлъ;—здѣсь сіяетъ солнце; здѣсь такое спокойствіе и тишина въ воздухѣ, что, буквально, ни одна вѣтка на деревѣ не шелохнется; темныя ели и свѣтло-зеленыя лиственницы стоятъ, какъ нарисованныя и кажутся такими свѣжими и чистыми, какъ будто ихъ только-что обмыло недавнимъ дождемъ. Въ лѣсахъ порхаютъ птицы и манятъ меня въ чащу своими голосами...

Но, — вьючные мулы нашего транспорта и остальная компанія уже спускаются съ горъ, и не знаешь, гдѣ и когда вздумаетъ она остановиться на ночлегъ; сейчасъ послѣдуетъ распоряженіе „подтягиваться", и вотъ наскоро собираешь растенія, и затѣмъ опять садишься на лошадь и слѣдуешь за проѣхавшими спутниками, которые теперь снова могли уѣхать рысью впередъ на слѣдующій ночлегъ.

Наступилъ рѣдкій по красотѣ вечеръ, съ розовымъ освѣщеніемъ снѣжныхъ горъ и фіолетовыми тѣнями на нихъ, съ холодною синевою сумерекъ, уже охватившихъ долину, по которой мы ѣхали; и мнѣ казалось, что этотъ вечеръ не сегодняшняго дня: — такъ много и такъ быстро прошло разныхъ впечатлѣній; такъ этотъ снѣжный высокій рубежъ отдѣлилъ и, какъ будто, далеко назадъ отодвинулъ нынѣшнее утро.

Къ ночи наконецъ добрались до пикета Ши-У-Ли-Чуань-Цзы, и дальше ѣхать сегодня не могли"...

Чтобы дать читателямъ нѣсколько отдохнуть, я приведу нѣкоторые отрывки изъ моего разсказа о пребываніи въ Хами (стр. 914); это убѣдитъ ихъ съ другой стороны въ несправедливости слѣдующихъ словъ «Письма»:

„Не будь личности Сосновскаго, книга о Китаѣ нашего спутника оказалась бы столь тощею, что едва ли нашла бы въ себѣ достаточно элементовъ для появленія на свѣтъ".

Очень незавидно было бы положеніе г. Сосновскаго, если бы я большую часть моихъ тысячи страницъ посвятилъ ему... Нѣтъ, есть очень много предметовъ, съ которыми я познакомился въ отсутствіи г. Сосновскаго, какъ напримѣръ и въ городѣ Хами почти неизвѣстномъ Европѣ.

„Мы пробыли въ Хами шесть дней, — такъ долго, по случаю „хлѣбнаго дѣла"; и я успѣлъ хорошо познакомиться съ этимъ оазисомъ, насколько это было для [illegible].

Онъ представляетъ простра[illegible]одной почвы (повидимому лѣснаго характера), велич[illegible] квадратныхъ верстъ и лежитъ верстахъ въ сорок[illegible] Тянь-Шаня,

который служитъ ему защитой отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Хорошо орошенный водою двухъ сильныхъ ручьевъ, онъ отличается необыкновеннымъ плодородіемъ и почти весь воздѣланъ. Пшеница, просо, гречиха, кукуруза, овощи, арбузы, дыни, тыквы, виноградъ и многія фруктовыя деревья превосходно растутъ здѣсь, и эти произведенія почвы съ избыткомъ удовлетворяютъ всѣмъ мѣстнымъ потребностямъ. Теперь, впрочемъ, производительность, какъ и потребности, сильно уменьшились, съ уменьшеніемъ здѣшняго населенія на громадную цифру, о чемъ можно заключить по числу разрушенныхъ домовъ во всѣхъ трехъ городахъ, стоящихъ въ хамійскомъ оазисѣ. Они расположены недалеко одинъ отъ другого и каждый обнесенъ своею стѣною; а между ними разсѣяны села, деревни, поселки или отдѣльные домики. Города называются: Хой-Чэнъ (мусульманскій), населенный таранчинами, Лао-Чэнъ (старый) и Синъ-Чэнъ (новый); послѣдній, дѣйствительно, построенъ вновь, уже послѣ войны, и ничего особеннаго, кромѣ довольно широкихъ улицъ, не представляетъ. По своему бѣдному виду онъ — скорѣе село, чѣмъ городъ. Въ немъ живутъ китайцы и ведутъ теперь мелочную торговлю; впрочемъ, и тутъ почти все туземное можно найти. Въ старомъ городѣ помѣщается исключительно здѣшній гарнизонъ и живутъ всѣ военные чины. Самымъ же интереснымъ для меня явился мусульманскій городъ, — своею оригинальностью или, собственно говоря, своимъ отличіемъ отъ китайскихъ городовъ, ужъ порядочно наскучившихъ мнѣ своимъ однообразіемъ. Здѣсь же все иное, — и дома, и храмы, и кладбища, и люди съ ихъ типомъ и костюмами; поэтому я почти каждый день изъ проведенной въ Хами недѣли ѣздилъ въ таранчинскій городъ, и, бродя по его, теперь почти пустымъ улицамъ, среди наводящихъ грусть развалинъ, не мало сожалѣлъ о томъ, что мнѣ не довелось увидать его въ цвѣтущую пору, когда жители его были богаты и жили въ довольствѣ,—жили, по словамъ одного здѣшняго старика, „всѣ, какъ короли". Хотя обстановку этой, яко-бы королевской, жизни слѣдуетъ понимать очень и очень относительно, тѣмъ не менѣе Хами долженъ былъ представлять во время оно весьма поэтическія и оживленныя картины, судя по немногимъ остаткамъ его недавняго прошлаго. Это былъ сплошной тѣнистый садъ, и подъ густою листвою его плакучихъ ивъ, тополей, шелковичныхъ и другихъ прекрасныхъ деревьевъ, какъ подъ зеленымъ шатромъ, скрывались его маленькіе уютные домики, въ которыхъ протекала покойная, патріархальная жизнь. Теперь же путешественникъ найдетъ здѣсь только обломки стѣнъ, груды мусору, да кой-гдѣ болѣе или менѣе уцѣлѣвшіе остатки домиковъ, между которыми изрѣдка попадаются поправленныя, и теперь обитаемыя, хижинки, да сохранилось много деревьевъ. Рѣзче всего здѣсь бросается въ глаза одна черта, отличающая этотъ городъ отъ китайскихъ, въ которыхъ почти-что ни домъ, то лавка: — здѣсь я не видалъ ихъ ни одной, существующей теперь, и никакихъ остатковъ бывшихъ прежде, какъ-будто здѣсь вовсе не торговали.

Жители его — мусульмане, называющіе себя Хамылъ-Лукъ или Таранчи; языкъ ихъ наши казаки, говорившіе по-киргизски, понимали хорошо и могли довольно свободно объясняться съ ними. Степановъ же, когда я его спрашивалъ насчетъ ихъ языка, высказалъ свое мнѣніе въ такой нѣсколько забавной формѣ, но, какъ видно было, совершенно серьезно.

— Это все-равно одинъ и тотъ же языкъ, что кыргызскій; только съ ними, значитъ, надо говорить съ вывертомъ, съ модой то-есть,—пояснилъ онъ. Но для меня смыслъ этого объясненія былъ теменъ.

Жителей въ Хами теперь очень немного; и мнѣ совершенно непонятно, какъ могли уцѣлѣть и эти, какъ ихъ не перебьютъ теперь... Они разорены и многіе до нищеты; но странно:—бѣдность и нужда тутъ какъ-то не бросаются въ глаза и здѣсь вовсе неслышно стоновъ людей, изнемогающихъ отъ тяжелой работы, какъ въ китайскихъ городахъ... Видѣлъ я здѣсь величавыхъ стариковъ, сидящихъ на корточкахъ на улицѣ въ компаніи, у чьихъ-нибудь воротъ и ведущихъ бесѣду; видѣлъ много женщинъ, — красавицъ въ сравненіи съ китаянками; онѣ открыто ходили по улицамъ и при встрѣчѣ со мной почти не проявляли дикости; видѣлъ хорошенькихъ, часто совсѣмъ голыхъ, дѣтей, которые бѣгали или играли между развалинами. Типъ людей бо́льшею частью красивый; одежды представляютъ халаты или длинныя широкія рубашки, часто яркихъ цвѣтовъ; на головахъ у всѣхъ, мужчинъ и женщинъ, носятся особые тюрбаны, напоминающіе отчасти короны или митры. Эти тюрбаны отдѣланы бо́льшею частью изящно, а иногда раскошно,—напримѣръ расшиты серебромъ и золотомъ. Они дѣлаются пустыми и, соотвѣтственно узору, имѣютъ много отверстій, что придаетъ имъ бо́льшую легкость, и на видъ они кажутся какъ-бы выдутыми изъ чего-то.

Вообще, наружность хамійцевъ очень граціозна. Пройдутъ двa-три человѣка, остановится женщина въ своемъ длинномъ и широкомъ платьѣ и тюрбанѣ, изъ-подъ котораго разсыпаются по плечамъ и спинѣ густые и длинные волосы, и, кажется, что видишь передъ собою воскресшія сцены изъ библейской эпохи...

Дома,—построенные бо́льшею частью по одному фасону изъ необожженнаго кирпича, одного цвѣта съ желтоватой почвой, — вѣроятно, и прежде не представляли ничего особенно изящнаго или грандіознаго; зато тутъ можно почти на каждомъ шагу встрѣтить прелестные уютные уголки, которые такъ и просятся на картину. Все симпатично, уютно, но все необыкновенно скромно. И даже самый дворецъ хамійскихъ князей или „беговъ", находящійся въ Хами, представлялъ бы далеко нероскошное жилище, если бы не занималъ такого исключительнаго положенія: онъ построенъ на огромной искусственной насыпи, находящейся у сѣверной стѣны, у единственныхъ городскихъ воротъ, такъ-что даже фундаментъ зданія значительно возвышается надъ всѣми остальными домами. [illegible] второй же день по пріѣздѣ, я свелъ здѣсь знакомство при

ствѣ Хуа-Ли съ главнымъ муллою, человѣкомъ довольно развитымъ и по-своему, должно быть, образованнымъ,—гостепріимнымъ хозяиномъ и пріятнымъ собесѣдникомъ; къ сожалѣнію только бесѣда съ нимъ была затруднительна, такъ-какъ ее приходилось вести или самому, на китайскомъ языкѣ, или при помощи Хуа-Ли, который также плохо понималъ не изуродованный англійскій языкъ, какъ я — „бидженъ" *). Пріятель мой Юзупъ-Ахунъ **), — такъ звали муллу, — былъ старикъ лѣтъ около семидесяти, роста выше средняго, сѣдой, съ правильными и чрезвычайно пріятными чертами лица. Его манеры были изящны, обращеніе въ высшей степени учтивое, даже, можно сказать, обворожительное. Я бывалъ у него почти всякій разъ, когда приходилъ въ мусульманскій городъ, и во время нашихъ бесѣдъ, при которыхъ всегда присутствовало нѣсколько человѣкъ, бо́льшею частью пожилыхъ людей, онъ распрашивалъ меня про Россію, про нашихъ купцовъ и приготовляемыя у насъ издѣлія, выражалъ общее желаніе, чтобъ русскіе пріѣзжали въ Хами съ товарами, какъ-то матеріями, (по преимуществу сукномъ и ситцами), выдѣланными кожами, (особенно сафьяномъ), позументами, стальными издѣліями, посудой и разными украшеніями. А отъ себя прибавлю, что его, какъ и всѣхъ другихъ, чрезвычайно заинтересовали нѣкоторыя вещи изъ гуттаперчи, напримѣръ: мягкая дорожная бутылка, подушка и т. п.; и онъ пришелъ чуть не въ ребяческій восторгъ, когда я подарилъ ему двѣ названныя вещи. Онѣ, вѣроятно, также найдутъ себѣ хорошій сбытъ.

Пробовалъ Юзупъ-Ахунъ заводить и отвлеченныя бесѣды религіознаго характера; но о нихъ многаго сказать нечего. Онъ говорилъ о единствѣ Бога во вселенной и спросилъ, такъ ли мы думаемъ, и когда услыхалъ отъ меня о Богѣ-Отцѣ и Его Сынѣ, очень откровенно разсмѣялся и что-то сказалъ по-своему находившимся въ комнатѣ гостямъ, его единовѣрцамъ. Спрашивалъ про нашего Царя, имя котораго онъ зналъ, про нашъ „самый большой" городъ, о томъ, долго ли я учился, какія у насъ есть школы, какой судъ и т. п.

Во время этихъ бесѣдъ онъ угощалъ меня фруктами и чаемъ, надушеннымъ цвѣтами жасмина (они пьютъ чай съ сахаромъ и съ молокомъ), а одинъ разъ даже заставилъ меня остаться у него отобѣдать, сказавъ, что я его очень обижу, если откажусь. Обѣдали мы въ той же маленькой пріемной его небольшаго домика,— состоящаго изъ трехъ комнатъ, двора и садика, также миніатюрныхъ, но уютныхъ и симпатичныхъ. Вся меблировка пріемной состоитъ изъ низенькаго кана, покрытаго коврикомъ и стоящаго на немъ подвижного низенькаго же столика; и этотъ канъ со столикомъ считается самымъ почетнымъ мѣстомъ, гдѣ и засѣдали мы съ

---

*) Искаженный китайцами англійскій языкъ, какъ русскій въ Кяхтѣ.

**) Слово „ахунъ", какъ видно, употребляется вообще для выраженія почтенія, какъ у насъ господинъ; но ставится послѣ имени. Такъ, Юзупъ-Ахунъ называлъ меня не иначе, какъ Пабелъ-Якобъ-Ахунъ.

хозяиномъ, а посѣтители изъ мѣстныхъ жителей усаживались возлѣ дверей, на низенькихъ скамеечкахъ или, за недостаткомъ ихъ, просто на корточкахъ... Обѣдъ подавала жена Юзупъ-Ахуна, Эйша, если не очень старая, то и некрасивая женщина; здѣсь же присутствовала блѣднолицая и болѣзненная невѣстка его, Санъ-Э, и ея дочь, хорошенькая дѣвочка лѣтъ семи, которая сначала разсматривала меня очень серьёзно, потомъ стала посмѣиваться и заигрывать, и, наконецъ, рѣшилась подойти и потрогать мое платье, сапоги, наконецъ, даже бороду, лицо и волосы. Обѣ взрослыя женщины нимало не дичились, совершенно свободно оставались въ комнатѣ при постороннихъ, съ лицами, какъ у всѣхъ хамійскихъ женщинъ, ничѣмъ непокрытыми, что въ мусульманскомъ мірѣ составляетъ явленіе исключительное. Онѣ совершенно свободно и разговариваютъ съ мужчинами; но мнѣ неудалось ни съ одной побесѣдовать лично, такъ-какъ онѣ по-китайски вовсе не говорили.

„Вотъ, наконецъ, и послѣдній китайскій городъ Гу-Ченъ въ который пріѣзжаемъ сегодня.

День опять жаркій; какая-то мгла, всѣ предъидущіе дни стоявшая въ воздухѣ, разсѣялась, и въ южной сторонѣ горизонта ясно обрисовались снѣжныя вершины отдаленнаго Тянь-Шань'скаго хребта. Мѣстность представляетъ ту же равнину, и почва одѣта богатой травой; но растительность чрезвычайно однообразна. На пути встрѣтились два обитаемыхъ селенья (Ши-Ли-Яо-Цзянъ и Сы-Ши-Ли-Дунъ).

Ѣду одинъ, держась около транспорта. Сосновскій давно проѣхалъ впередъ. Матусовскій отсталъ. Недалеко, говорятъ, и до Ку-Чэнъ-Цзы, какъ китайцы произносятъ имя города. Переѣхавъ въ бродъ небольшую рѣчку Шуй-Мо-Хэ и одинъ оврагъ съ вертикальными краями, указывающими на лёсный характеръ здѣшней почвы, я вскорѣ затѣмъ увидалъ передъ собою синюю палатку, у которой стояли китайскіе солдаты въ форменной одеждѣ. Догадываюсь, что здѣсь готовится встрѣча на подобіе прощанья въ Баркулѣ, также въ палаткѣ. Дѣйствительно, когда я поровнялся съ нею, оттуда вышелъ мандаринъ, уже пожилой человѣкъ, небольшого роста и скорѣе некрасивой наружности. Онъ встрѣтилъ меня привѣтствіями и приглашеніями войти въ палатку, присѣсть и отдохнуть съ дороги.

— Зачѣмъ это вы безпокоились выѣзжать на встрѣчу; вы устали, долго ожидая насъ,—говорю я.

— А, нельзя не встрѣтить гостей; вы дорогіе далекіе гости; мы вамъ рады; приготовили для васъ домъ, обѣдъ и давно ожидаемъ.

— Ваше имя?—спросилъ я.

— Ко; здѣшній чжи-сянь. А ваше?

— Пя.

— Какъ ваше высокое долгоденствіе?

— Пятьдесятъ,—отвѣтилъ Ко и показалъ на [illegible] да

— А вашъ почтенный возрастъ?

— Тридцать два.

Послѣ этихъ обычныхъ привѣтствій, онъ наговорилъ мнѣ много, но не вполнѣ понятныхъ, лестныхъ фразъ по случаю нашего пріѣзда и доставленнаго имъ большого удовольствія. Онъ спросилъ скоро-ли пріѣдутъ остальные и предложилъ чаю. Ко былъ родомъ изъ провинціи Ху-Бэй, гдѣ познакомился съ иностранцами, чѣмъ, мнѣ всегда казалось, китайцы очень гордятся; и, когда я предложилъ ему своего табаку и папиросной бумаги, онъ—тоже съ нѣкоторой гордостью,—поспѣшилъ прибавить:

— Знаю, знаю! Вы всѣ такъ курите, и я умѣю дѣлать такія же.

Онъ хотѣлъ свернуть папиросу и щегольнуть передъ своими солдатами умѣньемъ крутить „заморскія сигары", но не могъ, потому что ему мѣшали длинные ногти. Я помогъ ему, и мы, сидя за чаемъ, продолжали еще кой о чемъ бесѣдовать. Въ это время мимо палатки проѣзжали фотографъ и переводчикъ Андреевскій, которыхъ я остановилъ по просьбѣ Ко,—указать ему другихъ спутниковъ. Онъ вышелъ встрѣтить ихъ, также приглашалъ въ палатку, но переводчикъ спѣшилъ къ начальнику, — если можно сказать „спѣшилъ" про человѣка, сидящаго въ телѣгѣ, которую медленнымъ шагомъ тащатъ измученныя животныя... (Для него не было куплено верховой лошади, слѣдовательно, онъ и не могъ ѣхать скорѣе). Учтивый китаецъ хотѣлъ-было остаться еще, чтобъ ожидать пріѣзда Матусовскаго, но я сказалъ, что онъ еще далеко и уговорилъ ѣхать со мною въ городъ. Сѣли на лошадей и отправились рядомъ, причемъ Ко взялъ меня за руку и не выпускалъ ее все время, не желая принять во вниманіе, что моя измученная голодомъ казенная лошадь отставала отъ него, и что я принужденъ былъ вытягивать свою руку, какъ только могъ. Зрѣлище было забавное: онъ тащилъ меня, какъ плѣнника, и, по правдѣ сказать, порядочно надоѣлъ мнѣ этой нѣжной и, какъ каучукъ, крѣпкой дружбой, какою онъ столь неожиданно воспламенился ко мнѣ. Передъ нами скоро показалась землебитная городская стѣна, окруженная рвомъ, черезъ который въ городъ ведетъ узенькій деревянный мостъ.

Ну, думаю себѣ, авось здѣсь онъ меня броситъ... Нѣтъ,—мандаринъ и тутъ не хотѣлъ выпустить моей руки,—крѣпче прежняго держалъ ее въ своей, какъ какое-нибудь сокровище, и еще съ большей энергіей увлекалъ меня за собою. Я не разъ пробовалъ освободиться отъ плѣна; отнимаю руку.

— Тутъ не хорошо ѣхать,—говорю, — такъ ѣхать не ловко, а онъ отвѣчаетъ:

— Тутъ ѣхать хорошо; такъ ѣхать ловко!.. Чуть-было на мосту изъ сѣдла не вытащилъ меня наилюбезнѣйшій Ко.

Думаю себѣ,—должно быть, ужъ таковы сѣверо-западные обычаи въ Китаѣ, терплю и подчиняюсь... Къ счастью, домъ, въ которомъ для насъ была приготовлена квартира, находился почти у самыхъ

городскихъ воротъ, и я узналъ его по двумъ тріумфальнымъ аркамъ, устроеннымъ передъ домомъ въ честь нашего пріѣзда и убраннымъ синей и красной бумажными матеріями... Все это выражало очень милое вниманіе къ намъ мѣстныхъ властей и къ нему невозможно относиться совсѣмъ равнодушно, — значитъ насъ ждали, объ насъ думали, хлопотали, желали сдѣлать намъ удовольствіе... Какъ только въѣхали во дворъ, Ко снова взялъ меня подъ руку, провелъ въ домъ и въ комнату, гдѣ уже находился Сосновскій въ обществѣ шести мандариновъ, которые всѣ были одѣты въ форменное платье и шляпы, и представляетъ насъ другъ другу. Но, какъ часто бываетъ при представленіяхъ, я не разобралъ, кто такіе они были; вижу только, все больше съ красными и синими шариками, и по типу все маньчжуры; нѣкоторые красивые и бойкіе, или весьма почтенной наружности, напримѣръ, одинъ старикъ,—съ длинными сѣдыми усами и довольно густой, клинообразной сѣдою же бородой.

— Очень радъ, что хоть вы пріѣхали, — говоритъ начальникъ;—ужъ я съ часъ назадъ, какъ пріѣхалъ и сижу дуракомъ... Думаю, — уйдутъ; я бы спать легъ, а то сидятъ тутъ и тоже молчатъ... Далеко еще переводчикъ?

— Нѣтъ, сейчасъ долженъ быть.

Только-что я было началъ разговоръ съ нашими новыми знакомыми, чтобъ прервать неловкое и тагостное молчаніе, какъ пріѣхалъ Андреевскій.

— Ну, скорѣй, скорѣй, Иннокентій Степанычъ; мы уже цѣлый часъ сидимъ и молчимъ,—торопилъ его Сосновскій...

Тотъ даже поздороваться и отрекомендоваться не успѣлъ, какъ начальникъ занялъ его пока частнымъ разговоромъ.

— А гдѣ обезьяна?—спрашиваетъ онъ у переводчика,— вы не видали, гдѣ обезьяна?

— Нѣтъ-съ, я не видалъ.

— Надо бы послать узнать, у кого она. Пошлите кого-нибудь и велите посланному, чтобъ онъ скорѣе привезъ ее сюда.

— Да она искусаетъ чужого...

— Ну, что же вы будете мнѣ разсказывать... искусаетъ! Больно она тамъ укуситъ.

Пошли посылать. А китайскіе чиновники, незнавшіе, что пріѣхалъ переводчикъ, сидѣли и продолжали смотрѣть на насъ, молча, предполагая, вѣроятно, что разговоръ происходитъ о чемъ-нибудь немаловажномъ... Въ это время, неизвѣстно зачѣмъ, въ комнату явился одинъ слуга, таранчинъ Ніазъ, нанятый начальникомъ въ Хами, и сталъ раскланиваться съ мандаринами, дѣлая каждому отдѣльный реверансъ.

— Переводчикъ пришелъ, пероводчикъ пришелъ!—Заговорили, ожили и обрадовались китайцы, принявъ за него Ніаза.

— Пошелъ ты отсюда! Что ты лѣзешь, куда тебя не спрашиваютъ, — сердито закричалъ на Ніаза начальникъ, когда онъ хо-

тѣлъ-было объяснить что-то,—и прогналъ его вонъ. А изумленные мандарины опять замолчали.

Андреевскій вернулся, объявилъ, что за обезьяной послалъ нарочнаго, и, теперь отрекомендовавшись, сѣлъ также къ столу.

Я видѣлъ, что Сосновскій былъ чѣмъ-то очень недоволенъ и причина этого скоро объяснилась. Оказалось, что здѣшними властями ему было передано письмо отъ казака Павлова *), который увѣдомлялъ его, что онъ отправленъ изъ Гу-Чэна не прямо въ Зайсанъ, а какимъ-то окольнымъ путемъ, вслѣдствіе чего, писалъ онъ,—я пріѣду туда не такъ скоро, какъ мы предполагали. Извѣстіе это было непріятно тѣмъ, что всякое промедленіе Павлова въ дорогѣ замедляло начало торговли хлѣбомъ. И я совершенно понималъ, какъ должно было оно разсердить Сосновскаго; я совершенно понялъ его, когда онъ, забывъ отношенія гостя къ радушно принимавшимъ его хозяевамъ, не сказалъ и одного слова какого-либо привѣтствія, обычнаго у всѣхъ народовъ, а сразу, сердитымъ тономъ, велѣлъ имъ передать, „что онъ чрезвычайно недоволенъ, что Павловъ отправленъ не той дорогой, по какой онъ приказалъ ему ѣхать“...

Послѣ этого вступленія, лица мандариновъ изъ привѣтливыхъ вдругъ превратились въ надутыя, но они отвѣчали вѣжливымъ тономъ, объясняя, почему Павловъ былъ отправленъ отсюда такъ, а не иначе, и стали доказывать, что прямо изъ Гу-Чэна въ Зайсанъ теперь проѣхать невозможно, что тутъ нѣтъ дорогъ... По этому поводу начался споръ въ очень непріятной формѣ; но, какъ китайцамъ не объясняли географію здѣшнихъ мѣстъ, какъ ни проводили на столѣ различные пути, они все-таки стояли на своемъ, — что прямо ѣхать теперь нельзя, потому что теперь въ этихъ мѣстахъ нѣтъ даже кочевого населенія, нѣтъ ни воды, ни кормовъ, и кромѣ того, можетъ быть, бродятъ шайки разбойниковъ... Мы и вамъ совѣтуемъ ѣхать тою же дорогой,—прибавляли они.

— Ну, ужъ мы-то ни въ какомъ случаѣ по ней не поѣдемъ,—возразилъ Сосновскій.

— Такъ поѣзжайте вотъ этимъ путемъ,—по тракту на г. Кобдо, а потомъ въ Булунь-Тохой;—тутъ мы ручаемся за полное спокойствіе и удобства проѣзда; тутъ и кормъ, и вода есть, и люди на пикетахъ живутъ... По ней вы придете въ Булунь-Тохой непремѣнно на четырнадцатый день, а тамъ вамъ до Зайсана всего дней пять...

— Какъ это! Мы будемъ тащиться девятнадцать дней, когда мы можемъ на четырнадцатый, а то даже и на двѣнадцатый день быть въ Зайсанѣ, если пойдемъ прямо... А что они тамъ разсказываютъ про разбойниковъ, такъ они вездѣ могутъ быть; узнаютъ, что мы идемъ, и придутъ.

*) Онъ былъ отправленъ изъ г. Лань-Чжоу впередъ съ какими-то бумагами по дѣламъ г. Сосновскаго.

— Не узнаютъ, не могутъ узнать,—говорятъ мандарины,—вѣдь здѣсь двѣсти ли разстоянія.

Я не понялъ, отъ чего до чего двѣсти ли.

— Да что-жъ они будутъ мнѣ разсказывать! Двѣсти ли!... Досадовалъ начальникъ и теперь уже не говорилъ, а кричалъ; я знаю,—„во-чжидо",—прибавилъ онъ даже по-китайски:—я имъ на картѣ покажу; вѣдь у меня карта есть... Что онѣ мнѣ говорятъ: дороги нѣтъ, разбойники... Вѣдь разбойники могли насъ убить и въ Гоби, и въ Су-Чжоу, и въ Сань-Го-Чуань-Цзы, гдѣ у насъ украли двухъ лошадей... Да все равно, чтобы они тамъ ни толковали, мы на Кобдо-то ужъ ни въ какомъ случаѣ не пойдемъ.

— Да мы васъ и не посылаемъ на Кобдо, зачѣмъ вамъ туда идти; мы говоримъ о трехъ станціяхъ по кобдинскому тракту, откуда дорога сворачиваетъ въ Булунь-Тохой. Другой дороги нѣтъ, и ни по какой другой мы васъ везти не можемъ;—потому-что на другой дорогѣ не можемъ ручаться за вашу безопасность; намъ же сказано, что мы за васъ отвѣчать будемъ, и приказано всячески охранять,—въ свою очередь повысивъ голосъ заговорилъ одинъ горбоносый, красивый брюнетъ. — Если вамъ не угодно ѣхать, какъ совѣтуемъ, такъ мы не можемъ дать вамъ конвоя...

— Ну, такъ скажите имъ, Иннокентій Степанычъ, что если насъ не будутъ провожать по прямой дорогѣ изъ Гу-Чэна въ Зайсанъ, такъ мы пойдемъ одни.

— Нѣтъ, этого мы тоже не можемъ допустить, потому-что имѣемъ предписаніе отъ Цзо-Цзунъ-Тана, чтобъ безъ конвоя васъ никуда не отправлять.

Что это? Честь, или арестъ? Выраженіе заботливости или препровожденіе по этапу на казенный счетъ, — пришла мнѣ такая мысль; но ее тотчасъ смѣнила другая. Какой имъ можетъ быть разсчетъ или интересъ направлять насъ на ту, а не иную дорогу? И, вѣроятно, они не стали бы спорить съ нами, если бы въ самомъ дѣлѣ существовалъ другой кратчайшій путь. Не могъ же у нихъ быть страхъ, что мы тамъ разузнаемъ что-нибудь, — послѣ того, какъ они безпрепятственно дозволили намъ проѣхать черезъ всю свою имперію.

Слушая этотъ споръ, я не могъ понять, почему такъ горячится Сосновскій изъ-за нѣсколькихъ дней... Ну, что, въ самомъ дѣлѣ, могутъ значить четыре дня послѣ путешествія, продолжавшагося, хотя и не особенно долго, а все же больше полутора года. Оказалось же, что тутъ опять исключительнымъ двигателемъ являлась доставка хлѣба.

— Я такъ отсюда Цзо-Цзунъ-Тапу и напишу, — продолжалъ онъ,—что я этой дорогой хлѣба доставлять не буду. Онъ мнѣ говорилъ о 360 ли, а тутъ оказывается — на четырнадцатый день можно только въ Булунь-Тохой придти.

Разговоръ на ту же тему и въ томъ же духѣ продолжался еще долгое время, пока не пріѣхалъ Матусовскій. И я вынесъ изъ него то впечатлѣніе, что китайцы только желали намъ добра и

боялись отвѣтственности за насъ; въ сущности же для нихъ было рѣшительно все равно, какой дорогой поѣдемъ мы отсюда домой... Хозяева, ожидавшіе, повидимому, иной встрѣчи и иныхъ разговоровъ, по-крайней-мѣрѣ, въ первый визитъ, ушли не съ особенно любезными лицами"...

Наконецъ, собрались въ путь и, вопреки всему, идемъ по „кратчайшей дорогѣ" въ Зайсанъ. Какъ серьезно мы собрались и съ какими мыслями и чувствами выступали, видно изъ слѣдующаго вступленія къ послѣдней главѣ моей книги:

„Бываютъ въ жизни людей страшныя минуты, въ которыя они чувствуютъ себя совершенно безсильными, напримѣръ, въ борьбѣ со стихійными силами; на морѣ, напримѣръ, во время жестокой бури, въ моменты страшныхъ землетрясеній, когда людямъ не остается на землѣ ни опоры, ни защиты, ни надежды; когда не кому крикнуть о помощи, потому-что этотъ крикъ отчаянія ни до кого не донесется... Въ эти минуты обезсилѣвшая душа человѣка обращается только къ небу съ мольбою о помилованіи... Вотъ, почти такія минуты переживали теперь мы всѣ, — русскіе и китайцы,— случайные рабы случайнаго господина... Хотя мы стояли и на твердой почвѣ, и эта почва не колебалась и не давала подъ ногами трещинъ, которыя бы могли насъ поглотить, но мы медленно ждали медленной смерти. Да! Всѣ шли если не на положительно-неизбѣжную, то на почти вѣрную смерть; по-крайней-мѣрѣ, такъ всѣмъ думалось, потому-что съ одной стороны намъ говорятъ всѣ въ одинъ голосъ, что пустыня безводна и чрезвычайно опасна; съ другой мы сами убѣдились, какъ ненадежно знакомство съ нею людей, которые взялись насъ провести; и въ третьихъ, распоряжался всѣми нами человѣкъ, не признававшій чужого знанія и мнѣнія, не вѣрившій ни кому, кромѣ себя, и не разъ осязательно показавшій намъ, къ чему можетъ приводить подобный образъ мыслей и основанныхъ на нихъ дѣйствій.

Отчего же былъ такъ смѣлъ на этотъ разъ Сосновскій? А вотъ отчего. На наше несчастіе онъ совершилъ въ 1871 г. поѣздку изъ Зайсанскаго Поста на озеро Улюнгуръ и Булунь-Тохой, и хотя мы были еще далеко отъ этихъ мѣстъ, но ему, судя по его словамъ, показалось, что онъ находится ужъ совсѣмъ въ сосѣдствѣ съ ними;— не на основаніи справокъ, картъ или другихъ точныхъ данныхъ, какими руководствуются въ случаяхъ подобной важности серьѣзные люди, а по тому, что „онъ въ этомъ былъ положительно убѣжденъ".— „Китайцы только чепуху порятъ, и ужъ я-то эти степи знаю,— говорилъ онъ;—тутъ вода вездѣ есть, только они, дураки, не умѣютъ ея найти. Если бы даже вожаки и сбились, такъ я самъ вездѣ воду найду, по примѣтамъ, даже всякому гимназисту извѣстнымъ"... И у насъ просто дрожь пробѣгала по тѣлу, когда мы слушали такія рѣчи...

Вотъ, каково было положеніе всей экспедиціи, когда мы должны были повиноваться, не смѣя возражать. Оставалось одно спасеніе,— открытое сопротивленіе; но чувство долга было въ насъ крѣпко, и мы повиновались молча. Это молчаніе было бы преступно, если бы просьбы, совѣты, наконецъ, совѣщанія были возможны; но они не имѣли мѣста. Припомните хотя случай съ наймомъ лодки на рѣкѣ Хань.

Мы смѣли говорить, и совѣтываться только между собою... Да, будетъ, Господи, воля твоя, — мысленно сказалъ себѣ каждый, отправляясь отсюда, будто бы, кратчайшимъ путемъ, на родину.

Теперь не угодно-ли познакомиться съ *вымыслами* моей *болѣзненно-настроенной фантазіи*. Я приведу разсказъ о чуть-было не постигшей всю экспедицію гибели отъ голода и жажды, уже неподалеку отъ русской границы, а также о томъ, какъ мы спаслись, — кому или чему этимъ обязаны (стр. 1041).

Уже натерпѣвшись немало отъ безводья, безкормицы и отъ *другихъ причинъ*, потерявъ уже нѣсколько животныхъ, мы отправились въ путь довольно рано. Это было 25-го сентября 1875 года; цѣлый день ѣхали равниной, приблизительно въ одномъ направленіи и только на закатѣ солнца, достигли гряды каменистыхъ холмовъ, между которыми находился родникъ; значитъ, если бы караванъ, исполняя вчерашнее приказаніе г. Сосновскаго, отправился къ нему вчера, то намъ ни въ какомъ случаѣ не добраться бы до него засвѣтло: вожаки, которые оба почти ничего не знали, навѣрно опять потерялись бы въ потемкахъ и мы опять провели бы ночь на безводномъ мѣстѣ и безъ капли воды въ запасѣ.

Ключъ, на который мы пришли, называется Хармали, и представляетъ тонкую и скудную струю воды, вытекающую изъ трещины въ камнѣ, у подножія небольшой гранитной скалы. Вода его, хотя чуть-чуть горьковата и солона на вкусъ, но послѣ вчерашняго соляного раствора (колодезь Хоргуттб), показалась намъ превосходной. Она собирается въ маленькомъ углубленіи, находящемся подъ трещиной, и, наполнивъ его, стекаетъ черезъ край въ оврагъ, увлажняя его дно, на протяженіи сотъ двухъ шаговъ, и потомъ теряется въ сухой безплодной почвѣ. Въ верхней части оврага поддерживается постоянная влажность и тутъ зеленѣетъ трава; вся же остальная мѣстность носитъ самый угрюмый и безотрадный характеръ: вездѣ голая, какъ будто опаленная огнемъ, земля, съ торчащими изъ нея грядами сухихъ каменистыхъ пригорковъ; ряды также голыхъ небольшихъ холмовъ, да пес

растущими по нимъ жалкими сухими кустиками растеній — вотъ, что видитъ здѣсь путешественникъ, куда бы ни обратилъ онъ своего взгляда... Верблюды здѣсь еще находятъ себѣ пищу, но лошадямъ почти въ буквальномъ смыслѣ нечего ѣсть, кромѣ рѣденькихъ, уже засохшихъ кустовъ одного злака (кипецъ), который онѣ должны розыскивать; и чтобы найти сотню кустиковъ, имъ надо выходить чуть не квадратную версту, а то и болѣе! Вотъ, каковы здѣсь кормовыя травы въ настоящее время, и, судя по виду почвы, немногимъ лучше бываетъ и въ остальное время года *)... Мучимыя голодомъ, бродятъ несчастныя лошади съ мѣста на мѣсто, торопливымъ шагомъ, все надѣясь найти себѣ пищу, но нигдѣ ничего не даетъ имъ скупая земля. Нашимъ лошадямъ дали немного запаснаго гороху; казенные товарищи ихъ торопливо подходятъ къ нимъ? раздѣлить трапезу, но ихъ принуждены были отгонять, потому что дѣлить было нечего... Болитъ-ли у васъ, читатель, сердце, какъ оно у меня болѣло?... Понятно ли вамъ, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ приходилось отказывать въ пищѣ этимъ несчастнымъ покорнымъ слугамъ... Кто же? и гдѣ, при подобныхъ условіяхъ, не считаетъ лошади своимъ товарищемъ!..

Настала ночь, и всѣ, кто еще не страдалъ отъ голода, заснули.

26 сентября.

„Этотъ день есть тотъ „девятый день“, въ который, по положительно-вѣрному разсчету Сосновскаго, мы должны были придти „въ селеніе торгоутовъ“; но мы были еще очень далеко отъ какихъ-либо селеній и теперь только углубились въ самую средину пустыни.

Вожаки, вѣроятно, распросившіе дорогу у тѣхъ двухъ охотниковъ, которыхъ мы *съ такою безпримѣрною безпечностью пропустили безъ вниманія*,—объявляютъ, что сегодня мы никакъ не можемъ придти къ колодцу, и поэтому надо запастись здѣсь водою; съ нею, говорятъ, переночуемъ на безводномъ мѣстѣ, а завтра къ вечеру придемъ къ колодцу Чонанъ-Усу. Какова дорога!.. Опять два дня надо идти отъ воды до воды... Бѣдныя животныя,—имъ опять предстоитъ неизбѣжное двухъ-суточное томленіе безъ питья; а имъ вчера и напиться вволю неудалось вслѣдствіе упомянутыхъ свойствъ родника. Они всѣ, особенно лошади, быстро худѣютъ и теряютъ силы; а нѣкоторыя умираютъ мучительною смертью отъ голода и жажды. Сегодня, передъ отправленіемъ въ путь, казакъ доложилъ, что издохли еще молодая рыжая лошадь и одинъ верблюдъ... Лучше умолчимъ о подробностяхъ этой смерти.

Цѣлый день, до заката солнца, шли по песчанымъ равнинамъ

*) Тѣмъ не менѣе въ отчетѣ г. Сосновскаго говорится: „прекрасный источникъ въ скалѣ; вблизи имѣется другой подобный ключъ, Лапсарингенъ-усу; кругомъ топливо и кормъ“... Гдѣ, въ какой близи, находится другой подобный источникъ, какъ узнать изъ такого описанія, когда, напримѣръ, его самъ не видалъ.

совершенно гладкимъ или слегка волнующимся и покрытымъ буро-желтыми и сѣрыми кустиками одного степнаго растенія (кокпекъ) и изрытымъ безчисленнымъ множествомъ норъ. Изрѣдка слышался свистъ сусликовъ; слѣдовъ дикихъ животныхъ на пескѣ было много, а животныя всѣ скрылись куда-то: — ни одного экземпляра, ни одной породы не видали... Томительные дни переживали мы! Время, казалось, остановилось; разстояніе до Зайсанскаго поста какъ будто не измѣнялось. А скука и тягость обстановки увеличивались еще отъ сознанія полнѣйшей безполезности нашего движенія по этой трудной дорогѣ: мы не изслѣдовали новыхъ мѣстъ, потому что они хорошо извѣстны туземцамъ; мы не открывали новаго пути, потому что знали раньше, что этотъ путь никуда негодится по безводью степей и недостатку кормовыхъ травъ; мы видѣли теперь, что не только не сократили себѣ дороги, а, напротивъ, увеличили ее. Наконецъ, никто не былъ и не могъ быть убѣжденъ, что, забравшись сюда, мы выйдемъ благополучно, что, можетъ быть, здѣсь намъ суждено и головы свои сложить...

Остановиться на ночлегъ мы могли сегодня на любомъ мѣстѣ,— только высматривали, гдѣ будетъ сколько-нибудь получше кормъ, и около заката солнца расположились лагеремъ на такой степи, какая цѣлый день была передъ нашими глазами.

Прошелъ превосходный вечеръ и наступившая тихая полусвѣтлая ночь успокоила насъ на нѣсколько часовъ, давъ отдыхъ и мозгу, и сердцу.

27 сентября.

Помня, что сегодня утромъ у насъ вышла запасная вода, что наши животныя уже не пили цѣлыя сутки, мы поспѣшно выступили въ путь, чтобъ успѣть раньше придти къ колодцу. Караванъ пошелъ впередъ за вожаками; мы съ товарищемъ слѣдовали за нимъ; и многимъ съ самаго начала показалось страннымъ взятое вожаками направленіе:—вмѣсто сѣверо-западнаго, какого намъ слѣдовало держаться, они повели почти на сѣверо-востокъ. Замѣчать все, что угодно, мы могли, — это не возбранялось начальникомъ; но обратить, напримѣръ, его вниманіе на то, что вожаки идутъ очень странно,—невозможно: это значитъ, желать „только доказать ему, что онъ самъ ничего не видитъ и не понимаетъ“. Такъ было принято *у насъ* смотрѣть на подобныя заявленія, мои и Матусовскаго. Насъ сильно смущаетъ это сѣверо-восточное направленіе; намъ ужасно трудно молчать; но дѣлать нечего — всѣ идутъ, молча, значитъ, такъ и идти должно...

Прошли мы верстъ десять въ сказанномъ направленіи и потомъ, описавъ большой кругъ, стали выбираться опять на сѣверо-западное; и тутъ узнаемъ, что этотъ ненужный крюкъ былъ описанъ потому, что вожаку приказано было поискать подстрѣленнаго вчера Сосновскимъ какого-то „козла“ и указано направленіе, въ какомъ онъ вчера скрылся. Начальникъ былъ убѣжденъ, что раненый козелъ долженъ былъ гдѣ-нибудь вблизи умереть... Идемъ.

Характеръ степи тотъ же, песчано-глинистый, чрезвычайно-однообразный, и ничто не встрѣчается, чтобы развлекло хотя нѣсколько, на чемъ бы могло сосредоточиться вниманіе, которому наскучило гулять по этому безграничному и для бѣглаго взгляда безсодержательному, простору, открытому во всѣ стороны до горизонта. Только, около четвертаго часа пополудни, караванъ остановился. Спрашиваемъ,—зачѣмъ остановились,—говорятъ, вожаки велѣли подождать тутъ, а сами разъѣхались *) одинъ въ одну, другой въ другую сторону, чтобъ оглядѣться, и сообразить, какъ идти къ водѣ. Остановились; и такъ какъ вожаки должны были сейчасъ вернуться, то почти всѣ сидѣли на лошадяхъ; а верблюды, разумѣется, стояли подъ вьюками; стояли и ждали распоряженія двигаться дальше; но вожаки оба ушедшіе пѣшкомъ, отошли такъ далеко въ сторону, что исчезли за горизонтомъ, хотя онъ былъ открытъ, какъ я сказалъ, на огромное пространство, куда ни обернись...

Что-то странно,—подумалъ я: какая надобность уходить такъ далеко, чтобъ оглядѣться и сообразить мѣстность. Не вздумали-бы они бѣжать, испуганные собственнымъ незнаніемъ дороги и опасаясь наказанія; но, вижу, всѣ спокойны, стоятъ и ждутъ; — кто дремлетъ, сидя на верблюдѣ; кто грызетъ черствую лепешку. Мы съ товарищемъ выпили по глотку взятаго про запасъ въ жестянкѣ чаю, — оставивъ половину на всякій случай, — потому что послѣ цѣлаго часа ожиданія возвращенія вожаковъ, начала закрадываться мысль, что они опять сбились, а особенно начинало безпокоить то, что они сами пропали: — ушли ужасно далеко. Когда-то они пѣшкомъ доплетутся назадъ, а солнце все понижается и дня остается ужъ не очень много. Еще часъ простояли мы въ напрасномъ ожиданіи возвращенія вожаковъ; многіе сошли съ лошадей и верблюдовъ, раздѣлились на кучки; сидятъ и болтаютъ между собою или ходятъ, и всѣ мало-по-малу начинаютъ тревожиться; и все чаще и чаще посматривать вдаль, въ тѣ стороны, куда ушли вожаки. Вотъ солнце уже готово скрыться за горизонтъ, а мы все ждемъ своихъ спасителей съ радостнымъ извѣстіемъ о найденномъ, и можетъ быть, не очень далеко, колодцѣ. Каждый ждетъ, — вотъ раздастся желанное слово—вода,—какъ на морѣ ждутъ и радуются слову—земля! Наконецъ, верблюдовъ положили, но пока не развьючивали... Вотъ солнце сѣло, а вожаки точно умерли тамъ, гдѣ-то, или бросили насъ на произволъ судьбы, заботясь лишь о своемъ спасеніи.

— Фынъ! Фынъ! (дымъ),—закричалъ радостно одинъ китайскій солдатъ,—и тотчасъ радость сообщилась всему лагерю. Всѣ зашевелились и нѣкоторые уже стали собираться идти туда, на этотъ дымъ... Дымъ, — значитъ, нашли колодезь и развели костеръ, чтобъ подать сигналъ—понятно. Ну, слава-Богу... Но,—посмотрѣлъ одинъ,

*) Это выраженіе не точно, потому что, какъ я потомъ узналъ, вожаки не уѣхали, а ушли пѣшкомъ.

другой, выразили сомнѣніе, что это не дымъ; стали смотрѣть всѣ, и убѣдились, что первый, сообщившій радостную вѣсть, дѣйствительно ошибся. Боже мой!... Опять надо стоять и ждать.

Кончился день; догорѣла и заря, и земля одѣлась темнотою ночи. Потомъ взошла половина луны и освѣтила тусклымъ свѣтомъ мертвую степь и нашъ безмолвный, какъ бы задремавшій, караванъ, потому что ничто пока не предпринималось, ничего не дѣлалось; не отдавалось никакихъ приказаній; и люди перестали между собою говорить, потому что все, что можно было предположить, подумать, было все сказано, и теперь въ головѣ каждаго человѣка засѣла одна и та же мрачная мысль; но никто еще не выражалъ ея другому, или не желая показаться струсившимъ, или чтобъ напрасно не тревожить товарища. Нечѣмъ было также и ободрить другъ друга; — мы еще не думали о завтрашнемъ днѣ, о своей дальнѣйшей участи, ожидавшей насъ, но на сегодняшнюю ночь надежды у всѣхъ пропали; всѣ примирились съ мыслью, что до утра придется оставаться безъ питья и ѣды, потому что сухая ѣда никому и на умъ не шла, ни людямъ, ни животнымъ. Китайцы были равнодушны, и только, когда я подходилъ къ двумъ тремъ, сидѣвшимъ скорчившись и спрятавъ руки въ широкіе рукава своихъ ватныхъ кофтъ, (потому что стало очень свѣжо), — они говорили:

Мо-ю шуй, мо-ю да-цзы; бу-хао! (Нѣтъ воды, нѣтъ вожаковъ; нехорошо!)

Наконецъ, рѣшили развьючить верблюдовъ, поставить палатки и ложиться спать, потому что холодно стало и ждать больше нечего; да будетъ-ли чего ждать и завтра! Совершились всѣ обычныя сцены расположенія лагеря на ночлегъ; но все совершилось какъ-то незамѣтно, тихо, безъ того оживленія, говора, шума и и удовольствія, какіе обыкновенно раздаются на привалахъ. Лошади стояли, уныло повѣсивъ головы, или ржаніемъ и безпокойными взглядами требуя воды,—въ которой онѣ нуждались больше насъ, потому мы еще пили сегодня утромъ, мы не работали, какъ онѣ и верблюды. Жажда уже мучила лошадей,—это не трудно было видѣть по ихъ безпокойнымъ движеніямъ, потому что онѣ лизали холодныя вещи, старались пить выдѣляемую другими животными жидкость, но не могли, потому что она мгновенно впитывалась сухой глинисто-песчаной почвой. Нѣкоторыя изъ верблюдовъ валялись по землѣ, какъ въ предсмертныхъ судорогахъ и ревѣли, страдая отъ болей преждевременно наступившихъ родовъ, и своимъ жалобнымъ ревомъ, стонами и тяжелыми вздохами, такъ поразительно похожими на человѣческіе, нагоняли на душу тоскливое чувство... Начиналось то, отъ чего насъ предостерегали доброжелательные люди!..

Въ минуты, подобныя тѣмъ, какія мы теперь переживали, человѣку все начинаетъ казаться зловѣщимъ, и почти нѣтъ силъ дать мыслямъ иное направленіе. Онѣ принимали все болѣе и болѣе мрачный характеръ,—потому что каждый слѣдующій часъ, если онъ не подавалъ надежды, увеличивалъ опасность нашего положе-

нія; думалось о себѣ, о томъ, гдѣ вожаки и что съ ними; спрашиваешь себя, въ состояніи-ли будутъ завтра лошади идти дальше; найдемъ-ли еще и завтра воду; что станемъ дѣлать, если не найдемъ ея и завтра? Вопросы оставались вопросами и намъ оставалось въ утѣшеніе лишь одно—ждать утра, которое, говорятъ, мудренѣе вечера.

Но такъ могли разсуждать мы—послѣднія спицы въ колесницѣ, а капитану Сосновскому, который не могъ не сознавать, что *экспедиція попала въ такое положеніе вслѣдствіе его распоряженій*, неловко было оставаться въ бездѣйствіи, но конечно не въ силу фразы о „нравственной отвѣтственности за всѣхъ", а *изъ чувства самосохраненія*. И вотъ онъ отправился искать воду, съѣздилъ недалеко въ сторону и, какъ *опытный знатокъ степи* скоро *нашелъ* примѣты близкой воды; а потому, вернувшись къ лагерю, отдалъ распоряженіе всему каравану идти на новое мѣсто и рыть тамъ колодецъ; но такъ какъ наступала ночь, верблюды были уже развьючены, и такъ какъ китайцы отнеслись съ большимъ недовѣріемъ къ примѣтамъ близкой воды, то они на приказаніе отвѣтили словами, что будутъ ночевать здѣсь.

— Если бы тамъ была вода, такъ мы бы пошли, а нѣтъ воды, такъ зачѣмъ же идти?—сказали они.

Намъ съ товарищемъ было предоставлено право идти или оставаться тутъ. Мы остались, потому что были убѣждены, что никакой воды не найдутъ, и потому, что отъ насъ требовалось одно чтобъ мы не вмѣшивались въ *чужое* дѣло; невмѣшательство же гораздо легче соблюдать издали... Часть компаніи отправляется за начальникомъ; но тутъ вспоминаютъ, что у насъ *нѣтъ* ни одной лопаты, безъ которыхъ опытные люди никогда не пускаются въ степь, скудную водою. Она дѣйствительно нашлась у „дураковъ китайцевъ, которые только опій курятъ да стихи сочиняютъ". Взяли лопату, постель начальника и запасъ теплаго платья для него и, въ составѣ пяти человѣкъ (Степанова, слуги Ніаза и двухъ китайскихъ солдатъ), уѣхали. Мы погрызли немного сухарей, но не пили ни одной капли воды, хотя ея и было у меня съ половину гуттаперчевой бутылки; мы берегли ее про запасъ, хотя при мысли объ этомъ ничтожномъ запасѣ только на душѣ тяжелѣе становилось;—лучше бы ея совсѣмъ не было... Легли спать; но сна нѣтъ, и въ голову лѣзутъ разныя воспоминанія о читанныхъ и слышанныхъ несчастныхъ случаяхъ съ людьми отъ недостатка воды... Да тяжелая была ночька!.. Никогда не забыть ея, никому изъ насъ.

— Правда ли это, или все только придумано мною, — пусть объяснитъ это публикѣ г. Сосновскій въ своемъ имѣющемъ появиться возраженіи на мою книгу.

28 сентября.

Должно быть, въ эту ночь многимъ непоспалось, потому что, выйдя чѣмъ-свѣтъ изъ палатки, я нашелъ многихъ изъ китайскихъ

солдатъ уже проснувшимися и ходившими взадъ и впередъ около лагеря.

— Нѣтъ воды и вожаковъ нѣтъ,—говорятъ они послѣ перваго привѣтствія.

— Ни одинъ вожакъ не пришелъ?—спрашиваю ихъ.

— Нѣтъ ни одного.

Больше говорить намъ было не о чемъ... Они, казалось, не думали объ опасности или если и думали, то оставались равнодушными къ своему положенію и были замѣчательно-покойны.

Каждый просыпавшійся человѣкъ прежде всего спрашивалъ.—пришли вожаки,—и, получивъ отрицательный отвѣтъ, или ничего не говорилъ, или произносилъ что-нибудь въ родѣ:

— Ловко!... Славное положеніе!.. Вотъ-те и пришли на двѣнадцатый день въ Зайсанъ!..

Объ уѣхавшихъ искать воду и не вернувшихся не спрашивали: отъ нихъ не было гонца, значитъ—ничего не нашли, а остались тамъ только ночевать до утра... Всѣ были угрюмы и, видимо, старались не говорить другъ съ другомъ потому, что разговоръ только наводилъ на страшныя мысли и безъ пользы тревожилъ душу.—Всѣмъ хотѣлось бы выпить горячаго чаю, отчасти по привычкѣ, а главное, чтобъ согрѣться,—утро было очень свѣжее,—но никто не заикнулся о немъ; и если судить по себѣ, то люди еще не испытывали жажды. Я ходилъ или сидѣлъ въ сторонѣ, и, развлеченія ради, чертилъ разныя фигурки съ натуры;—но что бы я ни дѣлалъ, о чемъ бы ни думалъ, мысли все принимали одно направленіе. Идешь, напримѣръ, а самъ думаешь, что вотъ скоро пожалуй и ходить будешь не въ состояніи,—силы оставятъ; гонишь эти мысли прочь, и однако, противъ воли, стараешься представить себѣ, какъ это будешь постепенно мучиться желаніемъ пить,—тяжело, должно быть;—какъ станешь постепенно слабѣть; какъ будутъ умирать другіе; какъ я буду смотрѣть на нихъ, приготовляясь къ смерти самъ, что буду думать, о комъ стану вспоминать, и т. п. Потомъ является вопросъ: а какъ лучше поступить,—ждать ли лучше смерти, пока придетъ,—до самой потери памяти,—въ надеждѣ, что авось какой-нибудь случай спасетъ, или лучше убить себя изъ револьвера, чтобъ избавиться отъ мученій? И рѣшаешь про себя: нѣтъ, это малодушіе,—надо умереть послѣднимъ; а до тѣхъ поръ помогать другимъ, чѣмъ можно, хотя ободрительнымъ словъ, примѣромъ или, наконецъ, ядомъ. Начинаю перебирать, какіе яды у меня есть, какой лучше выбрать, и жалѣю что хлороформъ весь испарился... А если кто изъ умирающихъ станетъ просить застрѣлить его,—застрѣлю я, или не хватитъ достаточно твердости для этого тяжкаго акта? Вправѣ ли я дать яду или застрѣлить, если кто будетъ просить,—являются мысленные вопросы, и не можешь рѣшить ихъ. Пробовалъ писать; но ничего написать не могъ... На что теперь все это,—думалось мнѣ:—вѣдь никто другой не прочтетъ написаннаго!... Теперь ничто [illegible] потому что все останется здѣсь вмѣстѣ съ нашими тру[illegible]

что сдѣлано за полтора года неутомимой работы, пропадетъ, не послуживъ никому въ пользу, не доставивъ удовольствія. Кто и скоро ли заѣдетъ въ эти мѣста, и случайно набредетъ на умершихъ людей и животныхъ и лежащія около нихъ ящики съ разными вещами, книгами, записками, растеніями, рисунками и проч? Кто раскроетъ ихъ и что станетъ дѣлать? Узнаютъ ли на родинѣ о нашей участи, и скоро ли? Узнаютъ ли подробно все, что̀ было и ка̀къ было во время путешествія, и благодаря чему мы погибли. Въ душу закрадывается горькое сожалѣніе о томъ, что все пропадетъ, и особенно жалко мнѣ было изъ моихъ пріобрѣтеній записокъ и рисунковъ, потому что другіе предметы (какъ естественно-историческія коллекціи, этнографическія вещи), могли быть легко пріобрѣтены другимъ изслѣдователемъ, всегда и, можетъ быть, гораздо лучше. Сожалѣя о моихъ дорожныхъ запискахъ, я вовсе не хотѣлъ сказать, что придаю имъ большое значеніе; нѣтъ, онѣ важны потому, что никто другой не могъ бы написать того же. Точно также другой путешественникъ не привезъ бы собою тѣхъ же рисунковъ изъ китайскаго быта, какихъ добрая тысяча находилась при мнѣ здѣсь... Чьи-то дома, или, вѣрнѣе, юрты какихъ монголовъ будутъ украшать они, когда ихъ найдутъ и развѣсятъ? Или ихъ изорвутъ и бросятъ, или сожгутъ, сваривъ себѣ на ихъ огнѣ супъ? Эти мысли очень огорчали авторское самолюбіе... Не менѣе жаль мнѣ было записокъ, картъ, плановъ и журналовъ наблюденій, сдѣланныхъ Матусовскимъ; жаль было труда Боярскаго, приготовившаго нѣсколько сотъ интересныхъ негативовъ, которые тоже трудно было бы повторить. Жалѣлъ я объемистыхъ записокъ переводчика Андреевскаго, хотя и не зналъ близко ихъ содержанія. Пожалѣлъ бы и работъ Сосновскаго, если бы онѣ были мнѣ извѣстны. Жаль было всѣхъ несчастныхъ людей, которые безъ своей охоты, безъ радости, а только по горькой неволѣ, должны были сопровождать насъ и по чужой винѣ умереть... А сколько животныхъ должно также погибнуть! Какая будетъ страшная борьба этихъ жизненныхъ силъ съ неумолимымъ закономъ смерти!.. И отчего,—отъ недостатка воды! Какая жалкая и обидная причина, тѣмъ болѣе обидная, что она-то и есть самая существенная:—умъ, душа, талантъ, слово—все должно будетъ прекратить свою дѣятельность отъ того, что нечего пить; живой локомотивъ дѣлается безсильной неподвижной машинкой, потому что нечѣмъ топить печь, чтобъ развести пары, потому что нѣтъ воды, чтобъ добыть паръ... И вотъ, можетъ быть, черезъ два-три дня, здѣсь какъ послѣ катастрофы на желѣзной дорогѣ, будутъ валяться негодные локомотивы и разбросанный багажъ поѣзда. И эта картина преслѣдуетъ меня такъ, что я нарисовать ее могу какъ будто бы съ натуры,—вѣдь только-что не вижу ея. Я ужъ старался не смотрѣть на людей, на всю картину каравана, на первый взглядъ, какъ будто спокойно отдыхавшаго въ степи...—Все это жертвы скорой смерти!—точно шепталъ кто въ ухо эти страшныя слова... Но страданій еще нѣтъ: дышится легко, ни ѣсть, ни пить нехочется.

Однако, вижу, оставаться только съ своими неотвязными мыслями нехорошо, и подошелъ къ Матусовскому. Переговоривъ, мы рѣшили, что если вожаки, вернувшись, объявятъ, что не нашли воды, тогда слѣдуетъ немедленно поворачивать оглобли назадъ, по своему слѣду; и, хотя мы уже два дня прошли отъ ключа Хармали, все-таки мы знаемъ навѣрно, что тамъ вода есть, что мы ее навѣрно найдемъ, а ужъ больше намъ искать ея негдѣ... Намъ ужъ давно бы слѣдовало отправиться въ этотъ обратный путь, еслибъ не вожаки... Но кто ихъ знаетъ,—куда они зашли и вернутся ли? Мы не думали, чтобъ они бѣжали, потому что—куда тутъ убѣжишь; вѣдь все равно умирать,—одинъ исходъ... Можетъ быть, они ужъ выбились изъ силъ и свалились,—оттого и не пришли назадъ: вѣдь они прошли вчера цѣлый день, проходили всю ночь, неѣвши и непивши.., Можетъ быть, они ужъ и умерли, потому что потерять мѣсто, гдѣ мы находились, трудно, такъ какъ степь открытая и на ней очень далеко все видно. Но, не узнавъ о нихъ ничего положительнаго, мы не могли уйти отсюда. А съ другой стороны нельзя и ждать долго; въ крайнемъ случаѣ придется и ихъ бросить, какъ бросили лошадей и верблюдовъ, которые не могли поспѣвать за остальными... Впрочемъ, пока мы ждемъ еще не вожаковъ,—еще начальникъ нашъ не вернулся къ лагерю съ мѣста своего ночлега у найденной имъ воды. Солнце ужъ поднялось высоко; а теперь намъ каждая минута была дорога, потому что съ каждой минутой, проведенной нами въ бездѣйствіи, на одномъ мѣстѣ, росла и опасность, точно такъ, какъ каждый шагъ назадъ, къ оставленному роднику, удалялъ ее отъ насъ, ибо при обратномъ движеніи съ каждымъ шагомъ росла бы надежда на спасеніе. Это всѣ понимали и у всѣхъ началась тревога. Всѣ безпрестанно обращались къ тѣмъ сторонамъ горизонта, откуда, по предположенію, должны были явиться начальникъ и вожаки. Повременамъ я разсматривалъ даль въ бинокль и ко мнѣ тотчасъ подходили китайскій офицеръ и солдаты, спрашивая—не возвращаются ли они?

— Нѣтъ, невидно,—приходилось отвѣчать.

Безпокойство возрастало... Наконецъ, на сѣверной сторонѣ горизонта кто-то замѣтилъ темную точку.

— Человѣкъ, человѣкъ!—закричалъ онъ.

Всѣ сбѣжались въ одно мѣсто и,—точь-въ-точь, часть экипажа, плывущаго на остаткахъ разбитаго корабла,—люди глядѣли вдаль на одну точку, сулившую надежду на извѣстіе о найденной водѣ и, слѣдовательно, хотя на временное спасеніе. Не сразу увѣрились, что замѣченная точка есть дѣйствительно человѣкъ, потому что въ степи отдаленные предметы, какъ я говорилъ, теряютъ свои очертанія и не могутъ быть узнаны; долго сомнѣвались, но постепенно точка увеличивалась и, съ помощію бинок... убѣдились, что это былъ дѣйствительно человѣкъ.

— Чтó онъ, пѣшій или на лошади?—нетерпѣлито сп... окружавшіе.—Если пѣшій, это, вѣрно, вожакъ; если на...

кто можетъ быть?—Но для насъ было важно появленіе всякаго человѣка, лишь бы онъ къ намъ пріѣхалъ и указалъ дорогу къ водѣ. Черезъ нѣсколько времени разглядѣли, что это былъ пѣшій и, конечно, онъ не могъ быть никто другой, какъ одинъ изъ вожаковъ. Томительный часъ провели всѣ въ ожиданіи, почти не спуская глазъ съ приближавшагося человѣка, съ приближеніемъ котораго воскресала и надежда... Вотъ онъ ближе, ближе, вотъ настолько близко, что можно различить его движенія, ясно видны его руки; но движеніе его равномѣрно и спокойно, а руки не дѣлаютъ намъ никакихъ знаковъ.., И ожившая было надежда замерла. Наконецъ, вожакъ,—это былъ ровно ничего не знавшій Содмунъ,—близко; намъ видно его лицо; наконецъ онъ дошелъ... Но его молчаливый и угрюмо-спокойный приходъ въ лагерь, безъ словъ сообщилъ намъ отвѣтъ на тотъ вопросъ, который каждому хотѣлось ему предложить, но котораго ни одинъ человѣкъ и не предложилъ вожаку... можетъ быть, почувствовавъ состраданіе къ его вдругъ рѣзко измѣнившемуся и сильно исхудавшему лицу.

— Нѣтъ воды!—самъ выговорилъ онъ слабымъ голосомъ и тотчасъ, сѣвъ на землю, попросилъ ѣсть; но воды не спрашивалъ,—хотя, вѣроятно, въ ней нуждался болѣе, чѣмъ въ пищѣ.

— А гдѣ же твой братъ?—спросили его.

— Братъ воду непремѣнно найдетъ; онъ долженъ скоро придти... Вотъ отсюда придетъ,—указалъ онъ на востокъ.

Странно, зачѣмъ онъ пошелъ на востокъ,—намъ совсѣмъ туда не дорога; развѣ-что, колодецъ находился въ сторонѣ отъ нея; и мы все еще возлагали на Ба-Гэ надежду, хотя, правда, очень малую.

Когда вожакъ Содмунъ, больше извѣстный у всѣхъ подъ именемъ Ламы или „Ламишки“, отдохнулъ и немного подкрѣпилъ себя пищей, Матусовскій черезъ двухъ переводчиковъ сталъ спрашивать его, какъ называется тотъ колодезь, котораго они искали, въ какомъ направленіи онъ находится отъ Хармали, какія это горы, которыя виднѣются вдали на горизонтѣ? „Ламишка“ ничего не зналъ и признался чистосердечно, что совсѣмъ не понимаетъ теперь, гдѣ мы находимся... *А вѣдь мы съ нимъ однимъ должны были идти*, если бы не Андреевскій!..

— Братъ мой знаетъ,—успокоивалъ насъ Лама.

Черезъ нѣсколько времени мы замѣтили почти въ томъ же направленіи, откуда пришелъ онъ, другую темную точку, большей величины и, наблюдая за ней съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, разглядѣли въ ней человѣка, ѣхавшаго на лошади, слѣдовательно, это не могъ быть вожакъ Ба-Гэ, потому что тотъ ушелъ пѣшкомъ. Всадникъ часто погонялъ лошадь, значитъ она утомлена, значитъ онъ не изъ мѣстныхъ жителей, и не поможетъ нашему горю, вѣроятно, это—кто-нибудь изъ компаніи начальника, который вскорѣ пріѣхалъ съ казакомъ и однимъ китайскимъ солдатомъ; только они пріѣхали съ другой стороны. Тѣмъ не менѣе приближающагося всадника ждутъ, просто ради развлеченія, изъ любо-

пытства, просто, какъ новый предметъ, который давалъ бы мыслямъ иное направленіе; а немножко думалось все-таки: — авось и съ радостной вѣстью: не оттого ли онъ и торопится скорѣе пріѣхать. Наконецъ онъ близко, и мы узнаемъ въ немъ таранчина Ніаза; но его вялый, не веселый видъ не сулилъ ничего хорошаго. Не дожидаясь вопроса, онъ объявилъ, что никакой воды нѣтъ!— Этотъ кроткій и усердный слуга очень ослабѣлъ и такъ прозябъ, что напомнилъ мнѣ лицомъ и голосомъ холерныхъ больныхъ въ такъ называемомъ „холодномъ" періодѣ... Не зная, что начальникъ уже возвратился, Ніазъ передалъ намъ, что онъ уѣхалъ искать воду.

Сосновскій же, узнавъ о возвращеніи Ламы, позвалъ его къ себѣ, и, чтобъ доказать свою распорядительность и заботливость обо всѣхъ, началъ его допрашивать.

— Спроси его,—обратился онъ къ переводчику,—зачѣмъ онъ взялся вести, когда не зналъ, какъ слѣдуетъ, дороги?

— Да вѣдь вамъ хотѣлось непремѣнно, чтобъ васъ повелъ кто-нибудь,—отвѣчалъ Лама;—я спросилъ у монголовъ дорогу, они мнѣ разсказали, а сами не могли идти, ни за что не пошли бы,— имъ нельзя.—Я зналъ ее не твердо, да давно не ѣздилъ, а теперь потерялъ слѣдъ... Я думалъ, что поѣду, припомню...

— Да вѣдь думать, скажи ему, нельзя; онъ долженъ знать мѣстность, какъ свои пять пальцевъ... Вѣдь онъ за все за это заплатитъ. Я вотъ отдамъ его китайскимъ властямъ,—пусть съ нимъ и дѣлаютъ, что хотятъ. Что онъ думаетъ—это шутки, что ли!

Лама стоитъ, молча, повѣсивъ голову.

— Пусть только хорошенько подумаетъ, что это не шутки... Вели ему описать мѣстность, гдѣ находится вода.

Лама описываетъ, какъ школьникъ на экзаменѣ передъ строгимъ учителемъ, и, очевидно, ничего точно не знаетъ. Подобный разговоръ продолжался еще нѣсколько минутъ. А въ кружкѣ, который образовали китайскій офицеръ и солдаты, и хозяева верблюдовъ шелъ, какъ мнѣ показалось, преднамѣренно громкій разговоръ:

— Зачѣмъ онъ приказалъ сюда идти, когда ему говорили, что тутъ дороги нѣтъ, когда ему доказывали, что вожаки не знаютъ дороги, и что съ ними идти въ такую пустыню, значитъ пропасть навѣрно... Намъ было приказано не идти иной дорогой, какъ на Булунь-Тохой; а насъ сюда обманомъ завели. У насъ казенныя лошади дохнутъ, верблюды дохнутъ; кто намъ заплатитъ за нихъ; да пожалуй и мы всѣ погибнемъ. Зачѣмъ онъ повелъ насъ сюда!..

Отвѣчать или возражать имъ было нечего, и намъ оставалось только дѣлать видъ, что мы ничего не слышимъ.

— Вожакъ идетъ!—раздался новый крикъ, и опять всѣ устремили взгляды по направленію къ показавшейся на горизонтѣ темной точкѣ. Передъ этой отдаленной точкой стояли и съ нея сводили глазъ, пока она не выросла, не приняла человѣческ[illegible] гуры и потомъ не превратилась въ вожака. Еще пять [illegible]

ужъ въ послѣдній разъ, снова ожила надежда, что имъ найдена вода; лагерь оживился; другъ другу сообщали вѣсть, что вожакъ идетъ! — Когда же онъ былъ примѣрно въ верстѣ, нѣкоторые пошли къ нему на встрѣчу, а я слѣдилъ—въ бинокль за тѣмъ, какъ они сойдутся... Вотъ они не далеко другъ отъ друга; близко; вотъ сошлись; лицъ я не могу разглядѣть; но движенія всѣхъ вялы... Не такъ бы приняли радостную вѣсть, если-бъ вода была найдена, подумалъ я въ эту минуту; вижу, что вожакъ падаетъ на колѣни и поднимаетъ кверху сложенныя руки... Ну, все кончено! Угасла послѣдняя искра надежды... И, если мы не въ состояніи будемъ выбраться возможно скорѣе изъ этихъ пустынь назадъ въ Гу-Чэнъ, мы навѣрно погибнемъ здѣсь всѣ. Даже и Сосновскаго Степановъ не спасетъ.

Возвращается компанія съ вожакомъ; переводчикъ идетъ впередъ.

— Ну, что? Какія извѣстія?—спрашиваемъ у него.

— Погодите, еще вожакъ не можетъ ни слова проговорить;—совсѣмъ замучился.

Я пошелъ къ нему на встрѣчу. Вожакъ былъ просто страшенъ на видъ; лицо потемнѣло, глаза ввалились и какъ будто потускнѣли; платье на груди было раскрыто, и онъ теръ себѣ рукою подъ ложечкой. Онъ ничего не говорилъ и тупо смотрѣлъ кругомъ себя. Подойдя къ лагерю, онъ свалился на землю и сиплымъ, беззвучнымъ голосомъ произнесъ одно слово:

— Усу! (воды).

Его *спрашивали*, нашелъ ли онъ воду; но онъ какъ будто и не слыхалъ вопросовъ. Да не смѣшно ли было и спрашивать: развѣ безъ его отвѣта не ясно было, что никакой воды онъ не нашелъ. Развѣ бы онъ тогда мучился жаждою, просилъ бы воды у насъ?.. Опасаясь, чтобъ и его также *не начали* допрашивать, теперь же,—зачѣмъ онъ взялся вести, когда не знаетъ дороги,—я посовѣтывалъ оставить его въ покоѣ, дать немного водки и нѣсколько глотковъ еще имѣвшейся въ запасѣ воды и потомъ хлѣба.

Черезъ четверть часа Ба-Гэ совсѣмъ пришелъ въ себя, сказалъ, что не нашелъ ничего и признался, что уже два дня шелъ, не зная самъ куда!..

— Что же теперь мы будемъ дѣлать?—спросилъ его начальникъ.

— Надо идти назадъ по тому же слѣду, ни на шагъ не отходя въ сторону,—объявили въ одинъ голосъ стоявшіе тутъ китайцы. Они роптали, и ропотъ ихъ начиналъ принимать характеръ озлобленія. Они, казалось, рѣшили больше не повиноваться распоряженіямъ Сосновскаго... А вслѣдъ за этимъ *совершается небывалое событіе*: начальникъ приглашаетъ насъ съ Матусовскимъ и желаетъ слышать наше мнѣніе, какъ теперь поступить? *Это было первое совѣщаніе за все путешествіе.* Значитъ же, критическая минута наступила для нашего начальника, если онъ рѣшился на такой унизительный для себя актъ, какъ совѣщаніе съ подчиненными! Но что мы могли теперь посовѣтывать, кромѣ того, что обдумали

вчера,—того, что сейчасъ предлагали здравомыслящіе китайцы; однако мы боялись выразить свое мнѣніе, потому что нашъ планъ былъ единственный путь къ спасенію; мы боялись, чтобъ не вышло,—какъ это много разъ бывало,—прямо противоположнаго распоряженія, если мы выскажемся за возвращеніе на Хармали.

— Какъ вамъ будетъ угодно приказать,—отвѣтили мы.

— Вожакъ предлагаетъ идти отсюда на слѣдующій колодезь, не розыскивая уже того, котораго они не нашли здѣсь,—говоритъ Сосновскій, обращаясь къ намъ.

— Да вѣдь всѣ уже много разъ убѣдились, что наши вожаки ничего не знаютъ;—какъ же еще полагаться на нихъ; и не будетъ ли слишкомъ опасно рисковать не найти воды еще и сегодня. —Сегодняшній день, если мы къ ночи не найдемъ воды, будетъ смертнымъ приговоромъ, если не для людей пока, то для многихъ животныхъ.

Китайцы настаивали на возвращеніи назадъ; но Сосновскій торопился въ Зайсанъ и предлагалъ поискать воды вблизи, и объяснялъ, какія примѣты ея онъ нашелъ вчера. Но вожакъ, къ счастію, самъ отказался идти дальше и теперь сталъ торопить скорѣе возвращаться на Хармали, а тамъ... что Богъ дастъ.

— Ну такъ трогай! Смокотнинъ, скажи, чтобъ вытягивались!—скомандовалъ Сосновскій.

Какъ только отдано было это распоряженіе „вытягиваться", Лама отправился впередъ, то-есть назадъ къ Хармали, одинъ, пѣшкомъ. Верблюды были уже завьючены, и мы всѣ могли бы сейчасъ тронуться; но начальникъ вспомнилъ, что онъ велѣлъ оставить свою постель на томъ мѣстѣ, гдѣ ночевалъ, и одного китайскаго солдата съ лошадью, въ качествѣ караульнаго при ней. Теперь надо было посылать за этимъ человѣкомъ и вещами, неизвѣстно для чего оставленными тамъ, и ждать; еще ждать... Но нечего дѣлать,—нельзя же бросить тамъ человѣка. Послали Ніаза на верблюдѣ, приказавъ, чтобъ онъ „палилъ живѣе"... Ніазъ погналъ верблюда рысью; а мы сидимъ и ждемъ; и какъ мучительно долго тянулось теперь время... Ужъ черезъ пять минутъ стали посматривать въ ту сторону, куда онъ уѣхалъ, и тосковать;—что жъ онъ такъ долго не возвращается! Вѣдь ѣхать скорѣе бы надо...

Наконецъ, его увидали издали,—ѣдетъ; и Сосновскій велѣлъ трогаться,—„потому что они налегкѣ,—говоритъ,—догонятъ. Караванъ было тронулся въ обратный путь и начальникъ впереди всѣхъ. Но тутъ обратили его вниманіе на то, что Ніазъ ѣдетъ одинъ, значитъ, онъ оставленнаго солдата не нашелъ. Если бы послѣдній умеръ, такъ онъ лошадь бы его велъ... Караванъ остановили. Наконецъ, посланецъ, гнавшій верблюда рысью, подъѣзжаетъ къ намъ.

— А другой гдѣ?.. А постель и платье что же ты не привезъ? —торопливо спрашиваетъ Сосновскій...

Ніазъ, оказывается, не нашелъ его на прежнемъ мѣстѣ, или прежнее мѣсто потерялъ... А время уходитъ; солнце не ждетъ... законное разрушеніе организмовъ, съ безостановочнымъ ослаб-

емъ силъ, идетъ своимъ порядкомъ... Казакъ Степановъ, не дожидаясь распоряженій, вскочилъ на того же верблюда, опять погналъ несчастное животное рысью въ обратный путь и скоро исчезъ... А мы все-то стоимъ и ждемъ... Боже мой!.. Кажется, намъ не суждено увидать родину, отъ которой, годъ тому назадъ, мы были такъ далеко, а теперь принуждены погибать почти на ея границѣ, сами и погубивъ все, что̀ дѣлали съ такою любовью и самоотверженіемъ во имя ея и для нея...

Китайскій офицеръ видимо тревожился за своего человѣка, о которомъ Ніазъ сказалъ, что не нашелъ его на прежнемъ мѣстѣ, и не могъ покойно оставаться на мѣстѣ, а пошелъ пѣшкомъ въ ту сторону, откуда пріѣхалъ Сосновскій,—думая, не уѣхалъ ли онъ послѣ, слѣдомъ за нимъ. Ихъ не слѣдовало бы отпускать, чтобъ еще не разбиваться и чтобъ не пришлось потомъ еще ихъ ожидать; особенно нельзя было отпускать ихъ пѣшкомъ; но „мы“ до того растерялись, что могли помышлять только о спасеніи собственной жизни: никто на это не обратилъ вниманія,—кто по непониманію, другіе потому, что не смѣли соваться не въ свое дѣло... Отъ ожиданія и лихорадочнаго волненія теперь никто не оставался въ покоѣ; всѣ были на ногахъ или уже сѣли на лошадей. Стояли-стояли навьюченные верблюды; ждали-ждали люди; страхъ приближавшейся смерти все болѣе закрадывался въ душу, когда мы вспоминали, что намъ надо еще пройти верстъ пятьдесятъ, чтобъ добраться только до временнаго спасенія, потому что Хармали самъ лежитъ въ глубинѣ пустыни. Намъ надо засвѣтло дойти до него, потому что мы можемъ легко найдти дорогу не иначе, какъ по своему слѣду, а ночью еще либо увидимъ его, либо, если луна скроется за тучи, непремѣнно потеряемъ, и должны будемъ остановиться и провести ночь опять безъ воды; или, того хуже,—выйдетъ распоряженіе идти;—мы пойдемъ и собьемся. Тогда, пожалуй, и родника Хармали не найдемъ.

По временамъ у меня являлось очень странное обманчивое чувство, что намъ сто̀итъ только тронуться, перевалить вотъ черезъ этотъ холмъ, и опасности ужъ нѣтъ, что тамъ ужъ и вода есть; но сознаніе лишь на секунду предавалось этой иллюзіи:—еще цѣлыхъ пятьдесятъ верстъ до воды, — точно раздаются въ ушахъ чьи-то слова!.. Вѣдь на это надо не меньше десяти часовъ спораго безостановочнаго хода, съ правильностью машиннаго движенія; но люди и животныя не машины... Когда же и какой конецъ будетъ всему! — восклицаетъ то тотъ, то другой, безпокойно посматривая въ ту сторону, куда уѣхалъ казакъ. Ну, слава Богу! Показался Степановъ и съ нимъ оставленный караульщикъ начальнической постели... Когда онъ былъ уже близко, караванъ тронулся; а китайскій офицеръ съ однимъ изъ солдатъ еще не вернулся. Но онъ не могъ быть далеко, поэтому ожидать его велѣли конвойнымъ, наказавъ, чтобъ они торопились и догоняли, а мы потихоньку пойдемъ.

— Слава тебѣ, Господи! Наконецъ-то!—восклицалъ каждый и

у каждаго точно гора съ плечъ свалилась... Хотя радоваться было еще нечему, всѣ однако ожили:—всѣхъ подкрѣпляла мысль, что теперь каждый шагъ приближалъ насъ къ водѣ; а смерть, хотя и была еще очень близко и легко могла вернуться, тѣмъ не менѣе она, такъ-сказать, пошла теперь отъ насъ назадъ...

Когда мы отъѣхали съ версту отъ роковаго мѣста, всѣ уже тронулись и тянулись за нами въ обратный путь, по глинисто-песчаной равнинѣ и такимъ же холмамъ. День былъ превосходный, ясный и не очень жаркій, потому что дулъ легонькій свѣжій вѣтерокъ; на небѣ ни облачка, и можно было надѣяться, что и ночь будетъ ясная,—значитъ, будетъ свѣтло. Наши измученныя лошади просто изумили меня проявленіемъ своего пониманія: онѣ сейчасъ же поняли, что мы повернули назадъ, слѣдовательно—къ водѣ. Это было видно потому, что онѣ тотчасъ какъ будто ожили и пошли такъ бодро, что намъ, для сбереженія ихъ силъ, пришлось сдерживать ихъ стремленіе, не давать идти слишкомъ скоро, а безъ этого онѣ навѣрно пошли бы рысью... Откуда взялись у нихъ энергія и силы?.. Даже казенныя лошади, которымъ не давали отъ самаго Гу-Чэна ни крошки (!) запаснаго корма, страшно исхудавшія, и онѣ не отставали отъ другихъ, напрягая послѣднія силы. Я, говорю, былъ пораженъ степенью ихъ пониманія.

Хотя мы всѣ повеселѣли, но минуты оживленія у насъ смѣнялись невеселымъ и мрачнымъ состояніемъ духа, по той понятной причинѣ, что мы теперь пошли опять вдаль отъ Россіи, опять въ Гу-Чэнъ, до котораго дай-богъ въ недѣлю добраться; тамъ придется провести дня два, три, да до Зайсана девятнадцать дней итого круглымъ счетомъ надо класть еще мѣсяцъ „кратчайшаго пути"... Мало-по-малу, впрочемъ, эти мысли отходили прочь и мы думали только о соленой водѣ Хармали, къ ней только стремились мы; а что тамъ будетъ послѣ, пока не хотѣли и спрашивать себя: —все равно, погибель висѣла надъ нами давно ужъ,—если не отъ голода и жажды, такъ отъ полевого суда *)... Да какого,—единоличнаго!.. Да, опасность могла исчезнуть для насъ только съ приходомъ въ Россію. И такъ, скорѣе на Хармали!..

Сохраняя силы своихъ лошадей, отъ которыхъ однихъ теперь зависѣло наше спасеніе, мы повременамъ шли пѣшкомъ, но скоро уставали, намъ дѣлалось жарко, а я совѣтывалъ не усиливать дыханія и не вызывать испарины, чтобы, расходуя въ большемъ количествѣ воду своего тѣла, не ускорять наступленія жажды, которая уже начинала сказываться. Зато аппетита у насъ не было вовсе, несмотря на то, что, напримѣръ, мы съ товарищемъ и нашимъ казакомъ, третьи сутки уже не ѣли ничего, кромѣ нѣсколь-

---

*) Заключающаяся въ этихъ словахъ иронія слабо выражена и [illegible] горьевъ (Отголоски, 1881 № 1), принялъ ихъ какъ серьезное [illegible] быть растрѣлянными. Въ послѣднее, я думаю, никто не [illegible] раздражала и надоѣла; но разговоръ объ этомъ и выслу[illegible] пустыхъ, словъ были крайне возмутительны и тягостны.

кихъ сухарей... Меня интересовали ощущенія, какія испытывали люди, и я разспрашивалъ о нихъ, кого могъ спросить изъ своихъ спутниковъ, и явленія общія у всѣхъ были: сухость во рту, неопредѣленное, непріятное ощущеніе въ желудкѣ, которое въ общежитіи называется пустотой, и несильныя боли въ правомъ подреберьѣ; люди не чувствовали слабости въ тѣлѣ, но замѣчали, что утомлялись очень скоро (куреніе табаку нѣсколько улучшало общее состояніе). Пить хотѣлось многимъ, но на томленіе жаждою еще никто не жаловался. Точно также и аппетитъ у большинства былъ плохъ; и всѣ сильно похудѣли за вчерашній день, по крайней мѣрѣ—въ лицѣ.

Вотъ дошли до мѣста вчерашняго ночлега, и лошади тотчасъ свернули съ дороги въ сторону, забывъ, должно быть, что онѣ провели здѣсь ночь безъ воды, что отсюда намъ оставалось еще гораздо больше половины, потому что въ первый день мы шли отъ Хармали значительно дальше. У меня сохранялась половина гуттаперчевой бутылки воды и мы раздѣлили ее здѣсь по глотку на четверыхъ. Особенно казакъ Степановъ, всегда работавшій больше другихъ и всегда меньше другихъ ѣвшій и пившій, начиналъ томиться жаждой".

Около заката солнца Сосновскій послалъ впередъ бывшаго при караванѣ вожака Ба-Гэ, верхомъ на верблюдѣ, съ другимъ заводнымъ, на которомъ висѣли съ боковъ двѣ кадочки, — надо полагать, за водой; но никто не понималъ, зачѣмъ теперь посылаютъ за водой, когда мы сами идемъ къ ней, и когда около половины пути уже проѣхали; только подивились и потомъ забыли о вожакѣ, проѣхавшемъ съ кадками, не придавъ этой командировкѣ никакого особеннаго значенія. Мы все шли ровно, нигдѣ ни на минуту не останавливаясь. Медленно, однообразно и незамѣтно, подобно часовой стрѣлкѣ, подвигались мы впередъ, впавъ въ какой-то полусонъ отъ этого однообразія движенія и монотонности окружающей природы; вотъ въ такомъ-то состояніи я почти не замѣтилъ, когда и какъ кончился день, когда успѣло сѣсть солнце и его смѣнила луна и освѣтила тоскливую пустыню, которая, при ея слабомъ свѣтѣ, казалась еще болѣе печальною и безжизненною. И такъ, подкралась тайкомъ ясная лунная ночь, а мы все ѣдемъ да ѣдемъ, или идемъ повременамъ пѣшкомъ, чтобъ согрѣться, потому-что рукамъ и ногамъ уже больно отъ холоду. Лошади, повидимому, не только не устаютъ, а напротивъ, кажется, крѣпнутъ въ свѣжемъ воздухѣ ночи; онѣ все прибавляютъ шагу, все крѣпче приходится придерживать поводья и даже рука начала уставать отъ напряженія. Слѣдъ, проложенный нами третьяго дня, цѣлъ-цѣлехонекъ, и его такъ хорошо видятъ и держатся умныя животныя, что намъ нѣтъ надобности и заботиться теперь о дорогѣ,—лошади безъ насъ ея не потеряютъ.

Подъѣхалъ казакъ Степановъ,—этотъ человѣкъ, неутомимый и безропотный, какъ машина,—и въ первый разъ за все путешествіе, на мой вопросъ отвѣтилъ — „очень хочу пить!.."

Лицо его рѣзко перемѣнилось; голосъ ослабѣлъ и языкъ плохо повиновался, какъ у пьянаго или холернаго. Онъ былъ и голоденъ, потому-что, вслѣдствіе невѣрныхъ надеждъ насчетъ прихода къ „торгоутамъ", съѣстные припасы въ партіи начальника истощились, и у него осталась одна дареная ветчина, питаться которой въ безводной степи было неособенно цѣлесообразно.

— Зачѣмъ это вожакъ уѣхалъ впередъ съ кадками?—спрашиваю его, между прочимъ.

— Капитанъ велѣли воды привезти къ намъ на встрѣчу;—приказали, чтобъ онъ палилъ на верблюдѣ какъ можно скорѣе.

— Да зачѣмъ же палить и привозить воду?.. Вѣдь мы, я думаю, почти въ то же время придемъ на колодезь сами.

— Не могу знать. А я слышалъ что-то, будто капитанъ не хотятъ идти нынче до воды, что останутся будто ночевать на степи; а завтра ужъ всѣ пойдемъ къ колодцу. Такъ вотъ, будтобы для этого послали за водой, чтобъ людямъ напиться; лошади потерпятъ до завтра, говорятъ, а для верблюда, говорятъ, гораздо важнѣе сонъ,—что верблюдъ долженъ хорошо выспаться, а питье,—это ему нипочемъ; онъ, говорятъ, и двѣ недѣли можетъ не пить.

Нужно замѣтить, что казаки наши выросли съ верблюдами и учить ихъ, какъ съ ними обращаться, было по меньшей мѣрѣ лишнее.

— Такъ мы ночевать будемъ не у колодца?—спрашиваю я.

— Я слышалъ, будто такъ... О, Господи! — вздохнулъ онъ.

Дѣйствительно въ скоромъ времени подъѣхалъ Сосновскій и отдалъ „ребятамъ", то-есть казакамъ, приказаніе посматривать, гдѣ будетъ получше кормъ, чтобъ тамъ и остановиться на ночлегъ. Потомъ, черезъ нѣсколько времени, нашелъ такое мѣсто и приказалъ остановиться и расположить лагерь. Это новое распоряженіе произвело новое общее смущеніе и вызвало ропотъ между туземцами,—хозяевами животныхъ; но, къ сожалѣнію, офицеръ Бао на этотъ разъ поделикатничалъ и подчинился общему распоряженію, основаній для котораго онъ не могъ понять, какъ никто не понялъ. Всѣ находили гораздо болѣе благоразумнымъ идти къ колодцу прямо сегодня, не останавливаясь, потому-что лошади ужасно страдали отъ жажды, что онѣ шли еще бодро, потому-что инстинктомъ предчувствовали близость воды, что имъ ночью легче было идти, чѣмъ днемъ, когда жарко... Мало ли, наконецъ, что́ могло случиться: перемѣнись погода, пронесись ураганъ и замети слѣдъ, вотъ и розыскивай потомъ дорогу по картѣ и по компасу, и теряй опять время, дорогое, потому-что наши, если не минуты, то дни были сочтены... Что́ дѣлать при нашей ужасной системѣ „невмѣшательства"!.. Придумали только одно,—послать казака къ Сосновскому спросить, не дозволитъ ли онъ намъ отправиться къ ключу теперь же, не останавливаясь здѣсь; и съ нѣкоторымъ страхомъ ждемъ отвѣта. И вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, послѣдовалъ отвѣтъ:—могутъ отправляться куда угодно... *только безъ конвоя...* И вотъ, — скорѣе, чтобъ не послѣдовало новое приказаніе, мы со-

брали нужныя вещи, какъ-то: палатку, постели и кухонный ящикъ, и съ своимъ казакомъ, да „Сквознымъ“ *), торопливымъ шагомъ отправились въ дальнѣйшій путь. Нѣкоторыя казенныя лошади устремились-было слѣдомъ за нами, но ихъ поймали и вернули бѣдныхъ назадъ... А, несчастныя животныя! За что васъ такъ безжалостно мучили!.. Уйдемъ скорѣе, чтобъ не терзать безполезно своего сердца...

Жажда начала томить насъ сильнѣе и теперь разомъ перешла въ физическое страданіе; мы стали ожидать съ нетерпѣніемъ встрѣчи съ Ба-Гэ, который долженъ былъ проѣхать назадъ съ водой, — чтобъ пропустить въ горѣвшее тѣло хотя по нѣскольку глотковъ;— но вожакъ все не ѣхалъ... Луна, описавъ по небу большой путь, склонялась къ горизонту, и теперь уже не сіяла какъ прежде; ее точно заслонялъ красноватый дымъ и свѣтъ ея на столько ослабѣлъ, что мы ужъ не могли видѣть своего слѣда; но лошади его видѣли ясно и съ пути не сбивались. Небо однако еще довольно рѣзко отдѣлялось отъ земли и, наконецъ, мы увидали передъ собою на горизонтѣ гряду знакомыхъ пригорковъ, за которыми скрывался нашъ спасительный ключъ Хармалй!.. И невольный крикъ радости внезапно вырвался у каждаго изъ насъ... Но, Боже мой, какъ теперь тянулось время, какъ обманывало разстояніе до этой желанной гряды каменистыхъ холмовъ! То казалось, вотъ она совсѣмъ близко,—кажется не больше ста шаговъ, а потомъ снова представлялась еще очень отдаленною; душа изныла отъ нетерпѣнія и скуки, а тѣло требовало воды и покоя... Вотъ слышимъ чьи-то покрикиванья;—это, конечно, вожакъ ѣдетъ на встрѣчу съ водою; кругомъ стало уже совершенно темно, и онъ, съ своей парой верблюдовъ, неожиданно, какъ изъ земли, выросъ передъ нами. Мы узнали отъ него, что до ключа только версты двѣ съ небольшимъ; — взяли у него воды въ бутылку; но теперь мы уже смѣли разбирать, и, попробовавъ, не стали пить, потому-что она представляла чуть только не густую грязь. Простившись съ нимъ и сказавъ, что онъ скоро увидитъ впереди огонь и съ дороги не собьется, мы съ лихорадочной радостью проѣхали длинныя двѣ версты и, наконецъ, подковы лошадей застучали по голымъ камнямъ, знакомой и вамъ, читатель, скалистой гряды. Тутъ надо было круто спуститься внизъ, и мы, боясь, чтобъ какая-нибудь лошадь не сорвалась въ потьмахъ на крутой каменистой тропинкѣ, сошли съ сѣделъ и идемъ пѣшкомъ. Въ это время мнѣ показались человѣческіе голоса въ сторонѣ... Голоса людей, въ такой пустынѣ, — явленіе совсѣмъ необычайное, тотчасъ обращающее на себя все вниманіе зашедшаго сюда человѣка.

*) Этимъ именемъ у насъ назывался одинъ юный слуга-китаецъ, лѣтъ 15—16, данный намъ въ числѣ конвоя отъ одного города до другого. Когда я велѣлъ казаку выдать ему обычную плату, онъ отвѣтилъ, что этому можно теперь не выдавать, потому что онъ *сквозной*, т.-е. слѣдующій съ нами дальше до самаго, такого-то, города.

— Кто-то тутъ говорилъ сейчасъ, вотъ въ этой сторонѣ, — сообщилъ я своимъ спутникамъ.

Разглядѣть что-нибудь за темнотою ночи было невозможно. Мы прислушались, подождали минуту, но ни одинъ звукъ не нарушилъ мертваго безмолвія пустыни.

— Кто сюда пойдетъ, кромѣ насъ! Тутъ даже разбойникамъ грабить некого; проѣзжающіе какіе тоже едвали будутъ. Это вамъ показалось,—рѣшили Матусовскій и Смокотнинъ. Я не возражалъ, хотя сомнѣніе не оставило меня... Когда мы спускались съ пригорковъ, мнѣ опять почудился новый звукъ въ той же сторонѣ,— какъ будто верблюдъ фыркнулъ. Съ трудомъ могли мы удерживать лошадей, которыхъ вели въ поводу, и, какъ только спустились на площадку, гдѣ подъ скалой находится резервуаръ, онѣ рванулись къ нему съ такой силой, что моя оборвала поводъ, ушла и ужъ пила, а Матусовскаго, повиснувшаго на поводу, лошадь привезла къ водѣ, какъ онъ ни упирался ногами въ землю... Боже мой, что это было за блаженство для измученныхъ животныхъ! Что за радость испытывали и мы, глядя на нихъ; какъ я наслаждался, слушая звуки:—укъ, укъ,—сопровождавшіе каждый крупный глотокъ воды, жадно пропускаемый лошадьми во всю ширину глотки. Но много пить вдругъ, послѣ почти трехъ сутокъ полнаго лишенія, теперь могло быть для нихъ опасно, и мы стали отгонять ихъ отъ резервуара, въ который онѣ залѣзли съ ногами и пили-пили, не отрывая губъ. И немалаго труда стоило намъ выжить ихъ оттуда и оттащить въ сторону... Матусовскій, казакъ и мальчишка пили поочереди изъ одной чашки... Но что́ случилось со мной... Теперь, когда я стоялъ у самой воды, томившая меня жажда вдругъ пропала, какъ-будто ея не было вовсе; я точно напился сознаніемъ, что теперь ужъ не умру отъ недостатка воды. Теперь мы не отдѣлены отъ всего міра бездорожной и безводной степью; пускай теперь бушуютъ ураганы и заносятъ нашъ слѣдъ подвижными песками:—Матусовскій проведетъ насъ по своему маршруту, какъ капитанъ корабля, не нуждаясь ни въ дневномъ свѣтѣ, ни въ дорожныхъ примѣтахъ, а по одному компасу...

Успокоившись, мы оглядѣлись кругомъ и увидали неподалеку отъ родника дымившійся костеръ и лежавшаго возлѣ него вожака —Ламу. Онъ спалъ сномъ праведника, какъ говорятъ; а я лучше скажу, — сномъ человѣка, который провелъ вчера безсонную ночь, безъ питья и безъ пищи, который и сегодня цѣлый день ничего не ѣлъ и не пилъ, а прошелъ верстъ пятьдесятъ пѣшкомъ, и, добравшись до ключа, напился, поужиналъ и заснулъ. Онъ не чувствовалъ, какъ грѣлъ его горѣвшій костеръ, въ которомъ онъ чуть не рѣшился изжариться, — такъ близко подобрался къ нему; не слыхалъ, какъ мы пріѣхали и какъ оттащили его немного подальше отъ огня. Тутъ же возлѣ него [illegible] его [illegible]житки: деревянная чашка, разные предметы святыни [illegible]товъ, четокъ, съ которыми ламы-монголы не [illegible] котелокъ съ какой-то густой коричневой [illegible] это было

такое, я не могъ опредѣлить по виду, какъ ни всматривался, а попробовать не рѣшился. Она походила какъ бы на разболтанное съ водою квасное тѣсто...

Когда, наконецъ, палатка была поставлена, я, въ ожиданіи чаю, взошелъ на пригорокъ и желалъ еще убѣдиться, — показались ли только мнѣ звуки человѣческихъ голосовъ и фырканье верблюда, или въ темнотѣ пустыни дѣйствительно скрывались въ недалекомъ сосѣдствѣ съ нами живыя существа, и если да, то что они были за люди. Простоявъ нѣсколько времени и внимательно вслушавшись, я совершенно убѣдился, что вблизи отъ насъ находятся неизвѣстные люди и съ ними верблюды. Вернулся и передаю спутникамъ свое наблюденіе. Матусовскій остался возлѣ палатки и лошадей, а мы съ казакомъ опять поднялись на холмъ, и такъ-какъ желали вступить съ незнакомцами въ мирныя сношенія, то захватили, на всякій случай, револьверы, ибо,—говоритъ мудрая пословица,—если хочешь жить въ мирѣ, будь готовъ къ войнѣ... Идемъ по направленію, откуда доносился сдержанный говоръ; подходимъ на столько близко, что слышимъ, что онъ происходитъ на монгольскомъ языкѣ, а иногда долетаютъ и китайскія слова. Насъ, должно быть, услыхали или замѣтили, потому что голоса вдругъ стихли...

— Окликни, Смокотнинъ, — говорю казаку.

— Что тутъ за люди? — крикнулъ онъ, но отчего-то по-киргизски; — по старой привычкѣ, должно быть, потому-что казаки западно-сибирскаго войска говорятъ на этомъ языкѣ, какъ на родномъ.

— Ну, что-жъ ты по-киргизски спрашиваешь, кто тебя тутъ пойметъ?—говорю ему... Но вдругъ, къ нашему величайшему изумленію, кто-то отвѣчаетъ по-киргизски же, но отвѣчаетъ тоже вопросомъ:

— А вы кто такіе?

— Мы русскіе,—отвѣтилъ казакъ,—проѣзжающіе домой.

— А, русскіе! — протянулъ, словно обрадовавшись вопрошавшій; и нѣсколько человѣкъ подходятъ къ намъ. Кто такіе, какіе люди—за темнотой ничего не вижу... Слово за слово... и посыпались трескучія, какъ фейерверкъ, слова киргизской рѣчи... Я ничего не понимаю, но слышу по тону, что казакъ чему-то несказанно радъ.

— Ну, ваше высокоблагородіе, благодарите Бога! Господь сжалился надъ нами за наши труды и бѣдствія.

— Что такое?

— Да вѣдь тутъ ночуетъ караванъ, который тоже на Кобукъ-Сайры идетъ, куда и мы хотѣли пройти.

Я велѣлъ казаку переговорить о томъ, не подождетъ ли насъ караванъ, чтобъ идти вмѣстѣ, или не дастъ ли надежныхъ проводниковъ, и сказалъ, что, если можно, чтобъ привелъ къ намъ хоть одного человѣка сейчасъ, переговорить и условиться въ платѣ за проводы. А самъ полетѣлъ съ радостной вѣстью къ Матусовскому... Мы были веселы, какъ дѣти, и рѣшили на этотъ разъ уже не предоставлять своей участи безумному случаю, не упускать

этого второго шанса къ спасенію. Лучше, думаемъ себѣ, выдержимъ еще разъ обвиненія (будто бы) въ нарушеніи дисциплины, въ оппозиціи, и угрозу разстрѣляніемъ, да спасемъ себя и всѣхъ бывшихъ съ нами отъ почти вѣрной гибели. Теперь намъ блеснула надежда прямо пройти въ Россію съ этимъ караваномъ, а не возвращаться съ позоромъ въ Гу-Чэнъ, или еще того хуже, во что-бы то ни стало, розыскивать кратчайшій путь въ Зайсанъ съ нашими, ничего не вѣдающими вожаками и отрицателемъ положительныхъ знаній и всякихъ законовъ природы — (неговоря уже о другомъ),—капитаномъ Сосновскимъ.

Вернулся казакъ и сообщилъ, что человѣкъ, разговаривавшій съ нимъ по киргизски, есть тургутъ, отъ котораго онъ узналъ, что караванъ этотъ вышелъ изъ Гу-Чэна четырьмя днями послѣ насъ, что онъ здѣсь ночуетъ и завтра чѣмъ свѣтъ уйдетъ дальше, а два человѣка соглашаются остаться при насъ въ качествѣ проводниковъ, и завтра придутъ; теперь же идти ни за что не соглашаются, — поздно, говорятъ; да и опасаются, должно быть... —А ну, какъ обманутъ и уйдутъ всѣ. Что мы тогда станемъ дѣлать?—невольно приходилъ въ голову тревожный вопросъ. Ну, будь, что будетъ...

Чай, наконецъ, готовъ, и началось питье... Мы опорожняли стаканъ за стаканомъ; но вода, казалось, получила совершенно обратное свойство,—не утолять, а возбуждать жажду, и я говорю отнюдь не фразу, нѣтъ: — чѣмъ больше мы пили, тѣмъ больше хотѣлось намъ пить. Выпили вчетверомъ большой мѣдный чайникъ; согрѣли другой и его выпили, могли бы пить и еще, да побоялись; и улеглись спать, — мы съ товарищемъ въ палаткѣ, а казакъ и „Сквозной", взявъ запасъ теплаго платья, ушли съ лошадьми и верблюдами на степь, гдѣ былъ кормъ, — тамъ и провели ночь... Она прошла безъ всякихъ приключеній, такъ же покойно, какъ будто мы находились въ спальной своего дома, а не вдвоемъ въ палаткѣ среди безграничной пустыни. Только всѣ долго не могли заснуть, оттого, что нервы у всѣхъ были слишкомъ возбуждены подъ вліяніемъ только-что пережитыхъ волненій: мы не могли скоро позабыть о грозившей намъ страшной бѣдѣ; слишкомъ живо радовались счастливой неожиданной встрѣчѣ съ нашими новыми спасителями, которыхъ бы мы упустили, если бы остались ночевать съ остальной компаніей въ пятнадцати верстахъ отсюда... И никому бы и въ голову не пришло, что здѣсь былъ прошлой ночью караванъ и ушелъ.

29 Сентября.

Наступилъ ясный и теплый день. Казакъ рано разбудилъ насъ, придя сказать, что пришли новые вожаки и желаютъ намъ представиться. Чтобъ скорѣе увидать ихъ, мы, не вставая съ постелей велѣли открыть полу палатки и пригласить ихъ сюда. Оставивъ неподалеку своихъ лошадей, они пришли, поздоровались монгольскимъ привѣтствіемъ и присѣли на корточки. Одинъ, оказалось, былъ монголъ, лама (имя его затерялось), лѣтъ тридцати пяти;

другой, тургутъ, молодой малый лѣтъ двадцати-двухъ, по имени Бальчжакъ, степной охотникъ, съ фитильнымъ ружьемъ за плечами. Одѣты они были въ овчинные полушубки; у ламы на головѣ промасленная ермолка, а у тургута шляпа въ родѣ китайской съ мѣховыми отворотами. Оба они—жители мѣстности Кобукъ-Сайры; въ Гу-Чэнъ приходили съ гуртомъ скота; тамъ его продали и теперь возвращаются назадъ; и съ ними по пути ѣдутъ съ товаромъ купцы-китайцы на ихъ же сторону. Мы угостили ихъ чаемъ, расспросили о дорогѣ, причемъ оказалось множество противорѣчій съ показаніями нашихъ братьевъ-вожаковъ; спросили ихъ, что они желаютъ получить за проводы насъ; но они не назначили платы, предоставивъ это нашему великодушію.

И такъ, мы ожили, и чувствовали бы себя счастливѣйшими изъ смертныхъ, если-бъ насъ не смущалъ одинъ вопросъ, — какъ приметъ Сосновскій это наше самовольное дѣйствіе: хорошо, если близость опасности для него самого благотворно подѣйствуетъ на него; а если онъ останется себѣ вѣренъ, то онъ новыхъ вожаковъ прогонитъ, а намъ, созвавъ переводчиковъ, фотографа и казаковъ, прочтетъ еще разъ строжайшій выговоръ... Только одна эта мысль омрачала наше хорошее настроеніе сегодняшняго утра.

Новые вожаки сложили у палатки свои несложныя вещи, шубы, мѣшечки съ провизіей, ружье, да деревянныя баклажки для воды, которую они всегда возятъ съ собою. Наслаждаясь неожиданнымъ досугомъ, я ходилъ по окрестностямъ Хармали, изслѣдовалъ ключъ (который мнѣ хотѣлось расчистить, да не удалось, такъ какъ онъ течетъ изъ твердой скалы), собралъ растенія, росшія въ оврагѣ, и любовался просторомъ пустыни и прозрачностью и чистотою ея воздуха, чертилъ и записывалъ. Такъ прошло утро; а нашихъ спутниковъ все еще нѣтъ. Они собрались всѣ только около полудня и первый поспѣшный визитъ каждый приходившій дѣлалъ, конечно, ключу и принимался пить.—Но общее горе заключалось въ томъ, что вода могла собираться только въ весьма небольшомъ резервуарчикѣ,—такомъ маленькомъ, что первые пришедшіе, верблюдъ и лошадь, выпили все сразу, и затѣмъ надо было ждать, когда онъ наполнится вновь; наполненіе же совершалось очень-очень медленно, потому что вода вытекаетъ изъ разсѣлины скалы не въ большемъ количествѣ, чѣмъ изъ крана самовара... Вотъ, каковъ родникъ Хармали. А около него собралась теперь огромная толпа томимыхъ жаждою людей, лошадей и верблюдовъ, всѣ стремились къ водѣ; толкались, протискивались впередъ; всѣ спѣшили пить, пить жадно, много, не отрываясь, полными глотками. Но доступъ къ водѣ былъ только съ одной стороны, поэтому подойти за разъ могли много, много четыре, пять лошадей или верблюдовъ. Да напрасно и стремились они: воды не было въ резервуарѣ, не было даже и одного ведра; потому-что набиравшаяся понемногу, она выпивалась или, вѣрнѣе сказать, высасывалась тотчасъ же... Съ той минуты, какъ караванъ пришелъ на Хармали, во весь остальной день и во всю слѣдующую ночь отъ ключа не отходили животныя

и люди; они только чередовались и смѣнялись; совсѣмъ же пустымъ ключъ не оставался ни на минуту; и мы, какъ стоявшіе съ своей палаткой вблизи источника, были невольными свидѣтелями переносимыхъ животными мученій или борьбы за право стать ближе къ роднику; слушали это непрекращавшееся сосаніе почти пустого дна резервуара и жалобные стоны обманутыхъ животныхъ. И видъ этихъ несчастныхъ кроткихъ тварей со впалыми боками, съ глазами, горѣвшими предсмертнымъ огнемъ, нетерпѣливо ожидавшихъ минуты, въ которую удастся пропустить въ себя хоть глотокъ желанной влаги измучилъ насъ... О, безмолвные, безропотные труженики, работавшіе для всѣхъ, кромѣ себя, и больше всѣхъ!.. Нѣтъ, уйдемте лучше, — силъ нѣтъ смотрѣть... Не дай Богъ вамъ, читатель, никогда видѣть подобную сцену, если въ васъ есть хотя частичка того, что называется у умныхъ людей глупымъ сердцемъ; а если вы способны чувствовать только собственныя страданія, то вы можете даже весело смѣяться и играть, напримѣръ, съ обезьяной, какъ-будто ничего, по истинѣ ужаснаго, на вашихъ глазахъ не совершается...

Да, чтобъ напоить караванъ, нуженъ умъ, вниманіе къ животнымъ, какъ къ друзьямъ и помощникамъ, нужна распорядительность; и всего этого требуется вдвое больше, чтобъ напоить караванъ изъ подобнаго скуднаго источника, какъ Хармали. Распорядитель у насъ былъ одинъ, но его здѣсь не было, потому, конечно, что водопой животныхъ слишкомъ ничтожное дѣло. А такъ какъ другіе ничѣмъ распоряжаться не могли, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого была безурядица, и многіе животныя и сегодня не получили воды, почти или совсѣмъ, что не замедлило сказаться въ нѣсколькихъ новыхъ жертвахъ смерти отъ жажды! Таковы факты...

Да, таковы факты; и какъ бы ни называли ихъ мои противники и ихъ защитники, что́ бы они противъ меня не писали, они къ сожалѣнію не измѣнятся и не забудутся, даже самими гг. Боярскимъ и Сосновскимъ, потому-что и ихъ жизнь была въ опасности; и отрицать описанные факты значитъ только дѣлать смѣшную попытку обмануть цѣлый свѣтъ.

Хотя мы выбрались изъ грозившей намъ бѣды, но еще далеко не считали себя окончательно спасенными, потому-что мы могли снова попасть въ тоже положеніе, и вслѣдствіе тѣхъ же неслыханныхъ распоряженій г. Сосновскаго. Чтобы не говорить бездоказательныхъ словъ, я предпочитаю опять привести два-три эпизода изъ моего разсказа, хотя тоже не представляющаго доказательствъ, но раньше напечатаннаго, подробнаго, и противниками моими не отрицаемаго, да едва-ли и требующаго доказательствъ.

говорятъ, лучшія доказательства и кромѣ того они сокращаютъ споръ... Доберемся ужъ до встрѣчи съ земляками, и убѣдимся, что и дальше, несмотря на такой серьезный урокъ, *капитанъ* остался капитаномъ. .

2 октября,... „намъ опять предстоялъ, по словамъ новыхъ вожаковъ, двухъ-дневный переходъ до слѣдующаго колодца Чэ-Кэ, „и то, говорили они", — нужно идти непремѣнно полныхъ два дня, иначе животныя проведутъ двѣ ночи безъ воды; а это опасно. Сосновскій, слышимъ, держитъ совѣтъ съ Андреевскимъ и Боярскимъ относительно дальнѣйшаго движенія. Тѣ выражаютъ совершенно основательное мнѣніе, что такъ-какъ сегодня мы уже потеряли много времени, то ужъ лучше остаться здѣсь переночевать, а завтра, какъ можно раньше, выступить, чѣмъ отойти сегодня какихъ-нибудь *десять ли* *), ночевать безъ воды и завтра проводить вторую ночь на безводной степи. Но начальникъ возразилъ имъ: — „какъ десять ли!.. *Каждый шагъ впередъ уже составляетъ разсчетъ*"!—И намъ пришли сказать, что черезъ два часа приказано выступать... Опять повѣяло на всѣхъ новой бѣдой и опять люди только возносятъ молитвы къ небу. (Помните, что мы еще въ глубинѣ песчаной пустыни).

Когда всѣ уже собирались въ дорогу, къ лагерю прискакалъ во весь опоръ, неизвѣстно откуда, неизвѣстный всадникъ—монголъ. Лошадь его еще не успѣла остановиться, какъ ужъ онъ соскочилъ долой, бросивъ ее среди открытаго мѣста; а самъ скорымъ шагомъ пошелъ къ ближайшей кучкѣ людей и заговорилъ съ ними. Черезъ минуту всѣ мы узнали, что это былъ гонецъ, котораго посылали изъ Гу-Чэна въ Зайсанскій Постъ съ письмомъ. Онъ его доставилъ и теперь, веселый и довольный, прискакалъ въ ожиданіи награды за скоро и хорошо исполненное порученіе... Этотъ человѣкъ получилъ для насъ особенное значеніе: онъ пріѣхалъ изъ родной земли, онъ видѣлъ русскихъ, говорилъ съ ними, привезъ отъ нихъ живую вѣсть. Я смотрѣлъ на него съ совершенно особеннымъ, еще неиспытаннымъ мною, чувствомъ — съ одной стороны—симпатіи, а съ другой, такъ-сказать, почтительнаго удивленія. Въ самомъ дѣлѣ, что за вольныя птицы, эти монголы! Садится на лошадь и точно на крыльяхъ пускается черезъ пустыни и отправляется въ этотъ долгій и опасный путь, какъ на короткую прогулку. Посмотрите вотъ на этого, что прилетѣлъ сейчасъ изъ Зайсана. На его лошади, которая стоитъ, разставивъ отъ усталости ноги и опустивъ голову, и часто и тяжело дышитъ,—только одно сѣдло; на немъ самомъ обыкновенный монгольскій костюмъ; и ни припасу, ни запасу не видно нигдѣ;—хоть бы мѣшечекъ съ хлѣбомъ, бутылка съ водой, — ничего нѣтъ. Онъ, какъ человѣкъ, конечно, ѣстъ и пьетъ, но онъ ѣстъ и пьетъ, гдѣ придется; онъ можетъ терпѣть долго и голодъ, и жажду, подобно его собрату по степямъ—верблюду, такъ

*) *Ли* китайская мѣра, равняющаяся почти половинѣ нашей версты.

долго, какъ другіе люди не выдержатъ... Вѣроятно, теперь онъ былъ очень голоденъ и хотѣлъ пить и мечталъ объ ожидавшемъ его угощеніи за услугу, ждалъ чаю и кушанья. Но бѣднягѣ пришлось жестоко разочароваться:—его ожидало совсѣмъ другое угощеніе.

Прискакавшаго гостя потребовали въ палатку къ начальнику, и гонецъ, съ сіяющимъ отъ удовольствія добродушнымъ лицомъ, отправился, сдѣлалъ реверансъ и, по монгольскому обычаю, присѣлъ на корточки. Начальникъ встрѣтилъ его словами, которыя переводчикъ передалъ ему:

— Какъ же ты смѣлъ разсказывать о дорогѣ такія нелѣпости, какія ты мнѣ сообщилъ?

Бѣдный монголъ совершенно растерялся отъ неожиданности подобнаго пріема и оттого, что не могъ сообразить, въ чемъ заключаются сообщенныя имъ нелѣпости... Оказалось, что во всѣхъ нашихъ несчастіяхъ, перенесенныхъ по выступленіи изъ Гу-Чэна, *былъ виноватъ только онъ одинъ, этотъ монголъ...* А я и не зналъ... Его обвиняли въ томъ, что онъ все налгалъ про дорогу: названія, разстоянія, далъ ложныя свѣдѣнія о водѣ и кормахъ... Его теперь тысячу разъ спрашивали: какъ онъ смѣлъ такъ наврать?! Ему грозили наказаніемъ; упрекали въ *потерѣ времени* и *понесенныхъ нами страданіяхъ* и на него сваливали отвѣтственность за тѣ *опасности, какимъ мы подвергались безъ всякой необходимости* и *безполезно;* его поучали, что „такими вещами не шутятъ; что въ *такихъ серьезныхъ случаяхъ шутить нельзя*"; его старались увѣрить, что *мы бы теперь были уже въ Булунъ-Тохоѣ*, что у насъ *было рѣшено* (?) идти по кобдинско-булунъ-тохойскому тракту, а онъ *явился* (!) тутъ и *увѣрилъ*, (!) что можно пройти короткой дорогой... Цѣлый градъ обвиненій и обидныхъ словъ сыпались въ лицо бѣдному монголу, который, казалось, совсѣмъ лишился разсудка; ему даже угрожали физически, и эта пытка продолжалась около часу (!); монголъ пробовалъ что-то говорить въ свое оправданіе; но его не хотѣли и слушать. Наконецъ ему удалось-таки высказать свои оправданія. Онъ сказалъ, что не самъ навязывалъ намъ ближайшую дорогу, а его *отыскали, привели* и стали спрашивать о ней. То, что онъ про нее зналъ и какъ зналъ, онъ разсказалъ, и не солгалъ ни одного слова; онъ сказалъ, что можно проѣхать въ Зайсанъ скоро и доказалъ это дѣломъ, пріѣхавъ теперь оттуда. Тѣмъ не менѣе, его выгнали вонъ изъ палатки, призвали китайскаго офицера и сдали преступника ему на руки, прибавивъ, что „о его поступкахъ будетъ написана, куда слѣдуетъ, бумага"; а офицера Бао просили замѣтить получше „рожу" монгола, записать его имя и въ „районѣ чьего вѣдѣнія онъ находится". Всѣ слышали этотъ разговоръ; всѣ видѣли, что монголъ ни сколько не виноватъ въ нашихъ несчастіяхъ, и всѣмъ было безконечно жаль бѣднягу, который остался въ нашемъ лагерѣ,—походилъ, походилъ отъ одного человѣка къ другому, отъ костра къ костру; *никто не смѣлъ пригласить его* *),

*) Подобные опыты уже бывали. Въ у[illegible] Т[illegible]ь-шань'скомъ перевалѣ произошло, напримѣръ, слѣду[illegible]чаніей

какъ опальнаго, и угостить чѣмъ-нибудь. Такъ онъ и уѣхалъ... Одинъ... Куда?.. Богъ его знаетъ... И меня охватило ужасомъ, когда я представилъ себѣ его одного, посреди громаднаго пространства, гдѣ онъ не встрѣтитъ ни одной избушки, не найдетъ пищи и даже

пріѣхалъ туда раньше насъ съ г. Матусовскимъ; мы застали ихъ за завтракомъ и сами приступили къ тому же. Одинъ изъ живущихъ здѣсь солдатъ-китайцевъ попросилъ у насъ рюмку водки, не обращаясь ни къ кому въ особенности. Г. Сосновскій отказалъ ему, сказавъ, что водки въ запасѣ немного, а тутъ ея достать негдѣ. Отказъ былъ самый естественный, понятный и даже законный; но такъ-какъ у насъ водки было достаточно, то я налилъ рюмку и предложилъ солдату. Вдругъ г. Сосновскій разражается по этому поводу оскорбительнѣйшей тирадой, осыпая меня упреками въ оппозиціи, нарушеніи самыхъ обыкновенныхъ приличій и даже дисциплины, говоря, что „разъ начальникъ отказалъ, такъ подчиненный"... и проч. и проч. Я глаза вытаращилъ и нахожусь въ полнѣйшемъ недоумѣніи. Наконецъ мнѣ объяснили, что этотъ китаецъ выразилъ ему до нашего пріѣзда непочтеніе и сказалъ какую-то грубость, что-ли. Тогда я попробовалъ убѣдить, что вѣдь этого-же я знать не могъ, что, въ противномъ случаѣ, конечно, не сталъ бы его угощать, а если угодно, даже обругалъ бы невѣжу. Обращаюсь къ спутникамъ г. Сосновскаго, прошу ихъ вспомнить, разсудить и положить конецъ несправедливымъ обвиненіямъ; но г. Андреевскій, по своему несчастному зависимому положенію, не смѣлъ говорить противъ начальника, а г. Боярскій, по обыкновенію, принялъ сторону г. Сосновскаго и не постыдился говорить неправду въ глаза и даже самъ принялъ оскорбленный видъ и готовъ былъ опять заплакать въ знакъ *моего* постояннаго притѣсненія его и несправедливостей. Это былъ у него обычный образъ дѣйствій... Что оставалось дѣлать! Еще разъ проглотить и еще разъ только промолчать? Но я не выдержалъ и высказалъ г. Сосновскому много горькихъ истинъ, доказавъ ему, что единственно онъ, какъ начальникъ, виноватъ въ томъ, что у насъ не было ладу и что при его несправедливости и быть не могло. Онъ попросилъ меня не забываться и прикрикнулъ. Но тутъ лопнуло даже желѣзное терпѣніе и, можно сказать, идеальное уваженіе къ принципу власти г. Матусовскаго: онъ разразился воззваніемъ къ Богу и обѣщалъ, по пріѣздѣ въ Россію, все откровенно вывести на чистую воду; но проговорилъ эти нѣсколько словъ такимъ голосомъ, что г. Сосновскій сидѣлъ ни живъ - ни мертвъ. И теперь, хотя и усиливался поддержать свое достоинство, но уже не говорилъ, а лепеталъ,—*„положительно запрещая г. Матусовскому распускать о немъ и объ экспедиціи невыгодные слухи...*

(Съ какимъ бы безграничнымъ уваженіемъ ни относился я къ читателямъ, но я долженъ откровенно сказать, что въ настоящую минуту отнюдь не забочусь о томъ:—повѣрятъ мнѣ или отнесутся къ моимъ словамъ, какъ къ недостойной выдумкѣ; я только передаю фактъ, опущенный въ книгѣ. Гг. Боярскій и Сосновскій не поняли правильно, почему я умолчалъ о немъ, какъ о многихъ подобныхъ эпизодахъ:— я умолчалъ о нихъ не изъ опасенія отвѣтственности за нихъ по суду, а потому только, что вотъ такіе поступки и вызываемыя ими сцены я называю, дѣйствительно, *„сором“*, который можно не выносить изъ избы, потому-что вотъ это были наши *личныя* мученія, отъ которыхъ,—еслибы все остальное было иначе,—дѣло не пострадало бы. Два честныхъ работника могутъ ежедневно ссориться и даже драться между-собою, а дѣло они все-таки сдѣлаютъ добросовѣстно.

не каждый день встрѣтить и воду... Таковъ фактъ; а смыслъ и значеніе его понятны читателю:—надо было снять съ себя отвѣтственность за тѣ бѣды, въ которыхъ *мы* были кругомъ виноваты сами; взвалить ее на кого-нибудь другого;—вотъ и все.

Прошли два часа, послѣ которыхъ мы должны выступить; прошли еще три часа, и солнце ужъ далеко перевалило за-полдень. Ночевать бы ужъ тутъ, — самое благоразумное; нѣтъ, начальникъ непремѣнно хочетъ выступить вечеромъ. Вожаки соглашаются перейти сегодня на другой, сосѣдній колодезь, И-чэ, находящійся верстахъ въ пяти отъ мѣста нашей стоянки, и тамъ заночевать. Но это найдено „*совсѣмъ ужъ не практичнымъ*", и отдано слѣдующее распоряженіе: „*сегодня отправиться въ путь, отойти верстъ десять или пятнадцать и остановиться ночевать; потомъ послать за водой (!!) верблюдовъ*, которые тутъ же и сами напьются, *а также сгонять туда и всѣхъ лошадей, чтобъ напоить;* а мы подождемъ ихъ, и, какъ только они придутъ, такъ сейчасъ же (!!) тронемся въ путь, вслѣдствіе чего у насъ является *въ выигрышѣ* (?) полсутокъ". *Боярскій* *), какъ единственный человѣкъ, имѣвшій право возражать Сосновскому и спорить съ нимъ, *возражалъ и спорилъ, доказывая, что никакъ мы этимъ способомъ полсутокъ не выиграемъ, потому-что завтра потеряемъ гораздо больше...* И такъ далѣе. Остальные молчали и ждали... Приблизительно черезъ часъ, по окончаніи этого спора, караванъ выступилъ въ *безпримѣрный въ своемъ родѣ походъ,—отъ колодца прочь, для того, чтобъ ночевать на безводномъ мѣстѣ и оттуда гонять своихъ верблюдовъ и лошадей на водопой!...* Прошли верстъ пять, потомъ еще столько же, и второй колодезь остался уже далеко за нами. Скоро наступила великолѣпнѣйшая свѣтлая ночь. Отдохнувшія животныя шли бодро, но они не знали, бѣдные, что каждый сегодняшній шагъ впередъ, они должны будутъ повторить еще два раза,—назадъ и опять впередъ"...

Такъ все и совершилось, какъ было приказано... Вотъ другой примѣръ изъ странствованій 9 октября,—когда г. Сосновскій принялъ на себя обязанность вести караванъ, потому-что, говорилъ онъ, „эти-то мѣста ему ужъ знакомы".

„Пошли равниной; и открывавшійся кругомъ видъ раздѣлился словно на два міра, совершенно не похожихъ другъ на друга: одинъ за нами, на югѣ, гдѣ свѣтло, сіяетъ солнце и на небѣ громоздятся золотистыя облака;—другой передъ нами на сѣверѣ, гдѣ собрались такія синія тучи, что здѣсь какъ будто ужъ наступила ночь. Не радость сулили эти свинцовыя тучи, и дѣйствительно,—опять пробралъ жестокій буранъ съ снѣжной крупой, которую вѣтеръ несъ намъ на встрѣчу. Наконецъ, тучу пронесло и на гори-

*) Тотъ самый г. Боярскій, который не постыдился чужимъ письмомъ увѣрять общество, что все разсказываемое мною — будто бы неправда.

зонтѣ на ея мѣстѣ открылся, впрочемъ не на долго, Саурскій горный хребетъ (или Сайры, какъ его называютъ туземцы): синяя занавѣсъ скоро опять скрыла его отъ нашихъ глазъ.

Кому случалось ѣзжать по долгу въ пустынныхъ мѣстностяхъ, тотъ знаетъ, какое отрадное чувство пробуждаетъ въ насъ неожиданно заслышанный лай собакъ,—этотъ вѣрный признакъ близости человѣческаго жилья. Онъ сильно радуетъ даже тогда, когда въ жилищахъ и ихъ обитателяхъ не нуждаешься,—такъ, просто пріятно видѣть людей, кто бы они ни были;—а эти люди съ ихъ своеобразною жизнью не могли не интересовать меня; и хотя мы были теперь на границѣ родины, хотя рвались къ ней сердцемъ,—бытъ этихъ людей все-таки удержалъ бы меня здѣсь, и я бы съ большимъ удовольствіемъ понаблюдалъ за нимъ... Но, ненужно говорить читателю, что теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, предводитель нашъ стремился впередъ... Мимо всего, буквально безъ остановки, проходимъ мы незнакомыя мѣста, и потому не спрашивайте отъ меня многаго, когда мнѣ самому не давали и малаго. Вотъ передъ нами новое кочевье, по имени Хонуръ-Улéнъ, состоящее только изъ пяти маленькихъ юртъ. Изъ нѣкоторыхъ выходитъ голубой дымокъ; прошла одна женщина въ долгополомъ тулупѣ съ кадочкой воды; у другой юрты стоитъ ребенокъ; показались еще два три монгола; неподалеку отъ аула бродятъ коровы, пощипывая траву, и двѣ черныя собаки злобно лаятъ издали на нашъ, проходящій мимо, караванъ. Вотъ и все проявленіе жизни въ этомъ уединенномъ пріютѣ маленькой горсти людей,—все, для такихъ равнодушныхъ „учено-торговыхъ“ путешественниковъ, какими принуждены проходить мы...

Вожакъ Бальчжакъ совѣтуетъ остановиться въ этомъ аулѣ на ночлегъ и проситъ взять другого проводника,—„такъ какъ, говоритъ, дальше я не знаю дороги;—хоть и знаю, да не надѣюсь на себя. Пожалуй, говоритъ, я еще проѣду съ вами, только непремѣнно возьмите здѣшняго человѣка“.. *Мы* нашли, что все это вздоръ, новаго вожака не взяли, а ему приказали вести дальше, объявивъ что теперь не нуждаются въ вожакѣ, что начальникъ самъ знаетъ дорогу... Пошли. Равнина кончилась, а началась холмистая мѣстность или такъ-называемый мелкосопочникъ (Высоты Омулу)... Погода и состояніе неба мѣнялись буквально каждую минуту;—то свѣтило солнце, то оно пряталось за тучу, то сквозило черезъ туманъ въ видѣ тусклаго круга. Густые холодные туманы бродили по горамъ, сползали въ долины и, охватывая насъ, знобили лицо и руки... Когда Матусовскій продолжая свою работу, останавливался передъ этимъ въ послѣдній разъ, чтобы нанести на карту направленіе предстоящаго пути, Бальчжакъ указалъ ему въ одну сторону. Туда послѣдній и повелъ; какъ вдругъ отдается распоряженіе отъ начальника—повернуть влѣво, такъ какъ Бальчжакъ этихъ мѣстъ *не знаетъ*, и поведетъ теперь онъ *самъ*, Сосновскій... Взяли влѣво, прошли часа два по этому новому направленію; вдругъ караванъ остановился среди степи.

— Что такое? спрашиваемъ

— Потеряли дорогу, не знаютъ куда зашли,—отвѣчаютъ.

И вотъ теперь спрашиваемъ, опять у Бальчжака,—куда идти? Онъ говоритъ, что теперь не можетъ сообразить, потому что его тѣмъ поворотомъ влѣво совсѣмъ сбили. Однако онъ сталъ оглядываться кругомъ и сказалъ;

— „Я знаю другой аулъ, не далеко отъ того, въ которомъ предлагалъ вамъ остановиться, да мы теперь отъ него ушли совсѣмъ въ сторону. Я не знаю, вы куда шли; гдѣ вы хотѣли ночевать? Я думалъ, вы знаете... Надо было той дороги держаться, которую я указывалъ; ужъ мы бы теперь тамъ были;—*а теперь придется идти долго ночью, потому что тутъ другихъ ни ауловъ, ни родниковъ нѣту.*

А солнце ужъ садилось; всѣ прозябли, проголодались и досадовали на совершенно безполезныя муки, которымъ мы могли бы не подвергаться а не тратили бы напрасно времени... Точно мы пріятныя прогулки совершали, кружась по пустыннымъ ложбинамъ между голыхъ пригорковъ. Пошли опять, вытянулись вереницей и стали то подниматься въ горы, то спускаться въ долины. Настала ночь,—къ счастью еще безъ вѣтра и снѣга. Долго шли еще въ потьмахъ, какой-то равниной, по кочкамъ; стали попадаться замерзшіе арыки, черезъ которые надо было переѣзжать, рискуя если не провалиться глубоко, то упасть съ лошадью вмѣстѣ; шли мы черезъ поросшіе чіемъ солончаки, буквально каждую минуту ожидая паденія, какъ бываетъ всегда, когда подъ ногами ничего не видишь, а лошади безпрестанно обо что-то спотыкаются... Наконецъ, послышался лай собакъ и вывелъ насъ изъ тягостнаго оцѣпенѣнія. „Ну, слава богу, добрались, наконецъ!"—сказали нѣсколько голосовъ. Но лай слышался еще очень издалека, доносясь до слуха въ безмолвномъ ночномъ воздухѣ степи; во время же такихъ ночныхъ блужданій каждыя полверсты кажутся безконечностью. Потомъ стали показываться огоньки; маленькія какъ искорки; лай слышался все ближе и ближе; въ одномъ мѣстѣ мы разглядѣли неподалеку отъ себя скотъ, потомъ юрту, одну, другую; но вожакъ, ѣдущій впереди, все проѣзжаетъ мимо да мимо... Вдругъ къ нему подскакалъ на лошади какой-то монголъ, заметался, какъ угорѣлый, и поднялъ такой страшный крикъ, что-то затрещавъ скороговоркой, что можно было подумать,—не наткнулись ли мы на банду и она сдѣлала нападеніе. Но нѣтъ, трескотня, вижу, миролюбивая, и я недоумѣвалъ, что долженъ былъ означать этотъ торопливый рапортъ, преисполненный тревоги и страха... А тутъ новое недоумѣніе: на всю эту тревогу и произведенную сумятицу вожакъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, и, молча, провелъ насъ дальше. Черезъ нѣсколько минутъ все успокоилось и дѣло объяснилось весьма просто, какъ мнѣ потомъ разсказали. Нашъ заботливый начальникъ, *оставивъ караванъ, давно уѣхалъ съ однимъ изъ вожаковъ и своей компаніей впередъ и исчезъ.* Такъ вотъ этотъ про[illegible] аулъ нѣсколькихъ русскихъ ночью отчасти встревож[illegible]

лей, и они задумались надъ вопросомъ,—что это значитъ? Упомянутый монголъ былъ старшина здѣшняго аула, и когда ему дали знать, что въ него вступаютъ въ „огромномъ количествѣ“ русскіе, онъ такъ перепугался,—что они угонятъ весь ихъ скотъ, что вскочилъ на коня и пустился было по аулу, чтобы произвести тревогу и созвать всѣхъ жителей на защиту имущества, и какъ-разъ наткнулся на нашъ караванъ; а упомянутый крикъ его былъ только выраженіемъ испуга и покорнѣйшею просьбою не трогать его скота... Бѣдный старшина!

Когда онъ, наконецъ, успокоился, спрашиваютъ у него—куда проѣхалъ и гдѣ остановился нашъ авангардъ; но онъ только говоритъ,—проѣхали, а куда,—не знаетъ... Ѣдемъ, въ полныхъ потемкахъ, *ждемъ, что кого-нибудь вышлютъ на встрѣчу* отъ нашего предводителя;—нѣтъ,—ни слуху-ни-духу; и мы пришли къ заключенію, что Сосновскій проѣхалъ въ другой аулъ; и опять впали въ раздумье, не зная, что дѣлать,—идти ли на розыски или тутъ разбивать свои палатки... Потолковали и рѣшили идти дальше. Опять потянулась черная безмолвная степь безъ всякихъ признаковъ жизни, а всѣ было такъ обрадовались, что вотъ наконецъ достигли пріюта. Проѣхали еще, не знаю сколько, но, казалось, долго ѣхали; опять послышался лай собакъ, показались огни или пятна, тусклаго свѣта,—это свѣтились, какъ маленькіе волканы открытыя верхушки юртъ, внутри которыхъ горѣли костры. Юрты были расположены двумя довольно правильными рядами, образуя нѣчто въ родѣ улицы, но онѣ отстояли другъ отъ друга на значительное разстояніе. Это были скорѣе два аула. Куда ѣхать—на право или налѣво,—никто не знаетъ, и спросить не у кого, потому что ни одной живой души не встрѣчается.

Но, разумѣется, нашли... Вотъ, наконецъ, наше послѣднее блужданіе подъ предводительствомъ одного г. Сосновскаго, то-есть совсѣмъ безъ вожаковъ, потому-что *„эти вожаки—только лишніе расходы“*.

11 Октября.

...„И такъ выступаемъ безъ вожаковъ: движеніемъ теперь опять взялся руководить Сосновскій, который, по его словамъ,—*„ужъ эти-то мѣста знаетъ, какъ свои пять пальцевъ“*... Пошли; и теперь сердце было такъ полно радостнымъ чувствомъ отъ приближенія къ родинѣ; мысли неслись впередъ, и такъ были заняты ближайшимъ будущимъ, что я не замѣчалъ почти ничего окружающаго и машинально слѣдовалъ за другими. Проѣхали съ часъ и казакъ Степановъ заставилъ меня возвратиться къ настоящему, къ дѣйствительности:—слышу, обращается къ начальнику, осторожно докладывая ему, что мы неправильно идемъ, что такъ мы къ Уанъ-Тюрэ не попадемъ. Но, получивъ нагоняй, и приказаніе— „не лѣзть, пожалуйста“, гдѣ его не спрашиваютъ, и *„особенно когда ничего не знаетъ“*,—онъ замолчалъ; всѣ же, кто слышалъ этотъ

разговоръ, призадумались, потому что всѣ очень хорошо знали Степанова, который ни одного слова на вѣтеръ не скажетъ. Всѣ поэтому теперь знали, что мы идемъ по степи, не туда, куда слѣдуетъ; тѣмъ не менѣе принуждены были слѣдовать, и только всѣ взывали къ небу.—Господи, когда же этому придетъ конецъ!... Идемъ послѣ этого часъ, другой... Вдругъ слышимъ позади себя голосъ нашего казака, кричащаго намъ съ необыкновенной радостью въ голосѣ:

— Ваше высокоблагородіе, ваше высокоблагородіе! Посмотрите-ка кто пріѣхалъ! Павловъ и Кодебай изъ Чжайсану пріѣхали!..

Это извѣстіе и видъ двухъ человѣкъ, пріѣхавшихъ къ намъ на встрѣчу изъ Россіи точно прибавили свѣта вокругъ насъ... И, если вы, читатель, хотите понять частицу нашей неизъяснимой радости, какую почувствовали мы теперь, то вамъ нужно по крайней мѣрѣ прочесть мою книгу не отрываясь,—какъ мы не разставались въ путешествіи втеченіи года и девяти мѣсяцевъ. Но это невозможно; да кромѣ того въ книгѣ *между строками* остается бѣлая бумага, а на ней-то и написана главная часть нашего путешествія, для васъ не интересная, но написанная невидимою кровью нашего сердца, измученнаго безъисходной продолжительной пыткой... И такъ, несказанно обрадованные появленіемъ этихъ вѣстниковъ съ родины, здороваемся съ ними и, растерявшись, не знаемъ, про что спрашивать, что отвѣчать на ихъ вопросы. Они между прочимъ выражаютъ удивленіе,—отчего это мы такъ запоздали и почему не пріѣхали въ Вулунь-Токой, куда высылали къ намъ на встрѣчу людей, верблюдовъ, лошадей, провизію и юрты.

— Ждали, ждали цѣлую недѣлю, да такъ и уѣхали, потому что вы словно безъ вѣсти пропали. Ужъ тамъ объ васъ ужасно безпокоились...

Разговоромъ такъ увлеклись, что совсѣмъ не обращали вниманія, куда Сосновскій ведетъ. Потомъ Кодебай говоритъ:

— Да куда-жъ вы теперь идете? Вѣдь вамъ въ Уанъ-Тюрé нужно идти.

— Ну, да! Мы туда и идемъ.

— Такъ развѣ сюда нужно! Помилуйте!.. Вонъ въ какой сторонѣ будетъ Уанъ, и они поѣхали впередъ, взявъ направленіе чуть не подъ прямымъ угломъ къ тому, по какому мы ѣхали, значитъ *какъ-разъ такъ, какъ указывалъ Степановъ.*

Куда бы это мы зашли,—интересно было бы узнать... Интересно, но вовсе не хотѣлось,—довольно!..

Да, очень довольно! Надѣюсь, довольно и для тѣхъ, въ комъ оставалось сомнѣніе относительно того,—да ужъ нѣтъ ли и въ самомъ дѣлѣ извращенія фактовъ въ книгѣ г. Пясецкаго, изъ зависти или личной вражды?

Вотъ и все существенное въ моей книгѣ, касающееся особы г. Сосновскаго, который, какъ онъ часто любилъ го-

варивать, несъ за всѣхъ нравственную отвѣтственность; и читатели видѣли, какъ это имъ совершалось, видѣли способы *нашего исполненія государственныхъ заданій* съ *святымъ сознаніемъ долга.* Вотъ условія, при которыхъ совершались работы всѣхъ его спутниковъ и, между прочимъ, написанъ матеріалъ для моего „Путешествія по Китаю". Теперь вы знакомы съ содержаніемъ послѣдняго и можете судить, — что такое представляетъ названное сочиненіе: — бредъ ли это „болѣзненной фантазіи"; ложь ли безумная, (потому что подобная ложь не можетъ имѣть никакой осмысленной цѣли); „сваливаніе ли это *съ своей больной головы на чужую здоровую*; месть ли, наконецъ, оскорбленнаго человѣка, за что-то, что въ „Письмѣ" совсѣмъ необъяснено; или серьезное дѣло, требующее, по крайней мѣрѣ, вниманія и размышленія? Читатели видѣли, что не мнѣ слѣдуетъ оправдываться, а другимъ; а я только защищаю свой трудъ, какъ защищалъ бы диссертацію... И насколько указанная сторона содержанія моей книги могла быть, и навѣрно была, неожиданностью для читателей, — такъ какъ раньше они почти ничего о ходѣ экспедиціи не знали, — настолько же въ ней не могло быть ничего новаго для спутниковъ моихъ, гг. Боярскаго и Сосновскаго. Послѣдняго же я еще въ Семипалатинскѣ просилъ принять отъ меня жалобу на него (какъ того требуетъ установленный порядокъ), прося нарядить, наконецъ, надо мною тотъ самый судъ, которымъ онъ столько разъ угрожалъ мнѣ „внѣ предѣловъ отечества", обвиняя меня въ цѣлой *массѣ преступленій*, все по части *незнанія службы* (?!). Но этой жалобы моей онъ почему-то принять не пожелалъ, и попробовалъ, теперь уже дружескимъ тономъ доброжелательнаго человѣка, пригрозить тяжкими послѣдствіями, ожидающими меня въ случаѣ назначенія суда; но увидавъ, что это меня нимало не устрашаетъ, а что я вижу въ этомъ только одну честь, предлагалъ лучше забыть всякія „дрязги и личные счеты". и, „не вынося сору изъ избы, предать все забвенію"... И лично ему я внутренно тогда же все простилъ. Гнѣва ужъ не было; осталась только боль въ сердцѣ, страшная тоска, да безотвязныя мысли о какомъ погубленномъ дѣлѣ!..

Но это все слова, только мои слова, могутъ возразить мнѣ, хотя немногіе. Въ редакціи „Голоса", напримѣръ, на

моей рукописи кто-то, между прочимъ, сдѣлалъ слѣдующую деликатную замѣтку: — „Это-то и нужно, а не фразы!“ Доказательства нужны?.. Знаю. Но что же доказывать? Все? И какъ? Отсюда, изъ Россіи? Доказывать то, что совершалось шесть лѣтъ тому назадъ въ Китаѣ? Вѣдь это можно говорить только въ шутку!.. А если нужны серьезныя доказательства, то пусть сначала г. Сосновскій снарядитъ на свой счетъ новую экспедицію, напишетъ къ своему *короткому пріятелю?* сановнику съ неограниченною властью, рекомендательное письмо, вручитъ его г. Боярскому и поручитъ послѣднему добыть доказательства, нѣсколько посерьезнѣе его дневника *), для того, чтобы прежде опровергнуть данныя, сообщаемыя въ моей книгѣ, а во-вторыхъ для подтвержденія тѣхъ обвиненій, которыя направлены противъ меня въ „Письмѣ“ по поводу книги. Я отнюдь не отказываюсь представить доказательства, а говорю, что это сопряжено съ большими затрудненіями и требуетъ или поѣздки въ Китай, или продолжительнаго времени для переписки съ тѣми лицами, русскими и китайцами, которыя могутъ все разъяснить, опровергнуть или подтвердить... Но теперь „игра не стоитъ свѣчекъ“. И мы можемъ ограничиться, напримѣръ, слѣдующими ниже, офиціальными словами постороннихъ людей, высказанными вскорѣ послѣ нашего возвращенія.

Экспедиція окончена. Путь *открытъ*, и *тотчасъ по пріѣздѣ*, русскимъ купцамъ разсылаются печатныя извѣщенія, въ которыхъ прямо говорится, между прочимъ, что *экспедиція изучила чайное дѣло въ западныхъ провинціяхъ Китая — Шень-си и Сы-чуань* (?!); ихъ увѣряютъ, что не только изъ Сы-Чуани, но даже изъ Хань-Коу доставка чая будетъ *несравненно выгоднѣе*, что западныя провинціи *начинаютъ быстро поправляться* **), что *мы будемъ присутствовать при*

*) Я ужасно боюсь, чтобы съ этимъ дневникомъ не случилось какого-нибудь несчастія и что онъ, какъ-нибудь погибнувъ, такъ не напечатаннымъ и останется. Я бы готовъ былъ издать его на свой счетъ, — серьезно говорю, — только *во всей прелести оригинала*, какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, о другомъ, г. Сосновскій.

**) А въ Петербургѣ г. Сосновскимъ было писано, между прочимъ, слѣдующее, даже о менѣе пострадавшей части провинціи Гань-Су (Д. Э. ст. 114): „Но что за ужасная картина разрушенія! Обширныя села, многочисленныя отдѣльныя поселенія, еще не такъ давно кипѣвшія жизнью и дѣятельностью, *стоятъ и понынѣ въ мрачномъ безмолвіи обагренныхъ кровью руинъ. Все пусто — ни души*. Только

возрожденіи страны и можемъ *воспитать* (!) *спросъ на товары въ выгодномъ для насъ направленіи;* дается нравоученіе, что *успѣхъ бываетъ удѣломъ тѣхъ, которые не упускаютъ выгодныхъ случайностей и умѣютъ дѣйствовать смѣло и настойчиво* (!). *Въ торговлѣ, какъ извѣстно, идущіе впереди успѣваютъ занять и лучшее мѣсто — правило это примѣняется какъ къ конкурирующимъ народамъ, такъ и къ отдѣльнымъ лицамъ*(?!). Говорится далѣе, что, *благодаря политическимъ случайностямъ и особенному такту начальника экспедиціи Ю. А. Сосновскаго, интересы торговли съ русскими встрѣчаютъ могущественнаго пособника* въ лицѣ генералъ-губернатора Западнаго Китая Цзо-Цзунъ-Тана, командующаго *многочисленнымъ, европейски-вооруженнымъ и дисциплинированнымъ войскомъ,* что *его содѣйствіе ручается за безопасность торговцевъ отъ остатковъ дунганъ и разбойничьихъ шаекъ,* что *сверхъ того для прикрытія перваго торговаго* (?) *каравана* (съ хлѣбомъ для китайцевъ?), *выступающаго изъ Зайсанскаго Поста въ концѣ января 1876 года, будетъ дана казачья полусотня, которая проводитъ его до Гученя, откуда* начинается уже *вполнѣ свободный* путь подъ охраною китайскихъ войскъ (?). Говорится далѣе, что *населеніе въ разоренной странѣ,*

кое-гдѣ изъ-за на-скоро слѣпленной мазанки или выдѣланной въ толщѣ земли ямы выставится робкая изможденная фигура. Не годы старости избороздили обликъ глубокими морщинами, наложили печать немощи, а удѣлъ тяжкихъ страданій сейчасъ отшедшихъ временъ. Это *единственный* оставшійся въ живыхъ членъ семьи, зачастую въ 10—15 человѣкъ: *всѣ погибли* жертвой междоусобія, безвременно сложили свое существованіе въ близьстоящей братской могилѣ. (!) А эти забытыя нивы, эти стѣсняющія горизонтъ покатости горъ, гдѣ, въ борьбѣ съ неблагодарной почвой, каждый клочекъ взятъ съ бою, усиліями мозольнаго, упорнаго труда! Сколько житейскихъ тревогъ, удачъ и неудачъ, вожделѣній (!) и несбывшихся надеждъ погребено здѣсь. (!) Велики должны быть нужды и бѣдствія, если скажу, что мѣшокъ хлѣба *стоитъ* 100 рублей монетой, фунтъ говядины 3 р., утка 36 р. [1]), *ѣли* мертвыя тѣла, *или* собственныхъ (?) дѣтей. Многія домашнія животныя, какъ напр. свиньи, бродятъ въ *дикомъ* состояніи и *кидаются* на людей".

*) Мѣшокъ хлѣба стоитъ 100 руб. монетой!? Въ какомъ это городѣ? Къ какому времени относится слово *стоитъ*? Стоитъ, значитъ, теперь, т. е. когда мы сами были на мѣстѣ. Какъ жаль, что не названо точно это мѣсто. Говядина, тоже *стоитъ*, 8 рубля фунтъ; когда и гдѣ г. Сосновскій находилъ въ продажѣ говядину, т. е. мясо рогатаго скота въ разоренномъ краю, когда это мясо вообще въ Китаѣ составляетъ большую рѣдкость, такъ какъ тамъ рогатый скотъ—по преимуществу рабочая сила, и даже существуетъ законъ, запрещающій убивать его для пищи? Про утку въ 36 рублей можно ничего не говорить, кромѣ того развѣ, что это—*утка*, стоющая тридцать шесть рублей. А когда, гдѣ и кто *ѣлъ собственныхъ дѣтей?!* Гдѣ на насъ кидались домашнія свиньи въ дикомъ состояніи?!

хотя и *не столь многочисленно* *), какъ было прежде, и не богато обычными китайскими продуктами, но обладаетъ *большими запасами серебра* и *другихъ драгоцѣнностей*, которыхъ мятежъ уничтожить не могъ (?!), что населеніе это, *имѣя* (?) *деньги*, *нуждается во всемъ*, начиная *отъ хлѣба и кончая предметами роскоши* (??!). Приглашая русскихъ купцовъ въ Шень-Си и Сы-Чуань за дешевымъ чаемъ, по дешевому пути, имъ же черезъ сотню строкъ говорятъ, что караваны ихъ могутъ идти *въ Гучень, Баркюль и Хами*, „*и даже* (?!) *далѣе*“ (?!). Имъ сулятъ выгоды, привлекаютъ даже *почетнымъ* характеромъ ихъ роли, какъ *передовыхъ піонеровъ*, говоря, что *торговля* есть *могучій рычагъ цивилизаціи нашего* (?) *вѣка и потомки не забудутъ именъ передовыхъ бойцовъ, открывшихъ безкровнымъ* (!) *путемъ новыя русла для международныхъ торговыхъ сношеній, какъ не забываютъ великихъ тружениковъ науки и славныхъ защитниковъ отечества* (!).

Затѣмъ, прилагается маршрутъ пути до Хами (опять только до Хами:—о Шень-си и Сы-чуань опять ни слова) и *свѣдѣнія о родѣ, сортахъ и такъ называемой разцвѣткѣ* (!) *товаровъ, сбытъ которыхъ, по даннымъ, добытымъ на мѣстѣ экспедиціею, представляется наиболѣе выгоднымъ для Баркульскаго, Хамійскаго и другихъ сосѣднихъ* (?) *рынковъ*. (О Шень-си и Сы-чуань опять ни слова, а о сосѣднихъ рынкахъ, какъ видите, глухо,—„вообще“).

Можно ли устоять противъ такихъ обворожительныхъ рѣчей? Кто, занимаясь большими торговыми дѣлами, не поторопится получить и выгоды, и еще почетную память благодарнаго потомства!—Только тѣ неповоротливые и не предпріимчивые русскіе купцы, которые вмѣсто того, чтобъ воспламениться и послать караваны, станутъ разсматривать и

---

*) Въ отчетѣ г. Сосновскаго („Воен. Сборн. № 9 на стр. 182) говорится: „Поселенія все также часты и густы, но немногія изъ нихъ уцѣлѣли отъ дунганскаго погрома; нѣкогда цвѣтущіе *города*, какъ, напримѣръ, Гунъ-Чанъ-Фу и Сю-Чжеу-Фу, превращены *положительно* въ груду развалинъ“—(и все это, дѣйствительно, вѣрно);—„села опустѣли: жители какъ бы боятся выйти изъ своихъ логовищъ въ горахъ и спуститься на долину...“ и т. п.

Какъ же согласовать эти поэтическія описанія бѣдственнаго положенія края съ неменѣе поэтическими зазываніями для чего-то, русскаго купечества въ этотъ разоренный край торговать съ кѣмъ-то, у кого и серебра и всякихъ драгоцѣнностей (какихъ—неизвѣстно) мятежъ не [illegible]

задумываться надъ *приглашеніями и Приложеніями къ нимъ*, (тогда какъ послѣднія совсѣмъ не для того и приложены, чтобъ ихъ читали и ими руководствовались, а просто уступая „дурному" обычаю). Чтеніе же ихъ приводитъ къ любопытнѣйшимъ открытіямъ и порождаетъ множество недоразумѣній. Напримѣръ:

Что это за города: Гучень, Баркуль и Хами,—пожелаетъ узнать изъ Приложенія тотъ, кто о нихъ раньше ничего не зналъ, но кого приглашаютъ туда выгодно торговать.—Онъ получаетъ, между прочимъ, слѣдующія, смѣемъ думать, существенныя свѣдѣнія:

„*Гучень*.—Разоренный до основанія городъ... успѣлъ уже нѣсколько оправиться. Жителей около 400 семействъ... а солдатъ 6,500 человѣкъ... Биржевыхъ домовъ нѣтъ, также нѣтъ и гостинницъ.
„*Ци-тай-сянь*.—Былъ уѣзднымъ городомъ. Жителей 200—300 (?!),
„*Баркуль*.—Жителей 6,000, гарнизону 400 (тутъ цифры наоборотъ). Имѣются биржевые дома (сколько, что они представляютъ—ровно ничего неизвѣстно).

„*Хами*.—(Тутъ стоитъ выписать все, что о немъ сказано, а именно):

„Городъ состоитъ изъ 3 отдѣльныхъ поселеній: китайскаго, манджурскаго и мусульманскаго. Жителей теперь не болѣе 6,000 и войска 4,000. Мѣстная гражданская власть находится въ рукахъ двухъ сановниковъ, титулуемыхъ *чинцаями*; мусульманами управляетъ родовой князь *Халитъ*. Военный начальникъ — *Джанъ-даджень* или иначе *Лау-суй-да-чжень*—имѣетъ первенствующее значеніе по всѣмъ частямъ.

Вотъ и все! Но этого довольно, потому что если жителей мало, такъ за то есть два сановника, титулуемыхъ чинцаями (!) и, еще надъ ними первенствующій, начальникъ Лау-суй-да-чжень (!)... Какъ же не ѣхать съ караванами торговать!

Но я уже сказалъ, что ничего не смыслю въ торговыхъ дѣлахъ; поэтому послушаемъ, что говорятъ люди опытные, и притомъ не такіе несправедливые, какимъ долженъ казаться я всякому, потому что ничего не хвалю, а только все корю... Да, что дѣлать!.. Вѣдь силъ нѣтъ читать написаннаго и напечатаннаго *для всеобщаго свѣдѣнія и руководства;* и я не стану касаться всѣхъ неточностей, неопредѣленностей, натяжекъ и прямой неправды, на которую уже достаточно было указано, раньше, другими.

Итакъ, вотъ что сказали „непредпріимчивые" русскіе ком-

мерсанты, въ отвѣтъ на одно изъ подобныхъ приглашеній. Одинъ тюменьскій купецъ г. Канонниковъ, какъ видно, увлеченный приведенными выше рѣчами и всему чистосердечно повѣрившій, присылаетъ въ московскій Биржевый Комитетъ Записку. И вотъ по поводу ея Ирбитское Отдѣленіе Общества Содѣйствія Промышленности и Торговли получило отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что „полагаться на заявленіе г. Канонникова было бы неосновательно, по слѣдующимъ причинамъ"...

Вотъ эти-то причины мы и приведемъ здѣсь, такъ какъ онѣ прямо касаются интересующаго насъ предмета, т.-е. къ какимъ результатамъ привело наше путешествіе... Это было писано еще въ 1877 году (7 января за № 26) (См. Дѣло Эксп. Ч. II, стр. 164).

1) „Пройденный г. Сосновскимъ путь не есть путь совершенно новый, какимъ признаетъ его г. Канонниковъ, ибо объ этомъ пути, какъ заграницей, такъ и у насъ въ Россіи, было уже писано въ 1863 и 1864 годахъ, что видно изъ брошюры „Замѣтки о торговыхъ путяхъ изъ Китая въ Россію черезъ азіатскую границу", въ которой весьма обстоятельно изложены *многія неудобства* восхваляемаго гг. Сосновскимъ и Канонниковымъ пути.

2) „Не только въ докладѣ г. Канонникова, но и въ указанной выше запискѣ его, хотя и говорится, что г. Сосновскій подробно, до мелочей изслѣдовалъ этотъ путь и достигъ блистательныхъ результатовъ, но положительныхъ указаній на то, въ чемъ именно состоятъ *подробности эти* и *блистательные результаты*, не видно.

3) „Принятіе г. Сосновскимъ обязательства, заключеннаго имъ съ намѣстникомъ провинцій Шан-си и Ган-су, Цзо-Цунъ-Танемъ, на поставку въ теченіи зимы и слѣдующаго лѣта для китайскихъ войскъ въ Хами и Баркуль до 174 тыс. пудъ хлѣба, признать за несомнѣнное доказательство возможности вести тамъ постоянную торговлю съ успѣхомъ, было бы *преждевременно*, такъ какъ результатъ этой операціи еще неизвѣстенъ, а къ тому же вѣдь неизвѣстна и причина, побудившая войти въ сношеніе съ г. Сосновскимъ китайскаго намѣстника, который, можетъ быть, затрудняясь въ достаткѣ изъ китайскихъ провинцій провіанта для своихъ войскъ, желалъ воспользоваться этимъ случаемъ лишь временно, когда требовала того необходимость, на которую указываетъ и самъ г. Канонниковъ, объясняя въ запискѣ его, что *хлѣбъ этотъ былъ нуженъ китайцамъ для открытія военныхъ дѣйствій* противъ кашгарскаго владѣтеля Якубъ-Бека.

4) „Обѣщаніе намѣстника Цзо-Пунъ-Таня покровительствовать нашей торговлѣ въ провинціях ... ѣнію, нельзя признать *безусловно надежным* ... чымъ въ замѣткѣ о торговыхъ путяхъ ч ... цу, стр.

9, 10, а вслѣдствіе этого и *предложенное г. Сосновскимъ содѣйствіе* его провести русскіе караваны внутрь Китая *едва ли* можетъ имѣть такое значеніе, *какое придается* ему г. Канонниковымъ"...

„Впрочемъ",—говорится далѣе въ отвѣтѣ,—„все сказанное выше нисколько не клонится къ тому, чтобы рѣшительнымъ образомъ отрицать пользу сдѣланнаго г. Сосновскимъ изслѣдованія. Очень возможно, что пройденный имъ путь представляетъ всѣ выгоды, о которыхъ пишетъ г. Канонниковъ, признавая его наивыгоднѣйшимъ въ дѣлѣ развитія торговли нашей съ Китаемъ. Но, тѣмъ не менѣе, *полагаться* на такое, не представляющее ясныхъ доказательствъ, заключеніе, какъ г. Канонникова, такъ и г. Сосновскаго, *невозможно* при указанныхъ выше опроверженіяхъ тому, напечатанныхъ въ упомянутой здѣсь брошюрѣ. Затѣмъ, надобно имѣть въ виду и то еще, что для правильнаго сужденія о выгодахъ или невыгодахъ какого либо новаго пути въ торговомъ отношеніи требуется много такихъ свѣдѣній, которыя г. Сосновскимъ, какъ лицомъ некоммерческимъ, могли быть вовсе упущены изъ виду, несмотря на всю важность ихъ значенія, тѣмъ болѣе, что, утверждая *лишь въ общихъ словахъ* преимущества пройденнаго г. Сосновскимъ пути, ни докладъ г. Канонникова, ни отношеніе Ирбитскаго Отдѣленія Общества не представляютъ никакихъ подробныхъ на то указаній.

Если это одно не подтверждаетъ во всемъ словъ моей книги, то на ряду съ остальными приводимыми ниже отзывами другихъ этотъ отвѣтъ очень краснорѣчивъ, какъ мнѣніе не одного лица, а такъ сказать приговоръ цѣлаго купеческаго сословія, по крайней мѣрѣ московскаго; а его приговоръ что нибудь значитъ. И вѣдь писали они его не на основаніи моей книги; а гораздо раньше, въ отвѣтъ на записку того самого г. Канонникова, именемъ котораго подписана хвалебная статья въ честь подполковника I. А. Сосновскаго (Ирбит. Ярмар. Лист. 1876 г. №№ 15 и 16).

Теперь посмотримъ, что говоритъ г. Сосновскій въ Отчетѣ о своей дѣятельности и что говорятъ объ этомъ Отчетѣ другіе, и къ какому заключенію должны будемъ придти мы съ вами, читатель.

„Кончился тяжелый и не совсѣмъ пріятный трудъ,—тяжелый для автора главнымъ образомъ по своему характеру, который, конечно, не могъ ускользнуть отъ вниманія читателя: такія книги пишутся поневолѣ, а не по влеченію,—съ тяжелымъ сердцемъ, а не съ удовольствіемъ... Кончилась повѣствовательная часть путешествія, которую менѣе всего думалъ написать я, и настоящая книга, можно сказать, есть результатъ несчастнаго случая".—(Потому что я разсчитывалъ, что для меня будутъ возможны спеціальныя занятія). „Но, такъ или иначе, а она написана; и читатель теперь ожидаетъ заключенія, общаго вывода, моего мнѣнія о томъ и о другомъ... Но, вѣдь вы знаете, въ какомъ духѣ оно можетъ быть высказано мною послѣ того, какъ я постоянно указывалъ, что самое дѣло изслѣдованія велось, по моему, вполнѣ искреннему и глубокому убѣжденію, не такъ, какъ должно, и какъ можно было! Вѣдь, какъ бы ни старался я скрыть свое полутора годовое сѣтованіе на то, что мы многое упускаемъ, не доглядываемъ, относимся къ принятой на себя обязанности несерьезно, какъ говорится спустя рукава, — все равно, мнѣ бы это не удалось"... „Поэтому естественнѣе всего ожидать съ моей стороны недовольства результатами экспедиціи не по сравненію съ тѣмъ, что требовалось, а по сравненію съ желаніемъ успѣха и возможностію,—съ идеаломъ, но не безумнымъ, не отвлеченнымъ, а вполнѣ доступнымъ (что и подтвердилось на мѣстѣ). Я убѣжденъ, что читатель и не можетъ ждать отъ меня иного отзыва, какъ такой, который въ деликатномъ видѣ формулируется, пожалуй, слѣдующимъ образомъ: „гдѣ нѣтъ предмета для хвалы, тамъ скажемъ все молчаніемъ"...

„И я, дѣйствительно, предпочитаю воздержаться съ своей стороны отъ критической оцѣнки сдѣланнаго нами въ цѣломъ, по двумъ причинамъ: потому, во-первыхъ, что я самъ могу заблуждаться: можетъ быть, я былъ не правъ во время путешествія, стремясь къ невозможному или ложному; а во-вторыхъ, потому что я не имѣю никакихъ средствъ убѣдить читателя въ правдивости и чистотѣ своихъ намѣреній, приговоровъ и мнѣній; читателю приходится вѣрить мнѣ на слово, а повѣритъ ли онъ или нѣтъ, я знать не могу; малѣйшее же сомнѣніе общества въ искренности словъ автора бываетъ тѣмъ прискорбнѣе, чѣмъ глубже прочувствованы и чѣмъ чистосердечнѣе высказанныя имъ слова. Въ самомъ дѣлѣ, читатель можетъ допустить и личную вражду, и зависть, и просто неуживчивый нравъ, незнаніе правилъ дисциплины, страсть къ оппозиціи ради ея самой, и тому подобное... Итакъ, повторяю, я воздерживаюсь отъ критики... Но правъ ли я былъ, предвидя и предсказывая не особенно блестящій исходъ нашего дѣла,—читатель увидитъ изъ чужихъ отзывовъ о томъ же предметѣ"...

„Не того хотѣлось мнѣ, не то надѣялся я читать о нашей экспедиціи, не къ тому стремился всѣми силами, отъ перваго до послѣдняго дня во все время путешествія; не „раздоръ желалъ я вносить въ нашу семью", какъ неоднократно и безуспѣшно ста-

рался увѣрить меня и другихъ Сосновскій; я желалъ доброй славы и всей „нашей семьѣ“ и лично ему,—славы, заслуженной честнымъ трудомъ... Да чѣмъ же нужно быть, чтобы имѣть иныя желанія и стремленія! И такія стремленія даромъ не проходятъ: не смотря ни на что, каждымъ въ отдѣльности сдѣлано очень много. Не удалась только общая задача“.

Сейчасъ я скажу, что говорятъ о сдѣланномъ г. Сосновскимъ посторонніе, не путешествовавшіе съ нимъ и не имѣвшіе раньше никакихъ „взаимныхъ отношеній“, а только прочитавшіе напечатанный имъ отчетъ *), но предварительно познакомлю читателей съ историческими данными, при которыхъ и какимъ образомъ собирался и накоплялся матеріалъ для этого замѣчательнаго произведенія.

Наблюдая невольно за жизнью всѣхъ моихъ спутниковъ по экспедиціи, а, слѣдовательно, поневолѣ зная въ общихъ чертахъ,—какъ, среди какихъ занятій проходилъ день каждаго изъ нихъ, я очень часто задумывался въ дорогѣ надъ слѣдующими вопросами: откуда же г. Сосновскій возьметъ свѣдѣнія, которыя онъ долженъ будетъ представить по возвращеніи изъ путешествія? Что будетъ говорить въ своемъ Отчетѣ, который вѣдь непремѣнно же отъ него потребуется? Чѣмъ онъ оправдаетъ себя, если не представитъ никакихъ работъ, свидѣтельствующихъ о его дѣятельности? Чѣмъ станетъ объяснять сдѣланныя, безъ малѣйшей уважительной причины, указанныя выше сокращенія первоначальной программы экспедиціи, а также свою поспѣшность во что бы ни стало, какъ можно скорѣе окончить путешествіе и скорѣе приступить къ практическому примѣненію его результатовъ? И мнѣ не разъ становилось за него страшно! Говорю эти слова совершенно искренно: мнѣ просто жалко было смотрѣть на него, когда я видѣлъ его томящимся отъ скуки, и слушалъ его вздохи и сокрушенія о томъ, что еще нескоро мы до Россіи доберемся. Объясняя себѣ его скуку отъ недостатка занятій, неумѣні-

---

*) Считаю не лишнимъ упомянуть, что я познакомился съ г. Петровскимъ уже послѣ того, когда онъ прочелъ отчетъ г. Сосновскаго; и онъ при этой первой встрѣчѣ передалъ мнѣ о странномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него названнымъ отчетомъ, какъ-будто чѣмъ-то, уже давно читаннымъ. При слѣдующемъ свиданіи онъ сообщилъ, что нашелъ всѣ источники и страницы, изъ которыхъ Сосновскимъ сдѣланы выборки безъ указанія авторовъ.

емъ взяться за дѣло и недостаточною любознательностью, я множество разъ желалъ побесѣдовать съ нимъ и навести на ту и на другую мысль, предложить дѣло, которое онъ, при добромъ желаніи, могъ-бы съ пользою исполнить; но указанныя выше свойства его характера и недружелюбныя отношенія ко мнѣ довольно скоро прогнали даже и мысль о томъ, чтобы я осмѣлился когда-нибудь заикнуться о чемъ-либо подобномъ, ибо самый невинный совѣтъ, въ самой деликатной формѣ, оскорблялъ его, какъ преднамѣренный злой умыселъ какой... Но не наблюдать и не думать я не могъ,—вѣдь не закроешь глазъ, и не въ нашей волѣ запретить мыслямъ лѣзть въ голову;—и вотъ, я невольно вижу сначала, что всѣ приготовленія дѣлаются небрежно, на-авось и какъ-нибудь; вижу далѣе, что въ Кяхтѣ, гдѣ существуетъ цѣлый архивъ съ дѣлами о нашей торговлѣ съ Китаемъ, двѣ недѣли проходятъ у насъ въ самомъ непостижимомъ бездѣйствіи, можно сказать, въ одномъ невинномъ благодушествованіи; въ Ургѣ девять дней—также; въ дорогѣ — тоже, и т. д. Остаются съ знакомъ вопроса тѣ остановки, во время которыхъ мы почти не видались, потому-что я постоянно уходилъ куда-нибудь или работалъ у себя дома. И вотъ, во время этихъ остановокъ (а именно въ Пекинѣ полтора мѣсяца, въ Хань-Коу два мѣсяца, въ Хань-Чжунъ-Фу мѣсяцъ, и мѣсяцъ въ Лань-Чжоу), а также въ теченіи трехъ мѣсяцевъ движенія въ лодкахъ по рѣкѣ Хань, г. Сосновскому возможно было создавать что-нибудь, о чемъ я не могъ знать; въ остальное же время мы почти постоянно были на виду другъ у друга. Оказывается, дѣйствительно, что только въ названныхъ пунктахъ и во время плаванія по рѣкѣ, имъ были написаны главныя донесенія, отправленныя съ дороги въ Петербургъ, а потомъ вошедшія почти цѣликомъ въ составъ его печатнаго Отчета лишь съ нѣкоторыми добавленіями и Приложеніями. Къ разсмотрѣнію его теперь мы и перейдемъ.

Въ книгѣ моей, какъ сказано, я предпочелъ воздержаться отъ собственной критической оцѣнки результатовъ дѣятельности г. Сосновскаго; но въ настоящей брошюрѣ я прибавлю нѣсколько и своихъ замѣчаній. Полнаго же разбора ихъ я не предпринимаю по слѣдующимъ двумъ причинамъ: потому-что Отчетъ г. Сосновскаго недостаточно

серьезенъ и потому-что онъ такъ оригинально составленъ, что послѣ сказаннаго о немъ г. Петровскимъ, на долю новаго критика, можно сказать, ничего не остается. Итакъ, послушаемъ сначала, какой приговоръ произноситъ надъ „оклеветаннымъ“ мною г. Сосновскимъ посторонняя, серьезная и, смѣемъ думать, безпристрастная критика.

Г. Петровскій дѣлаетъ сначала слѣдующее небольшое вступленіе, съ которымъ читателямъ настоящей брошюры будетъ небезполезно познакомиться.

„Со времени прекращенія, вслѣдствіе дунганскаго возстанія, торговли нашей къ Кульджѣ и Чугучакѣ, правительство обратило особенное вниманіе на открытіе новыхъ рынковъ для русской предпріимчивости въ другихъ частяхъ внутренняго Китая. Съ этою цѣлію въ 1868 году былъ отправленъ въ Западную Монголію бывшій нашъ консулъ въ Кульджѣ, г. Павлиновъ, а вслѣдъ затѣмъ былъ командированъ въ Улясутай (одинъ изъ городовъ Западной Монголіи), въ видахъ содѣйствія нашимъ купцамъ, секретарь нашего консульства въ Ургѣ. Кромѣ того, по распоряженію главнаго начальства Западной Сибири, въ 1872 году была снаряжена развѣдочная экспедиція въ долину Чернаго Иртыша подъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Сосновскаго, которому, между прочимъ, было поручено собрать полезныя свѣдѣнія объ этомъ краѣ, „представляющемъ самый естественный и кратчайшій путь изъ Западной Сибири внутрь Китая“. (Не лишнимъ замѣтить, говоритъ здѣсь г. Петровскій въ примѣчаніи, что естественность и краткость этого пути, какъ видно, *предполагались заранѣе*, ибо ни то, ни другое еще не было изслѣдовано).

„Наконецъ, для окончательнаго упроченія возникающихъ торговыхъ связей съ Китаемъ и для бо́льшаго развитія начатыхъ въ 1868 году, въ этомъ направленіи изысканій, въ началѣ 1874 года, по соглашенію министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ, Финансовъ и Военнаго, и съ Высочайшаго соизволенія, рѣшено было снарядить въ Китай новую экспедицію, съ цѣлію изслѣдовать естественныя, торговыя и политическія условія вышеуказаннаго „кратчайшаго пути“, ведущаго отъ предѣловъ Западной Сибири къ юго-западному углу внутренняго Китая, а именно въ провинцію Сы-чуань“.

„Важность предметовъ, продолжаетъ г. Петровскій, подлежавшихъ изслѣдованію экспедиціи, значеніе задачи, порученной ея разрѣшенію, значительныя суммы, употребленныя на это дѣло правительствомъ, и, наконецъ, то живое сочувствіе, которое встрѣтила экспедиція со стороны торговаго сословія и всего образованнаго общества, даетъ отчету г. Сосновскаго право на особенное вниманіе, и подробный разборъ. Прежде всего нѣсколько словъ о самой задачѣ экспедиціи“.

„Русская учено-торговая экспедиція“, какъ видно изъ отчета г. Сосновскаго (стр. 3-я), имѣла своею цѣлію: во-первыхъ, изслѣ-

довать, въ топографическомъ отношеніи, дорогу отъ Зайсанскаго Поста, въ Семипалатинской области, къ юго-западнымъ провинціямъ за-стѣннаго Китая и указать, при какихъ способахъ и средствахъ она можетъ быть примѣнима для нашей торговли; во-вторыхъ, если торговля въ этомъ направленіи представляетъ задатки къ дальнѣйшему развитію, то выяснить соображенія, гдѣ удобнѣе учредить консульства и факторіи, а гдѣ достаточно ограничиться торговыми агентствами, и въ-третьихъ, собрать возможно полныя свѣдѣнія о такъ-называемомъ дунганскомъ возстаніи, которыя давали бы возможность опредѣлить будущую политическую судьбу охваченныхъ инсуррекціей провинцій.

Затѣмъ, г. Петровскій разсматриваетъ отдѣльно каждую изъ трехъ частей „Отчета", на какія послѣдній распадается, сообразно задачамъ экспедиціи. Вотъ что говорится имъ по разсмотрѣніи первой части.

„Главная мысль и всѣ старанія г. Сосновскаго направлены къ одной цѣли—*доказать то, что было имъ высказано ранѣе* въ отчетѣ о Булунь-тохойской экспедиціи, именно, что путь, пройденный экспедиціей, *представляетъ такія преимущества для торговли*, каковыхъ не имѣетъ никакой другой путь въ Китай, и каковыя дѣлаютъ этотъ западный путь способнымъ идти въ параллель даже съ путемъ морскимъ черезъ Суэзскій каналъ. Всѣ остальныя затѣмъ свѣдѣнія и разсужденія автора отчета составляютъ только необходимыя принадлежности и *украшенія* для подтвержденія вышеуказанной главной мысли Отчета. *Свѣдѣнія эти по большей части взяты изъ консульскихъ отчетовъ и другихъ документовъ, а разсужденія заключаются въ давно извѣстныхъ фразахъ и сѣтованіяхъ на нашу коммерческую отсталость, рутинность, отсутствіе широкихъ взглядовъ и т. п., причемъ, какъ всегда случается съ подобнаго рода бойкими, но мало солидными разсужденіями, онѣ поверхностны и грѣшатъ противорѣчіями иногда самаго поразительнаго свойства*".

Слѣдуютъ примѣры и доказательства въ цифрахъ, изъ которыхъ выводъ слѣдующій:

„Такимъ образомъ, по удостовѣренію Отчета, на сторонѣ новаго пути представляется сокращенія *на 2,200 верстъ*.

Весь этотъ разсчетъ, по ближайшемъ его разсмотрѣніи, оказывается *неточнымъ*",... оказывается, *вопреки* утвержденію Отчета, что преимущества западнаго пути противъ кяхтинскаго по разстоянію не велики, а именно: не болѣе какъ *на 300 верстъ* (а не 2200).

Это произошло у г. Сосновскаго оттого, что и

„Здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, *неправильность пріема сравненія путей, увеличеніе цифръ для стараго и уменьшеніе ихъ для новаго пути, бросаются въ глаза съ перваго взгляда*".

А на основаніи этихъ свѣдѣній,—прибавляю я отъ себя, должны были строиться выводы и проекты нашихъ комерсантовъ, которымъ даже были разосланы печатные экземпляры съ этими заманчивыми „новыми свѣдѣніями"; послѣднія должны были вліять на соображенія правительства, снаряжавшаго экспедицію съ цѣлью изученія вопросовъ о путяхъ въ Китай!.. Судите же, каковы могли быть послѣдствія подобнаго отношенія г. Сосновскаго къ такому серьезному дѣлу, если бы ими стали руководствоваться.

„Вторая часть Отчета, говоритъ г. Петровскій, занята описаніемъ дунганскаго возстанія и разсужденіями автора о такъ-называемомъ „*китаизмѣ*". Всѣ извѣстныя до сего времени свѣдѣнія объ этомъ возстаніи или, вѣрнѣе, поголовной рѣзнѣ китайцевъ мусульманами и обратно, истребившей почти безслѣдно десятки городовъ и сотни тысячъ людей, заключались въ отрывочныхъ замѣткахъ, корреспонденціяхъ и мелкихъ статьяхъ, составленныхъ по слухамъ или по разсказамъ, всегда въ ту или другую сторону преувеличеннымъ, очевидцевъ туземцевъ враждебныхъ лагерей. *Начальникъ торговой экспедиціи и его спутники были единственные пока русскіе образованные люди, прошедшіе вдоль тѣхъ странъ, гдѣ недавно разыгрывалось дунганское возстаніе*, видѣвшіе всѣ ужасныя его послѣдствія и имѣвшіе своею цѣлью собрать о немъ подробныя свѣдѣнія. Понятно, поэтому, съ какимъ любопытствомъ всякій, интересующійся положеніемъ дѣлъ на крайнемъ Востокѣ, приступаетъ къ чтенію этой части Отчета экспедиціи. Къ сожалѣнію, ожиданія оказываются напрасными: *вся эта часть отчета г. Сосновскаго есть буквальная перепечатка, съ собственными вставочными въ текстъ разсужденіями автора цѣлыхъ страницъ* (!) *и отдѣльныхъ строкъ*, безъ указанія источниковъ *не только изъ статей, помѣщенныхъ въ рѣдкихъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, статья отца Палладія, но и изъ весьма извѣстныхъ путешествій и справочныхъ книгъ, какъ, напримѣръ, изъ* Военно-Статистическаго Сборника, *изъ котораго авторомъ отчета перепечатана большая часть свѣдѣній, относящихся до устройства китайскихъ войскъ.* (!) Нижеслѣдующія выписки подтвердятъ сказанное"...

Критикомъ приводятся многіе примѣры, изъ которыхъ достаточно было бы даже одного, чтобы понять, въ чемъ дѣло, т.-е. какъ Отчетъ „дѣлался". Но они такъ характерны, интересны и назидательны для будущихъ подобныхъ путешественниковъ, что я приведу ихъ нѣсколько изъ разныхъ отраслей знанія, соотвѣтственно „учено-торговымъ заданіямъ" бывшаго начальника экспедиціи.

Вотъ, что, напримѣръ, говоритъ онъ *отъ себя* о конфуціанствѣ на стр. 38 своего отчета:

„*Позитивизмъ* той религіозно-философской школы, которая извѣстна у насъ подъ именемъ Конфуція (?!), представляетъ обширное *поле для построенія любой системы;* духъ терпимости, какимъ отличается это ученіе, достаточно характеризуется словами даже *мусульманскихъ писателей* (!), говорящихъ, что оно даетъ *матеріалъ, изъ котораго* съ одинаковымъ удобствомъ *можно построить* и мусульманскую *мечеть* и ламайское *капище*“.

И вотъ, что раньше напечатано нашимъ знаменитымъ синологомъ, покойнымъ арх. Палладіемъ, и что, какъ рядомъ указано, только *поправлено* г. Сосновскимъ:

„*Позитивизмъ* конфуціанцевъ... оставляетъ широкое *поле для построенія любой системы;* мусульманскіе писатели сравниваютъ конфуціанское ученіе съ готовымъ *матеріаломъ, изъ котораго можно построить* капище или мечеть“.

(О магометанахъ въ Китаѣ, арк. Палладія. *Труды Пекинск. дух. миссіи*, т. IV, стр. 447).

Вотъ, что говорится въ „*Военно-Статист. Сборникѣ*“, в. III, на стр. 152 о другомъ предметѣ:

„...рабы, военноплѣнные, актеры, а также полицейскіе служители, набиравшіеся прежде изъ каторжниковъ, но нынѣ наслѣдственные. Послѣдне-сказанныя категоріи лицъ не имѣютъ гражданскихъ правъ, не могутъ поступать въ учебныя заведенія, а, слѣдовательно, и въ государственную службу“.

А вотъ, что „новаго“ сообщаетъ объ этомъ г. Сосновскій, на стр. 40 своего Отчета:

„...*только актеры*, военноплѣнные, сторожа присутственныхъ мѣстъ и полицейскіе служители считаются людьми позорнаго происхожденія (?) *лишены гражданскихъ правъ*, почему имъ и не дозволено поступленіе въ учебныя заведенія, а, слѣдовательно, и на государственную службу. Званія эти наслѣдственныя, а прежде сторожа, напримѣръ, присутственныхъ мѣстъ комплектовались изъ каторжныхъ“ и пр.

Надѣюсь, что мнѣ *абсолютно никого* не придется убѣждать въ томъ, что подобнаго случайнаго совпаденія мыслей, и словъ для ихъ выраженія, допустить никакъ нельзя и возражать на это, надѣюсь, не станутъ... Трудно допустить также подобное тождество выраженій и у г. Сосновскаго съ г. Боярскимъ, въ письмѣ „котораго“ говорится: „у китайцевъ актеры и уличные пѣвцы не пользуются гражданскими правами“. Далѣе еще примѣръ:

„Многія постановленія въ Китаѣ *поражаютъ* и теперь *ясностію взгляда*, предусмотрительностію *и заботливостію законодателя о пользѣ народа*“,—говоритъ въ своемъ „Путешествіи въ Китай“ Ковалевскій, (стр. 60).

Оказывается, что и г. Сосновскій, при *изученіи* китайскихъ аграрныхъ законовъ, былъ пораженъ тѣмъ же.

„Аграрные законы, говоритъ онъ на стр. 40. *поражаютъ* глубиной, *ясностью взгляда и заботами о пользѣ народной*“.

Пріятно видѣть и слѣдующее *сходство* въ показаніяхъ различныхъ лицъ, много лѣтъ спустя одинъ послѣ другого посѣтившихъ Китай.

Г. Сосновскій, напримѣръ, находитъ, что въ Китаѣ (ст. 41)

„...Обработывающая *промышленность развилась самобытно и достигла* неподражаемой степени совершенства“ и пр.“

Или, что

„Хорошіе *сорты фарфора* стали рѣже попадаться потому, что лучшіе фарфоровые заводы (въ Цзянси) *разрушены тайпингами въ 1860 г.*“

У Ковалевскаго (т. II, ст. 39) напечатано:

„Сложная и *строгая отчетливость* въ казенныхъ деньгахъ, *повидимому, лишаетъ всякой возможности* украсть ихъ, *а между тѣмъ, когда послѣ первой* контрибуціи англичанамъ, *хватились денегъ*“ и пр.

Покойный арх. Палладій, извѣстный, какъ сказано, всему образованному міру, знатокъ китайскаго языка и литературы, говоритъ:

„Здѣсь кстати замѣтить, до какой степени неточно называютъ китайскихъ магометанъ татарами, какъ-будто магометане не что иное, какъ татары. Послѣдніе *составляютъ вѣтвь тюркскаго племени и не имѣютъ ничего общаго съ китайскими магометанами ни по происхожденію, ни по языку*“ и пр. (стр. 441).

Только-что вернувшійся изъ Китая, г. Сосновскій сообщаетъ свѣжія новости о немъ въ военномъ отношеніи, говоря, что

„Главное управленіе арміею раздѣлено между тремя палатами“ и пр. (стр. 49).

Что

„Знаменное войско... лишено *всякой воинственности* и *годно только для китайской полицейской службы и сплава казеннаго лѣса* по рѣкамъ“ и пр. (стр. 50).

Тамъ—хлѣба; а у г. Сосновскаго лѣса. (!?).

И въ „Военно-Статистическомъ Сборникѣ“ (в. III, стр. 166) говорится тоже, что

„Китайская *промышленность, развившаяся совершенно самобытно*... во многихъ отрасляхъ достигла совершенства“.

И что

„Лучшіе фарфоровые заводы въ провинціи Цзянси были *разорены въ 1860 годахъ инсургентами*, и хорошіе *сорты фарфора* теперь не выдѣлываются“.
(Тамъ же, стр. 167).

И г. Сосновскій пришелъ къ убѣжденію, что

„*Строгая отчетность* въ расходованіи казенныхъ суммъ исключаетъ, *повидимому всякую возможность похищенія, а между тѣмъ когда послѣ первой войны* съ англичанами, *хватились денегъ*“ и пр. (ст. 44).

Г. Сосновскій, съ своей стороны, считаетъ своимъ долгомъ *отмѣтить грубое заблужденіе* ученыхъ. Онъ говоритъ:

„*Отмѣтимъ* (?!) здѣсь кстати *грубое заблужденіе*, когда отождествляютъ въ одномъ понятіи китайскихъ магометанъ и татаръ: какъ-будто магометанинъ—синонимъ татарина. Татары *составляютъ вѣтвь тюркскаго племени и не имѣютъ ничего общаго съ китайскими мусульманами ни по происхожденію, ни по языку* и пр.

Тогда-какъ въ „Воен.-Стат. Сборн.“ уже давно было сказано, (в. III, стр. 190). что

„Главное управленіе арміею раздѣлено между тремя палатами“ и пр.

Что

„Войско... не только утратило *всякую воинственность*, но впало въ лѣность и нищету, такъ-что можетъ быть *только годно для китайской полицейской службы и сплава по рѣкамъ* и каналамъ казеннаго хлѣба“ и пр.
(Тамъ же, стр. 189).

„*Въ войскахъ восьми знаменъ оружіе выдается натурой или деньгами, а въ зеленомъ знамени всегда натурою*". „*Порохъ* приготовляютъ войска сами *по мѣрѣ надобности*" и пр. (стр. 51).	"*Въ войскахъ восьми знаменъ оружіе выдается натурой или деньгами, а въ зеленомъ знамени всегда натурою*". „*Порохъ* приготовляется самими войсками *по мѣрѣ надобности*". (Тамъ же, стр. 191).
„*Артиллерія*... состоитъ... *восьми шести-фунтовыхъ орудій, подаренныхъ русскимъ правительствомъ*, и мѣдныхъ *орудій, отлитыхъ еще іезуитами при императорѣ Канси*, и они, конечно, давно уже *пришли въ совершенную негодность*" (стр. 52).	„*Артиллерія* находится въ самомъ жалкомъ состояніи, за исключеніемъ *восьми шести-фунтовыхъ орудій, подаренныхъ русскимъ правительствомъ*, остальныя орудія *отлиты еще іезуитами при императорѣ Канси* и *пришли въ совершенную негодность*". (Тамъ же, стр. 191).
„Въ войскахъ восьми знаменъ *многія офицерскія должности, исключая первыхъ четырехъ классовъ, наслѣдственны*" (стр. 54).	„Въ знаменныхъ войскахъ *многія офицерскія должности, исключая первыхъ четырехъ классовъ, наслѣдственны*". (Тамъ же, стр. 190).

Что же все это обозначаетъ? Неужели доказываетъ излишекъ „свѣдѣній и своего собраннаго матеріала"! Для тѣхъ, кому приведеннаго мало, и кто пожелаетъ думать, что это исключительныя мѣста, выбранныя изъ Отчета г. Сосновскаго, я приведу слѣдующія слова г. Петровскаго же:

„Страницы 46, 47 и 48, говоритъ онъ, представляютъ буквальную перепечатку, съ пропусками и перестановкою фразъ, статьи арх. Палладія о магометанахъ въ Китаѣ, *причемъ мнѣнія арх. Палладія авторъ отчета приводитъ, какъ собственныя*".

Вѣдь этимъ словамъ вѣрится трудно;.. но и это не ложь и не клевета, а въ буквальномъ смыслѣ очевидная истина.

Итакъ, вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ новыхъ свѣдѣній, которыя г. Сосновскій принужденъ былъ сообщить на первыхъ порахъ по возвращеніи изъ путешествія, чтобы, какъ онъ говоритъ, „удовлетворить лишь первой потребности оріентировки, на сколько допускаютъ рамки журнальной статьи"!... Знатоки дѣла тогда же остались недовольны этими обобщеніями, а непосвященные повѣрили его обширной учености и глубокому изученію Китая и китайской литературы. Теперь дѣлайте выводы, какіе кому угодно...

— Но не все же г. Сосновскій выписалъ изъ чужихъ книгъ,—можетъ возразить читатель и спросить: неужели у него ничего нѣтъ своего?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ г. Петровскій при обозрѣніи второй и третьей частей „Отчета" въ слѣдующихъ словахъ.

„Описанію собственно дунганскаго возстанія, говоритъ онъ, *въ отчетѣ посвящено не болѣе четырехъ страницъ, кажется, ни от-*

куда не заимствованныхъ; по крайней мѣрѣ, мы не могли найти источника (а ихъ немного), изъ котораго могли бы быть сдѣланы выписки. *Но въ этомъ отношеніи слѣдуетъ жалѣть объ обратномъ.* Еслибы въ отчетѣ были сдѣланы выписки изъ чужихъ статей, то, можетъ быть, случайно въ эти выписки попало бы, хотя бы въ дурномъ переводѣ *), превосходное (VI) письмо барона фонъ-Рихтгофена Шанханской палатѣ о возстаніи въ Ганьсу и Шенси. Теперь же *свѣдѣнія*, собранныя экспедиціей объ этомъ возстаніи на мѣстѣ дѣйствія и, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, *до того незначительны и поверхностны, что всѣ прежнія статьи о дунганскомъ возстаніи, составленныя въ Россіи по слухамъ или разсказамъ очевидцевъ, далеко превосходятъ эту часть отчета экспедиціи.* **) Извѣстно, что дунганское возстаніе охватило собою огромное пространство, длилось болѣе десяти лѣтъ, уничтожило почти безслѣдно массу городовъ и селеній и истребило не десятки, а сотни тысячъ, милліоны людей. Чтó же это за возстаніе, въ чемъ оно заключалось, какія его отдаленныя причины и ближайшіе поводы, какъ и кѣмъ оно велось, что оно сдѣлало и т. п.,—вотъ вопросы, которые естественно, возникаютъ у каждаго, кто хоть мало-мальски знаетъ объ этомъ возстаніи, и разъясненіе которыхъ скорѣе и ближе всего должно бы найти себѣ мѣсто въ отчетѣ той экспедиціи, на которую *было спеціально возложено собрать возможно-полныя данныя объ этомъ возстаніи.* Вотъ какъ отвѣчаетъ на всѣ такіе вопросы г. Сосновскій: „Напрасно мы искали бы дѣйствительные поводы къ движенію: ни руководящей мысли, ни единства цѣли оно не имѣетъ. Это не кликъ газавата во имя знамени пророка, не зовъ убогой райи за кусокъ хлѣба и свободы совѣсти, а просто бойня безъ смысла и причины. Итакъ, ожесточенная рѣзня, поголовное въ теченіе десяти лѣтъ истребленіе другъ друга двумя народностями, не имѣетъ ни смысла, ни причины? Нѣтъ, причины эти существуютъ, и уже были указаны нашимъ русскимъ ученымъ Васильевымъ и иностранцемъ Рихтгофеномъ, но только изслѣдованіе этихъ причинъ не далось автору Отчета... Вторая часть отчета заключается *опять* заимствованіями изъ конца статьи о. Палладія, начало которой мы видѣли выше.

Итакъ, еслибы кто насъ спросилъ,—что же такое „дунганское возстаніе“,—мы, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ г. Сосновскимъ, должны были бы отвѣтить: *Это не кликъ газавата во имя знамени пророка, не зовъ*

*) Самъ г. Сосновскій незнакомъ съ англійскимъ языкомъ, а тотъ, кто переводилъ ему англійскіе таможенные отчеты,—замѣнявшіе его „бесѣды съ иностранными консулами“, о которыхъ писалось въ Петербургѣ и говорилось въ отчетѣ,—переводитъ „foreign trade“ словами *иностранная* торговля, вмѣсто *внѣшняя*, что далеко не одно и тоже. Вотъ почему г. Петровскій соглашается хотя бы на „дурной переводъ“.

**) Просимъ читателей не считать отчета г. Сосновскаго отчетомъ экспедиціи.

убогой райи за кусокъ хлѣба и свободы совѣсти, а просто бойня безъ смысла и причины... Что за бѣда, что изъ этого ровно ничего нельзя понять и вывести; — отвѣтъ есть, и еще въ видѣ какой фразы! Что за бѣда, что въ словахъ „зовъ за *кусокъ (?) хлѣба и свободы совѣсти*", нѣтъ смысла: — кто станетъ разбирать и вдумываться; и кто у насъ что понимаетъ!.. Такъ долженъ былъ думать г. Сосновскій, когда писалъ свой Отчетъ; и читатель видитъ, въ какое онъ впалъ заблужденіе относительно малаго пониманія тѣхъ, хотя, можетъ быть, и не очень многихъ, для кого весь механизмъ Отчета былъ совершенно прозраченъ.

Вотъ, наконецъ, слова г. Петровскаго относительно третьей части, т.-е. извлеченія изъ путеваго журнала (?) съ маршрутами и замѣтками о торговлѣ:

„Трудно дать полную вѣру этимъ поддающимся только тщательному и продолжительному изслѣдованію свѣдѣніямъ и цифрамъ, когда видишь, что *мимо самыхъ крупныхъ явленій авторъ прошелъ, такъ-сказать, зажмуря глаза и нашелъ лучшимъ позаимствовать о нихъ, безъ указанія источниковъ, чужія описанія и мнѣнія.* Кто можетъ положиться на такой цифирный дневникъ, въ которомъ, съ одной стороны, встрѣчается *самое скрупулезное, даже въ процентномъ отношеніи, перечисленіе населенія многихъ городовъ и селеній съ показаніемъ числа въ нихъ шапочниковъ, кузнецовъ и плотниковъ*, а съ другой, вопреки давно извѣстнымъ фактамъ, утверждается, что „въ Китаѣ правильныхъ переписей непроизводится".

Нетрудно угадать, что выводъ, къ какому долженъ былъ придти г. Петровскій изъ разсмотрѣнія отчета г. Сосновскаго, не особенно-то льститъ самолюбію послѣдняго, и читатели теперь видятъ ясно, что, должно быть, не „многимъ", вопреки словамъ письма, подписаннаго г. Боярскимъ, обязаны мы г. Сосновскому. А именно:

„*Отчетъ начальника учено-торговой экспедиціи въ Китай*, говоритъ критикъ, по тѣмъ главнѣйшимъ предметамъ, изслѣдованіе которыхъ было экспедиціи поручено, представляетъ, какъ мы видѣли, въ значительной своей долѣ *поверхностнаго свойства компилятивный трудъ изъ матеріаловъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, и свѣдѣній и разсужденій, перепечатанныхъ буквально изъ книгъ и изъ сочиненій, изданныхъ десять и болѣе лѣтъ тому назадъ. Собственныя разсужденія автора обыкновенно противорѣчивы и бездоказательны.* Заключающіяся же въ От[illegible]образныя свѣдѣнія, вслѣдствіе общаго характера Отчета, [illegible]ели, *не могутъ возбуждать къ себѣ серьезн*[illegible]рѣ до

того времени, пока эти свѣдѣнія не будутъ провѣрены и подтверждены лицами безпристрастными и компетентными.

Теперь обратимся къ автору Письма, кто бы онъ ни былъ, и попросимъ объяснить, какъ же можно было оставить безъ малѣйшаго возраженія такое изобличеніе въ самомъ недобросовѣстномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ защищаемаго въ письмѣ г. Сосновскаго? Вѣдь по крайней мѣрѣ слѣдовало хотя бы сказать, что и въ статьѣ г. Петровскаго только и есть, что „напущенный туманъ", „сомнительная окраска" да „инсинуаціи"; что вся она есть также одна „ложь" и „клевета"; что и г. Петровскому нужно было только „очернить имя нашей экспедиціи"... Точно также, возставая противъ моихъ словъ, нельзя было оставлять безъ опроверженія и слѣдующаго приведеннаго въ книгѣ отзыва англійской печати о результатахъ дѣятельности г. Сосновскаго. Иначе, что должны думать читатели при видѣ слѣдующихъ ни однимъ словомъ защитника даже и незатронутыхъ словъ... (The Academy. 1876. Oct. 14), приводимыхъ здѣсь въ переводѣ.

„Мы дали", говорится въ The Academy (1876. Oct. 14), „бѣглый очеркъ путешествія, которое могло бы привести къ блестящимъ результатамъ, но послѣднихъ, какъ оказывается, не видно ни въ выставкѣ г. Сосновскаго, ни въ его отчетѣ, напечатанномъ во второмъ нумерѣ Изв. Геогр. Общ. настоящаго года. Что же касается выставки, то находящіеся здѣсь предметы представляютъ наименьшій научный интересъ и не цѣнны по своему достоинству"...

...„Отчетъ начальника замѣчательно скроменъ по объему, занимая всего двѣнадцать страницъ. Можно бы подумать, что онъ не имѣлъ времени написать больше. Но, что причина не заключается въ этомъ, видно изъ длинныхъ и словообильныхъ описаній нѣкоторыхъ неважныхъ предметовъ, заключающихся въ немъ...

„...Въ самомъ дѣлѣ отчетъ стоитъ прочесть для того, чтобы узнать, не то, что русская экспедиція сдѣлала, а что оставила не додѣланнымъ"...

Вы видите, что въ послѣднихъ словахъ упрекъ дѣлается не личности г. Сосновскаго, а всей русской экспедиціи... Кто же, оказывается такимъ образомъ, послужилъ не къ чести ея имени?!. Нѣтъ, напрасно авторъ письма полагалъ, что подобное дѣло можетъ остаться „извѣстнымъ лишь небольшому кружку лицъ", еслибы даже они всѣ до одного сговорились дѣйствовать съ *„святымъ сознаніемъ*

долга и руководясь исключительно *общегосударственными пользами*"; и тогда, говорю, подобнаго „шила намъ бы въ мѣшкѣ" никакимъ образомъ не утаить. Вѣдь уже давно, какъ видите,—за три и за четыре года до выхода въ свѣтъ моей *неправдивой* книги были напечатаны приведенныя слова, противъ которыхъ только не возставали и теперь въ Письмѣ не возстаютъ.

Не знаю, велика ли услуга, оказанная г. Сосновскому защитой, поведенной подъ именемъ г. Боярскаго; но мнѣ кажется—не очень большая и не особенно полезная, потому что даже неблаговидный *туманъ*, всякія *инсинуаціи* и разноцвѣтная сомнительная *окраска*, (если существованіе ихъ признается моими противниками), все же лучше, въ высшей степени неблаговиднаго и гораздо болѣе яркаго, самораскрашиванія... Если правда, что *темный фонъ* былъ уже раньше ими самими подготовленъ, то зачѣмъ было нужно еще усиливать его печатаніемъ такого письма, какъ „Экспедиція въ Китай"? Вѣдь это вышло только реставрированіемъ старой картины, содержаніе которой имъ было чрезвычайно непріятно. И вотъ, теперь опять станутъ всплывать нѣкоторые прежніе и новые вопросы въ родѣ слѣдующихъ: Куда же истрачены 43,071 руб.? Какая судьба постигла оставшееся въ экономіи серебро, которое вѣдь на глазахъ всѣхъ пріѣхало обратно въ Россію? Объ этомъ въ книгѣ говорится, а въ Письмѣ не затрогивается и не отрицается... Отчего, несмотря на эту экономію, оказалось еще передержка въ 5,507 руб. 16 коп.? Отчего изъ дѣла экспедиціи невидно, — возвращены ли семипалатинскому казначейству взятыя изъ него г. Сосновскимъ заимообразно 10,000 р.? Положимъ, что это все вопросы, для каждаго прямого человѣка самые обыкновенные и совершенно безобидные, да все же скучно на нихъ отвѣчать; а обществу знать небезъинтересно, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ многихъ, кто ближе ознакомился съ дѣломъ. Точно также опять станутъ спрашивать: когда же „массу матеріаловъ" отдастъ г. Сосновскій „на судъ публики"? Когда наступитъ конецъ этому „вскорѣ", послѣ котораго по словамъ редакціи „Голосъ", появится „обстоятельное разъясненіе полковника Сосновскаго всѣхъ недоразумѣній, вызываемыхъ книгою Пясецкаго?" Вѣдь всего этого ждутъ; а если

этого не будетъ, такъ ждутъ отказа, отмѣны, подобно тому, какъ дѣлаются объявленія, напримѣръ, о несостоявшемся засѣданіи и т. п. „Пора же, въ самомъ дѣлѣ, прервать, наконецъ, слишкомъ долгое молчаніе“, — станутъ опять раздаваться голоса... А я на эти голоса вынужденъ отвѣчать: къ чему напрасно ожидать; ибо никогда передъ публикой не предстанетъ на судъ эта „масса матеріаловъ“; никогда также не явится опроверженія г. Сосновскаго на мою книгу; если же явится что-нибудь, то это будетъ и не „обстоятельное“ и не „разъясненіе недоразумѣній“, а неясныя или рѣзкія фразы, которыя будутъ только затемнять дѣло и послѣднее возможно будетъ привести въ надлежащую ясность не иначе, какъ при помощи Суда.

Нужно ли, послѣ всего вышеизложеннаго, приводить еще основаніе для моего только-что высказаннаго убѣжденія. Но если нужно, то прошу выслушать слѣдующее простое разсужденіе... Если въ бѣгломъ поверхностномъ очеркѣ своего путешествія, составленномъ, по словамъ самого г. Сосновскаго, лишь для того, „чтобы удовлетворить потребности первой оріентировки“, онъ былъ вынужденъ прибѣгать къ заимствованію мыслей и данныхъ изъ чужихъ сочиненій, то чего можемъ мы ожидать отъ него въ будущемъ? Кто повѣритъ въ существованіе этой *массы матеріаловъ, весьма естественно накопившихся* у него *втеченіи почти двухлѣтняго пребыванія въ странѣ!* *) Можетъ быть и найдутся болѣе, чѣмъ я, довѣрчивые люди; но едва ли имъ удастся увѣрить въ томъ же кого-либо другого... Нѣтъ, — весь характеръ „Отчета“ доказываетъ совершенно ясно, что въ немъ вылился весь запасъ, собранныхъ такъ или иначе, свѣдѣній объ *изслѣдованной* странѣ, что въ него уже вошла вся *масса матеріаловъ*, и что никакихъ иныхъ и быть не можетъ, потому что въ подобномъ случаѣ *человѣкъ беретъ чужое только тогда, когда не имѣетъ своего.* Это — во-первыхъ. Во-вторыхъ, — недостатокъ собственныхъ свѣдѣній подтверждаетъ множество ненуж-

*) Какое тамъ двухлѣтнее пребываніе въ странѣ, когда все путешествіе, отъ вступленія въ Китай до возвращенія въ русскіе предѣлы продолжалось только годъ и три мѣсяца. *Настоящее* же путешествіе считается только отъ г. Хань-Коу до Зайсана; а на это дѣло потребовалось *всего* девять мѣсяцевъ, — до двадцати четырехъ во всякомъ случаѣ еще очень далеко.

ныхъ словъ, фразъ, тирадъ (если содержательныхъ, то чужихъ), и множество смѣшныхъ примѣровъ, прибаутокъ и побасенокъ, или тончайшихъ подробностей, къ которымъ уже нечего прибавлять и потому самому внушающихъ недовѣріе. За примѣрами дѣло не станетъ. Умѣстны ли, напримѣръ, въ краткомъ оффиціальномъ отчетѣ приводимые ниже образцы безсодержательныхъ рѣчей и для чего они были нужны, кромѣ увеличенія объема статьи, чтобъ она не вышла слишкомъ тощею на видъ. Цѣлыя, вѣдь. или почти цѣлыя страницы заняты такими рѣчами, ровно ничего не говорящими тому, кому нужны положительныя данныя очевидца, какого бы характера они ни были, лишь бы были его собственныя и не фальшивыя. Недовѣряющихъ на слово приглашаю достать указанныя три книжки „Военнаго Сборника“ 1876 года, нумера 9, 10 и 11, и прочесть, напримѣръ, слѣдующія страницы только изъ первой части. А именно: 183, 189, 190, 199, и такъ далѣе отъ 200 до 220 подъ рядъ и вы увидите, что они представляютъ разсужденія, соображенія, чужіе примѣры и различныя приправы, фальшь которыхъ можетъ быть *вполнѣ* понятна и забавна только намъ, спутникамъ автора отчета. Для образца же я приведу здѣсь лишь нѣкоторыя мѣста, которыя убѣдятъ читателей въ справедливости моихъ словъ. Вотъ, неугодно ли прочесть цѣлыхъ полторы страницы кряду (219—220); а я сдѣлаю только коротенькія замѣчанія къ приведеннымъ словамъ г. Сосновскаго

„Такова система образованія чиновниковъ государственныхъ дѣятелей, двигателей умственнаго движенія; а вотъ ея результаты... По свидѣтельству исторіи [1]), еще при государѣ Яо, за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ до Р. Х., китайскіе астрономы Си и Хо знали солнечный и лунный годъ и правильную небесную сферу. И что же? Нынѣшніе астрономы, *обязанные* (?) заниматься поэзіей, а не теченіемъ небесныхъ свѣтилъ, составляютъ календарь счастливымъ и несчастнымъ днямъ; каждый годъ, въ день новаго года и въ нѣкоторые другіе дни, наблюдаютъ, по флюгеру, откуда дуетъ вѣтеръ, гдѣ грянулъ первый громъ, и *черезъ три дня, неупустительно* (?), *стихами древне-классическаго слога* [2]) *докладываютъ о результатахъ своихъ наблюденій государю.*

[1]) Такъ принято говорить только тѣмъ, кто самъ изучалъ исторію, а не прочитавшимъ о данной странѣ много-[illegible] сочиненій да столько же статей.

[2]) Читалъ ли ихъ авторъ? [illegible] должень былъ бы прочесть. (Въ переводѣ, конечно, [illegible] ставить въ упрекъ пу-

Въ Гученѣ, экспедиціи необходимо было получить нѣкоторыя свѣдѣнія о дорогѣ. Переводчикъ [3]) возвращается и говоритъ, что засталъ полное *сборище* мѣстныхъ властей, но не могъ добиться никакого толку, потому-что чиновники заняты были серьезными преніями по поводу стиха *„вѣтеръ воетъ или свищетъ"*, и это происходитъ въ 120-ти верстахъ отъ Урумци, гнѣзда возстанія, и когда солдатъ изнемогаетъ отъ голода [4]).

Одинъ ученый классикъ, съ которымъ *намъ случилось бесѣдовать* [5]), *пресерьезно увѣрялъ*, что русскій языкъ выработалъ болѣе грубые звуки, нежели китайскій, потому-что китайцы мало употребляютъ животной пищи, а больше мучную, тогда какъ русскіе наоборотъ.

Другой не менѣе ученый словесникъ *настойчиво доказывалъ* [6]), что у нихъ, въ Китаѣ, женщина находится въ состояніи беременности дѣвочкой девять мѣсяцевъ, а мальчикомъ непремѣнно десять.

Всѣ свѣдѣнія о Россіи, какъ сообщалъ своимъ соотечественникамъ *китаецъ-писатель и путешественникъ* [7]), заключались въ томъ, что въ Россіи отличные барабаны (!).

Строгая отчетность въ расходованіи казенныхъ суммъ исключаетъ, повидимому, всякую возможность похищенія, а между тѣмъ, когда послѣ первой войны съ англичанами хватились денегъ въ государственномъ казначействѣ, для уплаты контрибуціи, то не досчитались, ни много ни мало, ста милліоновъ! (Изъ соч. Ковалев-

---

тешественнику по Китаю, что онъ не былъ знакомъ *даже съ китайскимъ языкомъ*, какъ это дѣлаетъ кто-то въ сентябрьской книжкѣ Историческаго Вѣстника 1880, по отношенію ко мнѣ. Такимъ ученымъ критикамъ слѣдовало бы называть себя, чтобъ у нихъ можно было чему-нибудь поучиться.

[3]) Это г. Сосновскій разсказываетъ ничего не вѣдающимъ читателямъ о г. Андреевскомъ, который, какъ я говорилъ, самъ сознавался, что едва-едва можетъ кой-что объяснить по-китайски по поводу ѣды, найма квартиры и т. п.

[4]) Для чего, то-есть съ какою цѣлью, и по какому праву возводится это обвиненіе на китайскихъ чиновниковъ, трудно и придумать. Вѣдь мы ничего этого знать не могли и не знали,—ни того, чѣмъ они занимались, ни что происходило въ Урумци, потому что не рѣшится же г. Сосновскій открыто увѣрять, что мы были также и въ Урумци, который *только обязаны были посѣтить*. Изъ отчета же (ч. III, стр. 246) небывшій въ экспедиціи опять легко можетъ не разобрать,—были ли мы тамъ или не были.

[5]) Кто это,—неизвѣстно и, конечно, не будетъ извѣстно, потому что такое бесѣдованіе г. Сосновскаго съ однимъ ученымъ китайскимъ классикомъ есть абсолютно невозможная вещь. И, слѣдовательно, послѣдній никогда его *пресерьезно ни въ чемъ не увѣрялъ*. Это было съ кѣмъ нибудь другимъ, у кого заимствована фраза, если она не есть его собственное изобрѣтеніе.

[6]) И *другой не менѣе ученый словесникъ* никогда не могъ *настойчиво доказывать* г. Сосновскому возводимой на него, ради краснаго словца, насмѣшки. Можно все говорить, но не позволительно путешественнику вводить читателей въ обманъ какимъ бы невиннымъ по своей пустотѣ онъ ни казался.

[7]) Кто это? Въ которомъ году онъ путешествовалъ по Россіи? Какъ называется его сочиненіе, состоящее только изъ словъ: *въ Россіи отличные барабаны?*

скаго). Но развѣ *стройность* и *гармонія природы* терпятъ отъ этого сколько-нибудь! *Для того ли казначейскій чиновникъ полжизни упражнялся въ изученіи словесности, чтобы не умѣть отписаться,* и чтобы *украденные милліоны не нашли своего мѣста въ гармоніи природы* [8]).

Во время англо-французской войны китайскій главнокомандующій Цынъ-ванъ устроилъ мины на пути слѣдованія непріятеля между Да-гу и Тьянь-цзиномъ. Союзники провѣдали о нихъ. Вызвался китаецъ, нѣкто Са-ту-за, указать положеніе минъ и даже *взялъ подрядъ* уничтожить ихъ. Мины уничтожены и разсчеты Цынъ-вана рухнули. Законъ преслѣдовалъ Са-ту-за, какъ государственнаго измѣнника, но, по счастливой случайности, ему удалось вылечить отъ какого-то недуга вліятельнаго чиновника. Метрикъ и паспортовъ въ Китаѣ не существуетъ (?), и гибкость ума, воспитанная продолжительнымъ изученіемъ образцовъ старины, легко нашла выходъ: Са-ту-за преспокойно проживаетъ и по настоящее время въ 170-ти верстахъ отъ Пекина, въ Бао-динъ-фу, торгуя аптекарскими припасами [9]).

Изъ массы находящихся подъ руками примѣровъ мы взяли первые, случайно попавшіеся [10]). *Мы никогда бы не кончили эту повѣсть невѣжества предразсудковъ и нравственнаго растлѣнія* [11]), которая такъ рѣзко выдѣляетъ ученаго китайца-чиновника отъ

---

[8]) Умѣстны ли подобныя безсодержательныя рѣчи въ коротенькомъ первоначальномъ отчетѣ; кому и на что нужны эти разглагольствованія по поводу заимствованнаго изъ чужой книги стариннаго факта? Да и въ самомъ подробномъ-то описаніи путешествія кому какое дѣло до украденныхъ когда-то, кѣмъ-то милліоновъ, нашедшихъ свое мѣсто *въ гармоніи природы*. Вѣдь тутъ даже смысла не находишь, а просто одно очевидное „преумноженіе» словъ.

[9]) Для чего ученому путешественнику нужно разсказывать подобныя старыя басни да еще въ такой несерьезной, даже маловѣроятной формѣ. Государственный преступникъ, *взявшій подрядъ* (!) уничтожить мины, ни мало не преслѣдуется законом; а г. Сосновскому, какъ изъ его сообщенія видно, самымъ положительнымъ образомъ извѣстно, что этотъ государственный преступникъ преспокойно проживаетъ неподалеку отъ столицы и занимается торговлей. Что даетъ читателямъ это новѣйшее извѣстіе, только что привезенное изъ Китая, не говоря уже о многихъ комичныхъ сторонахъ этого сообщенія?

[10]) Не думаю, чтобы кто нибудь не разглядѣлъ теперь истиннаго смысла этой прозрачной фразы о *массѣ* будто бы *находящихся подъ руками* примѣровъ и объ этой *счастливой случайности*, по которой г. Сосновскому вспомнился несчастный *Са-Ту-За*. Немножко знакомому съ дѣломъ видно, что никакой этой массы примѣровъ нѣтъ и что автору отчета пришлось не мало порыться въ извѣстныхъ книжкахъ, чтобы добыть что-нибудь для наполненія своего отчета.

[11]) Я думаю, что даже для *этой повѣсти, невѣжества, предразсудковъ и нравственнаго растлѣнія* (къ чему ужъ такая скромность), у автора отчета не имѣется больше никакого матеріала даже заимствованнаго, а ужъ о своемъ собственномъ мы и говорить не будемъ, ибо по всему видно, что г. Сосновскій столь же глубоко изучилъ китайскую литературу и законы, какъ онъ знакомъ съ микроскопомъ и химическимъ анализомъ.

честнаго труженника-простолюдина. Чѣмъ же объяснить эту разладицу, эту обособленность двухъ элементовъ, составляющихъ два главныя государственныя сословія въ Китаѣ? Ничѣмъ другимъ, повидимому, какъ системой воспитанія. Простолюдинъ не изучаетъ классическихъ „цзиновъ", не говоритъ о мелочныхъ дрязгахъ слогомъ Кхунъ-цзы, но за то достигаетъ въ практической дѣятельности той степени совершенства, какую мы видѣли, и выжидаетъ только, чтобы *микроскопъ и паровая машина открыли новую фазу на пути прогресса*, указали непочатые еще источники матеріальнаго благосостоянія. Китайскій классикъ, развивая исключительно отвлеченную умозрительную сторону умствованія, очевидно потерялъ равновѣсіе. Чтобы возстановить его, чтобы освободиться отъ схоластическихъ путъ и педантизма, которые отрываютъ отъ дѣйствительной жизни, влекутъ къ бюрократизму и на преступную дорогу взяточничества, ему также точно нуженъ микроскопъ, химическій анализъ и путь опытныхъ изслѣдованій; нужно, *говоря словами безсмертнаго Бэкона*, чтобы онъ зналъ, что „истинная цѣль всѣхъ наукъ состоитъ въ надѣленіи жизни человѣческой новыми изобрѣтеніями и открытіями". Вотъ эта-то односторонность системы образованія въ Китаѣ можетъ, по-истинѣ, отвѣчать нашимъ понятіямъ о китаизмѣ" (?!)

Да... Нелестный взглядъ на читателей долженъ имѣть авторъ, чтобы рѣшиться на поднесеніе имъ подобной *повѣсти* въ видѣ предварительнаго отчета для первой оріентировки;—и нельзя не порадоваться за нашу литературу, что остальная *масса, весьма естественно, накопившагося матеріала* не грозитъ ей своимъ появленіемъ въ свѣтъ. Если мы въ предварительномъ сообщеніи встрѣчаемъ вещи, подобныя нижеслѣдующимъ, то чего же можно было бы ожидать отъ *полнаго* сочиненія!... Г. Сосновскій, напримѣръ, сообщаетъ просто, какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію, безъ малѣйшей оговорки о томъ, видѣлъ-ли онъ самъ, о чемъ говоритъ, слышалъ-ли отъ кого, или прочелъ гдѣ. Вѣдь подобная нелѣпость необходимо требуетъ подобнаго замѣчанія со стороны автора.

„Любопытна уборка чая,—говоритъ г. Сосновскій, усвоенная въ округѣ Лу-Чжеу" (гдѣ мы не были). „Человѣкъ взбирается на дерево, срываетъ чайныя *почки*, кладетъ ихъ *въ ротъ* и держитъ тамъ *до-тѣхъ-поръ* (?), *пока онѣ не распустятся* (!); потомъ, выбрасываетъ ихъ въ тыквенный сосудъ, закупориваетъ и ставитъ въ теплое мѣсто. Приготовленный такимъ образомъ чай отличается, *какъ говорятъ*, необыкновенно пріятнымъ вкусомъ. (В. Сб. № 9, ст. 191 и повтореніе того же на стр. 251, № 11).

Кто, гдѣ, когда и кому объ этомъ говорилъ?! Вѣроятно, это одинъ изъ многихъ вздоровъ, разсказываемыхъ несерьезными людьми про Китай и его народъ. Ну, развѣ подлежатъ критикѣ подобныя *новыя* свѣдѣнія?! Вѣдь сразу видно, какъ мало задумался надъ этимъ фактомъ г. Сосновскій, который даже не спросилъ себя, сколько-же времени долженъ просидѣть на деревѣ несчастный китаецъ, чтобъ у него во рту распустились почки?! А фактъ переданъ во всеобщее свѣдѣніе; и легковѣрные изъ читателей такіе-то факты и удерживаютъ въ памяти, ихъ и повторяютъ.

Вы видите, что слова г. Сосновскаго,—*какъ говорятъ*, относятся только къ *необыкновенно*-пріятному вкусу чая, а не къ самому способу его приготовленія. Послѣдній *несомнѣненъ!*

Что, какъ ни крайнюю бѣдность свѣдѣній доказываютъ и слѣдующія разсужденія автора „краткаго" Отчета!... Уже въ концѣ первой его части г. Сосновскій желаетъ подѣлиться съ читателями своими впечатлѣніями по новоду *столь общаго, столь укоренившагося* воззрѣнія на *такъ-называемый китаизмъ* (когда и кѣмъ такъ-называемый, неизвѣстно). *Впечатлѣнія свои* г. Сосновскій выписываетъ изъ чужихъ сочиненій указанныхъ авторовъ, но переходитъ къ нимъ при помощи собственнаго вступленія, въ видѣ слѣдующаго краткаго наставленія:

„Въ нашихъ представленіяхъ *китайщина, китаизмъ* является синонимомъ застоя, неподвижности, упадка. *Абсолютнаго покоя нѣтъ въ природѣ: гдѣ есть обмѣнъ матерій, тамъ есть жизнь—жизнь поступательная, если соки питанія здоровы и, наоборотъ, фаза разрушенія,—если они видоизмѣняются, слабѣютъ и прекращаются (соки?)* Мы не имѣемъ въ виду—да *почти* (?) и невозможно—прослѣдить *шагъ за шагомъ* „(этого только и не доставало для полной краткости предварительнаго сообщенія)" *всѣ стадіи*, черезъ которыя проходило просвѣщеніе въ Китаѣ съ того момента, когда оно пустило *первые ростки* (!) какъ потомъ, постепенно развертываясь, они переходили въ формы зрѣлости, дали плодъ и какъ послѣ того начался періодъ *дряхлости и упадка.* Мы хотимъ только констатировать фактъ, какъ онъ есть, представить то положеніе Китая, въ какомъ находитъ его въ настоящее время посторонній наблюдатель. *Духъ законовъ* и *система народнаго образованія*, выражая результаты предшествовавшей умственной и политической жизни народа, служатъ, [illegible] ...ами и *будущаго преуспѣянія* (это послѣ др[illegible] ...ой именно точки зрѣнія (т.-е. какой?) [illegible] ...ъ современное состояніе Китая".

Испуганный читатель долженъ ожидать, если не томовъ, то одного порядочнаго тома, судя по громадности задачи; но опасенія его напрасны, потому-что ему угрожаютъ только четыре страницы, сшитыя изъ перетасованныхъ выписокъ изъ сочиненій арх. Палладія, Ковалевскаго и о. Іакинѳа, имена которыхъ, конечно, скрыты, да изъ собственныхъ выводовъ, и подобныхъ слѣдующему умозаключеній:

„Таковъ Китай, на основаніи писанныхъ законовъ. Можетъ-ли страна идти къ упадку подъ сѣнью такихъ началъ? Здѣсь-ли понятіе о китаизмѣ! Надъ чѣмъ же въ такомъ случаѣ трудились въ Европѣ реформація, философы и экономисты прошлаго столѣтія, весь этотъ вѣкъ—*эта великая собирательная личность* (?!), наконецъ, успѣхи нашего времени? Не близка ли сама Европа въ такомъ случаѣ къ китаизму? (?!) До точки поворота (какого?), до періода дряхлости Китай, очевидно, еще не дожилъ; онъ еще не истощилъ свои силы, не утилизировалъ сполна свои богатства: *ему неизвѣстенъ еще микроскопъ, паровая машина и прядильный станокъ*“ (!!)

Приведенныхъ образцовъ, полагаемъ, достаточно, чтобы у читателя не оставалось и тѣни сомнѣнія, будто я несправедливо строгъ къ г. Сосновскому. Сомнѣвающихся же прошу обратиться къ оригиналу и ознакомиться съ нимъ въ цѣлости. А мы перейдемъ теперь къ тѣмъ курьезамъ, которыя приведены въ знаменитомъ „Письмѣ въ редакцію“, какъ доказательства обвиненій противъ моей книги и меня самого. Теперь, можно сказать, начинается дивертисментъ, потому-что не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, серьезно относиться къ тому, что только комично и забавно, когда правильно понято.

ЛОЖЬ И КЛЕВЕТА
„по чистой совѣсти“.

„Ложь изобличаетъ слабую душу, безпомощный умъ, порочный характеръ“.
Bacon.

Перейдемъ теперь къ „фактической“ части „Письма“ гг. Боярскаго и Сосновскаго, которому, я думаю, суждено сдѣлаться историческимъ по его безпримѣрности въ очень многихъ отношеніяхъ; но всѣ они сводятся къ одному,—къ неправдѣ; а эта послѣдняя особенно возмутительна потому, что она наряжается въ одежду чистоты, невинности и чуть не святости. Въ сущности, все знаменитое письмо, и особенно его вторая половина, гдѣ приводятся доказательства его предварительныхъ словъ, есть ничто иное какъ послѣдняя попытка оправдаться,—хоть временно, но во что бы ни стало, не разбирая средствъ, и презирая рѣшительно все—нравственные законы, обычаи, стыдъ и даже страхъ быть навѣрно изобличеннымъ... Явленіе—даже непонятное: это что-то въ родѣ военнаго азарта, какой на полѣ брани иногда вызывается безвыходностью положенія. И иначе я отказываюсь объяснить себѣ и другимъ, какъ можно было рѣшиться на совершеніе такого необдуманнаго поступка, какъ напечатаніе г. Сосновскимъ, вмѣсто серьезнаго и открытаго возраженія на мою книгу, письма съ такими пріемами! Послѣдніе сейчасъ будутъ раскрыты и показаны; а теперь прошу у читателей извиненія за небольшое отступленіе отъ прямаго вопроса:—я желаю показать имъ, какъ „лгутъ и клевещутъ“ на г. Сосновскаго другіе.

Когда я прочелъ направленное противъ меня „Письмо“, мнѣ невольно пришелъ на память разсказъ одного изъ сослуживцевъ г. Сосновскаго во время послѣдней турецкой кампаніи, г. Котлубей *), относящійся до перехода черезъ

*) См. Сборн. воен. разсказ. 1877—1878 гг. Изд. Кн. Мещерскаго, т. III. „Изъ дневника“. Стр. 586—596.

Балканы по Траянскому проходу. Опуская всѣ военныя и другія, хотя интересныя, но въ данномъ случаѣ ненужныя подробности, я передамъ одинъ эпизодъ изъ этого разсказа, и его словами, слѣдовательно, не измѣняя, не только смысла, но даже характера повѣствованія.

„Прибывъ въ Траянъ,—говоритъ г. Котлубей,—уже вечеромъ, и имѣя въ виду съ разсвѣтомъ выступить къ перевалу, мы сочли самымъ благоразумнымъ подкрѣпиться, на сколько это удастся, сномъ“... Первый эшелонъ нашего отряда уже выступилъ этого дня, т.-е. 22-го декабря, по направленію къ перевалу; съ нимъ былъ начальникъ штаба подполковникъ Сосновскій, главною заботою котораго было возможно быстрое передвиженіе хотя части отряда, хотя одного орудія, для овладѣнія переваломъ на слѣдующій день.

„Намъ однако не суждено было вкусить сладкаго сна; командиры ротъ и сотенъ безпрестанно суетились; отъ Сосновскаго къ Грекову, (т.-е. туда, гдѣ находился авторъ), то и дѣло рыскали курьеры; какъ-то прискакалъ сотникъ Поцѣлуевъ...

— Ну что тамъ? всѣ спрашивали.

— Горячку порятъ, просто страсть,—разсказываетъ этотъ офицеръ... Сосновскій бѣсится; солдаты точно въ лаптяхъ; только наши и выручаютъ (казаки).

— А еще есть кто тамъ?

— Есть еще какой-то военный корреспондентъ; все пишетъ и пишетъ на большомъ листѣ бумаги. Сосновскій злится, а онъ все записываетъ“... (Это былъ штабсъ-ротмистръ Крестовскій).

Затѣмъ—рожокъ; сборъ; готовы къ походу; всѣмъ хорошо извѣстныя трудности пути, по карнизамъ горныхъ ущелій, особенно зимою; и вотъ отъ Княжевацкихъ Кулибъ начинается крутой подъемъ въ горы съ страшными трудностями, напряженіемъ силъ и страданіями людей и животныхъ. Полковникъ Грековъ съ своимъ отрядомъ обгоняетъ вереницу людей, буйволовъ и лошадей, тянувшуюся по горной тропинкѣ, и около двухъ часовъ дня соединяется съ первымъ отрядомъ, гдѣ находился г. Сосновскій.

„Подполковникъ Сосновскій хотѣлъ непремѣнно сегодня же ночью сдѣлать демонстрацію или даже атаку противъ непріятельскихъ укрѣпленій на перевалѣ; но, очевидно было, что орудія не поспѣютъ во-время, имѣя еще около 8 верстъ самой страшной дороги. Сосновскій рѣшился не дожидаться ни орудій, ни остальныхъ частей и 3-го эшелона, а съ имѣющимися у него силами начать наступленіе“...

„Вся картина мало-по-малу затемняется; ночная темнота уже смѣняетъ дневной свѣтъ. Слѣдовало немного отдохнуть и дать время отставшимъ подтянуться“.

„Отдохнувъ съ четверть часа, подполковникъ Сосновскій направилъ стрѣлковый баталіонъ, подъ начальствомъ полковника Бородина, къ непріятельскимъ редутамъ, расположеннымъ далѣе къ востоку на неприступной скалѣ, съ почти отвѣсными стѣнами.

— „Что мнѣ дѣлать въ этой темнотѣ? — спросилъ полковникъ Бородинъ.

— Идите на укрѣпленіе и берите его прямо „въ лобъ", сказалъ съ воодушевленіемъ Сосновскій.

— Да я не знаю позиціи, — возразилъ, недоумѣвая, Бородинъ.

— Идите прямо и только въ лобъ, въ самый лобъ.

„За стрѣлками двинулись и мы, говоритъ г. Котлубей, и всѣ казаки"... Снова трудная и опасная дорога. Въ верстѣ отъ турецкой позиціи остановились. Непріятель открылъ огонь. — Г. Сосновскій посылаетъ одну спѣшенную сотню казаковъ на правый флангъ; другой приказываетъ „обойти непріятеля въ тылъ". Сотня казаковъ осталась въ резервѣ; еще подходитъ рота пѣхоты и отсталые „едва двигавшіеся солдаты и казаки съ изнеможенными лошадьми".

„Затѣмъ послѣдовало еще много самыхъ разнорѣчивыхъ и непонятныхъ распоряженій. Между офицерами слышался ропотъ; никто не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что дѣлается; никто не зналъ непріятельской позиціи"...

„Сотни казаковъ, посланныя въ обходъ непріятеля, не могли исполнить порученія, не найдя этого обхода и не зная, что обходить; притомъ онѣ наткнулись на непроходимые снѣга и были встрѣчены непріятельскимъ огнемъ. Подполковникъ Сосновскій, не получая никакого извѣстія отъ Бородина, сначала послалъ къ нему сотника Поцѣлуева, затѣмъ прапорщика Эрнрота и, наконецъ, когда никто не возвращался, рѣшился самъ идти впередъ"...

Пошли.

„Передача приказаній и передвиженія были почти невозможны; всѣ части двигались гуськомъ и вся узкая и глубокая тропа была занята коноводами и резервной ротой, которые всѣ очутились тоже подъ огнемъ"...

Остановились. Непріятель продолжаетъ стрѣлять. Морозъ крѣпчаетъ. Проходятъ „минуты томительнаго ожиданія и неизвѣстности. „Ночная темнота не дозволяетъ что-нибудь разглядѣть". Полковникъ Бородинъ, совершенно не зная мѣстности „не могъ исполнить порученія Сосновскаго и ударить прямо „въ лобъ".

„Малѣйшее движеніе, одинъ шагъ приходилось дѣлать ощупью и крайне осторожно, чтобы не провалиться въ пропасть. Не было ни малѣйшей возможности найти этотъ „лобъ", это больное мѣсто непріятельской позиціи".

„Часы проходили. Было уже около 3 часовъ пополуночи, а въ нашемъ положеніи ничего не измѣнилось; ружейная пальба все еще поддерживалась съ небольшими промежутками; изрѣдка выносили раненыхъ; морозъ донималъ. Очевидно было, что сегодня не удастся ничего сдѣлать, а необходимо было до разсвѣта вывести отрядъ изъ огня. Тогда Сосновскій, по совѣту Бородина и настоянію Грекова, согласился отступить и дождаться, пока не соберутся остальныя части отряда и не довезутъ орудій".

Потерявъ 8 человѣкъ убитыми и замерзшими и 14 человѣкъ ранеными, и „обморозивъ громадное число" людей, отрядъ „отдѣлался сравнительно дешево и благодаря ночной темнотѣ избѣгнулъ печальной участи». Въ 4 часа ночи началось,—говоритъ г. Котлубей,—

„отступленіе, если можно такъ выразиться; это указывало бы на нѣкоторый порядокъ, котораго вовсе не существовало. Въ ночной темнотѣ нельзя было ничего разглядѣть, ни разузнать; даже приказанія уже передавались отъ одного къ другому, не разбирая, къ кому онѣ относились. Вся масса въ безпорядкѣ начала двигаться въ обратный путь; но что это было за нисхожденіе! По скалистымъ крутизнамъ, покрытымъ обильно уже разрыхленнымъ снѣгомъ, мы ежеминутно падали и скатывались внизъ, скользили и увлекали другихъ, не имѣя, за что удержаться; здѣсь люди и лошади смѣшивались въ одну общую массу, катившуюся внизъ подобно лавинѣ"... „Я не въ состояніи описать всего того, что мы испытывали, ни нарисовать картину этого ночнаго отступленія, и я увѣренъ, что никто изъ цѣлаго отряда не забудетъ во всю свою жизнь памятной ночи съ 23 на 24 декабря".

Двадцать четвертаго прибылъ

„графъ Татищевъ, который съ начальникомъ штаба (г. Сосновскимъ) и командирами частей отправился на вершину горы для обозрѣнія мѣстности и непріятельскихъ позицій, которыя оказались почти неприступными и расположенными на двухъ остроконечныхъ скалистыхъ вершинахъ, находящихся одна отъ другой на разстояніи около двухъ верстъ".

Уже третій день отрядъ живетъ въ горахъ подъ открытымъ небомъ. „Окончательное рѣшеніе еще не принято, хотя графъ Татищевъ энергически настаивалъ на немедленномъ атакованіи и занятіи перевала"...

„Подполковникъ Сосновскій отправился самъ къ генералу Карцову, при которомъ *остался, и не принималъ никакого участія* въ послѣдующихъ событіяхъ".

Его смѣнилъ подполковникъ Сухомлиновъ, котораго г. Сосновскій также посылалъ 23-го декабря черезъ Шибково на переходъ въ Рахманлы въ тылъ непріятелю, но ко-

торый также этого порученія исполнить не могъ. Начальникомъ отряда назначенъ графъ Татищевъ. „Тотчасъ закипѣла работа“... „Всѣ солдаты и казаки ожили и обрадовались концу томительнаго ожиданія и неизвѣстности. Немедленно было приступлено и къ составленію диспозиціи“..

„Общее наступленіе назначено на разсвѣтѣ. Здѣсь, говоритъ авторъ, я хочу отмѣтить замѣчательную особенность. На сколько недовѣрчиво относились почти всѣ офицеры въ предыдущіе дни къ наступленію и неохотно исполняли приказанія подполковника Сосновскаго, на столько теперь дѣятельное участіе принимали они во всемъ и почти не сомнѣвались въ успѣхѣ предстоящаго штурма. Во всѣхъ распоряженіяхъ графа Татищева и подполковника Сухомлинова замѣчалась обдуманность, сознательность и знаніе дѣла, что гарантировало успѣшный ходъ предпріятія...

Слѣдуетъ описаніе дѣла 26-го декабря; и „къ первому часу пополудни, говоритъ г. Котлубей, перевалъ былъ уже въ нашихъ рукахъ“, а къ вечеру мѣстность очищена отъ непріятеля...

Пробѣжавъ этотъ разсказъ другого „несправедливаго“ человѣка, читатели видятъ, что и на Балканахъ мы „многимъ обязаны“ г. Сосновскому; и они понимаютъ, почему мнѣ вспомнился приведенный эпизодъ... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не велико сходство между капитáномъ Сосновскимъ,—начальникомъ экспедиціи, „фигюрирующимъ“ въ моей книгѣ, и котлубеевскимъ отряднымъ начальникомъ,—подполкóвникомъ Сосновскимъ?.. Тотъ же необдуманный походъ, въ любезныхъ потемочкахъ, столь хорошо знакомыхъ намъ, его китайскимъ спутникамъ; тоже невѣдѣніе и безурядица во всемъ; тоже желаніе сдѣлать по своему для того, чтобъ, измучивъ совершенно понапрасну и себя, и людей, и животныхъ, убѣдиться въ томъ, что другіе совѣтывали совсѣмъ не такъ глупо, какъ ему казалось, и потомъ сдѣлать точь въ точь такъ, какъ совѣтывали другіе!.. И результатъ опять тотъ же, что по возвращеніи изъ Китая:—кто не читалъ послѣ того въ газетахъ, какъ необыкновенно отличился въ Траянскомъ проходѣ г. Сосновскій,—теперь уже полковникъ и георгіевскій кавалеръ?.. А изъ приведеннаго разсказа очевидца, если онъ правду говоритъ, видно, что онъ отличился только „по китайски же“... И въ невѣроятности нашихъ разсказовъ съ г. Котлубеемъ какая аналогія: наши повѣствованія о г. Сосновскомъ оди-

наково неправдоподобны и заставляютъ читателя задумываться, сомнительно покачивать головой и мысленно спрашивать себя: неужели это возможно, неужели тутъ ничто не прикрашено?.. И какъ я радъ, что судьба нигдѣ не свела насъ на войнѣ вмѣстѣ съ г. Котлубеемъ, и особенно втеченіе описанныхъ событій, (я во время зимняго перехода черезъ Балканы находился на линіи отряда генерала Скобелева, въ селѣ Топлишъ); а то, случись мнѣ быть съ нимъ въ одномъ отрядѣ, или даже знай я его, его разсказъ, пожалуй, былъ бы приписанъ г. Сосновскимъ моему перу, или по крайней мѣрѣ мнѣ была бы отведена въ написаніи его немалая доля участія. Не знаю, видѣлъ ли гдѣ меня г. Котлубей, и слышалъ ли что нибудь обо мнѣ; я же никогда не встрѣчалъ его, и его имя увидалъ, кажется, въ первый разъ подъ названнымъ разсказомъ; но и подъ мой диктантъ онъ не могъ бы вѣрнѣе очертить, знакомаго мнѣ, своего начальника штаба. Привелъ же я его „эшафодажъ лжи" относительно г. Сосновскаго потому, что нахожу большую аналогію между его троянской атакой двухъ турецкихъ позицій и нападеніемъ на два враждебныхъ ему тома „Путешествія по Китаю": и тутъ, и тамъ въ потьмахъ; и тамъ, и тутъ полное невѣдѣніе о силахъ непріятеля; въ обоихъ случаяхъ отправка впередъ сначала другихъ, и съ фланговъ и въ тылъ, и съ приказаніями „идти и брать непріятеля прямо въ лобъ"...

Котлубеевскій финалъ атаки извѣстенъ;—посмотрите, чѣмъ кончается наступленіе на мою книгу. Мы поведемъ разсказъ въ томъ же военномъ тонѣ, который будетъ вполнѣ приличенъ случаю и, можетъ быть, занимательнѣе для читателей. Итакъ, г. Сосновскому представилась настоятельная необходимость взять приступомъ мою книгу и уничтожить ее такъ, чтобы и имя ея перестало существовать на свѣтѣ. Онъ держитъ военный совѣтъ, составляетъ диспозицію и даетъ фотографу Боярскому порученіе отыскать въ „Путешествіи по Китаю" такое слабое мѣсто, на которое можно бы повести атаку. Но ихъ военный совѣтъ приводитъ обоихъ къ одному убѣжденію, что такого слабаго мѣста „непріятельская позиція" не имѣетъ... Атаковать же необходимо, во что бы ни стало. Тогда рѣшаютъ поступить такъ: фотографъ пойдетъ „прямо въ лобъ" ничего

не разбирая; и, признаваясь откровенно какъ непріятелю, такъ и всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, въ слабости собственныхъ средствъ, будетъ громко заявлять, что вслѣдъ за нимъ идетъ самъ полковникъ Сосновскій; послѣдній же произведетъ въ тоже время демонстрацію отъ имени редакціи „Голоса“, давъ знать, что онъ уже выступаетъ въ походъ. Все это совершилось, какъ сказано, 28 ноября прошлаго года, и они, (а можетъ быть и кромѣ нихъ еще кто нибудь), впали, чего добраго, въ пріятное заблужденіе, что они одержали побѣду, потому что непріятель замолчалъ. Но возможна ли рѣчь о побѣдѣ, когда мы пойдемъ противъ сильнаго непріятеля съ театральнымъ картоннымъ оружіемъ! Иначе я не могу назвать, знакомыхъ теперь читателю, и самыхъ фразъ, и ихъ подкладки, а также тѣхъ доказательствъ, къ которымъ и перехожу теперь... Вотъ еще что скажу, и скажу совершенно искренно: еслибы я зналъ, что письмо написано г. Боярскимъ, еслибы обвиненія его были справедливы, еслибы даже хоть одно изъ нихъ хоть отчасти было правдиво, я бы охотно принялъ на себя ихъ всѣ, и ни однимъ словомъ не отвѣтилъ бы на письмо, подаривъ ему побѣду надъ собою, точно такъ, какъ въ лѣтнее время позволяешь же иногда комару посидѣть на рукѣ, сколько его душѣ угодно, и отпустишь съ миромъ, не причинивъ никакого вреда. Но въ томъ то и горе гг. Боярскаго и Сосновскаго, что они дѣйствовали вмѣстѣ и письмо сочинили такъ, что заставили общество потребовать отъ меня генеральнаго сраженія, котораго они вовсе не ожидали, никогда ему не сочувствовали, а предпочитали открытому и честному бою,—за какой даже пораженный врагъ почитаетъ своего побѣдителя, — разныя „конфиденціи“, демонстраціи, да различныя дѣйствія „безъ огласки“. Итакъ, генеральное сраженіе дано и, можно сказать, кончено: мнѣ остается только объяснить еще нѣкоторыя изъ заключительныхъ дѣйствій моего противника. И я укажу на приведенные имъ „доказательства“, которыя должны были окончательно *уничтожить* меня въ глазахъ общества, и покажу, къ какимъ пріемамъ онъ вынужденъ былъ прибѣгать, чтобы произвести нѣчто въ родѣ самообороны или возраженія и опроверженія на слова моей книги.

Съ этого мѣста „Письма“ начинается, какъ должно думать, совмѣстная работа гг. Боярскаго съ Сосновскимъ; поэтому намъ удобнѣе будетъ не раздѣлять имена сотрудниковъ, а упоминать о нихъ обоихъ, за немногими исключительными случаями.

Потрудитесь теперь взять карту Азіи или Китая и найдите на ней городъ Хань-Коу, стоящій на лѣвомъ берегу рѣки „Сынъ Океана“ (Янъ-Цзы-Цзянъ), при впаденіи въ нее притока Хань съ лѣвой стороны. Я попрошу читателей помнить, что въ этомъ городѣ мы встрѣтили соотечественниковъ въ послѣдній разъ на нашемъ пути, потому-что ихъ на остальной его части, т.-е. до самой русской границы, не могло быть, и раньше не бывало. Вотъ эту-то часть пройденной нами дороги гг. Боярскій и Сосновскій рѣшили избрать, говоря иносказательно, для расположенія на ней своихъ наступательныхъ и оборонительныхъ силъ, т.-е. произвести нападеніе только на тотъ отдѣлъ моего сочиненія, въ которомъ находится описаніе путешествія отъ Хань-Коу до прибытія на нашу границу. Позиція выбрана осмотрительно и съ знаніемъ дѣла; но она, какъ нельзя болѣе ясно, обнаруживаетъ слабость силъ моего непріятеля, крайнюю робость въ дѣйствіяхъ и опасенія быть открытымъ. Вы видите изъ Письма, какъ автору его необходимы всякія доказательства, разные документы и постороннія свидѣтельства; и въ то же самое время онъ самъ отворачивается и уходитъ подальше отъ тѣхъ пунктовъ, откуда ему было бы всегда возможно получить какое угодно письменное подтвержденіе или его „правды и истины“, или опроверженіе моихъ „лжи и клеветы“, то-есть изъ мѣстъ, гдѣ живутъ наши соотечественники. Указанная избранная позиція обнаруживаетъ почти паническій страхъ гг. Боярскаго и Сосновскаго, именно предъ русскими людьми, словно они могутъ явиться свидѣтелями какихъ-нибудь такихъ дѣйствій, которыя всегда пріятнѣе хранить „лишь въ небольшомъ кружкѣ лицъ“... Это ли не знаменательный фактъ! А кто изъ читателей могъ обратить на него вниманіе? Никто и не обратилъ. Прошу вниманія теперь: замѣтьте, что между всѣми приведенными противъ меня доказательствами нѣтъ ни одного русскаго имени, ни посторонняго лица, ни города, въ которомъ живутъ наши зем-

ляки! А на что бы, казалось, сильнѣе и убѣдительнѣе доказательствъ, какъ не тѣ, какія можно получить отъ русскихъ свидѣтелей на доступномъ для всѣхъ насъ русскомъ языкѣ!.. Не смѣшно ли намъ ссылаться на отсутствующихъ китайцевъ, да съ которыми еще мы не можемъ ни говорить, ни переписываться. Въ этомъ-то и сказалось *знаніе дѣла* въ выборѣ позиціи, потому-что дѣйствительно этихъ самыхъ русскихъ свидѣтелей непріятелю слѣдовало бояться, какъ огня, не только-что ссылаться на нихъ. И вы уже догадываетесь,—почему. Вы уже читали раньше, что говорилъ, и въ какихъ выраженіяхъ, московскій Биржевой Комитетъ, какъ при самомъ зарожденіи экспедиціи, такъ по окончаніи ея; теперь посмотрите, что писалъ нѣкто „Пекинскій корреспондентъ“ въ „Биржевыхъ Вѣдом.“ (1875 г. 28 мая) изъ г. Тянь-Цзинь (близъ Пекина) въ Петербургъ. (Приготовьтесь заранѣе къ мысли, что эта корреспонденція принадлежитъ мнѣ, и потому прочтите примѣчаніе) *). Передавая свои впечатлѣнія, произведенныя на него только-что проѣхавшей черезъ этотъ городъ экспедиціей, онъ между прочимъ говоритъ:

„...Составъ экспедиціи капитана Сосновскаго безусловно хорошъ“ (вотъ, даже какъ); „у него подобраны люди, знающіе и интересующіеся своими спеціальностями: докторъ—вмѣстѣ съ тѣмъ этнографъ и хорошій рисовальщикъ; г. М—скій—топографъ, заявившій себя уже многими добросовѣстными работами; г. Б—скій—отличный фотографъ. Какъ видите, нѣтъ ни одного купца, который спеціально былъ бы заинтересованъ торговымъ дѣломъ; развѣ г. Сосновскій взялъ на себя эту роль; но, сколько мы могли замѣтить, ему трудно будетъ ее выполнить“... „Намъ нѣсколько разъ пришлось замѣтить, что всякую небылицу, сколько-нибудь интересную или курьезную, онъ заносилъ въ свою тетрадь съ наивнымъ довѣріемъ ребенка“.

(Это было, должно быть, въ первый пріѣздъ г. Сосновскаго въ г. Тянь-Цзинь, когда онъ пріѣзжалъ одинъ).

Судите теперь, по приведеннымъ напечатаннымъ образцамъ, какая же можетъ быть надежда на подобныхъ свидѣтелей! А дальше, въ Хань-Коу, жили гг. Ивановъ, Рожновъ, фонъ-Гленъ, Марьинъ и другіе. Они, пожалуй, мог-

*) Впослѣдствіи я узналъ, кто этотъ Пекинскій корреспондентъ; но такъ-какъ онъ и теперь находится въ Китаѣ, то я и не могъ получить отъ него разрѣшенія назвать его здѣсь, что, по всей вѣроятности, онъ охотно дозволитъ мнѣ сдѣлать впослѣдствіи, когда понадобится.

ли бы сказать или написать что-нибудь еще болѣе „неумѣстное“, напримѣръ, что-либо въ родѣ того, по словамъ г. Сосновскаго, „любопытнаго документа“, который онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ (въ Кяхтѣ), но котораго будто бы „не съумѣлъ воспроизвести во всей прелести оригинала“. Вотъ почему умно, говорю, поступили гг. Боярскій и Сосновскій, забившись въ самую глушь изъ пройденной нами части Китая, изъ которой неугодно ли теперь достать какое-нибудь подтвержденіе или опроверженіе; покробуйте написать письмо къ кому-нибудь изъ много знающихъ объ экспедиціи мандариновъ и получить отвѣтъ. Нѣтъ, это государство, за исключеніемъ *не названныхъ* въ „Письмѣ“ „опасныхъ“ восточныхъ окраинъ, точно Летой отдѣлено отъ остального міра, благодаря своимъ убійственнымъ языку и письму, и отсутствію почтовыхъ сообщеній. У меня, напримѣръ, осталось тамъ не мало друзей, которымъ мнѣ очень хотѣлось бы написать, отъ времени до времени; послать изъ Россіи какую-нибудь бездѣлицу; но это, оказывается, почти тоже, что писать письма отправлять и посылки на луну. Это непріятель сообразилъ очень тонко. Въ самомъ дѣлѣ, имена у китайцевъ почти всѣ одинакія; адресовъ не существуетъ; а главное, что самъ написать ничего не можешь. Вотъ почему всѣ событія, совершавшіяся у насъ въ подобныхъ мѣстахъ Китая, должны считаться чуть не абсолютно-бездоказательными. Эти слова, то-есть мысль о невозможности представить какія-либо доказательства того, что и какъ у насъ было, была выражена и въ моей рукописи, доставленной въ редакцію „Голоса“, и на ней, противъ этого мѣста, явилась надпись синимъ карандашомъ: *это-то и нужно, а не фразы!*—Причемъ тотъ же карандашъ подчеркнулъ слова *фактическія данныя.* Отъ меня, видите ли, требуются фактическія доказательства, а дневникъ г. Боярскаго, самъ по себѣ, уже есть доказательство!.. Не понятно... И еще непонятнѣе, что и словесно, при возвращеніи мнѣ рукописи, редакція потребовала отъ меня, чтобы я доказалъ, „что все мною описанное происходило именно такъ, какъ описано мнóю, а не такъ, какъ то свидѣтельствуетъ г. Боярскій“. Я попробовалъ убѣдить въ томъ, что это требованіе, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ, абсолютно-неисполнимое, но долженъ былъ черезъ минуту замолчать.

Поэтому и тѣ изъ читателей, которые будутъ требовать отъ меня доказательствъ, всему, и такихъ, какихъ имъ угодно, могутъ дальше не читать, потому что я никакими сверхъестественными силами не располагаю, а даю лишь то, что было доступно, то есть данныя изъ переписки по дѣлу экспедиціи. И такъ *первая уловка непріятеля заключается въ требованіи доказательствъ которыхъ дать нельзя.*

Теперь обращу ваше вниманіе на второй пріемъ, котораго самимъ читателямъ также ни за что бы не замѣтить; а именно: почти всѣ приведенные въ Письмѣ примѣры взяты не изъ того, о чемъ я въ книгѣ говорю, а цѣпляются за тѣ мелкіе факты или ничтожные предметы, о которыхъ въ ней я почему нибудь не упомянулъ. Вотъ къ этимъ-то недосказамъ и пропускамъ и придираются теперь гг. Боярскій съ Сосновскимъ. Прошу опять обратить вниманіе: изъ десяти примѣровъ, приводимыхъ ими *въ доказательство* необычайной лживости всей *моей книги*, цѣлая половина относится къ тому, чего я въ книгѣ не касаюсь! Понятенъ ли вамъ смыслъ этого явленія?.. Оно доказываетъ, что говорить о томъ, что въ книгѣ есть,—очень опасно. *Что же это за предметы, которые я предпочелъ обойти молчаніемъ?* Сначала перечислимъ ихъ. Умолчалъ я во-первыхъ:

1) О полученной г. Сосновскимъ въ подарокъ, и (за ея полною ненадобностью для него) переданной мнѣ *банкѣ съ насѣкомыми.* Не насмѣшка ли это надъ экспедиціей!

2) О *кускѣ атласа* (!) (необозначенныхъ величины и цѣнности), полученномъ мною отъ одного китайскаго генерала за сдѣланный съ него и подаренный ему портретъ.

3) Умолчалъ о томъ, что попросилъ генерала Цзо *что нибудь продекламировать* изъ его стихотвореній (!).

4) *Просто* говорится: „*можетъ быть были* и другія вещи, но я, (т. е. авторъ письма), увѣренно сказать не могу“.

5) Я *умолчалъ* объ одной *неудачной операціи* (хотя между образованными людьми не принято упрекать автора въ умалчиваніи о томъ, о чемъ имъ уже *было напечатано* четыре года тому назадъ!).

Теперь же бросимъ кстати также пока бѣглый взглядъ и на остальные шесть примѣровъ или доказательствъ:

1) *Фактъ* съ стихотворной *Сигарой*, которая сильно скомпрометировала „Письмо“ въ глазахъ даже тѣхъ, кто до

этого можетъ быть, готовъ былъ всему повѣрить. Мало этого: независимо отъ комизма самаго „факта“, въ немъ еще и правды нѣтъ,—даже въ этомъ!

2) Въ книгѣ моей будто-бы невѣрно показанъ *часъ, въ который встали 30-го марта гг. Андреевскій и Боярскій!* Не менѣе важный фактъ, и опять построенный, какъ сей часъ докажу, на одной лжи, которую опровергаютъ написанныя слова самого же г. Сосновскаго.

3) Я будто бы *извратилъ фактъ съ денежными подарками*, присланными отъ китайскаго сановника. Обнаруженная и доказанная ниже безсмыслица, построенная также на лжи, въ которой противники мои запутались сами, сдѣлается очевидною для всякаго.

4) Я, будто-бы умышленно, придалъ *темную окраску* нашимъ проводамъ изъ г. Лань-Чжоу!.. Для доказательства этого въ письмѣ *искажается* смыслъ приводимыхъ словъ моей книги; слѣдовательно—еще ложь, четвертая по счету, какъ и самое доказательство—четвертое. Наконецъ,

5) Я опять *извратилъ фактъ съ фальшивой тревогой*. Въ этомъ пятомъ свидѣтельскомъ показаніи „*по чистой совѣсти*“—въ немъ одномъ, ложь повторяется цѣлыхъ *пять разъ*!... Но пока ничему этому не вѣрьте...

И такъ, вотъ всѣ доказательства, которыя предложены читателямъ отъ имени свидѣтеля г. Боярскаго... И когда я познакомился съ ними, мнѣ стало даже досадно, что я ни въ чемъ признаться не могу: просто хоть нарочно клевещи на себя, чтобы придать своимъ словамъ болѣе вѣроятный характеръ, чтобъ они не были похожи на извѣстный отвѣтъ:—„знать не знаю, вѣдать не вѣдаю; а что они противъ меня говорятъ, то это одна неправда“;—къ какому прибѣгаютъ обыкновенно люди, кругомъ виноватые... Хотя бы какой нибудь одинъ вздоръ подмѣтили мои противники и объяснили мнѣ самому,—неточность изложенія, недоразумѣніе какое нибудь, что вотъ-де это было не такъ или значило совсѣмъ не то,—я бы тогда немедленно взялъ свои слова назадъ, если бы меня убѣдили, что я дѣйствительно впалъ въ заблужденіе. А то, они или ссылаются на то, чего я не знаю, о чемъ на мѣстѣ меня не увѣдомляли, или выдумываютъ смѣшныя вещи съ цѣлью не самооправданія—даже этого нѣтъ—а единственно съ цѣлью унизить

меня до самихъ себя. И какъ не многое я могу *доказать*, такъ твердо увѣренъ въ томъ, что *убѣдить* буду въ состояніи каждаго, кто дѣйствительно дорожитъ честью печатнаго слова и понимаетъ его важное значеніе въ общественной жизни, кто понимаетъ, что рѣчь идетъ о принципѣ, а не о личныхъ ничтожныхъ достоинствахъ, или нечистыхъ выгодахъ! Послѣднія служатъ, такъ сказать, только нагляднымъ примѣромъ, толчкомъ къ изобличенію лжи,—но опять съ тою же указанною выше, цѣлью, т. е. чтобы сдѣлать повтореніе подобныхъ поступковъ невозможнымъ; чтобы печатать подобныя „Письма въ редакцію", будущіе авторы по крайней мѣрѣ стыдились, и чтобы органы, напечатавшіе ихъ, принимали по крайней мѣрѣ возраженія обвиняемыхъ. Съ другой стороны, остановиться на этихъ доказательствахъ стоитъ потому, что слова автора Письма, какъ путешественника-очевидца, представляющія такую беззастѣнчивую ложь про китайцевъ и ихъ бытъ, легко могутъ привести читателей, мало знакомыхъ съ Китаемъ, ко многимъ невѣрнымъ заключеніямъ. А для чего же это?!..

Будемъ держаться порядка Письма и откроемъ тайный смыслъ, значеніе и цѣль каждаго изъ приведенныхъ обличительныхъ пунктовъ или доказательствъ.

Пунктъ 1. «Фактъ» съ Сигарой.

Въ книгѣ моей, на страницѣ 381, упомянутъ вскользь слѣдующій ничтожный случай, но не лишенный интереса потому, что онъ показываетъ всю безграничную степень любопытства китайцевъ, какое возбуждаетъ въ нихъ появленіе человѣка иной расы, въ иномъ платьѣ и съ иными, невиданными вещами въ рукахъ... Г. Боярскій, игравшій въ этомъ эпизодѣ пассивную роль, упомянутъ въ моей книгѣ; и авторъ Письма рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ. Онъ будто бы находитъ мое изложеніе въ такой степени неточнымъ, что вынужденъ сказать даже слѣдующія слова:

„Вотъ, напримѣръ, разсказъ доктора, помѣщенный на стр. 381 перваго тома, такъ прекрасно и картинно-изложенный, что *я едва узналъ* въ немъ ту сцену, въ которой лично участвовалъ".

И, приведя его, прибавляетъ отъ имени г. Боярскаго:

„Тотъ же самый *фактъ* записанъ у меня совсѣмъ не такъ кра-

сиво и, пожалуй, не доставилъ бы читателю такого удовольствія, какъ приведенная картинка г. Пясецкаго, но за то и не отступаетъ отъ правды. Вотъ, въ какомъ видѣ занесенъ этотъ эпизодъ въ моемъ дневникѣ"...

Чтобы читатели могли сравнить то, что говорится въ моей книгѣ, а также въ какомъ видѣ приводятся слова ея въ Письмѣ, и какъ записанъ тотъ же *фактъ* у г. Боярскаго, въ его „дневникѣ", я привожу всѣ три текста рядомъ.

Слова моей книги.	Тѣ же слова въ Письмѣ.	Тотъ же эпизодъ въ „дневникѣ г. Боярскаго".
Когда я потомъ стоялъ на лодкѣ и, куря сигару разсматривалъ толпу, около меня совершенно неожиданно явился одинъ незнакомый китаецъ и вознамѣрился взять у меня сигару прямо изо рта. Я зналъ, что подобная безцеремонность отнюдь непозволительна даже съ точки зрѣнія азіатской патріархальности, и потому этотъ поступокъ показался мнѣ умышленною дерзостью, желаніемъ доказать товарищамъ, что не только бояться, но и церемониться съ заморскими чертями нечего. А можетъ быть, и просто сигара ужъ очень заинтересовала его, какъ невиданная вещь. Я спокойно отвелъ его руку и только сердито посмотрѣлъ на него, какъ онъ тотчасъ ушелъ и, перескочивъ на сосѣднюю лодку, гдѣ находился Боярскій, въ одно мгновеніе вырвалъ у него сигару и также быстро возвратился на берегъ. Тутъ стало ясно, что онъ былъ командированъ сосѣдями, въ качествѣ охотника, съ порученіемъ во чтобы ни стало добыть сигару. Онъ покурилъ ее самъ, потомъ передалъ сосѣду, тотъ своему и т. д. Сигара пошла по рукамъ, переходя изо рта въ ротъ. Многіе отъ нея раскашлялись; другіе плевали и почти всѣ дѣлали гримасу: — табакъ, очевидно, показался имъ слишкомъ крѣпкимъ.	«...Когда я потомъ стоялъ на лодкѣ—пишетъ докторъ Пясецкій — и, куря сигару, разсматривалъ толпу, около меня совершенно неожиданно явился одинъ незнакомый китаецъ и вознамѣрился взять у меня сигару прямо изо рта... *Семь строкъ, прямо идущихъ къ дѣлу и далеко не безсодержательныхъ, пропущены.* «Я спокойно отвелъ его руку и только сердито посмотрѣлъ на него, какъ онъ тотчасъ ушелъ и, перескочивъ на сосѣднюю лодку, гдѣ находился Боярскій, въ одно мгновеніе вырвалъ у него сигару и такъ же быстро возвратился на берегъ». *Шесть строкъ, необходимыхъ для дѣлаемаго авторомъ Письма сравненія текстовъ, опять выпущены. А развѣ это дозволительно!*	«...Китаецъ подошелъ къ Пясецкому и попросилъ у него сигару; когда же послѣдній ему отказалъ, то я подалъ китайцу свою, чѣмъ несказанно обрадовалъ его. Въ радости онъ побѣжалъ на берегъ, гдѣ его обступили ожидавшіе товарищи и начали пробовать сигару, закашливаясь» и проч."

Затѣмъ авторъ Письма восклицаетъ:

„*Такова разница* между разсказомъ г. Пясецкаго и моимъ дневникомъ. Охотно уступаю доктору пальму первенства за его картинную фантазію и оставляю за собою лишь скромную претензію на вѣрность записаннаго мною случая“.

Такова разница между моимъ разсказомъ и дневникомъ г, Боярскаго,—могу воскликнуть и я. А читатель, навѣрно, задумается и въ недоумѣніи будетъ спрашивать:—въ чемъ же заключается существенная невѣрность въ книгѣ доктора, получившаго *пальму первенства* за свою „*картинную фантазію*“?

Если даже допустить, что непріятель правъ, а у меня все передано невѣрно, то вся *разница*, оказывается, заключается въ томъ, что сигару китаецъ *не вырвалъ*, а ему ее *отдали*? Очень важно!! Пусть теперь читатель судитъ по этому первому доказательству, сколько силы, содержанія и искренности въ приведенныхъ обвиненіяхъ! И пусть онъ попроситъ шестилѣтняго ребенка сказать,—про одно ли и тоже разсказываютъ тутъ двое или нѣтъ, или *разница* въ ихъ словахъ *такова*, что этого даже и *угадать нельзя*?

Хотя и авторъ Письма, и писатель Дневника знаютъ про себя, — гдѣ правда, и что̀ они въ ней передѣлали, но я охотно удовлетворяю ихъ скромной претензіи на *вѣрность записаннаго случая*, и дарю побѣду надъ собою; то-есть нахожу, что важность *факта* словъ не стоитъ: всякому и безъ того понятно, что за потѣшную *Сигару* друзья ухватились лишь вслѣдствіе полной бездоказательности этого пустого приключенія... И развѣ не извѣстно, что извращеніе истины дѣлается съ какою-нибудь цѣлью или поневолѣ;—какую же цѣль можно придумать въ данномъ случаѣ?! И почему авторъ Письма не рѣшился указать на какую-нибудь идею, которую я преслѣдовалъ, разсказывая о неизвѣстномъ китайцѣ то, что было совсѣмъ не такъ?!

Пунктъ № 2. О часѣ пробужденія отъ сна.

Онъ не менѣе интересенъ по важности поправки и очень знаменателенъ по характеру доказательствъ приводимыхъ авторомъ въ пользу правдивости своихъ словъ.

Въ „Письмѣ“ (отъ имени г. Боярскаго, разумѣется) говорится, безъ указанія страницы въ моей книгѣ:

„Описывая въ первой главѣ второго тома крушеніе лодки на хандзянскихъ порогахъ, г. Пясецкій утверждаетъ, что когда наша лодка подходила къ злополучному порогу, то я и переводчикъ Андреевскій только-что встали съ постели. Между тѣмъ, утромъ того же дня, *пока еще собирались въ путь*, я успѣлъ уже снять фотографическій видъ *при солнечномъ освѣщеніи*, чѣмъ и опровергается показаніе доктора, неизвѣстно почему заблагоразсудившаго продлить не въ мѣру нашъ сонъ.“

Не касаясь вопроса о томъ, когда гг. Андреевскій и Боярскій проснулись и встали съ постели, *я утверждаю, какъ и въ книгѣ моей* (стр. 574), *что изъ каюты на палубу оба они вышли, самое большее, за двѣ-за три минуты до того момента, когда лодку накренило* и она зачерпнула своимъ правымъ бортомъ, чтобы потомъ больше не подняться и погибнуть; а, слѣдовательно, въ ней могли погибнуть и два названные спутника... Г. Сосновскій это понялъ; и вотъ почему онъ старается доказать, что я умышленно продлилъ сонъ переводчика и фотографа. Чѣмъ же онъ доказываетъ, что они встали раньше? Тѣмъ, что фотографъ въ тотъ же день снялъ фотографическій видъ при солнечномъ освѣщеніи (чего *видъ*,—изъ осторожности не сказано). Доказательство это и придумано плохо, и весьма рискованно: скрытая здѣсь ложь блестяще изобличается двумя свидѣтельствами,— донесеніемъ самого же г. Сосновскаго и солнцемъ. Въ первомъ ясно говорится, что

„Съ *разсвѣтомъ*—(какъ и было на самомъ дѣлѣ),—30 (марта), мы *тронулись* и благополучно прошли половину ущелья“ и т. д. (Продолженіе см. на стр. 80-й настоящей брошюры).

Выходитъ, слѣдовательно, что г. Боярскій *снималъ видъ при солнечномъ освѣщеніи еще до восхода солнца* (?!). Убѣдительное доказательство!... Во-вторыхъ, обличителемъ лжи является самъ солнечный свѣтъ. Солнце мститъ теперь за несправедливый упрекъ, сдѣланный ему, будто оно, въ бытность нашу въ Китаѣ, изволило *останавливаться въ полдень*. Но г. Сосновскій, сдѣлавъ это астрономическое открытіе, упустилъ изъ виду ту простую вещь, что по тѣнямъ фотографическаго снимка всякій мало-мальски образованный человѣкъ можетъ довольно точно опредѣлить время дня, въ какое съемка произведена. И дѣйствительно, снимокъ г. Боярскаго, сдѣланный близъ порога, гдѣ разбилась лодка, показываетъ, что *съемка произведена между 12 и 1 часами*

дня. Въ этомъ можетъ убѣдиться каждый. Стоитъ только взять видъ изъ коллекціи китайскихъ фотографій г. Боярскаго, подъ №48 *), провести гдѣ-нибудь прямую линію отъ крайней точки любой тѣни черезъ освѣщенный край бросающаго ее предмета, чтобъ получить направленіе солнечнаго луча, а слѣдовательно и опредѣлить высоту стоянія солнца. Эта линія и показываетъ, что оно, въ моментъ съемки, стояло чуть не надъ головой. Но это—тонкости, къ которымъ и нѣтъ надобности прибѣгать, потому-что этотъ же снимокъ обнаруживаетъ еще краснорѣчивѣе тотъ отчаянный рискъ, на какой пошелъ сочинитель „Письма": на немъ изображены,—читатели не повѣрятъ,—*полная картина лагеря*, какую онъ представлялъ *черезъ нѣсколько дней послѣ крушенія лодки!* А именно: на водѣ, у берега, опрокинутый трюмъ лодки, привязанный двумя веревками ко вбитымъ въ песокъ кольямъ; тутъ же стоитъ новая, уже нанятая лодка для дальнѣйшаго странствованія; на берегу лежатъ разложенныя для просушки нѣкоторыя вещи (между прочимъ, раскрытый китайскій зонтикъ), а въ правой сторонѣ стоятъ двѣ палатки, которыхъ раньше никогда не доставали, потому-что всѣ жили въ лодкахъ и въ нихъ не было надобности; теперь же тамъ помѣщались лишенные крова спутники. Нужно-ли спрашивать,—*какимъ же образомъ можно было фотографировать картину послѣдствій крушенія лодки прежде, чѣмъ послѣднее совершилось?!*. Непріятель опять думалъ: кто станетъ справляться; никто вѣдь до такихъ тонкостей не доберется, да и фотографическаго снимка № 48 никогда не увидитъ;—неужели ужъ и этого нельзя солгать!

Пунктъ 3. О банкѣ съ насѣкомыми.

Онъ довольно сложенъ и въ немъ не сразу угадаешь, что тутъ главное. Авторъ говоритъ:

„По прибытіи въ гор. Хань-Чжун-Фу, разсказываетъ г. Пясецкій на стр. 600-й своей книги, получено было начальникомъ экспедиціи привѣтственное письмо на латинскомъ языкѣ отъ проживавшаго тамъ итальянскаго миссіонера, патера Pius Vidi изъ Ве-

*) Въ библіотеку Р. И. Геогр. Об. г. Сосновскимъ пожертвованъ полный экземпляръ фотографическаго альбома изъ 149 листовъ, и въ немъ находится единственный видъ, снятый близъ названнаго порога Лунъ-Танъ. Другого и нѣтъ; да сдѣланнаго при солнечномъ освѣщеніи, до крушенія, говорю, и быть не могло.

роны. *Фактъ* самъ по себѣ вѣренъ; странно мнѣ только, какъ, упоминая о полученіи этого письма, почтенный докторъ забылъ сообщить, что тотъ же итальянскій патеръ прислалъ г. Сосновскому, въ благодарность за сдѣланное послѣднимъ *денежное пожертвованіе въ пользу благотворительныхъ заведеній миссія*, большую банку съ насѣкомыми и разныхъ породъ *бабочками*, которая и фигурируетъ теперь въ зоологической „коллекціи г. Пясецкаго". Впрочемъ, быть можетъ, докторъ считалъ вовсе неинтереснымъ для публики знать, кто именно собиралъ эту коллекцію; важно лишь то, что онъ привезъ ее съ собой и она носитъ его имя".

Здѣсь противникъ, очевидно, желалъ проявить предъ читателями свое безпристрастіе и справедливость къ врагу,— то-есть ко мнѣ,— допуская даже правду въ моей книгѣ... Получилось *письмо на латинскомъ языкѣ отъ миссіонера*;— „*фактъ*" (!) самъ по себѣ вѣренъ, говоритъ онъ. Потомъ слѣдуетъ улика въ умалчиваніи насчетъ *большой банки съ насѣкомыми* *), полученной въ благодарность за сдѣланное г. Сосновскимъ *денежное пожертвованіе* (?!) въ неизвѣстныхъ размѣрахъ. Вотъ, это ли пожертвованіе тутъ важно, или то, что я чужими руками составлялъ коллекціи, которыя привезъ въ Россію, и онѣ только носятъ *мое имя*, а публика и не знаетъ, что надъ собираніемъ предметовъ для нихъ трудились совсѣмъ другіе (кто—опять не говорится);— не разберешь, говорю,—что тутъ для автора „Письма" важнѣе... Но вы видите, что и здѣсь одни пустяки, уловки и новая пища для юмора. Ну, развѣ не смѣшонъ этотъ „*фактъ* съ латинскимъ письмомъ, который самъ по себѣ *вѣренъ*"! Развѣ не уморительны эти *разныхъ породъ бабочки въ спирту*, въ которомъ, конечно, ихъ не было ни одной, ибо каждый миссіонеръ на столько образованъ, чтобъ этого не сдѣлать и даже объ этомъ не говорить. Не забавно ли и самое это денежное пожертвованіе?.. Въ послѣдней же фразѣ слышится несмѣлый намекъ на то, что будто бы мною выдаются чужіе труды за свои!.. Отвѣтимъ на все по очереди. 1) О *банкѣ* въ книгѣ не упомянуто во-первыхъ потому, что я о многихъ вещахъ гораздо посерьезнѣе не упоминалъ; — почему же я обязанъ перечислять всякую посуду! Насѣкомыхъ же я вообще не касаюсь въ моей популярной книгѣ, и,

*) Это была банка отъ икулей съ четверть аршина вышины (но допустимъ —даже въ аршинъ); и въ ней заключалось, самое-большее, сотни полторы жуковъ (но я готовъ признать и десять тысячъ *бабочекъ*, только чтобъ онѣ были въ спирту).

кромѣ того, говорю на ст. 967-й, что почти всѣ мои банки съ спиртовыми коллецiями разбились во время перевозки нашего транспорта черезъ Тянь-Шань, въ 1875 г., въ ночь съ 31 августа на 1 сентября. 2) О сдѣланномъ г. Сосновскимъ пожертвованiи съ благотворительною цѣлью мнѣ тогда ничего не было сообщено, а потому я о немъ и не могъ говорить. И я не знаю, сдѣлано ли оно. Думаю, что никакого такого пожертвованiя не сдѣлано, потому что названное *письмо* и *банка* получены отъ миссiонера Pius Vidi da Verona въ первый же день прiѣзда въ г. Хань-Чжунъ, даже черезъ нѣсколько часовъ по прибытiи; католическая же миссiя, (о существованiи которой мы раньше не знали), находится верстахъ въ пяти за городомъ. Когда же было время сдѣлать-то денежное пожертвованiе, будто бы въ благодарность за которое получены *и письмо, и банка вмѣстѣ?!* 3) Что же касается до моихъ работъ, то я полагаю, что гг. Боярскiй и Сосновскiй не рѣшатся утверждать открыто, что 4000 растенiй собраны и пересушены не мною; что 200 чучелъ (млекопитающихъ и птицъ) приготовлены не моими руками; что 93 образца почвы, горныхъ породъ и образцовъ каменнаго угля собраны и привезены не мною; что около 1500 разнообразныхъ предметовъ этнографической коллекцiи тоже не мною прiобрѣтены (почти всѣ куплены и привезены на *свой* счетъ); что не мною-же сдѣланы и болѣе 1000 дорожныхъ рисунковъ... Я этими работами нимало не хвастаюсь, потому-что исполненiе ихъ доставляло мнѣ такъ много удовольствiя, что я ихъ и за трудъ не считаю и никакой особенной заслуги съ своей стороны тутъ не вижу... Теперь мнѣ остается еще прибавить, что о „незабвенной“ банкѣ съ насѣкомыми г. Сосновскiй ужъ *писалъ мнѣ раньше*, въ 1876 г. апрѣля 7, за № 9 (по возвращенiи въ Петербургъ). Въ письмѣ говорится:

„Передавая вамъ присланную мнѣ миссiонеромъ Pius Vidi банку съ насѣкомыми, я отнюдь не допускалъ, что отдаю ее въ вашу собственность, по крайней мѣрѣ ни на словахъ, ни на бумагѣ ничего подобнаго не говорилъ; также точно думалъ я, когда передавалъ вамъ экземпляры животныхъ, частью купленные, а частью полученные въ подарокъ, какъ напримѣръ попугая, обезьяну, павлина и проч., а равно и *массу* добытыхъ на охотѣ. Вѣдь не считаетъ же Ш. К. Матусовскiй маршрутъ личной собственностью, хотя и сдѣланъ его руками. Считаю долгомъ сообщить вамъ объ этомъ“.

Могла ли также и эта *банка* не выдать мнѣ, между прочимъ, настоящаго автора „Письма въ редакцію“? Это и для читателей теперь ясно... Далѣе, я, признаюсь, и тогда не могъ додуматься, и теперь не понимаю, почему, для какой цѣли г. Сосновскій счелъ долгомъ сообщать мнѣ о ней? Развѣ для того только, чтобы, говоря о своей дѣятельности, лишній разъ употребить слово *„массу“*! Но вѣдь я обязанъ сказать правду, что эта *масса* едва ли превышаетъ десятка застрѣленныхъ имъ и переданныхъ мнѣ птицъ; вѣдь я могу назвать всѣ экземпляры, *добытые* имъ на охотѣ; и я упоминаю объ этихъ *фактахъ*, даже въ моей книгѣ, напримѣръ на стр. 701-й, гдѣ говорится, ясно:—„я принялся за препаровку убитыхъ мною и г. Сосновскимъ птицъ“. Чего же еще нужно!?

Послѣ трехъ разсмотрѣнныхъ *фактическихъ доказательствъ* своей правоты, авторъ ихъ прибавляетъ:

„Все это, положимъ, мелочи; но такими мелочами испещрена книга г. Пясецкаго. А вотъ нѣкоторые факты нѣсколько иного свойства“.

Но читатели теперь знаютъ, *какими крупными мелочами испещрена* моя книга!... Перейдемъ къ *фактамъ иного свойства*, хотя, по моему, они во всѣхъ отношеніяхъ *факты того же свойства*, какъ по ихъ ничтожности, такъ и по безпримѣрному обману, который сейчасъ и для всѣхъ станетъ, если не очевиднымъ, то понятнымъ.

Пунктъ 4. О подаркахъ.

Обходя всѣ серьезныя страницы книги, потому-что гг. Боярскій съ Сосновскимъ чувствовали, на сколько опасно о нихъ заговаривать, они отводятъ въ „Письмѣ“ почтенное и главное мѣсто вопросу о подаркахъ...

Если я въ моей книгѣ и касался этого предмета, то лишь потому, что въ Китаѣ, какъ азіатскомъ государствѣ, подарки играютъ немаловажную роль при сношеніяхъ людей между собою, и съ иностранцами въ особенности. Они какъ бы замѣняютъ тамъ собою любезное привѣтственное слово и до извѣстной степени служатъ рекомендаціей подносящаго подарокъ, а также критеріемъ того, какъ ра-

зумѣетъ подносителя лицо, которому вещь посылается, т. е. какъ онъ отдариваетъ перваго. Или же я разсказываю иногда о подаркахъ потому, что они казались мнѣ достаточно оригинальными, какъ напримѣръ изящно присланныя намъ изъ посольства деньги,—подъ колпакомъ, на который была положена вѣтка съ цвѣтами гранатоваго дерева; или,—другой примѣръ,—жареныя утки, принесенныя на огромныхъ вилкахъ черезъ весь городъ и т. п. Я обращаю также вниманіе будущихъ путешественниковъ по Китаю на тѣ вещи, которыя доставятъ китайцамъ наибольшее удовольствіе. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги я говорю, что подарки, посылавшіеся г. Сосновскимъ китайскимъ властямъ, за исключеніемъ, можетъ быть, трехъ-четырехъ вещей, всѣ были такого качества, что гораздо приличнѣе было бы совсѣмъ ничего не дарить, какъ бы игнорируя, что ли, туземный обычай. И я называю эти вещи по именамъ, какъ и лицъ, которымъ онѣ были посланы или подарены, а не говорю неопредѣленно, въ видѣ инсинуаціи, что вещи *вообще* были плохи и только. Напримѣръ, на стр. 815-й у меня говорится, что адъютанту генерала Цзо, очень много хлопотавшему для насъ, г. Сосновскій подарилъ на прощаньи слѣдующія вещи:

„*Клеенчатый поддонникъ для стакана или подсвѣчника, баночку помады и маленькое открывающееся костяное яичко*, изъ котораго что-то вынимается,—кажется цѣпочка изъ нѣсколькихъ стеклянныхъ зернышекъ“...

Или на стр. 1010-й упоминается, что генералу Цзинъ были посланы подарки, состоявшіе изъ *нѣсколькихъ отрѣзковъ сукна* разныхъ цвѣтовъ—(изъ кяхтинскаго товару),—*картонной табакерки* и *двухъ пачекъ нюхательнаго табаку.*

Ихъ отвозилъ къ нему „представитель серьезной фирмы“ Сюй, и онъ сообщилъ потомъ, что Цзинъ-Цзянъ-Цзюнь ничего не принялъ, а ему далъ на водку 200 руб. Но ни что изъ этихъ моихъ словъ, записанныхъ по показанію самого Сюя, не отрицается, что и убѣждаетъ меня въ томъ, что это вѣрно: въ противномъ случаѣ, на неточность, конечно, было бы прямо указано.

Весьма естественно, что г. Сосновскому теперь очень непріятно встрѣчать описаніе такихъ его дѣйствій, какъ намъ было непріятно краснѣть за нихъ до ушей въ Китаѣ; особенно же долженъ былъ не понравиться ему приводи-

мый ниже разсказъ о подаркахъ, полученныхъ имъ отъ генерала Цзо, какъ наиболѣе недозволительномъ поступкѣ, совершонномъ несмотря на споры и убѣжденія въ томъ, что онъ и самъ понималъ хорошо, — что эти подарки имѣютъ обидный характеръ. Но онъ и мысли не допускалъ, что объ этомъ, компрометирующемъ его и всю экспедицію, принятіи такихъ подарковъ когда-нибудь узнается и о нихъ будутъ говорить.

Отрицать „цѣлаго воза“,—(какъ говорится въ „Письмѣ“), полученныхъ имъ отъ генерала Цзо вещей, авторъ не рѣшился, да и не безопасно; склонить меня и г. Матусовскаго къ принятію отъ этого генерала денежныхъ подарковъ ему неудалось, значитъ обвинить меня въ чемъ либо подобномъ—не въ чемъ... Что же остается дѣлать? Надо придумать что-нибудь обидное, съ цѣлью если не доказать, что слова моей книги ложны, то, по крайней мѣрѣ, чтобъ унизить меня, донеся публикѣ, что д—ръ Пясецкій самъ нисколько не лучше г. Сосновскаго... Посмотрите,— говоритъ общій смыслъ “Письма“,—что онъ самъ дѣлалъ!.. Вотъ и сочиняется приведенный выше эпиводъ съ подарками, засвидѣтельствованный г. Боярскимъ и выдавшій самого г. Сосновскаго, который, потерявъ подъ ногами твердую почву, принужденъ предаваться утомительному барахтанью и, наконецъ, до того запутывается въ измышленіяхъ, что рѣчь его теряетъ логическую связь и онъ оставляетъ въ ней неисправленною, упомянутую выше, предательскую ошибку. Приведемъ опять то же мѣсто „Письма“ и разсмотримъ его съ точки зрѣнія смысла. Извольте читать:

„Въ дѣйствительности же“,—говоритъ будто бы фотографъ Боярскій,—„этотъ случай съ подарками происходилъ такъ: Пясецкому, Матусовскому, Андріевскому и мнѣ было прислано цзо-цунъ-таномъ, сверхъ двухъ кусковъ матеріи, по сто ланъ на каждаго. На замѣчаніе г. Сосновскаго, что деньги не подарокъ и принимать ихъ нельзя, тотъ же г. Пясецкій, и *только онъ одинъ*, при молчаливомъ соучастіи г. Матусовскаго, возражалъ начальнику экспедиціи и настаивалъ, что въ подобной формѣ подарка нѣтъ ничего оскорбительнаго, что это тотъ же китайскій обычай. „Я тоже — продолжалъ докторъ—могу отдарить цзо-цун-тана, пославъ ему свой микроскопъ, стоющій сто рублей“ (сто же ланъ составляютъ болѣе двухсотъ металлическихъ рублей). Разговоръ этотъ происходилъ при всѣхъ. Когда же я продолжалъ протестовать, то г. Сосновскій обратился ко мнѣ съ словами: „Пясецкій, какъ видите, прини-

маетъ, а вы, все-таки, отказываетесь?“, на что я тогда же отвѣчалъ: „Пясецкій можетъ подарить свой микроскопъ, а я не могу ничего, потому что ничего не имѣю“. Потомъ г. Сосновскій, *несмотря на неудовольствіе доктора*, приказалъ переводчику Андріевскому отнести серебро обратно къ китайскому намѣстнику, присоединивъ къ нему *отъ имени экспедиціи еще двѣсти лано на бѣдныхъ*; слѣдовательно, отнесено обратно *не четыреста ланъ*, какъ говоритъ г. Пясецкій, а *шестьсотъ*“.

Главное достоинство „Письма“ заключается въ необыкновенномъ умѣньи автора писать только для бѣглаго прочитыванія, причемъ все кажется довольно правдоподобнымъ и вѣроятнымъ до тѣхъ поръ, пока надъ читаемымъ ни на секунду не задумываются. Но малѣйшее прикосновеніе анализа мгновенно разрушаетъ весь „эшафодажъ святой истины“. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ: пробѣжавъ бѣгло это мѣсто „Письма“, вы не замѣчаете ничего особеннаго и изъ всего выносите только два впечатлѣнія, что г. Пясецкому хотѣлось получить денежный подарокъ отъ китайскаго генерала, и что г. Сосновскій до этого не допустилъ, да сдѣлалъ еще пожертвованіе на бѣдныхъ. Но задумайтесь на минуту надъ разсказаннымъ эпизодомъ и спросите себя: да кто же тутъ чего хочетъ? Кто за что стоитъ? Почему дѣйствующія лица поступаютъ такъ странно и говорятъ такія безсвязныя слова? Посмотрите, что выходитъ. Вамъ говорятъ, что *только одинъ* докторъ Пясецкій желаетъ получить въ подарокъ отъ генерала Цзо двѣсти рублей; но тутъ же вы читаете, что опять *онъ одинъ* предлагаетъ сдѣлать отъ себя дорогой подарокъ китайскому сановнику, говоря ни съ того-ни съ сего: „я *тоже* (?) могу отдарить Цзо-Цзунъ-Тана“ и т. д. Затѣмъ вы видите, что г. Сосновскій вдругъ измѣняетъ образъ мыслей и теперь начинаетъ какъ бы убѣждать фотографа Боярскаго принять деньги, на томъ основаніи, что другой принимаетъ. Понятенъ ли вамъ смыслъ этого *убѣждающаго вопроса* или *вопросительнаго убѣжденія*? Мнѣ все понятно, потому что я знаю дѣло; но, разсматривая только эти слова „Письма“, я бы ничего не понялъ. Они производятъ лишь то впечатлѣніе, что г. Сосновскій какъ будто только желалъ, чтобы кто-нибудь одинъ изъ насъ принялъ деньги, и тогда благословилъ бы на принятіе ихъ и всѣхъ остальныхъ. И потомъ, какъ видите, разговоръ идетъ ужъ не о

томъ, можно ли принять серебро въ подарокъ или нѣтъ, а о томъ, есть ли у кого что, чѣмъ отдарить китайскаго генерала; и оказывается, что г. Боярскій для этой цѣли ничего не имѣетъ. Тогда, опять почему-то „несмотря на неудовольствіе доктора", деньги приказываютъ отнести обратно. Объясненій никакихъ.

Итакъ, вы видите теперь, что тутъ безсмыслица полная; но когда вы узнаете нѣкоторыя подробности, то этотъ разсказъ станетъ еще безсмысленнѣе. Рѣшите, напримѣръ, задачу на вопросъ: чего хотѣлъ докторъ Пясецкій на основаніи словъ „Письма"?.. Пріобрѣсти свою долю въ 200 рублей изъ присланныхъ на четырехъ 800 рублей? Но за вычетомъ цѣны микроскопа, который, по словамъ всевѣдущаго „фотографа Боярскаго", стоитъ 100 руб., останется только половина. Когда же читатели узнаютъ (чего я-то никакъ не могу не знать), что за мой микроскопъ, № 8761, я заплатилъ въ 1871 году 170 руб. (магаз. Грюнберга, Невск. Пр. и Мал. Морск.), то они увидятъ, что всѣ мои стремленія сводятся лишь къ 30 руб. или, принимая во вниманіе курсъ, къ 50 руб.!.. Читатель, вѣроятно, пожелаетъ выпутаться наконецъ изъ этой чепухи и узнать, да въ чемъ же дѣло, и какъ что происходило? Для этого надо прочесть слѣдующую страницу (801) изъ моей книги.

„Вскорѣ отъ Цзо-Цзунъ-Тана явился его адъютантъ, а за нимъ шли двое слугъ съ огромнымъ подносомъ, на которомъ лежала *цѣлая гора* вещей. Слышу, переводчикъ передаетъ Сосновскому, что это Цзо прислалъ намъ подарки.

— Скажите Цзо-Цзунъ-Тану, что мы очень благодарны, что намъ очень пріятно; только что-жъ вѣдь я... если бы не Лунъ-Танъ... Только зачѣмъ же онъ цѣлый возъ... Ну, ужъ я ему пришлю всего изъ Россіи..." и т. п. Потомъ что-то говорилъ Ши-Ло-ѣ, вѣроятно, что-нибудь въ томъ же родѣ. Пораженный множествомъ присланныхъ вещей, нашъ начальникъ *вынужденъ* былъ спросить Ши,— что, эти подарки присланы ему одному или всѣмъ? Переводчикъ спросилъ; Ши замялся, не зналъ, что отвѣчать и потомъ сказалъ: да, ему одному, и ушелъ. Потомъ, вернувшись черезъ часъ, явился *къ намъ въ комнату**) также съ подарками для меня и Матусовскаго. Они состояли изъ четырехъ кусковъ шелковой матеріи, четырехъ бумажныхъ свертковъ съ изреченіями, написанными самимъ Цзо, и изъ двухъ небольшихъ, но тяжелыхъ свертковъ, въ

*) Куда г. Боярскій, въ силу существовавшихъ между нами отношеній, никогда не входилъ, хотя это ему не запрещалось.

которыхъ, къ нашему изумленію, заключалось, какъ объяснилъ Ши-Ло-ѣ, по двѣсти рублей серебра. Этого послѣдняго явленія мы ужъ никакъ не ожидали, и отвѣтили Ши, что благодаримъ Цзо-Цзунъ Тана за вниманіе, и принимаемъ изъ присланныхъ вещей сдѣланныя имъ надписи, какъ воспоминаніе о немъ; матерій же намъ не надо, потому что мы уже купили себѣ столько, сколько намъ было нужно, и можемъ купить въ десять разъ больше; что же касается присылки намъ денегъ, говоримъ мы, то, безъ сомнѣнія, *генералъ желалъ насъ обидѣть*. Мы это чувствуемъ, сожалѣемъ объ этомъ и даже гнѣваться изволимъ, потому что намъ кажется, что мы никакого повода къ оскорбленію не подавали и его не заслужили; думаемъ, что онъ находится въ заблужденіи, неправильно на насъ смотритъ. Мы отдали деньги назадъ съ просьбою возвратить ихъ генералу и объяснить, что у насъ деньги дарятъ только прислугѣ, точно такъ, какъ и у нихъ, китайцевъ *). Ши сталъ упрашивать насъ—не отказываться и, видя насъ взволнованными, старался поправить дѣло и объяснилъ, что эти деньги Цзо-Цзунъ-Танъ прислалъ не въ подарокъ намъ, *а для того, чтобы мы ихъ раздавали дорогой ихъ же людямъ, китайцамъ, за разныя услуги, напримѣръ солдатамъ, извозчикамъ*. Въ этихъ словахъ заключался ясный намекъ на то, что мы платили часто чрезвычайно скупо, а иногда и совсѣмъ ничего. Но размѣръ такой платы, какъ напримѣръ на чай конвоирамъ, *опредѣлялся начальникомъ, и мы больше положеннаго давать не смѣли* (!). Да это и хорошо, потому что иначе происходило разногласіе, и между конвоирами возникали споры. Ши-Ло-ѣ продолжалъ упрашивать насъ, чтобы мы приняли деньги, говоря, что иначе мы обидимъ Цзо-Цзунъ-Тана.

— Мы не желаемъ его обижать, но не желаемъ и отъ него переносить незаслуженныхъ оскорбленій. Потрудитесь возвратить деньги и передать ему въ точности наши слова;—объясните ему, что Пя и Ма—господа, а не слуги. Мы вели эти переговоры черезъ нашего казака **). Начальникъ изъ сосѣдней комнаты услыхалъ *и, придя къ намъ, сталъ убѣждать глупостей не дѣлать, а совѣтывалъ принять деньги*, доказывая, что никакого намѣренія обижать насъ „старикъ" не имѣлъ, что въ Китаѣ есть обычай дарить серебро (какъ сказано выше, онъ былъ въ этомъ отношеніи правъ) не только прислугѣ, но даже чиновникамъ и подкрѣплялъ свои слова примѣрами. Хотя мы, конечно, и могли проглядѣть и не знать китайскаго обычая на счетъ денежныхъ подарковъ, но рѣшительно отказались отъ своихъ четырехъ сотъ рублей и сдѣ-

---

*) Это не совсѣмъ вѣрно. Профессоръ Васильевъ объяснилъ мнѣ потомъ, что у китайцевъ денежный подарокъ не имѣетъ обиднаго характера, а есть дѣло обыкновенное,—что они нерѣдко дарятъ другъ другу деньги, и всего чаще, напримѣръ, на похороны, когда въ домѣ бываетъ покойникъ.

**) Смокотнина, который не имѣлъ привычки, не смѣлъ, да наконецъ и не могъ лгать, потому что въ то время я уже самъ достаточно понималъ по-китайски, чтобъ его контролировать.

лали уступку лишь въ томъ, что согласились принять матеріи, *и подарили ихъ казакамъ, Смокотнину и Степанову* *). Мы были очень благодарны Сосновскому, что онъ больше не настаивалъ и приказанія: „принять“ не отдалъ; такъ что оппозиція была непродолжительная. И Ши увезъ серебро обратно.

Насъ позвали къ обѣду, и за столомъ разговоръ продолжался на ту же тему **). Мы съ Матусовскимъ продолжали чувствовать себя безъ вины оскорбленными,—это ужъ извѣстная щепетильность, свойственная маленькимъ людямъ,—а начальникъ справедливо возражалъ:

— Вѣдь, вотъ онъ прислалъ также по сту ланъ Андреевскому и Боярскому;—*они же приняли и не обидѣлись*. Положимъ, что двѣсти рублей деньги не большія; но вѣдь и ихъ на дорогѣ не поднимешь.

— Отчего же вамъ онъ не прислалъ въ подарокъ серебра?—спросилъ я.

— Такъ, все равно, онъ прислалъ мнѣ между китайскими предметами и двѣ европейскихъ вещи, тѣ часы съ парижской выставки, которыя, помните, онъ показывалъ намъ, и сервизъ. Вѣдь это тѣ же деньги. Вѣдь и это, пожалуй, не менѣе обидно,—европейцу дарить европейскія вещи.

— Еще бы!—Конечно, это тоже оскорбленіе, и вотъ, видите,—вы же обидѣлись и, вѣроятно, возвратили ихъ назадъ, потому что этого его поступка нельзя принять ни за что другое, какъ за новый щелчокъ вашему самолюбію, а слѣдовательно и насъ всѣхъ и вообще русскихъ. А развѣ это можно допустить. Мы вѣдь оффиціальныя лица.

— Конечно, слѣдовало бы возвратить, но я остановился и раздумалъ, потому что—пошлешь,—обидишь старика. *И вы также*

---

*) О чемъ они могутъ быть спрошены. Ихъ мѣсто жительства: Семипалат. обл., Павлодар. уѣзда, стан. Подпускная. Говорю это для того, чтобъ больше г. Сосновскій не выражалъ на этотъ счетъ сомнѣній. А про себя онъ очень хорошо знаетъ, что это правда.

**) Считаю долгомъ облегчить г. Сосновскому возстановленіе начинающихъ изглаживаться изъ памяти мелкихъ фактовъ и не особенно важныхъ разговоровъ, а потому напомню ему слѣдующія его слова, невошедшія въ книгу: — „Боярскій даже хотѣлъ было идти одинъ благодарить Цзо-Цзунъ-Тана, да я сказалъ, говорилъ г. Сосновскій, что лучше послѣ обѣда всѣ вмѣстѣ пойдемъ и поблагодаримъ“. Напомню также, что когда споръ о томъ же продолжался потомъ за обѣдомъ, то г. Сосновскій, отстаивая свой взглядъ на безобидность въ Китаѣ денежнаго подарка, привелъ въ примѣръ генерала Б—го, говоря, что „въ бытность его въ Пекинѣ ему подарена однимъ мандариномъ, въ знакъ памяти, золотая ямба“ (слитокъ такой формы, въ какихъ обыкновенно отливается серебро для обращенія). На это я возразилъ тогда, что золотую ямбу, пожалуй, еще можно принять какъ подарокъ (когда есть, чѣмъ отдарить), потому что золото въ Китаѣ, какъ монета, не ходитъ.

напрасно меня не послушались *)... онъ столько для насъ сдѣлалъ...

Для кого? Чего? Что такое онъ сдѣлалъ? завертѣлись вопросы въ головѣ... Но Ши-Ло-Ѣ явился опять и опять принесъ свертки съ серебромъ, снова упрашивая взять его, такъ какъ, говорилъ онъ, Цзунъ-Танъ его уже отдалъ вамъ и назадъ взять не можетъ. Оно теперь ваше, а не его, и вы можете дѣлать съ нимъ, что вамъ угодно.

— Ну, выбросьте его вонъ,—повысивъ голосъ, отвѣтилъ я:—отдайте его кому хотите; раздайте бѣднымъ, что ли; словомъ—дѣлайте, что желаете, а съ нами больше разговора о немъ не заводите... Онъ уходилъ, говоря, что передастъ генералу, что мы просимъ раздать деньги бѣднымъ отъ нашего имени, а серебро оставилъ на столѣ.

— Это вы можете сдѣлать, только въ томъ случаѣ,—говорю я,—если примете отъ насъ по сту ланъ серебра также въ пользу бѣдныхъ.

— Хорошо, я передамъ это Цзунъ-Тану,—говоритъ Ши.

Когда онъ ушелъ, мы съ Матусовскимъ рѣшили, что намъ всѣмъ, для возстановленія собственнаго достоинства, слѣдовало бы приложить равную сумму денегъ отъ себя, т.-е. 400 ланъ, и послать вмѣстѣ съ присланными имъ; но мы лично не располагали никакими экстра-ординарными суммами, а изъ своихъ денегъ не могли дѣлать подобныхъ пожертвованій. Обѣдъ кончился, и мы взглянули на канъ, весь заложенный цѣлой грудою дорогихъ вещей: свертками и ящиками чаю высокихъ сортовъ; коробками съ ласточкиными гнѣздами и дорогимъ тибетскимъ шафраномъ; лаковыми коробками изящной работы; цѣлой кучей кусковъ шелковыхъ матерій и проч. и проч. — всего и не разглядѣть и не упомнить, — надо было все переписать, чтобъ удержать въ памяти. Но не трудно было замѣтить среди этой груды китайскихъ вещей знакомые читателю сервизъ и часы-хронометръ **). Фактъ интересный! Послѣ обѣда является Ши, и вмѣсто того, чтобы избавить насъ отъ денежныхъ подарковъ, принесъ еще 250 ланъ серебра и роздалъ его нашимъ казакамъ и нашей китайской прислугѣ.

Теперь, значитъ, всѣ были „облагодѣтельствованы". Начальникъ, занятый болѣе серьезными дѣлами, пропускалъ мелочи мимо ушей, и эти 250 ланъ были съ благодарностью приняты, а мы съ товарищемъ не имѣли права распоряжаться. *Намъ съ Матусовскимъ едва удалось убѣдить Сосновскаго, чтобъ деньги, во что бы ни стало, были возвращены; но ихъ возвратили не вдойнѣ, а только то, что было получено.* Цзо принялъ ихъ назадъ, обѣщая упо-

---

*) Не угодно ли г. Сосновскому открыто сказать, что что-нибудь во всѣхъ приведенныхъ словахъ не вѣрно.

**) Во избѣжаніе споровъ и придирокъ поправляю вздорную неточность, которую я дѣлалъ сознательно: часы не находились здѣсь; но я не желалъ говорить, что г. Сосновскій проносилъ ихъ цѣлый день въ рукахъ.

требить, какъ мы желали, на благотворительное дѣло, и приказалъ даже очень благодарить насъ, и восхвалялъ наше „великодушіе и сердечную доброту“... Такъ, по крайней мѣрѣ, намъ передавали; а, можетъ быть, Цзо ничего не зналъ и имѣлъ основанія думать, что подарки приняты и нами. Теперь зашла рѣчь о томъ, что слѣдуетъ непремѣнно возвратить Цзо часы и сервизъ, также возразивъ ему, что мы считаемъ это за обиду, *съ чѣмъ соглашался и нашъ начальникъ;* но вещи уже были уложены въ дорогу: не доставать же ихъ!

Теперь не было никакого сомнѣнія, что, во-первыхъ, въ этой массѣ подарковъ, а главное—въ присылкѣ, въ числѣ ихъ, и двухъ европейскихъ вещей, выражалось не простое исполненіе обычая дарить, а заключалась какая-то иная, скрытая мысль. Съ другой стороны, очень можетъ быть, что Цзо, желая только выразить эту свою мысль, шелъ на рискъ, предполагая, что посланныя вещи, сдѣлавъ свое дѣло, будутъ ему возвращены. Онъ, вѣроятно, былъ убѣжденъ, что тутъ даже и риска никакого нѣтъ; но очень ошибся въ разсчетѣ и, давъ урокъ намъ, получилъ самъ въ свою очередь—не рисковать такъ смѣло, и этотъ урокъ стоилъ ему, какъ читатель видитъ, недешево: онъ лишился и сервиза, и хронометра.

Такимъ образомъ, между генераломъ Цзо и нами происходила какая-то серьезная игра, которой не съ разу подберешь названіе; только она была невеселая и состояніе духа было до того разстроено, что никакая умственная работа не пошла на умъ...

На страницѣ 811-й оканчивается разсказъ о судьбѣ подарковъ:

„Цзо-Цзунъ-Танъ *съ тѣхъ поръ, какъ прислалъ подарки, перестал у насъ бывать*. Прошло еще нѣсколько дней; онъ такъ и не появлялся и не присылалъ ни съ чѣмъ. Такъ наступилъ и канунъ отъѣзда, и завтра оповѣстили насъ; мы отправляемся къ нему сами съ прощальнымъ визитомъ, а десятаго числа назначенъ выѣздъ изъ Лань-Чжоу. Мы условились, что во время этого визита мы всѣ поочереди выскажемъ генералу въ тонкихъ и вѣжливыхъ выраженіяхъ, что чувствуемъ себя обиженными его подарками — мы съ Матусовскимъ деньгами, а Сосновскій—часами и сервизомъ. Онъ долженъ былъ начать объясненіе первый, хотя я и не совсѣмъ понималъ, какъ онъ будетъ *говорить объ обидѣ*, когда вещи, вмѣсто того, чтобы быть возвращенными тогда же или теперь, *были уложены въ сундуки и отправлялись въ дорогу*...

Предупредивъ генералъ-губернатора о нашемъ желаніи сдѣлать ему прощальный визитъ и получивъ приглашеніе пожаловать, мы отправились. Онъ встрѣтилъ насъ въ той же пріемной, въ которой принялъ въ первый день нашего знакомства, въ форменной шляпѣ и костюмѣ, состоявшемъ изъ бѣлаго шелковаго халата, сверхъ котораго были еще надѣты желтый халатъ, подпоясанный поясомъ, съ серебряными узорчатыми пряжками, и черная прозрачная накидка, длинная, тоже въ родѣ халата, черезъ который просвѣчивали пер-

вые два. Онъ извинился, что давно не видалъ насъ, оправдываясь болѣзнью, и, дѣйствительно, нѣсколько измѣнился въ лицѣ. Онъ старался быть любезнымъ, но, казалось, чувствовалъ себя сконфуженнымъ или какъ бы виноватымъ передъ нами. До него, повидимому, дошли наши выраженія неудовольствія за его загадочные подарки. И такъ, встрѣтились въ судебной залѣ и проходимъ въ пріемную. Усѣлись, и мы ожидаемъ начала той рѣчи, какую нашъ начальникъ намѣревался держать къ китайскому сановнику, и готовимся присоединить и наши голоса. Сосновскій началъ *самымъ любезнымъ тономъ*, *словами благодарности*, за всѣ его любезности, радушіе, доброту и гостепріимство; потомъ, сказалъ фразу,—„я еще разъ повторяю, что вотъ только напрасно онъ европейскія вещи"... И махнувъ рукой, обратился къ намъ со словами,—„да впрочемъ, ужъ оставьте, теперь не время и не мѣсто; *не стоитъ толковать изъ-за пустяковъ*... Такимъ образомъ, мы *пришли и поблагодарили* Цзо-Цзунъ-Тана.

Теперь вы видите, какъ некрасива вся эта исторія съ подарками и кого она ближе всѣхъ касается. Вотъ почему противникъ мой, и его сообщникъ, должны были отмстить мнѣ за нее и прибѣгли къ неудачной выдумкѣ. Они ухватились за микроскопъ и приплели его къ своему документу потому, что въ книгѣ моей я не упомянулъ о слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ мною г. Сосновскому, когда онъ усиленно убѣждалъ насъ съ г. Матусовскимъ, чтобъ мы приняли отъ китайскаго сановника деньги.

— Съ однимъ еще условіемъ,—говорю я,—я согласенъ принять ихъ, если ужъ вы находите, что нашъ отказъ такъ оскорбитъ генерала Цзо, — чтобы каждый изъ насъ подарилъ ему отъ себя что-нибудь, стоющее приблизительно того же, т.-е. двухсотъ рублей. Я, напримѣръ, могу предложить для этой цѣли свой микроскопъ, который стоитъ почти сто *ланъ* *).

Когда же у другихъ никакихъ цѣнныхъ вещей не нашлось, то мы и настояли на своемъ: серебро отослали обратно. И это обстоятельство *очень разсердило* г. Боярскаго, потому-что лишало его 200 руб. безъ всякаго вычета, такъ-какъ ему и мысль не приходила о какомъ-нибудь отдариваніи Цзо-Цзунъ-Тана; онъ только спѣшилъ пойти поблагодарить его. Вотъ это вполнѣ понятно!

Теперь два слова о пожертвованіи *въ пользу бѣдныхъ*

*) То-есть двѣсти рублей. Цифра, какъ видите, передана вѣрно, но вмѣсто *ланъ* поставлено *рублей!*.. И на правду похоже, и не всякій добираться станетъ...

отъ имени экспедиціи 200 ланъ (400 рублей). Замѣчательно, во-первыхъ, какъ „фотографу Боярскому" хорошо извѣстны всѣ благотворительныя дѣла г. Сосновскаго, когда онъ, какъ и подобаетъ, творилъ ихъ отъ всѣхъ остальныхъ въ тайнѣ! Но ужъ если писать объ этомъ теперь, такъ тогда же нужно было заявить о пожертвованіи и мнѣ, когда видѣли, что я все записывалъ: я бы тогда провѣрилъ и непремѣнно занесъ бы въ книгу, хотя бы какъ курьезъ, что *мы*—того, что слѣдуетъ, не платимъ, а *пожертвованія на бѣдныхъ да на кумирни* дѣлаемъ!.. Было ли мнѣ тогда сказано объ этихъ 400 рублей!? Не было. Слѣдовательно, я и знать не могъ. А о томъ, что было мнѣ извѣстно, я говорю. Вотъ, напримѣръ, на ст. 718-й у меня совершенно опредѣленно сказано о пожертвованіи въ пользу бѣдныхъ въ г. Гунъ-Чанъ-Фу,—только не 2000 рублей, какъ разсказывалъ г. Сосновскій въ Омскѣ, нѣкоторымъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, а около 50-ти; и вотъ при какихъ условіяхъ. Въ книгѣ моей говорится:

„Сосновскій хотѣлъ послать подарки мѣстнымъ властямъ; но, не имѣя у себя никакихъ подходящихъ для этого вещей, высказалъ намѣреніе послать имъ просто денегъ, *рубля по три или по пяти*, и спросилъ наше мнѣніе объ этомъ. Мы высказались, что они могутъ обидѣться вообще денежнымъ подаркомъ и особенно въ такомъ ничтожномъ размѣрѣ и предложили выразить нашу признательность за любезный пріемъ пожертвованіемъ въ пользу бѣдныхъ жителей г. Гунъ-Чанъ-Фу. Онъ такъ и сдѣлалъ, отправилъ 60,000 чохъ (рублей 50), велѣвъ сказать, что жертвуетъ это на бѣдныхъ... и „на кумирни", прибавилъ онъ уже отъ себя"...

Я охотно повѣрю, наконецъ, что г. Сосновскимъ дѣйствительно сдѣлано пожертвованіе въ Лань-Чжоу, потому-что тогда окажется, что все же меньше Цзо-Цзунъ-Тан'овыхъ денегъ увезла съ собою экспедиція изъ этого города. Если объ этихъ 400 руб. въ Письмѣ говорится правда,—допустимъ,—тогда останутся только 100 р., которые все-таки гдѣ-то задержались. Вотъ какимъ образомъ: въ „Письмѣ" *пройдены молчаніемъ*, упомянутые въ приведенномъ разсказѣ о подаркахъ, *500 руб.* (250 ланъ), присланные тремъ казакамъ и нашей китайской прислугѣ. Слѣдовательно, если вычесть 400 руб. (сомнительныхъ), то все таки, говорю, останется 100 руб., полученныхъ на приходъ...

Но послушаемъ самого г. Сосновскаго, изъ непосред-

ственныхъ устъ, что онъ говоритъ о своихъ подаркахъ. Можетъ быть, это сразу объяснитъ, гдѣ истина и гдѣ ложь. На стр. 53 (Дѣла Экспед., ч. II) мы читаемъ:

„Не имѣя возможности отвѣчать подарками" (т.-е. на всѣ любезности китайцевъ), „такъ-какъ *большинство подарочныхъ вещей погибло при крушеніи лодки*, не располагая также достаточными суммами, чтобы производить приличныя въ каждомъ частномъ случаѣ денежныя выдачи, я предпочелъ дѣлать *вклады на общественныя надобности городовъ, школъ, храмовъ и какъ вспомоществованіе нуждающейся части населенія*, препровождая выдаваемыя суммы оффиціально въ распоряженіе властей. Усвоенный пріемъ оказался вполнѣ *удачнымъ* (?) и производилъ, *повидимому* (?) *громадное* вліяніе. Не говоря уже о чиновникахъ, но и народъ, которому *публиковали о сдѣланныхъ выдачахъ* (!?), не только безъ злобы и недовѣрія *встрѣчалъ дѣйствія экспедиціи*, а напротивъ, съ готовностью помогалъ и служилъ ея цѣлямъ при собираніи матеріаловъ, коллекцій и пр. *сравнительно большая выдача* сдѣлана въ Ланчжеу-Фу и произведена, можно сказать, случайно. Вскорѣ по прибытіи въ этотъ городъ я отправилъ, по обыкновенію, къ Цзо-Цзун-Тану 80 т. чохъ *на общественныя надобности города*" (Это около 80 рублей-то!)

Собственно говоря, это была плата за квартиры и столъ для всей экспедиціи, на что истрачено отъ Хань-Чжунъ-Фу до Россіи *всего* 232 лана и 362 т. чохъ, т.-е. около 900 руб. (Квартиры и столъ давались почти вездѣ даромъ).

Въ статьѣ расходовъ подъ рубрикой „Подарки" говорится, что куплено: въ Петербургѣ, Екатеринбургѣ (!) Семипалатинскѣ (?!), Томскѣ (!) и Хань-Коу разныхъ подарочныхъ вещей на 15 *піастровъ* и 1382 р. 75 коп." А въ примѣчаніи къ этой статьѣ прибавляется слѣдующее:

„*Подробные счеты погибли* въ походномъ портфелѣ *при крушеніи лодки* *); многіе, преимущественно здѣсь въ Петербургѣ, я успѣлъ возобновить, но далеко не всѣ. Нѣкоторые магазины, какъ напр., оружейный „Вишневскаго сына" прекратилъ свои дѣла; въ другихъ, особенно гдѣ покупка производилась по мелочамъ и за наличныя, а не по особому посылаемому на домъ счету, *фактически* невозможно получить копію или дубликатъ. *Впрочемъ, подарочныя вещи находились на рукахъ конвойныхъ казаковъ, такъ-что если бы потребовалось удостовѣреніе, то оно безъ затрудненія*

---

*) Вода пощадила, впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ,—подмочила, но не унесла; такъ, напр. Хань-Коу'скіе счета, на 254 лана 51 фынъ и на 86 л. 97¼ ф., цѣлы; записка изъ магазина Хатова (въ Томскѣ), на 176 р. 15½ коп., также сохранилась отъ погибели. Другихъ подмоченныхъ счетовъ при дѣлѣ нѣтъ. Да ихъ и не достаетъ-то всего на 351 рубль... Такъ какъ же подмоченные-то сохранились?!

могло бы быть сдѣлано *)"... „*Лучшіе* подарки,—говорится далѣе,—выданы были слѣдующимъ лицамъ" и т. д.

Лица названы, даже какой-то *сановникъ Ванъ* въ Пекинѣ; но *что* кому подарено,—не говорится!.. Второе примѣчаніе гласитъ:

„Въ Китаѣ *тонкости приличія* требуютъ посылать не менѣе двухъ вещей, и чѣмъ выше общественное положеніе лица, которому посылаемое адресуется, тѣмъ число подарковъ должно быть больше, такъ-что генералъ-губернаторамъ отправлялось не менѣе 10-ти отдѣльныхъ вещей **)".

Тутъ опять повторяется, что „значительная тоже часть вещей *погибла вовсе* (?) при крушеніи лодки",—какъ будто подаренныя вещи относятся также къ *погибшимъ* только не *вовсе*... Далѣе говорится:

„Уцѣлѣвшія послѣ крушенія *остатки подарочныхъ вещей* пришли въ такое состояніе, что *не могли исполнять свое назначеніе и составлять приличный подарокъ, хотя и были розданы* (!). Почему съ прибытіемъ въ Семипалатинскъ были посланы въ Китай подарки"...

Опять названы лица; но кому что именно отправлено,—не говорится. Вещи также перечисляются вообще,—*важнѣйшія* и *мелочныя*, всего на сумму 750 р. Но о счетахъ сказано только, что они *имѣютъ быть представлены*...

Далѣе, автору „Письма" еще угодно знать по поводу подарковъ,—о какихъ это неотданныхъ намъ вещахъ говорится въ моей книгѣ? Могу отвѣтить прямо и просто и на эти *важные* вопросы. *Намъ не отданъ, и потому подмоченъ и погубленъ*, ящикъ чаю, подаренный г. Ивановымъ въ Хань-Коу, для употребленія въ дорогѣ, подаренный лично мнѣ и г. Матусовскому, о чемъ самъ г. Ивановъ и заявилъ намъ. О другихъ вещахъ, подаренныхъ китайцами, какъ не интересныхъ, я тогда не записалъ, а теперь забылъ, кромѣ одного *альбома* съ рисунками цвѣтовъ, китайской работы, подареннаго въ Хань-Коу Дао-Таемъ мнѣ, какъ художнику, но удержаннаго г. Сосновскимъ у себя. Этого альбома мнѣ

*) Это такъ; но казакъ Павловъ, какъ лицо слишкомъ приближенное къ г. Сосновскому, въ удостовѣрители не годится; а двухъ другихъ, если угодно, спросить можно, и очень небезполезно.

**) Мы встрѣтили только трехъ генералъ-губернаторовъ на нашемъ пути,—въ Тянь-Цзинѣ (ничего не дарили) въ У-Чанъ-Фу (подарили искусственную поющую птичку, цѣною въ 80 р. (маг. Винтера) и въ Лань-Чжоу-Фу упомянутую игрушку съ музыкой, цѣною въ 15 *піастровъ* (!) или доларовъ (около 23 рублей).

было ужасно жаль, когда онъ погибъ, побывавъ въ водѣ... Напомню еще, что по поводу его возникъ отвлеченный споръ, происходившій, въ квартирѣ консула, г. Иванова. Тогда многіе изъ русскихъ доказывали г. Сосновскому, что когда китаецъ присылаетъ тремъ посѣтившимъ его гостямъ шесть вещей, то это только отвѣчаетъ существующему въ Китаѣ обычаю дарить по двѣ вещи каждому, а не шесть вещей одному. Но онъ ни съ кѣмъ тогда не согласился и удержалъ у себя все. А мнѣ альбома и до сихъ поръ жаль, потому что рисунки его принадлежали очень талантливому художнику и отличались оригинальностью работы, не имѣющей ничего общаго со всѣмъ извѣстною китайскою живописью. Подобныя произведенія составляютъ въ Китаѣ рѣдкость, и въ продажѣ я такихъ никогда не находилъ.

Пунктъ 5. О подаркахъ же.

Да,—не мало, говорю, конфузныхъ минутъ пришлось пережить въ Китаѣ съ этими подарками, когда ихъ, то не не принимали подъ разными предлогами, то возвращали, прося перемѣнить, то громко заявляли неудовольствіе, то смѣялись надъ нами, кто сдержанно, а кто и откровенно. Только еще и выручали немного фотографическіе портреты, работы г. Боярскаго, да мои картинки и портреты, которыми я, по необходимости, въ ущербъ своимъ интересамъ, старался хоть сколько нибудь, сглаживать нашъ общій стыдъ. Я говорю объ этомъ и въ книгѣ; и указываю, кому и гдѣ что было подарено, такъ что будущіе путешественники могутъ все провѣрить; и меня подобная провѣрка какъ и ничье сомнѣніе,—если оно имѣетъ основаніе,—не только не смущаютъ, а, напротивъ, заставляютъ желать ихъ... Но развѣ могъ авторъ письма простить мнѣ такія слова,—что я выручалъ экспедицію своими рисунками, хотя онъ внутренно съ этимъ и согласенъ, и въ тò время былъ очень доволенъ,—про себя, конечно. Оскорбленъ, и г. Боярскій, тѣмъ-что генералъ Чжанъ предпочелъ рисованный портретъ фотографическому. Но я-то причемъ тутъ: на него бы ужъ и сердились; вѣдь я этого не выдумалъ; вѣдь ему былъ подаренъ фотографическій портретъ и очень хорошій,—зачѣмъ же онъ такъ упраши-

валъ меня *нарисовать* ему другой, и заставилъ жертвовать своемъ временемъ, которое было для меня такъ дорого. И не могъ же я умолчать объ этомъ интересномъ отношеніи китайца къ фотографіи и живописи... Но, все равно, наказать меня было нужно, и противники придумываютъ слѣдующую сцену въ надеждѣ, что читатели останутся только подъ впечатлѣніемъ ихъ словъ,—что послѣднія никогда никѣмъ объяснены не будутъ.

„Въ дѣйствительности же,—говорится въ „Письмѣ“,—г. Пясецкій относился къ подаркамъ нѣсколько своеобразнѣе, чѣмъ это можно заключить изъ собственныхъ его разсказовъ. Такъ, напримѣръ, въ Хами, бесѣдуя съ губернаторомъ Чжан-лаусуйемъ (въ домѣ котораго мы всѣ жили), докторъ усердно расхваливалъ китайскія матеріи и, высказывая желаніе пріобрѣсти ихъ, сѣтовалъ, однако, на дороговизну ихъ. Вслѣдъ затѣмъ, взявъ съ собою бумагу и карандашъ, онъ отправился въ комнату губернатора рисовать его портретъ и вскорѣ вернулся оттуда, неся подъ мышкой кусокъ китайской матеріи. Всѣ мы это видѣли, въ томъ числѣ и состоявшій при экспедиціи китаецъ Сюй, который, на ломаномъ кяхтинскомъ нарѣчіи, замѣтилъ, что нехорошо сдѣлалъ докторъ, взявъ съ собою матерію, такъ какъ, по китайскому обычаю, лицо, желающее одарить *равнаго себѣ по положенію*, посылаетъ къ нему сперва свою визитную карточку, съ приложеніемъ списка предназначаемыхъ въ подарокъ вещей; уносить же съ собою полученный подарокъ считается крайне унизительнымъ для одареннаго. Но, по пословицѣ „успѣхъ оправдываетъ средства“, г. Пясецкій тѣмъ же способомъ заполучилъ себѣ подарки въ Баркюлѣ: лошадь и лукъ съ принадлежностью; *можетъ быть*, были и другія вещи, но я увѣренно сказать не могу“...

Вы видите, что все, заключающееся здѣсь, обвиненіе сводится къ тому, зачѣмъ я принялъ отъ генерала Чжанъ кусокъ китайской матеріи и, главное, какъ могъ перенести его изъ одной комнаты въ другую самъ, вмѣсто того, чтобы сказать генералу слѣдующее:—если вы, ваше превосходительство, желаете *одарить равнаго себѣ по положенію*, то потрудитесь сперва послать ко мнѣ свою визитную карточку и *приложить списокъ предназначаемыхъ въ подарокъ вещей*; потому что такъ было сдѣлано Цво-Цзунъ-Тан'омъ относительно г. Сосновскаго, и потому что китаецъ Сюй говоритъ, что считается крайне унизительнымъ для одареннаго уносить подарокъ самому... Ну, что дѣлать,—оплошалъ!.. Надо бы подражать г. Сосновскому, а я не догадался.

Авторъ Письма говоритъ далѣе, что я тѣмъ же

способомъ, (то есть путемъ собственноручнаго перенесенія домой), *заполучилъ* въ Баркюлѣ *лошадь* и лукъ съ принадлежностью... и *можетъ быть другія вещи*... Довольно и безъ другихъ вещей,—и такъ всего не донесешь!

Но оставимъ шутки. Серьезнымъ читателямъ должно знать, что и въ Китаѣ, какъ у другихъ народовъ, бываютъ отношенія церемонныя, оффиціальныя и совершенно простыя; и всѣ военные чиновники, напримѣръ, даже щеголяютъ своимъ презрѣніемъ къ церемоніямъ, особенно въ сношеніяхъ съ иностранцами, и стараются держать себя какъ можно проще. Примѣровъ въ моей книгѣ разсказано довольно. Съ другой стороны, читателямъ и, можетъ быть, будущимъ путешественникамъ по Китаю, слѣдуетъ знать, что китайцы вовсе не требуютъ отъ иностранцевъ соблюденія своихъ обычаевъ, особенно въ мелочахъ, и нисколько не караютъ за незнаніе ихъ. Кромѣ того, генералъ Чжанъ-Лао-Сы усердно и долго упрашивалъ меня принять отъ него въ знакъ благодарности, за *давно ожидавшійся* и наконецъ сдѣланный портретъ, *не одинъ, а четыре* куска атласу, даря ихъ не мнѣ, а моей женѣ, (онъ не повѣрилъ, чтобъ я былъ не женатъ). И наконецъ, китайца Сюя тутъ *не было;* а если бы онъ и былъ, то ему и въ голову не могли бы придти навязанныя ему слова; приведенъ же онъ здѣсь въ свидѣтели лишь потому, что свидѣтель *нуженъ*, и что теперь этого Сюя нигдѣ *не найти*. Да если бы и нашли, то отъ него толку не добьешься, потому что онъ и очень недалекъ умомъ, и порусски *почти ни слова* понять не можетъ... Причина же, почему я въ книгѣ своей не упомянулъ объ этомъ подаркѣ, понятна: ну, что же интереснаго или важнаго въ кускѣ атласу; что́ я буду о немъ разсказывать!.. Да я и забылъ о немъ, точно такъ, какъ забылъ упомянуть о подаренномъ мнѣ тѣмъ же генераломъ Чжанъ, альбомѣ, съ очень лестной для меня и сдѣланной имъ самимъ надписью. Объ этомъ сожалѣю.

И такъ, пусть тѣ изъ читателей, кому доведется побывать въ Китаѣ, нимало не стѣсняются и сколько душѣ угодно могутъ *уносить подъ мышкой* подарки отъ китайцевъ, которые сами будутъ брать и уносить точно также ваши, а не будутъ непремѣнно ожидать *визитной карточки или списка вещей*. Это дѣлается при оффиціальныхъ,

а не дружескихъ сношеніяхъ. Приведенный же разсказъ есть вымыселъ, сочиненный только въ отмщеніе мнѣ за то, какъ я смѣлъ назвать подарки г. Сосновскаго этому самому сановнику, а именно: зеркальца, нѣсколькихъ аршинъ зеленой ленты въ полвершка ширины, да того сервиза, который, помните, Цзо-Цзунъ-Танъ подарилъ ему въ Лань-Чжоу!... Вотъ этого *надо* избѣгать, особенно когда приходится отдаривать за большое количество дорогихъ вещей; такъ что, если нечего дарить, то не слѣдуетъ и самимъ принимать; словомъ, надо поступать по законамъ общечеловѣческой деликатности и житейскаго такта. Пора перестать думать, что люди, живущіе въ Китаѣ, совсѣмъ люди иного міра, что у нихъ все шиворотъ-на-выворотъ. Это совершенно не вѣрно и понятія о добродѣтеляхъ, порокахъ, достоинствѣ и проч., тѣже и на Востокѣ, что и на Западѣ.

Пунктъ 6. Еще о подаркахъ.

Теперь разскажу, какъ совершился *фактъ* съ лошадью и лукомъ, которые я дѣйствительно *заполучилъ*, но только совсѣмъ не *тѣмъ же способомъ*, то-есть не за портретъ; а также скажу, почему прибавлена фраза: „можетъ быть, были и другія вещи, но я увѣренно сказать не могу". На страницѣ 972-й у меня говорится:

„Ванъ былъ большой любитель оружія, охотникъ до лошадей, дорогой сбруи и сѣделъ. Онъ показалъ мнѣ свой экипажъ, упряжныхъ муловъ огромнаго роста, свои сѣдла и уздечки дорогой работы; одно, напримѣръ, съ приборомъ стоило, по его словамъ, около двухъ тысячъ рублей; показалъ до десятка ружей, — скорострѣльныхъ штуцеровъ, разныхъ системъ, и охотничьихъ, и даже магазинное ружье Уинчестера, шестнадцати-зарядное. Ему очень понравилась моя двухстволка и онъ долго осматривалъ ее, очень хвалилъ, спрашивалъ, что она стоитъ и не продамъ-ли я ее.

— Не продамъ, но подарю, если она вамъ нравится,—сказалъ я, *и попросилъ принять ее отъ меня на память вмѣстѣ съ пороховницей, дробникомъ и пистонницей*.

Онъ былъ ужасно доволенъ и, желая отдарить чѣмъ нибудь, спрашивалъ у меня, чего я желаю; но, не получая отвѣта, узналъ, что я продалъ свою лошадь и покупалъ другую, подарилъ мнѣ одну изъ своихъ, небольшую, но рѣзвую и съ хорошей рысью..."

Когда я на другой день, опять уступая неотвязнымъ просьбамъ и побѣждая чувство утомленія и нѣкоторой досады, сдѣлалъ портретъ и съ Вана, онъ предложилъ мнѣ

въ благодарность за него до десятка различныхъ вещей, изъ которыхъ я взялъ только лукъ съ колчаномъ, простой солдатскій лукъ, какъ предметъ, котораго я не видалъ въ продажѣ; и еще, *самъ попросилъ* у Вана знамя съ изображеннымъ на немъ дракономъ; онъ охотно предложилъ его; но я принужденъ былъ отказаться, потому что слишкомъ длинное древко затрудняло бы перевозку его. Объ этомъ въ моей книгѣ также *умолчено,—все изъ опасенія*, разумѣется, уронить свое достоинство... Портреты же мои, ужъ если ихъ цѣнить, стоили, конечно, гораздо дороже и многихъ лошадей, и знамени, и всякихъ шелковыхъ матерій...

Теперь вамъ все понятно?

Далѣе авторъ „Письма" говоритъ о нѣкоторыхъ другихъ моихъ умалчиваніяхъ, и наивно хитритъ, желая убѣдить читателей, будто въ моей книгѣ ничего не заключается болѣе важнаго и интереснаго, чѣмъ приводимый ниже вздоръ.

„Привожу, говоритъ онъ, еще два эпизода изъ пребыванія нашего въ Лан-Чжеу-Фу, о которомъ г. Пясецкій *почему-то забылъ упомянуть* въ своемъ сочиненіи, хотя они *не менѣе* интересны, *чѣмъ помѣщенные въ немъ случаи*"... А именно:

Пунктъ 7. о декламаціи.

„На неофиціальномъ ужинѣ у Цзо-Цзун-Тана *зашла рѣчь о поэзіи и вообще о китайской литературѣ; перешли къ драматическому искусству, музыкѣ и пѣнію*. Вдругъ г. Пясецкій обращается къ намѣстнику съ предложеніемъ, не можетъ ли онъ *продекламировать* намъ какую-нибудь *пѣсню*. Предложеніе, хотя и несомнѣнно свидѣтельствующее о высокой любознательности доктора, но обращенное къ высшему китайскому сановнику, показалось послѣднему чрезвычайно оскорбительнымъ, *такъ-какъ у китайцевъ актеры и уличные пѣвцы не пользуются гражданскими правами* *). И Цзо не безъ негодованія отвѣтилъ г. Пясецкому: „Вы можете получить это удовольствіе отъ любого уличнаго пѣвца за нѣсколько чохъ" (восемь—девять чохъ составляютъ одну копейку).

Если бы читатели могли, такъ сказать, осязательно знать весь комизмъ и всю непозволительную скудость въ разговорныхъ средствахъ несчастной экспедиціи, поруганной г. Сосновскимъ и его сообщникомъ г. Боярскимъ, тогда они поняли бы, сколько съ одной стороны юмору, хотя и

---

*) Эти слова, заимствованныя г. Сосновскимъ, изъ сочиненія Ковалевскаго „Путешествіе въ Китай" (стр. 60) вошли также и въ составъ его отчета, какъ это было выше указано.

горькаго, заключается въ приведенныхъ немногихъ строкахъ, а съ другой—какая въ нихъ дерзкая насмѣшка надъ читателями, которыхъ они надѣялись обмануть!.. У насъ, членовъ учено-торговой экспедиціи, едва имѣвшихъ возможность спросить себѣ *ѣды*, да узнать, кой-что самое необходимое, и то всегда съ грѣхомъ пополамъ,—у насъ *заходитъ рѣчь о поэзіи, музыкѣ и китайской литературѣ*!! *Мы переходимъ къ драматическому искусству*!!! „Необразованные рыбаки" ведутъ бесѣду съ китайскимъ сановникомъ *о музыкѣ и пѣніи* на китайскомъ языкѣ, когда они и по русски-то о такихъ вещахъ ничего кромѣ междометій и союзовъ ничего сказать не могутъ!.. Всѣ эти слова предназначались для тѣхъ читателей, кто *ничего* не зналъ о нашей экспедиціи; но какое чувство должны испытать они послѣ того, какъ я приведу имъ образчикъ нашихъ разговоровъ съ китайскими властями! Эти разговоры производились почти всегда черезъ двухъ soi-disant переводчиковъ, такимъ образомъ: г. Сосновскій излагаетъ свои мысли, знанія или вопросы г. Андреевскому; г. Андреевскій на русско-кяхтинскомъ нарѣчіи передаетъ его слова Сюю и приказываетъ тому „*переворотить на никанскэ манѐла* (т.-е. перевести на китайскій манеръ или языкъ), да *кругло переворотить, ярово*", т.-е. хорошо перевести и скоро. Сюй переворачиваетъ и доводитъ мысли г. Сосновскаго до сознанія китайцевъ. Но бѣда въ томъ, что Сюй вообще понималъ не многое въ жизни, и по возрасту, и по личнымъ дарованіямъ, и по образованію лавочнаго приказчика, и еще менѣе понималъ по русски, даже по кяхтински; обыкновенной же русской рѣчи, говорю, не разумѣлъ. Поэтому всѣ учено-торговыя бесѣды г. Сосновскаго съ мандаринами ограничивались фразами, что ему „очень пріятно съ ними познакомиться", „что мы съ ними друзья, что онъ очень радъ";... затѣмъ имъ разсказывалось о постигшемъ „*насъ*" *на порогѣ Лунъ-Танъ* несчастіи, и всегда за что-нибудь приходилось „благодарить". Вотъ почти и весь репертуаръ *нашихъ драматическихъ* разговоровъ. А вотъ примѣръ, какъ они велись:

„Да-жень за ѐво така сылофу пакава̀ли ести. „Лунъ-Танъ наша лодака погуби; така̀ шипака побольшанки несчански было; сяка хылошанки вещи загу̀би; что да-жень теперича совсѣма разорицза было; потомъ такое слово есть—покорно благодарю, что онъ похло-

ночи теперича насчетъ кватеръ, андали сяка другое дѣло пособи, хоша кушаху, хоша лошаки на дорога мало-мало подешевеньки постафи", и т. д... Какова „музыка, поэзія и китайская литература"!

Это значитъ: господинъ говоритъ, что Лунъ-Танъ нашу лодку погубилъ; такое *шибко* большое несчастіе было; всякія хорошія вещи погибли; что господинъ теперь совсѣмъ раззорился; потомъ онъ благодаритъ за хлопоты о квартирѣ, а также обо всемъ другомъ, напримѣръ о кушаньи, болѣе дешевомъ наймѣ лошадей на дорогу и. т. д. Или:

„Ты за ёво прашивай, тута за сяка лемя вòда побольшанкэ ести или пелёцзы шйпака побольшанкэ была? Подума прашивай кака́ течёта шйпака али ни шйпака жестока? (То-есть, спроси его, всегда ли здѣсь большая вода или прежде была больше? Потомъ спроси, какое теченіе, быстрое или не очень?).

Или вотъ еще разговоръ самихъ переводчиковъ между собою *во время* одного изъ нашихъ некрасивыхъ визитовъ:

— Какой ты переводчикъ ести!—говоритъ Сюю Андреевскій.— Ты зачѣма своя слофу постафи. Ты никогда за сибѣ не поговори; ты хоша знаша тута зелененьки цвѣта, а ты поговори черненьки... Когда за даженъ такое слово ести—черненьки и ты поговори черненьки. (Рѣчь шла о „пресловутомъ" семипалатинскомъ чаѣ).

Это значитъ: какой же ты переводчикъ! Ты зачѣмъ свое говоришь; нужно говорить то, что господинъ хочетъ. Если онъ говоритъ это черное—и ты говори черное, хотя ты и знаешь, что это зеленое". (Зеленый чай *надо было* превратить въ черный).

— Ну, хылошанки;—моя сылофа отопалицзы ниту (ну, хорошо, я отъ своего слова не отпираюсь),—отвѣтилъ Сюй, очевидно, опять не понявъ, что требуется отъ хорошаго переводчика.

Понимаете-ли теперь въ какія философствованія о драматическомъ искусствѣ и литературѣ могли пускаться гг. Боярскій и Сосновскій!.. Вотъ также точно и во время посѣщеній насъ умнымъ и очень разговорчивымъ генераломъ Цво, мы сидѣли, и, какъ говорится, хлопали ушами; кой-что доходило и до сознанія. Такъ, мы уразумѣли, что самъ Цзо-Цзунъ-Танъ—поэтъ. Тогда я говорю г. Андреевскому, *) не можетъ-ли онъ попросить его продекламиновать что-нибудь изъ своихъ стихотвореній. Намъ, подчиненнымъ, много говорить не дозволялось, а переводчику г. Сосновскій приказывалъ, чтобъ онъ *теперь только слушалъ, а потомъ дома записалъ и сообщилъ ему, что Цзо говорилъ; а то времени ужасно много уходитъ на эти переводы*. Такъ моя просьба и

*) Добродушнѣйшій Сюй во время этихъ бесѣдъ почему-то не допускался.

не дошла до генерала или не была понята,—не знаю, и теперь не припомню; помню только что никакой декламаціи и отвѣта на мою просьбу не послѣдовало... Точно также не послѣдовало *никакого гнѣва* со стороны будто бы *оскорбленнаго* сановника, и авторъ „Письма“ этими словами только вводитъ читателей въ заблужденіе относительно того, будто-бы подобная просьба иностранца можетъ обидѣть какого-нибудь китайскаго мандарина, важнаго или не важнаго,—это все равно... Не вѣрьте этому, (а знайте, если это вамъ неизвѣстно), что въ Китаѣ, одно изъ самыхъ обыкновенныхъ и пріятнѣйшихъ развлеченій есть декламація и импровизація стиховъ; и это удовольствіе, есть исключительно развлеченіе ученыхъ и вообще образованныхъ людей, которые тамъ составляютъ высшій классъ. Того же, что декламируютъ *не пѣсни, а стихи*, что декламировать свои сочиненія и быть уличнымъ фигляромъ не одно и то же— мнѣ читателямъ объяснять не надо и смыслъ выраженія *продекламировать пѣсню*, а также его цѣль, для нихъ понятны. Далѣе читателямъ должно знать, что ни одинъ образованный китаецъ, въ бесѣдѣ съ гостемъ, *абсолютно неспособенъ* на какую-нибудь грубость, какую напримѣръ, заставляютъ произносить генерала Цзо гг. Боярскій и Сосновскій. Если же бы случилось что-нибудь подобное въ дѣйствительности, то я, ужъ конечно, занесъ бы это исключительное явленіе въ свои замѣтки, а никакъ не умолчалъ бы изъ какого-нибудь опасенія уронить подобнымъ разсказомъ свое достоинство. Такъ напримѣръ, я ничуть не убоялся разсказать о гнѣвѣ того же Цзо-Цзунъ-Тана, вызванномъ моимъ ходатайствомъ о прощеніи одного китайца, сидѣвшаго въ тюрьмѣ. Этотъ эпизодъ, очевидно, и послужилъ моему противнику почвой для измышленія приключенія съ оскорбительной просьбой о декламаціи. Вотъ что разсказано по этому поводу, въ моей книгѣ на стр. 797-й.

„Когда я осматривалъ тюрьмы, сопровождавшій меня Танъ Ло-ѣ *)

---

*) Офицеръ китайской службы, приглашенный мною и г. Матусовскимъ въ качествѣ грамотнаго помощника. Онъ пріѣхалъ съ нами даже въ Россію. Но, къ сожалѣнію, мы мало могли воспользоваться его дарованіями и готовностью служить намъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Тѣмъ не менѣе, помощь его была очень важна, и какія бы драгоцѣнныя свѣдѣнія можно бы было съ нимъ пріобрѣсти! Какимъ также опаснымъ обличителемъ могъ бы явиться этотъ умный и

встрѣтилъ тамъ неожиданно одного своего знакомаго и узналъ отъ него, какъ онъ попалъ въ тюрьму. Онъ разсказалъ, что однажды побилъ своего конюха, который послѣ побоевъ захворалъ и умеръ. Смерть была приписана побоямъ и вотъ онъ уже три года сидитъ въ тюрьмѣ. Танъ зналъ его за человѣка добраго, порядочнаго и рѣшился обратиться черезъ меня съ просьбою къ генералъ-губернатору о его прощеніи, на томъ основаніи, чтобы трехлѣтнее тюремное заключеніе было вмѣнено въ наказаніе. Я долго не рѣшался передать просьбу Тана, не желая вмѣшиваться не въ свое дѣло. Но Танъ увѣрялъ меня, что неловкости во всякомъ случаѣ не будетъ. И однажды послѣ ужина я сказалъ Цзо, что рѣшаюсь просить его объ одномъ арестантѣ...

— О комъ это, о какомъ арестантѣ вы просите? — спросилъ онъ.

Танъ, находившійся въ дверяхъ сосѣдней комнаты, подошелъ къ нему, положилъ передъ нимъ земной поклонъ и потомъ, оставшись на колѣнахъ, сталъ было объяснять дѣло, въ непонятныхъ для меня выраженіяхъ.

— Это что за человѣкъ?—не спросилъ, а почти закричалъ Цзо, хотя и зналъ его, потому что онъ былъ ему представленъ, какъ нашъ спутникъ; онъ не разъ, конечно, его видѣлъ и замѣтилъ, потому что нельзя и не замѣтить человѣка такого роста.—„Смотри, братъ, чтобъ тебя самого туда же не убрали!.. Таковъ былъ смыслъ словъ, сказанныхъ Цзо.—„Разобрать завтра, чего онъ хочетъ“, отдалъ онъ распоряженіе, ни къ кому лично не обращаясь, и, неизвѣстно чѣмъ разгнѣванный, вскорѣ удалился къ себѣ. Это произвело общее смущеніе; всѣ остались подъ весьма непріятнымъ, какимъ-то давящимъ впечатлѣніемъ;—словно въ воздухѣ вдругъ почувствовалось присутствіе безумной силы всесокрушающаго произвола, опасность котораго могла угрожать каждому“.

Положимъ, что въ данномъ случаѣ гнѣвъ его относился не ко мнѣ; но о томъ я и говорю, что по отношенію ко мнѣ, какъ и всякому иностранцу и гостю, подобное обращеніе со стороны образованнаго китайца *немыслимо*. И гг. Боярскій съ Сосновскимъ отлично это знаютъ; во всякомъ случаѣ обязаны знать, какъ бывшіе въ Китаѣ.

Пунктъ 8. Объ операціи.

Столь же неправдоподобную и для всякаго, кто немножко вдумается, очевидную натяжку, представляютъ разсказъ и разсужденія противниковъ моихъ по поводу моей операціи въ г. Лань-Чжоу. На совершенно же непосвя-

---

все понимавшій человѣкъ, если бы его не склонили остаться въ Семипалатинскѣ и не отправили обратно въ Китай при хлѣбныхъ караванахъ г. Сосновскаго.

щенныхъ въ дѣло и мало внимательныхъ читателей, какимъ бываетъ всякій при бѣгломъ чтеніи газеты, ихъ разсказъ могъ произвести *должное* впечатлѣніе, т. е. то, которое было необходимо для автора „Письма", а именно: во первыхъ, что докторъ Пясецкій самъ столь же „свободенъ отъ наукъ", а во вторыхъ,—и это главное,—что въ этой *операціи*, совмѣстно съ *декламаціей*, таятся будто бы причины прекращенія г. Цзо своихъ визитовъ къ намъ: необходимо доказать, что послѣдній пересталъ у насъ бывать *вовсе не послѣ того*, какъ онъ *„одарилъ равнаго себѣ по положенію"* г. Сосновскаго, по приложенному длиннѣйшему „списку вещей, предназначенныхъ въ подарокъ", а именно послѣ этихъ двухъ *тягостныхъ событій*... Посмотримъ, много ли во всемъ вѣроятности и правды... Допустимъ опять, что все совершенно справедливо,—что мною предпринята самая опрометчивая и безумно-смѣлая операція, которая кончилась столь несчастливо, что поневолѣ вызвала подобныя слова со стороны моихъ спутниковъ:

„И говорить нечего, что всѣ мы чувствовали себя неловко послѣ этой неудавшейся операціи. Намѣстникъ, изъ понятнаго чувства деликатности, не заходилъ къ намъ нѣкоторое время, боясь, чтобъ не зашла рѣчь объ этомъ тягостномъ случаѣ и понимая, какъ это было бы непріятно для насъ".

Вы видите, что всѣ въ глубокомъ траурѣ, и если вы не читали „Письма", или забыли въ чемъ было дѣло, то каждому легко подумать, что я произвелъ кому нибудь чуть не ампутацію головы, предварительно пообѣщавъ скорое и полное выздоровленіе!.. *Всѣ* мои спутники не знаютъ, куда дѣваться отъ стыда: генералъ Цзо не смѣетъ показаться, *боясь* (?) *чтобъ не зашла рѣчь* объ этомъ *тягостномъ* (!) случаѣ и проч. и проч. Въ чемъ же дѣло? Не умеръ ли у меня паціентъ подъ ножомъ? И чѣмъ же кончилось это тягостное и чуть не ужасное положеніе дѣлъ? А вотъ чѣмъ. Генералъ Цзо, оказывается рискнулъ и (будто бы) „зашелъ къ намъ" *)... такъ говорится въ Письмѣ.

„Нѣсколько дней спустя, зайдя къ намъ, Цзо, въ разговорѣ, на который *мы сами навели его*, высказался по поводу операціи

*) Новая неправда: Цзо, по присылкѣ подарковъ, такъ ужъ и не былъ у насъ до самаго кануна отъѣзда, когда онъ задалъ намъ послѣдній оффиціальный обѣдъ, но на этотъ разъ *не у себя, а у насъ же въ квартирѣ*! Вотъ для чего-только онъ и былъ у насъ.

какъ бы въ оправданіе доктора и проводя параллель между европейскими докторами и китайскими „тай-фу“ (лекари), сказалъ, что подобныя операціи *трудно удаются и въ Китаѣ*.

Видите, какъ все логично и послѣдовательно! То боялись, чтобъ *не зашелъ разговоръ*, теперь *сами навели на него!* А умный Цзо-Цзунъ-Танъ, знакомый съ разницей между врачами европейскими и китайскими, проводитъ такую параллель, какую желательно провести, не ему, а гг. Боярскому съ Сосновскимъ.

Теперь и мы можемъ *осмѣлиться рискнуть* и *навести* читателя на разговоръ объ этомъ *тягостномъ случаѣ. Операція* въ Лань-Чжоу-Фу дѣйствительно была, но о ней разсказано въ „Письмѣ“ въ такомъ курьезномъ стилѣ, что редакцію этого эпизода я могу приписать перу исключительно какого нибудь „необразованнаго рыбака“; г. же Сосновскій, какъ самъ военный человѣкъ, да еще побывавшій въ дѣйствующей арміи и, вѣроятно, не разъ заглядывавшій и въ лазареты, безъ сомнѣнія знаетъ, что при разрѣзѣ и кровь течетъ, и больно бываетъ и что больной стонетъ; что пули изъ тѣла, дуновеніемъ или нѣжнымъ прикосновеніемъ, не достанешь, слѣдовательно *его* эти явленія *не могли* шокировать. Г. Сосновскій знаетъ также, что хирургъ, не обращая на стоны больного ни малѣйшаго вниманія, дѣлаетъ свое дѣло и благодаря только своему хладнокровію помогаетъ больному человѣку ножомъ и другими мучительными инструментами. Да, вѣдь, это и для всѣхъ азбука. Тѣмъ не менѣе посмотрите, что въ Письмѣ говорится. Я же сдѣлаю только краткія примѣчанія.

„Вотъ второй случай изъ медицинской практики доктора. Въ бесѣдѣ съ тѣмъ же цзо-цун-таномъ о бывшихъ возмущеніяхъ въ Китаѣ, намѣстникъ указалъ [1]), между прочимъ, на одного изъ близъ стоявшихъ солдатъ, который, участвуя въ подавленіи возстанія, былъ раненъ пулею въ ногу. Пуля эта осталась въ ногѣ и вотъ уже четырнадцать лѣтъ [2]), какъ сидитъ тамъ, причиняя ломоту во время перемѣнъ погоды [3]). Г. Пясецкій сейчасъ же заявилъ

---

[1]) Здѣсь, между-прочимъ, грубая граматическая ошибка, потому-что Цзо-Цзун-Танъ и намѣстникъ—одно и то же лицо. Я ужъ не говорю о томъ, что имя его вездѣ пишется почему-то черезъ маленькую букву.

[2]) Вдвое меньше; хотя признать 14 лѣтъ для меня было бы выгоднѣе.

[3]) Собственное украшеніе рѣчи и теоретическія догадки: всегда говорятъ, что раны болятъ при перемѣнахъ погоды; и тутъ то же.

намѣстнику, что „это пустая вещь“ и что онъ посредствомъ операціи извлечетъ пулю, чѣмъ избавитъ солдата отъ частыхъ страданій [4]). Намѣстникъ, однако, усомнился въ этомъ и сталъ уговаривать доктора отказаться отъ подобной операціи [5]), мотивируя свое сомнѣніе въ успѣхѣ давностью полученной солдатомъ раны [6]). Но г. Пясецкій, осмотрѣвъ мѣсто пули, настоялъ на своемъ“ [7]).

Далѣе начинается самое интересное.

„На слѣдующій день, 3-го іюля, положивъ солдата на возвышеніе у дверей нашей квартиры и не хлороформируя его [8]), докторъ приступилъ къ операціи. Сдѣлавъ крестообразный разрѣзъ тѣла до кости [9]), гдѣ сидѣла пуля, и ковыряя въ ранѣ [10]), г. Пясецкій довольно долго мучилъ бѣдную жертву, которая во все время операціи глухо стонала и обливалась потомъ [11]). Въ концѣ-концовъ, какъ бы въ подтвержденіе словъ цзо-цун-тана [12]), докторъ заявилъ, что операціи сдѣлать нельзя безъ клиническихъ приспособленій“ [13]).

---

[4]) И теперь говорю то же самое, потому-что пуля у этого солдата сидѣла въ кости, прикрытой только кожею, (ниже колѣна), и будь у меня хлороформъ, *я* бы, конечно, ее извлекъ, даже пожалуй, и безъ помощника.

[5]) Неправда,—убѣдительно просилъ, когда *я* сказалъ, что пулю вынуть можно. Это важно знать для будущихъ врачей, если кому доведется быть въ Китаѣ.

[6]) Сомнѣніе и удивленіе выражалъ; и понятно почему,—потому-что хирургіи въ Китаѣ, можно сказать, не существуетъ и для китайца въ ней все удивительно.

[7]) Мнѣ нужно было только быть любезнымъ и сдѣлать одолженіе, о которомъ генералъ Цзо меня просилъ; а настаивать даже и не приходилось.

[8]) Гг. Боярскому съ Сосновскимъ очень хорошо извѣстно, что когда *я* раскрылъ ящикъ, въ которомъ отдѣльно хранился хлороформъ, то оказалось, что всѣ шесть полуфунтовыхъ склянокъ, хотя онѣ остались закупоренными и цѣлыми, были пусты, за исключеніемъ одной, въ которой его осталось не больше полуунціи, чего оказалось недостаточно, чтобы усыпить паціента, какъ слѣдуетъ.

[9]) А какъ было нужно?

[10]) Изслѣдованіе раны зондомъ у людей образованныхъ не принято называть ковыряньемъ, да и вообще это слово, особенно въ печати, малоупотребительно.

[11]) Эти слова нужны больше для украшенія... Конечно, охалъ и стоналъ бѣдный солдатъ, и вспотѣлъ, можетъ быть, — что же тутъ особеннаго! Почему онъ жертва?!

[12]) Вотъ что требовалось доказать. Какой медицинскій авторитетъ!

[13]) Весьма естественно; хотя всѣ эти приспособленія сводились только къ хлороформу, и къ одному помощнику, какихъ къ сожалѣнію, тоже не нашлось; даже г. Матусовскій оказался для этого негоднымъ. Сдѣлать-же мнѣ слѣдовало,—если бы *я* рѣшился удалить пулю,—вотъ что: выломать при помощи долота и молотка переднюю костяную стѣнку того, такъ сказать, футляра, въ которомъ находилась, пуля и открыть для нея выходъ, потому-что чрезъ тотъ тонкій ходъ, сквозь который съ трудомъ могъ пройти зондъ (съ фарфоровымъ шарикомъ съ горошину на концѣ), пуля, полагаю, пройти не могла. И такъ вотъ почему *я* былъ принужденъ съ сожалѣніемъ отказаться *отъ производства операціи*, которой *я*, *и не начиналъ*, потому-что разрѣзъ и введеніе зонда у мало-мальски образованныхъ людей называется не операціей, а только предварительнымъ изслѣдованіемъ; и послѣд-

И противники мои отлично знаютъ про себя, что я дѣлалъ все, что слѣдовало, и дѣлалъ съ очевиднымъ для всякаго знаніемъ и опытностью; а что у меня таковыя были, это имъ также очень хорошо извѣстно, потому что я, на ихъ глазахъ, сдѣлалъ въ дорогѣ четыре операціи удаленія катаракты *), не говоря о другихъ операціяхъ также имъ извѣстныхъ, произведенныхъ въ Сибири и въ Китаѣ. Слѣдовательно, въ приведенныхъ словахъ „Письма“ заключаются только *настоящая* ложь и клевета, „по чистой совѣсти“ и съ желаніемъ лишь обмануть... Такая же сознательная ложь заключается и въ докладѣ читающему обществу о томъ, будто я *умолчалъ* объ этой операціи, какъ о такомъ происшествіи, которое можетъ быть для меня не выгодно: они говорятъ это, *зная* очень хорошо, что въ моей брошюрѣ „О санитарныхъ условіяхъ и медицинѣ Китая“, напечатанной еще въ 1876 году, на страницѣ восьмой сказано:

„Въ городѣ Лань-Чжоу-Фу я сдѣлалъ попытку вынуть пулю, засѣвшую въ верхней части большой берцовой кости одного солдата, раненнаго нѣсколько лѣтъ назадъ; но извлеченіе безъ резекціи кости оказалось невозможнымъ; дѣлать же резекцію безъ сколько нибудь подготовленнаго помощника—я не рѣшился, тѣмъ болѣе, что оперировать пришлось бы безъ хлороформа, потому что весь имѣвшійся у меня въ запасѣ улетучился (это было черезъ полтора года по отъѣздѣ изъ Петербурга)“.

Вотъ каковы ихъ доказательства и вотъ на чемъ онѣ построены. И если, говорю, г. Сосновскому не принадлежитъ редакція приведеннаго отрывка „Письма“, онъ виноватъ и въ этомъ,—тѣмъ, что помѣстилъ его на ряду съ другими вымыслами и умышленными неправдами... Читате-

---

нее предпринимаетъ всякій здравомыслящій человѣкъ, не желающій дѣйствовать въ потьмахъ и, что называется, очертя голову. Значитъ, не только неудачной, но въ сущности, даже просто никакой операціи не было. Понятно ли?

*) Въ Омскѣ матери доктора К—го; въ Красноярскѣ матери доктора П—къ, и двѣ въ Семипалатинскѣ—г. А—ву и одной женщинѣ (въ больницѣ), имени которой найти не могу. Пятая операція извлеченія катаракты во время нашего путешествія произведена въ Хань-Коу, китаянкѣ, но она не привела къ желанному результату, о чемъ мною также сказано въ названной ниже брошюрѣ на страницѣ шестой, а не умолчено. Въ первыхъ же четырехъ случаяхъ больнымъ возвращено зрѣніе. Этого отрицать гг. Боярскій и Сосновскій не могутъ, какъ и того, что гораздо болѣе искусства требуется, чтобы вынуть изъ глаза помутнѣвшій хрусталикъ, чѣмъ для удаленія пули изъ ноги при указанныхъ условіяхъ.

лей же я могу смѣло успокоить въ томъ, что честь русской медицинской науки не была скомпрометирована мною въ глазахъ китайцевъ, нигдѣ, ниразу. А это для меня и для читателей, конечно,—главное; и будущіе путешественники по Китаю легко могутъ въ этомъ убѣдиться.

Теперь необходимо обратить ваше вниманіе еще на слѣдующую *смѣшную „соломенку“*, за которую ухватывается мой противникъ, а также должно удовлетворить его желанію получить отвѣтъ на одинъ *чрезвычайно важный вопросъ*... Забывъ опять, что рѣчь къ читателямъ держитъ не самъ г. Сосновскій, а фотографъ Боярскій, что миссія послѣдняго только свидѣтельская, а отнюдь не ученая, что онъ обязанъ держать себя только какъ *самый скромный и невидный участникъ* экспедиціи,—авторъ Письма опять увлекается и дѣлаетъ отъ его имени слѣдующее неумѣстное примѣчаніе: „Не знаю, почему г. Пясецкій слово „*тай-фу*“ переводитъ „великій докторъ“. Въ Китаѣ, сколько мнѣ извѣстно, подраздѣленій на званія „великаго доктора“ и „лекаря“ не существуетъ“ *). Цѣль его понятна,—„задѣть нашу амбицію“..

Хотя я и не понимаю, какое отношеніе имѣетъ этотъ вопросъ къ прямой задачѣ „фотографа Боярскаго“, то есть къ защитѣ г. Сосновскаго, но я съ удовольствіемъ готовъ дать объясненіе и на это филологическое замѣчаніе. Но прежде, чѣмъ предлагать мнѣ подобные вопросы, автору „Письма“ не мѣшало бы справиться съ китайскимъ словаремъ и узнать, что слова *тай-фу* даже вовсе не значатъ ни врачъ, ни лекарь, ни докторъ, а буквально означаютъ *великій мужъ*, и служатъ только общепринятымъ почтительнымъ выраженіемъ при обращеніи къ врачамъ. Послѣдніе же называются по-китайски *И-бинъ* или *И-шэнъ*... Какъ у насъ, при обращеніи къ врачу, просто не принято называть его ни врачемъ, ни лекаремъ, такъ точно, говорю, и у китайцевъ оба точныя названія врача почти никогда не употребляются, и врачей даже за-глаза всегда назы-

*) Это примѣчаніе по своей существенной важности ужасно напоминаетъ другое, сдѣланное критикомъ „Историч. Вѣстника“. Тотъ восклицаетъ: какъ же докторъ Пясецкій говоритъ въ книгѣ, что китайскій офицеръ при стрѣльбѣ изъ пушки отбѣгаетъ отъ нея на 50 шаовъ, а въ статьѣ (Фельетонъ „Голоса“) — на 100 шаговъ! А въ предисловіи своемъ къ книгѣ авторъ обѣщалъ быть правдивымъ“!.. Тутъ есть до странности большое сходство,!

ваютъ *тай-фу*. Когда же желаютъ выразить еще больше почтенія къ особѣ медика (это обыкновенно бываетъ, когда у насъ что-нибудь сильно болитъ), то прибавляютъ еще разъ слово *да*, великій, говоря *да-тай-фу*, что въ переводѣ на русскій и будетъ *великій докторъ*. (Слово *тай* есть тоже самое *да*, (большой, великій) и пишется одинаково, но почему-то произносится иначе). Вотъ почему въ тѣхъ двухъ-трехъ случаяхъ, когда меня величали словами *да-тай-фу*, я не нашелъ нужнымъ измѣнять форму выраженій туземцевъ. Особенной же чести, какъ и самопрославленія, я въ этомъ отнюдь не видѣлъ и не вижу, точно также какъ и обычнаго привѣтствія „Милостивый Государь“, чего никто въ буквальномъ смыслѣ не понимаетъ.

Пунктъ 9. О проводахъ изъ г. Лань-Чжоу.

Я обвиняюсь въ разсказываніи *небылицъ* и приданіи *темной окраски* нашимъ проводамъ изъ того города, въ которомъ мы пользовались *широкимъ гостепріимствомъ* генерала Цзо, какъ докладывалось Петербургу. Посмотримъ, чѣмъ же пріятели доказываютъ справедливость своего обвиненія меня *болѣе чѣмъ въ недобросовѣстности*; такъ ли сильны ихъ доказательства, какъ сильны эти слова... Вотъ текстъ обвиненія и мои примѣчанія къ нему:

„Описывая далѣе выѣздъ нашей экспедиціи изъ Лан-чжу-фу, г. Пясецкій замѣчаетъ, на страницѣ 816-й, что насъ китайцы *„не проводили, а выпроводили“*, и что *„ни одинъ мандаринъ не хотѣлъ проводить насъ“* [1]). А на страницѣ 822-й самъ же упоми-

---

[1]) Неправда. На 816 страницѣ у меня сказано то же, да не такъ, а именно:

У меня говорится: ...*„насъ проводили такъ, какъ будто не проводили, а выпроводили“*.

Въ „Письмѣ“ же мои слова искажаются въ: *„...насъ не проводили, а выпроводили“*... И еще ставятъ ихъ въ ковычкахъ!

Авторъ Письма хорошо понималъ, что это не одно и то же,—потому и прибѣгнулъ къ поступку, котораго мы ужъ называть не будемъ... Далѣе—опять тотъ же поступокъ и даже совсѣмъ *перемѣна словъ*. А именно; въ книгѣ сказано:

„Ни одинъ мандаринъ не поѣхалъ проводить насъ, хотя бы до городскихъ воротъ, какъ это дѣлается у китайцевъ при малѣйшемъ вниманіи къ людямъ.

„Ни одинъ мандаринъ *не хотѣлъ* проводить насъ“. И только. И опять слова въ ковычкахъ, какъ будто они точно мои и приведены изъ книги... [illegible]

Какъ называется это дѣйствіе?! А совершающій его не стыдится, ту[illegible] за этимъ, упрекать автора этой самой книги *„болѣе чѣмъ въ недобросо[illegible]* Очевидно, и тутъ опять былъ разсчетъ на то, что авось эта *мале[illegible]* проскользнетъ незамѣченной... Что же это доказываетъ?

наетъ, что перемѣнили сопровождавшій насъ въ пути *конвой* [2]), и нѣсколько далѣе, на страницѣ 859-й, усматриваетъ уже не одного мандарина, объ отсутствіи котораго, при проводахъ въ Лан-чжеу-фу, такъ *скорбитъ* [3]) г. Пясецкій, а *цѣлыхъ трехъ*, прибавляя, что они *сопутствовали намъ* и заботились о нашихъ удобствахъ въ дорогѣ. Положимъ, г. Пясецкій могъ бы и *просмотрѣть* конвоировъ, *безотлучно* состоявшихъ при насъ, въ числѣ отъ пятнадцати до двадцати человѣкъ, точно такъ же, какъ и трехъ мандариновъ, сопровождавшихъ насъ отъ самого Лан-чжун-фу до города Баркюля, впродолженіи почти двухъ мѣсяцевъ (съ 10-го іюля по 4-е сентября) [4]). Но если ужъ онъ ихъ замѣтилъ, *хотя и нѣсколько поздно* [5]), то къ чему же разсказывать небылицы [6]) и придавать *темную окраску проводамъ нашимъ* [7]) со стороны Цзо-Цзун-Тана, какъ это дѣлаетъ докторъ на 816-й страницѣ, руководствуясь въ этомъ случаѣ исключительно своею *дурно настроенною фантазіей?* [8]) Воля ваша, но это отзывается болѣе чѣмъ *недобросовѣстностью*" [9]).

Пунктъ 10. О фальшивой тревогѣ.

Эта тревога произошла на одномъ изъ ночлеговъ вслѣдствіе слуха о показавшейся шайкѣ разбойниковъ; но слухъ оказался фальшивымъ, и все обошлось благополучно. Вышелъ только комичный и поучительный эпизодъ. Противникъ же говоритъ, будто и самой этой тревоги *у насъ* не было, а что она произошла только въ китайскомъ отрядѣ...

---

[2]) Конвой былъ, да онъ выѣхалъ раньше или позже,—не знаю,—только не одновременно съ нами. А, вѣдь, мы говоримъ о проводахъ.

[3]) Еще бы не скорбѣть, когда ни за-что-ни про-что приходилось выносить позоръ въ чужой странѣ: китайскій народъ-то, я думаю, знаетъ, какъ кого у нихъ провожаютъ.

[4]) Все вѣрно. Три мандарина уѣхали изъ Лань-Чжоу и сопровождали насъ до г. Баркуля, да не провожали при выѣздѣ; это не одно и то же: я объ этомъ то и говорю. Ничего и никого я не просмотрѣлъ, потому что на все смотрѣлъ открыто, просто и внимательно.

[5]) Въ тотъ самый день и часъ, когда замѣтилъ; а именно: г. Сосновскій представлялъ насъ другъ другу, слѣдовательно при первой встрѣчѣ, уже въ г. Гань-Чжоу, на дворѣ отведенной для насъ квартиры (см. стр. 859). Это было 24 іюля, а выѣхали мы изъ Лань-Чжоу 10-го іюля значитъ ровно черезъ двѣ недѣли!

[6]) Читатели, полагаю, догадываются, что у меня разсказывается, къ сожалѣнію, одна быль да горькая правда, и что ложью этой правды не поправишь.

[7]) Для чего ужъ окрашивать еще темнѣе то, что само по себѣ было куда-какъ не блестяще. И безъ того глазъ некуда-было дѣвать отъ стыда.

[8]) Отъ всей души желалъ бы, чтобы все, что было, превратилось только въ мои фантазіи, даже въ бредъ сумасшедшаго,—это меня не оскорбитъ, лишь бы прошлая правда стала неправдой; да какъ теперь это сдѣлать!..

[9]) „Благодарю,—не ожидалъ". Но иногда оскорбленіе бываетъ лучшей похвалой.

Ниже я привожу описаніе ея изъ моей книги, а теперь прочтите, что говорится по поводу его въ „Письмѣ“.

„Девять, напримѣръ, страницъ сряду, начиная съ 988-й и до 997-й, докторъ посвятилъ описанію ложной тревоги, происходившей 10-го сентября *въ китайскомъ отрядѣ*, вслѣдствіе возникшаго слуха о появленіи дунганской шайки: но что ни страница, то новость даже для меня, бывшаго очевидцемъ всего происходившаго.

Наполнивъ всѣ эти страницы какимъ-то хаосомъ смятенія и тревоги, чего-то непостижимаго и небывалаго, гдѣ однако, опытный глазъ доктора, помимо воли, видѣлъ „болѣзненное дрожаніе губъ и смертную блѣдность начальника“, *безпомощно отыскивавшаго себѣ мѣсто* *), г. Пясецкій самъ, наконецъ, говоритъ: „чувствую, что читатель готовъ принять меня за съумасшедшаго, который чепуху городитъ; нѣтъ, я съ ума не сошолъ и разсказываю быль“.

Да... Несмотря на множество вспомогательныхъ средствъ, никто изъ бывшихъ участниковъ учено-торговой экспедиціи, дѣйствительно, ума не лишился; разсказы же ихъ — тѣмъ невѣроятнѣе, чѣмъ они правдивѣе. Не угодно ли прочесть мое описаніе слѣдующей конфузной сцены, которая, къ сожалѣнію, не вымыселъ болѣзненной фантазіи, а быль, и эту быль не сотрутъ и не измѣнятъ цѣлые десятки томовъ оправданій и отрицаній. Лучше ужъ сознаться и обѣщать впередъ быть благоразумнѣе и храбрѣе, чѣмъ *мы* оказались въ описываемомъ событіи.

Дѣло происходило между городами Баркюль и Гу-Чэнъ въ обезлюденной недавнею мусульманскою войною мѣстности. Сдѣлавъ переходъ верстъ въ 60 (!), мы остановились на ночлегъ въ бывшемъ селеніи Сань-Го Чуань-Цзи, которое представляетъ теперь однѣ развалины. Оно

„лежитъ въ гладкой луговинѣ, и нашъ лагерь раскинулся между обломками стѣнъ на большомъ протяженіи: начальникъ съ фотографомъ, переводчикомъ и казакомъ Степановымъ помѣстились въ одной порядочно сохранившейся кумирнѣ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, на большомъ дворѣ, внутри его полуразрушенныхъ стѣнъ, были расположены телѣги, верблюды и снятые съ нихъ вьюки, и размѣстились кучками китайскіе солдаты; дальше, по тому же направленію, шагахъ въ двадцати за упомянутымъ дворомъ, стояла на свободномъ пространствѣ наша палатка; а въ такомъ же разстояніи отъ насъ по другую сторону, въ одно-

*) Ничего объ „отыскиваніи себѣ г. Сосновскимъ мѣста“, въ книгѣ говорится. Это ужъ собственная догадка.

луразрушенномъ домикѣ, устроились переводчикъ Сюй, казакъ Скотнинъ и наши китайцы, Танъ, Ма и „Сквозной“. Китайцы, по обыкновенію, долго не засыпали, громко болтая между собою; костры горѣли у нихъ цѣлую ночь; караульный точно въ колоколъ звонилъ, стуча въ свой ло *); и подъ эти говоръ и звонъ мы заснули тѣмъ здоровымъ крѣпкимъ сномъ, какимъ спится на свѣжемъ воздухѣ, въ походѣ, послѣ сильнаго утомленія и съ относительно покойною совѣстью.

10 сентября.

Миновала благополучно и эта ночь. Утренняя заря уже глядитъ въ палатку; проснулись люди и всѣ понемногу собираются въ дорогу. Встали и мы, и я тотчасъ принялся за сниманіе кожи съ обезьяны. Подходитъ Матусовскій.

— Ну, кончайте „маіоръ!“ Вотъ охота возиться... Бросьте да подите позавтракайте; а то и уѣдете такъ; — вѣдь васъ одного ждать не станутъ?

— Сейчасъ, сейчасъ...

Черезъ минуту приходитъ опять.

— Супъ ужъ простылъ: чай готовъ; бросайте,—вѣдь все равно не успѣете кончить;—ужъ ѣхать собираются.

Мнѣ не хотѣлось бросить:—вѣдь обезьяна вещь рѣдкая... Спѣшу, тороплюсь,—авось, думаю, успѣю додѣлать, „не задерживъ общаго движенія“...

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ товарищъ возвращается... я думалъ, опять погонять меня,—нѣтъ... съ другими рѣчами.—„Въ лагерѣ“, говоритъ, „бьютъ тревогу“... Но онъ сказалъ это такимъ же тономъ, какимъ сейчасъ совѣтывалъ мнѣ лучше ѣсть супъ и пить чай; и я не обратилъ никакого вниманія на слово тревога, къ которому, въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно защищаться,—шутливо и спокойно относиться нельзя.

— Нѣтъ, я серьезно говорю,—продолжаетъ Матусовскій;—всѣ готовятся къ оборонѣ; вблизи, говорятъ, показалась шайка дунганъ, и ожидаютъ, что они, вѣроятно, сейчасъ сдѣлаютъ нападеніе.

Я взглянулъ на него; вижу, говоритъ серьезно, и долженъ былъ повѣрить, но вѣрилось какъ-то на половину: не такъ, думаю, начинается тревога... Выйдя изъ развалинъ домика, на окнѣ котораго, вмѣсто стола, производилась моя работа, я взглянулъ на лагерь... Дѣйствительно, вижу—всѣ въ волненіи; солдаты суетятся, хватаютъ оружіе и бѣгутъ на мѣста. Телѣги, уже навьюченные верблюды и всадники сбились на упомянутомъ дворѣ; пики подняты кверху или держатся на готовѣ; въ рукахъ видны обнаженные тесаки и шашки... Но, тамъ довольно тихо... Что-то происходитъ, но что именно,—я не могъ сообразить, потому что никакихъ общихъ распоряженій не дѣлается; и распорядителя никакого не

*) *Ло* есть мѣдный кругъ, въ родѣ сковороды, который европейцы неправильно называли *гонг'омъ*.

видно: не вижу ни Ли *), ни Сосновскаго; и ни сигнала, ни команды не слышно. Непріятеля тоже и вблизи не видать, а мѣстность довольно открытая. Спрашиваю Матусовскаго;—онъ тоже разбойниковъ самъ не видалъ и ничего толкомъ узнать не могъ. Пришлось однако работу бросить; и я, кликнувъ своего слугу Ма, сталъ на-скоро мыть руки;—онъ льетъ изъ чайника воду и, съ выраженіемъ на лицѣ плохо скрываемаго страха, говоритъ мнѣ, указывая пальцемъ:

— Вонъ разбойники... Ужъ идутъ... Идутъ сюда.

Я взглянулъ въ указанную сторону и вижу, на ближайшемъ холмѣ, не далѣе какъ въ одной верстѣ отъ насъ, нѣсколько всадниковъ, вооруженныхъ пиками; нѣсколько человѣкъ пѣшихъ, которые ведутъ въ поводу лошадей и одного верблюда... Вся эта компанія, какъ мнѣ показалось, въ десять или пятнадцать человѣкъ, беззаботно и не спѣша, спускалась съ холма по направленію къ намъ и по своему виду походила просто на ѣдущихъ своей дорогой путниковъ... Говорятъ же,—это разбойники!..

— Да что же ихъ всего десять человѣкъ? Зачѣмъ же они пѣшкомъ идутъ? И какой это у нихъ верблюдъ?—спрашиваю Ма.

— Это только передовые, а остальные спрятались за горой. Ихъ, говорятъ, много... Пѣшкомъ идутъ, чтобъ насъ обмануть, для того и верблюда ведутъ, какъ будто такъ проходятъ.

Хотя и вѣроятно, но все какъ-то странно! Однако, у меня нѣтъ данныхъ, чтобъ сказать:—все это вздоръ. Условія здѣшней жизни для меня новость, и я понималъ, что въ виду общаго приготовленія къ встрѣчѣ готовящагося нападенія, теперь не время спрашивать объясненій, — надо дѣйствовать, надо быть готовымъ исполнять команду; и я тороплюсь придти на мѣсто общаго собранія. Въ это время Танъ поспѣшно убралъ наши постели, снялъ палатку, вслѣдствіе чего налитыя для меня тарелка супу и чашка чаю очутились стоящими на землѣ, просто посреди двора и всякаго сору.

Узнавъ отъ него, что непріятель еще не пришелъ, а только идетъ, я успѣлъ поѣсть супу, и выпилъ чашку чаю, — а то поди потомъ, голодай цѣлый день, — закурилъ сигару, и, взявъ свои ружье и револьверъ, вошелъ во дворъ, на которомъ собрались всѣ и который теперь принялъ видъ военнаго укрѣпленія. Каждый человѣкъ держалъ какое-нибудь оружіе; иной—просто ножъ; и даже мой лукъ со стрѣлами—подарокъ Ванъ-Чжэнъ-Тая **), былъ въ рукахъ Тана и превратился теперь въ орудіе обороны. Видно было по всему, что люди крѣпко рѣшились дешево себя не отдавать... Прохожу черезъ средину двора; по правую сторону его стоятъ тѣсной группой телѣги и за ними навьюченные верблюды, а по лѣвую—китайскіе солдаты съ оружіемъ, обращеннымъ влѣво же, от-

*) Полковникъ Ли, начальникъ сопровождавшаго насъ китайскаго конвоя.

**) Вотъ онъ, оказывается—упомянуть, этотъ лукъ, о которомъ я умолчалъ.

куда, будто-бы, подходили разбойники, которые, надо думать, замышляли какую-нибудь очень хитрую штуку...

Стоимъ, и не безъ волненія ждемъ... Но неужели Ма былъ правъ и группа людей и животныхъ, указанныхъ имъ, была дѣйствительно ожидаемый врагъ. Они всѣ спустились съ холма и, судя по времени, должны были бы уже подойти къ первымъ рядамъ нашего лагеря; однако, никто до сихъ поръ не показывался... У самаго двора проходила дорога, а за ней, по другую сторону, стояла упомянутая кумирня, въ которой ночевали спутники. Въ ней я увидалъ фотографа и переводчика, съ ружьями и револьверами на готовѣ. Поздоровавшись, спрашиваю:

— Къ оборонѣ приготовились?

— Да, сейчасъ придутъ; ужъ близко, — отвѣтилъ Андреевскій, не то со страхомъ, не то съ удовольствіемъ.

— Кто придутъ?

— Разбойники... Шайка дунганъ подходитъ...

Спрашиваю объясненія, но никакого толку добиться не могу: все гадательно, а самъ никто ничего не видалъ.

Матусовскій тутъ же ходитъ взадъ и впередъ и съ тоскливымъ выраженіемъ посматриваетъ по сторонамъ; близъ кумирни стоятъ два мандарина, — только они одни безъ оружія и съ совершенно спокойнымъ и тѣмъ скучнымъ видомъ, какой бываетъ у подчиненныхъ, долгое время стоящихъ въ ожиданіи пріѣзда высшаго начальства... но отнюдь не нападенія непріятеля, съ которымъ предстоитъ сразиться не на жизнь, а на смерть. Достаточно было взглянуть на ихъ позы и лица, въ которыхъ выражались только скука и полнѣйшее равнодушіе,—но ни тѣни страха или тревоги,—чтобъ придти къ заключенію, что и въ самомъ дѣлѣ никакой опасности нѣтъ. Они не дѣлали ни движеній, ни поспѣшныхъ распоряженій,— просто стояли и ждали... Чего? Кого? Непріятеля? Но развѣ такъ ждутъ непріятеля! Хочу спросить Сосновскаго, но его нигдѣ не видно... Все это было до крайности странно, загадочно, и я ровно ничего не понималъ. Мнѣ подумалось, что кто-то надъ нами насмѣхаться вздумалъ.

— Да объясните мнѣ, пожалуйста, что нибудь, — обратился я къ Матусовскому,—вы таки видали виды, бывали въ степяхъ, и въ стычкахъ съ киргизами участвовали, — вамъ понятнѣе должно быть, что такое теперь происходитъ?... Я, хоть убейте, ничего понять не могу.

— Я тоже ничего не понимаю.

— Надо спросить начальника, онъ вѣрно знаетъ въ чемъ дѣло; вѣдь онъ приказалъ готовиться къ оборонѣ. Гдѣ онъ? Вы не видали его, не спрашивали?

— Видѣлъ, только не спрашивалъ; думалъ, что само разъяснится. А гдѣ онъ теперь, не знаю; его ужъ что-то давно не видно.

Вскорѣ онъ вышелъ изъ-за кумирни, одѣтый въ полушубокъ, хотя на дворѣ было довольно тепло. Онъ имѣлъ разстроенный, почти болѣзненный видъ. Говоря разныя слова, съ которыми онъ

обращался то къ тому, то къ другому, и смысла которыхъ я не понялъ,—начальникъ безцѣльно переходилъ отъ телѣгъ къ верблюдамъ, отъ верблюдовъ къ своей лошади, хотѣлъ садиться на нее и не садился; опять шелъ къ телѣгамъ, звалъ къ себѣ то переводчика, то Степанова, желалъ повидимому, что-то сказать, но не произнесъ ни одной цѣльной фразы. Мой докторскій глазъ, помимо воли, видѣлъ и блѣдность его лица и замѣтилъ дрожаніе губъ... А между тѣмъ, теперь, именно теперь, требовался единственный глава, спокойный, твердый, знающій дѣло и умно распоряжающійся всѣми и всѣмъ. Теперь надо было дѣйствовать, командовать, повелѣвать, и всѣ были готовы къ исполненію приказаній. Но, именно теперь, не отдавалось никакой такой команды, какую можно бы было понять и исполнить. И въ виду этой сцены меня просто морозомъ осыпало: что же будемъ мы дѣлать, если въ самомъ дѣлѣ понадобится обороняться и защищать свою жизнь и имущество! Вѣдь мы всѣ,—то есть подчиненные, были забиты до идіотизма, превращены въ автоматовъ, и моментально не могли превратиться въ обыкновенныхъ людей, сознающихъ свою силу, свое человѣческое достоинство, способныхъ быстро и правильно сообразить, что нужно. Всѣ наши способности были придавлены, мы всѣ унижены, и осталась только механическая сила, которой еще можно было бы распорядиться. Но распорядиться ею, какъ читатель видитъ, было некому. Начальникъ у насъ былъ до тѣхъ поръ, пока онъ былъ, можно сказать, не нуженъ. Теперь онъ нуженъ необходимо, и его нѣтъ. Отчего было такъ, мы говорить не станемъ, а только передаемъ фактъ, совершившійся на глазахъ у всѣхъ; и такъ ли его всѣ поняли, какъ я,—не знаю; тѣ же, съ кѣмъ я говорилъ, поняли такъ точно. Полагаю, что въ такомъ же видѣ представился онъ и китайцамъ.

Пока эти мысли проходили черезъ мою голову, всѣ стояли на прежнихъ мѣстахъ, въ тѣхъ же позахъ; кто скучалъ или досадовалъ, кто сталъ дремать, а кто только призывалъ Бога на помощь.

Сначала еще спрашивали другъ у друга,—въ чемъ дѣло, гдѣ непріятель, кто онъ? Теперь всѣ замолчали и точно опьянѣли или замерли. Минутами мнѣ казалось, что мы находимся на театральной сценѣ и изображаемъ живую картину храбрыхъ воиновъ, готовыхъ отразить натискъ непріятеля; то я задумывался надъ этимъ послѣднимъ и досадовалъ, что онъ такъ долго заставлялъ себя ожидать... Спросить объясненія не смѣешь, да и видишь безполезность всякихъ вопросовъ. И вотъ стою, и стараюсь себѣ представить, въ какомъ видѣ явится „непріятель“ и какъ начнетъ противъ насъ свои дѣйствія: онъ ли первый начнетъ ихъ или мы; позволятъ-ли ему торжественно пройти по дорогѣ въ видѣ мирныхъ путниковъ; или первые ряды остановятъ его, принявъ въ пики и давъ залпъ изъ ружей и луковъ; или впустятъ въ средину, и онъ тутъ начнетъ битву, произведя страшную сумятицу въ сбившемся въ кучу лагерѣ?.. Надоѣло и это, потому что ровно ничего не начинается, никто ни откуда не показывается и молчаливая степь, ка-

жется, смѣется надъ нашей воинственной гримасой... Я сталъ смотрѣть, то на того, то на другого, думая, не узнаю ли чего хотя по выраженію лицъ. Взглянулъ пристально на мандариновъ, они стоятъ все также и на прежнихъ мѣстахъ, съ прежнимъ выраженіемъ скуки, точь въ точь, говорю, какъ подчиненные, ожидающіе проѣзда начальника, который непремѣнно пріѣдетъ, но когда будетъ, точно неизвѣстно. Больше ничего на ихъ лицахъ прочесть не могъ: а на другихъ и могъ бы, и очень многое, и крупными буквами было написано, да читать не сталъ.

Видя наконецъ, что еще не скоро произойдетъ что-нибудь новое, я было пошелъ по дорогѣ впередъ, откуда ждали врага,—въ надеждѣ, не увижу ли тамъ какихъ приготовленій у него, или его самого, и можетъ быть, узнаю, думаю себѣ,—отчего же онъ нейдетъ,—вѣдь ужъ добрый часъ, что мы стоимъ въ ожиданіи его... Пошелъ: но Сосновскій остановилъ меня словами.

— Держитесь... господа... вмѣстѣ... и въ случаѣ начала дѣйствія... собирайтесь всѣ... вотъ въ эту кумирню.

Я сталъ на прежнее мѣсто, вмѣстѣ съ другими и машинально взглянулъ на кумирню, долженствовавшую сдѣлаться нашимъ редутомъ. Она представляла родъ открытой бесѣдки или маленькой театральной сцены; и я невольно сталъ обдумывать хоть этотъ, наконецъ сообщенный, планъ дѣйствій... Что же мы будемъ дѣлать, размышляю я, если соберемся всѣ вмѣстѣ въ эту кумирню; если непріятель, напримѣръ, начнетъ аттаку съ боку отъ насъ, на стоящихъ стѣною китайцевъ, или если станетъ грабить нашъ транспортъ, угонять верблюдовъ и нашихъ верховыхъ лошадей, бить людей?!.

Чувствую, что читатель готовъ принять меня за сумашедшаго, который чепуху городитъ... Нѣтъ, я съ ума не сошелъ и разсказываю быль.—Но какая скука! восклицаете вы... А мы провели, вы думаете, веселый часъ?.. Вы говорите, что ничего не понимаете, что тутъ такое происходитъ?—А мы, вы думаете, понимали что нибудь!.. Ровно ничего.

Можетъ быть, разбойники еще долго продержатъ насъ въ этомъ положеніи, можетъ быть, мы и дневку еще здѣсь сдѣлаемъ, подумалъ я; и не успѣю ли я кончить свою работу? Сходилъ за оставленной мертвой обезьяной, которую нужно было препарировать сегодня, или бросить, чего мнѣ вовсе не хотѣлось. Я принесъ ея трупъ въ мѣсто общаго собранія и, расположившись на остаткахъ одной стѣны, сталъ продолжать снимание кожи, готовый каждую минуту стать въ оборонительную позицію въ случаѣ нападенія... Но не прошло десяти минутъ, какъ лагерь, словно пробудившись отъ сна, сталъ шевелиться и изъ оборонительнаго положенія перешелъ къ моему новому удивленію въ совершенно мирное, обыкновенное: какъ-то нечаянно, мало-по-малу всѣ рѣшили, что надо ѣхать,—будетъ стоять... Кто? Какъ? Когда и почему рѣшилъ.—опять неизвѣстно; такъ какъ-то,—всѣ и никто... Гости иногда расходятся такъ, особенно когда скучно бываетъ: сидятъ, сидятъ; по-

томъ всѣ вдругъ возьмутъ соберутся и уйдутъ. Точно такъ случилось это и съ нашимъ лагеремъ: стояли—стояли въ ожиданіи чьего то нападенія; потомъ взяли и стали собираться уѣзжать. Точно такъ, какъ неизвѣстно было, почему мы испугались небывалыхъ разбойниковъ и ждали часа ихъ нападенія, такъ теперь было неизвѣстно, почему нашли нужнымъ и возможнымъ оставить оборонительную позицію и ѣхать впередъ своей дорогою. Совершалось, по истинѣ, что-то непостижимое, не бывалое, можно даже сказать—непозволительное.

— Трогай!—Цзоу!—Яба!—раздались русскія, китайскія и монгольскія однозначащія слова. Люди стали садиться на лошадей; верблюды закачались съ своими ношами, которыя они все время держали на своихъ спинахъ; тронулись и заскрипѣли телѣги, и никто не распоряжался. Или, можетъ быть, распоряжались всѣмъ китайцы, но такъ, что этого невозможно было замѣтить, и отъ моего наблюденія, по всей вѣроятности, исчезъ какой-нибудь актъ этой загадочной, забавной, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени поучительной траги-комедіи, поучительной въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ настоящей бѣды, не жди команды, а дѣйствуй по своему усмотрѣнію, ибо распоряженій не будетъ.

Ужъ когда всѣ двинулись, какъ я сказалъ, сами собой, слышу—раздаются въ родѣ предсмертнаго лепета слова:

— Ну теперь... скажи, братецъ ты мой... чтобъ, все равно, трогались... Теперь, что-жъ! Пусть... Или, лучше, скажи... То есть, тотъ... Ну, ужъ пусть вытягиваются... Вѣдь вотъ...

А караванъ въ это время ужъ пошелъ, пошелъ по той самой дорогѣ, по которой, говорили, долженъ былъ придти непріятель.

И такъ, къ нашему общему благополучію, сраженіе при селеніи Сань-Го Чуань-Цзы не состоялось... А что такое состоялось, я такъ до сихъ поръ не знаю, и никто мнѣ ничего объяснить не могъ... О томъ же самомъ меня самого спрашивали. Зналъ все, я думаю, только мандаринъ Ли:—что-то ужъ онъ былъ очень невозмутимъ, и, судя по всему, ни одной минуты ни въ какую опасность не вѣрилъ... Не онъ ли тутъ и сыгралъ съ нами штуку. Но у меня никакихъ положительныхъ данныхъ, чтобъ утверждать это, нѣтъ.

Распорядитель оправился, велѣлъ всему каравану вытянуться въ одну линію, сказалъ, чтобъ тридцать человѣкъ конвоя ѣхали впереди транспорта, а тридцать другихъ,—сзади и чтобъ никто не отставалъ. Потомъ тяжело вздохнулъ и также поѣхалъ за другими.

— Авангардъ... впереди?—спросилъ Сосновскій у Степанова, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, отдалъ приказаніе „подгонять арьергардъ“. Уѣхали всѣ. Матусовскій же взошелъ на большой пригорокъ и остановился производить съемку; слѣдовательно, принужденъ былъ или отставать, или если, не отставать, то бросить работу; но послѣдняго распоряженія не было сдѣлано; напротивъ, начальникъ сказалъ, что „теперь въ виду опасности нужно ѣхать всѣмъ вмѣстѣ; поэтому, когда Зиновію Лавровичу нужно будетъ останавливаться для съемки, то весь транспортъ будетъ ожидать

его"... Но неизвѣстно для чего, была сказана эта фраза, потому что тотчасъ вслѣдъ за ней ушелъ весь караванъ; сѣлъ и уѣхалъ самъ начальникъ, окруженный своей компаніей и конвоемъ. Мы же въ числѣ пяти человѣкъ остались назади одни, и этого какъ будто никто не замѣтилъ... Къ чему бы это раздѣленіе могло привести, если бы въ самомъ дѣлѣ разбойничья банда слѣдила за нами и выжидала благопріятнаго момента? И не подумать объ этомъ было нельзя... Всего вѣроятнѣе, къ смерти или взятію въ плѣнъ доктора Пясецкаго и штабсъ-капитана Матусовскаго... Какъ называется подобный образъ дѣйствій, я не могу скоро подобрать выраженія; но онъ понятенъ и безъ точнаго выраженія.

Достопамятное мѣсто снято и мы ѣдемъ за караваномъ верстахъ въ двухъ. День, былъ такой теплый, что, несмотря на возможность быть легче раненными, мы предпочитали полушубку и толстымъ сапогамъ на войлокѣ легкое лѣтнее платье, тѣмъ болѣе, что и никакихъ лихорадочныхъ явленій мы не испытывали. Сначала намъ было только пріятно, послѣ двухъ холодныхъ и вѣтреныхъ дней; но скоро сдѣлалось жарко. Судя по общему виду нашего каравана, грозившая намъ невѣдомая опасность миновала или покрайней мѣрѣ теперь ея не было близко; мы ѣхали по обширной, совершенно открытой равнинѣ,—и глазъ нигдѣ не видалъ какихъ-либо признаковъ людей, ни враждебныхъ, ни мирныхъ. Нагнавъ транспортъ, мы дорогой вели бесѣду о событіи сегодняшняго утра и отъ конвоировъ-китайцевъ узнали хоть два факта, бросающіе свѣтъ на загадочный переполохъ. Они сообщили, что на прошлемъ ночлегѣ пропали неизвѣстно куда двѣ лошади изъ конвоя, и какъ ихъ ни розыскивали,—нигдѣ не могли найти. Далѣе,—что кто-то изъ китайцевъ прибѣжалъ въ лагерь, испуганный, съ извѣстіемъ о приближающейся шайкѣ дунганъ; — и только. Объ этомъ было дано знать Сосновскому и онъ велѣлъ принять мѣры предосторожности противъ нападенія... Относительно же той компаніи людей, на которую мнѣ указывалъ слуга Ма и увѣрялъ, что это и есть идущіе разбойники, мнѣ удалось узнать, что то были наши же караульные, которыхъ поставилъ на ночь распорядительный и серьезный полковникъ Ли; и когда мы ихъ видѣли, они возвращались съ караула.

И такъ, тревога была фальшивая, была слѣдствіемъ паники, вызванной пропажей двухъ лошадей, да извѣстіемъ одного струсившаго китайца о шайкѣ разбойниковъ, за которую онъ легко могъ принять, напримѣръ, табунъ кулановъ... А пропажа лошадей объясняется, какъ нельзя проще, тѣмъ, что онѣ отошли отъ лагеря, можетъ быть, довольно далеко, скрылись за какимъ-нибудь холмомъ и преспокойно паслись; напуганные же китайскіе солдаты, которыхъ посылали на розыски за ними, вѣроятно не рѣшались отъѣхать отъ лагеря достаточно далеко и возвращались, докладывая, что нигдѣ лошадей нѣтъ!

Теперь, когда мы ѣхали, они все смотрѣли по сторонамъ въ надеждѣ не увидятъ ли гдѣ пропавшихъ бѣглянокъ, но послѣднихъ нигдѣ не было; и солдаты повѣсили носы, потому что за нихъ

придется отвѣтъ давать. Не веселъ былъ по этому случаю и Ли, который долженъ будетъ заплатить за пропажу изъ собственнаго кармана, а лошади здѣсь дороги. Намъ же съ товарищемъ было ужасно досадно, зачѣмъ передъ китайцами разыгралась сегодняшняя сцена... Такимъ образомъ всѣ ѣхали невеселые, задумчиво посматривая въ пустое, открытое и слегка волнующееся пространство, окаймленное вдали горами (Му-Цзи-Цзя-Гу): и о минувшей тревогѣ всѣ мало по малу забыли... Вдругъ, не въ далекомъ отъ насъ разстояніи, изъ-за холма показалась въ облакѣ пыли группа быстро двигавшихся фигуръ, которыхъ за поднятой пылью нельзя было хорошо разсмотрѣть. По быстротѣ, съ какою она неслась прямо къ намъ, ясно было, что скачутъ на лошадяхъ. Туземцы мигомъ смекнули въ чемъ дѣло, подняли суматоху и неосторожными криками опять до смертной блѣдности перепугали нашего начальника.

— Стрѣляй! Стрѣляй скорѣй! — раздались крики. Ай, ай, ай! Сколько ихъ тутъ! Стрѣляй! Догоняй! Заворачивай!—вдругъ заорали всполошившіеся солдаты.

— Иннокентій Степан...! Что же это?!—заговорилъ онъ:—Степановъ!.. Иннокентій Степанычъ! Да что же вы прячетесь! Ничего... не можешь... приказать...

Голосъ его опять прерывался, какъ утромъ.

Я любовался бѣшенымъ галопомъ несшихся по степи животныхъ. А Матусовскій, замѣтивъ испугъ начальника, поспѣшилъ его успокоить.

— Да это табунъ дикихъ лошадей, — сказалъ онъ, проѣзжая мимо,—вы, вѣрно, подумали, что это дунгане...

Какъ же поправляется, и чѣмъ изобличается эта моя „девяти-страничная“ „ложь и клевета“? Опровергается, какъ извѣстно, дневникомъ г. Боярскаго,—какихъ же вамъ еще доказательствъ,—а поправляется слѣдующимъ образомъ:

А эта быль, говорится въ „Письмѣ“, на основаніи *моего дневника* заключается въ слѣдующемъ:

„Два солдата, караулившіе ночью табунъ, прибѣжали на разсвѣтѣ съ заявленіемъ, что дунгане [1]) угнали двухъ лошадей. Полковникъ Ли [2]), командовавшій конвоемъ, сообщилъ объ этомъ Сосновскому.

---

[1]) Дунгане?! Откуда же они взялись, когда мы, въ ближайшіе къ этому событію дни, ни раньше - ни позже, ни вблизи - ни вдали, не видали въ дорогѣ ни одной живой души?!

[2]) О, если-бы этотъ коварный полковникъ Ли былъ здѣсь, и если-бы онъ пожелалъ откровенно объяснить, что такое происходило подъ Сань-Го Чуань-Цзы! Какъ бы я былъ радъ,—но собственно для того, чтобы уяснить себѣ этотъ загадочный случай и только провѣрить свои догадки. Но мы, конечно, никогда не у[illegible] нимъ полковника Ли, хотя онъ, вѣроятно, еще долго будетъ благоде[illegible] своемъ государствѣ,—въ этомъ досадномъ недоступномъ государствѣ, [illegible] говорить по русски, тогда его имя ни въ какомъ случаѣ не [illegible] ницахъ „Письма“... Тогда бы онъ былъ очень *опасен*[illegible]

Съ особеннымъ удовольствіемъ принялся я за книгу г. Пясецкаго, желая, съ одной стороны, возстановить въ своей памяти все видѣнное и, такъ сказать, пережитое мною за время полуторагодичнаго путешествія, а съ другой — полюбопытствовать, какъ бывшій нашъ сочленъ и спутникъ изложилъ, въ литературной формѣ, тѣ голые и сухіе факты, которыхъ я самъ былъ очевидцемъ и которые, сверхъ того, занесены въ мой сохранившійся дневникъ.

По мѣрѣ, однако, ознакомленія моего съ книгою г. Пясецкаго, я приходилъ все въ бо́льшее и бо́льшее недоумѣніе. О какой это экспедиціи трактуетъ г. Пясецкій? О той ли, въ которой и я принималъ участіе, или же о какой-нибудь другой, совершенной имъ, г. Пясецкимъ, въ то же время, по Китаю? Но имена участвующихъ лицъ, названія мѣстностей, наконецъ, собственная моя фамилія на страницахъ книги вывели меня изъ недоумѣнія. Да, думаю себѣ, это, должно быть, описаніе того самаго путешествія, участникомъ котораго былъ и я. Но, Боже мой, что̀ сдѣлалъ въ такомъ случаѣ г. Пясецкій съ дѣйствительностью; съ какимъ уваженіемъ относится онъ, въ своемъ сочиненіи, къ правдѣ, людской совѣсти и суду общественнаго мнѣнія? Читая его книгу, невольно спрашиваешь себя: для какой цѣли вышла она въ свѣтъ? Хотѣлъ ли авторъ сообщить публикѣ истинные и безпристрастные факты нашего путешествія по Китаю; въ такомъ случаѣ, книгу его нельзя назвать иначе, какъ пародіей на истину. Или же г. Пясецкій, просто-на́просто, сочинялъ книгу для собственнаго прославленія, пользуясь для того матеріаломъ бывшей экспедиціи и, въ частности, глумленіемъ надъ личностью бывшаго начальника ея, г. Сосновскаго?

Послѣднее предположеніе я высказываю на томъ основаніи, что, съ первыхъ же страницъ своего сочиненія, г. Пясецкій начинаетъ иронизировать надъ г. Сосновскимъ и затѣмъ, съ неослабнымъ рвеніемъ, продолжаетъ безсовѣстно „продергивать" его чуть не на каждой страницѣ двухъ объемистыхъ томовъ. Безпощадно черня, иногда самыми гнусными инсинуаціями, г. Сосновскаго, онъ тѣмъ самымъ какъ бы подготовляетъ тёмный фонъ, на которомъ рельефнѣе бы обрисовывалась личность самого автора.

Мнѣ, а тѣмъ болѣе читающей публикѣ, нѣтъ дѣла до взаимныхъ отношеній, существующихъ между гг. Пясецкимъ и Сосновскимъ; это ихъ личные счеты. Поэтому, мнѣ кажется, что лицамъ, мало-мальски интересующимся Китаемъ, дрязги, происходившія между членами экспедиціи, не настолько привлекательны, чтобъ бросать шесть рублей на покупку двухъ томовъ, посвященныхъ почти исключительно этимъ дрязгамъ. Научнаго же интереса, въ смыслѣ бытовомъ, географическомъ или историческомъ, книга г. Пясецкаго представляетъ, къ сожалѣнію, очень и очень мало, равно какъ и не даетъ никакихъ матеріаловъ для ознакомленія съ задачами и результатами экспедиціи.

Но вѣдь каждый даетъ только то, на что способенъ. А г. Пясецкій оказался лишь великимъ мастеромъ картинно извращать самые простые факты, подчасъ безцеремонно сваливая съ своей

больной головы на чужую здоровую; давать сомнительную окраску дѣйствіямъ другихъ лицъ, тщательно умалчивая о такихъ собственныхъ дѣяніяхъ, которыя могли бросить неблагопріятный свѣтъ на самого автора. Наконецъ, въ довершеніе той массы лжи и клеветы, которою переполнены оба тома его сочиненія, г. Пясецкій, съ удивительною смѣлостью, чтобъ не сказать сильнѣе, бросаетъ въ лицо бывшаго руководителя экспедиціи обвиненіе въ созданіи причинъ настоящихъ политическихъ усложненій нашихъ съ Китаемъ.

Удивляюсь я подобной „смѣлости" г. Пясецкаго потому, что вѣдь ему должно быть извѣстно, что, кромѣ ближайшаго его спутника, г. Матусовскаго, существуютъ еще другіе свидѣтели, участники бывшей экспедиціи; что каждый изъ нихъ былъ очевидцемъ фактовъ, передаваемыхъ въ искаженномъ видѣ авторомъ „Путешествія по Китаю"; что на глазахъ ихъ происходило собираніе всѣхъ матеріаловъ и коллекцій; что существуютъ, наконецъ, документы, уличающіе г. Пясецкаго въ умышленномъ извращеніи истины и выставляющіе въ надлежащемъ свѣтѣ участіе его въ нѣкоей „исторіи съ дневниками", вѣроятно, сохранившейся еще въ памяти г. доктора, хотя тому уже прошло пять лѣтъ.

Какъ ни печально выводить наружу то, о чемъ лучше было бы умалчивать и что до настоящей минуты, изъ понятнаго (хотя и непрактическаго) чувства деликатности и уваженія къ русскому имени, оставалось извѣстнымъ лишь тѣсному кружку бывшихъ членовъ экспедиціи; но появленіе книги г. Пясецкаго, принявшаго на себя благородный трудъ очернить имя русской экспедиціи въ Китаѣ, требуетъ прервать слишкомъ долгое молчаніе и не таить долѣе правды, какъ бы непривлекательна она ни была. Поэтому, настоящимъ письмомъ, я обращаюсь къ г. Сосновскому и прошу его, какъ бывшаго начальника экспедиціи, не медлить обнародованіемъ всего, что относится до истиннаго характера и значенія ея дѣятельности и тѣмъ вывести общественное мнѣніе изъ заблужденія, въ которое г. Пясецкій постарался такъ ловко ввести его *).

Съ своей стороны, будучи, по сферѣ своей дѣятельности, лишь самымъ скромнымъ и невиднымъ участникомъ бывшей экспедиціи, я не считаю, однако, возможнымъ молчать, въ виду невыносимо тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня чтеніемъ „Путешествія" г. Пясецкаго. Какъ живой свидѣтель всего, происходившаго на моихъ глазахъ, я не могу не возвысить теперь же своего голоса, чтобъ востановить истину и опровергнуть невѣрность приводимыхъ авторомъ фактовъ изъ обыденной жизни экспедиціи, ссылаясь для этого на путевыя замѣтки моего дневника (непредназначавшагося въ печать), на фотографическіе снимки, а также на самое сочиненіе г. Пясецкаго, противорѣчащее себѣ во многихъ мѣстахъ.

Беру на выдержку нѣсколько фактовъ.

---

*) Насколько намъ извѣстно, въ одномъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ появится вскорѣ обстоятельное разъясненіе полковника Сосновскаго всѣхъ недоразумѣній, вызываемыхъ книгою г. Пясецкаго. *Ред.* (*„Голосъ"*).

Вотъ, напримѣръ, разсказъ доктора, помѣщенный на стр. 381-й перваго тома, такъ прекрасно и картинно изложенный, что я едва узналъ въ немъ ту сцену, въ которой лично участвовалъ: „...Когда я потомъ стоялъ на лодкѣ,—пишетъ докторъ Пясецкій,—и, куря сигару, разсматривалъ толпу, около меня совершенно неожиданно явился одинъ незнакомый китаецъ и вознамѣрился взять у меня сигару прямо изо рта... Я спокойно отвелъ его руку и только сердито посмотрѣлъ на него, какъ онъ тотчасъ ушелъ и, перескочивъ на сосѣднюю лодку, гдѣ находился Боярскій, въ одно мгновеніе вырвалъ у него сигару и такъ же быстро возвратился на берегъ". Тотъ же самый фактъ записанъ у меня совсѣмъ не такъ красиво и, пожалуй, не доставилъ бы читателю такого удовольствія, какъ приведенная картинка г. Пясецкаго, но за то и не отступаетъ отъ правды. Вотъ въ какомъ видѣ занесенъ этотъ эпизодъ въ моемъ дневникѣ: „...Китаецъ подошелъ къ Пясецкому и попросилъ у него сигару; когда же послѣдній ему отказалъ, то я подалъ китайцу свою, чѣмъ несказанно обрадовалъ его. Въ радости онъ побѣжалъ на берегъ, гдѣ его обступили ожидавшіе товарищи и начали пробовать сигару, закашливаясь"... и проч. Такова разница между разсказомъ г. Пясецкаго и моимъ дневникомъ. Охотно уступаю доктору пальму первенства за его картинную фантазію и оставляю за собою лишь скромную претензію на вѣрность записаннаго мною случая.

Описывая въ первой главѣ второго тома крушеніе лодки на хан-цзянскихъ порогахъ, г. Пясецкій утверждаетъ, что когда наша лодка подходила къ злополучному порогу, то я и переводчикъ Андреевскій только-что встали съ постели. Между тѣмъ, утромъ того же дня, пока еще собирались въ путь, я успѣлъ уже снять фотографическій видъ при солнечномъ освѣщеніи, чѣмъ и опровергается показаніе доктора, неизвѣстно почему заблагоразсудившаго продлить не въ мѣру нашъ сонъ.

По прибытіи въ гор. Хань-Чжун-Фу,—разсказываетъ г. Пясецкій на стр. 600-й своей книги,—получено было начальникомъ экспедиціи привѣтственное письмо, на латинскомъ языкѣ, отъ проживавшаго тамъ итальянскаго миссіонера, патера Pius Vidi изъ Вероны. Фактъ самъ по себѣ вѣренъ; странно мнѣ только, какъ, упоминая о полученіи этого письма, почтенный докторъ забылъ сообщить, что тотъ же итальянскій патеръ прислалъ г. Сосновскому, въ благодарность за сдѣланное послѣднимъ денежное пожертвованіе въ пользу благотворительныхъ заведеній миссіи, большую банку съ насѣкомыми и разныхъ породъ бабочками, которая и фигюрируетъ теперь въ зоологической „коллекціи г. Пясецкаго". Впрочемъ, быть можетъ, докторъ считалъ вовсе не интереснымъ для публики знать, кто именно собиралъ эту коллекцію; важно лишь то, что онъ привезъ ее съ собой и она носитъ его имя.

Все это, положимъ, мелочи; но такими мелочами испещрена книга г. Пясецкаго. А вотъ нѣкоторые факты нѣсколько иного свойства.

На стр. 802—805-й авторъ „Путешествія по Китаю", говоря о присланныхъ намъ въ г. Лан-чжеу-фу отъ цзо-цун-тана (намѣстника Западнаго Китая) подарковъ, состоявшихъ для начальника экспедиціи изъ „цѣлаго воза" китайскихъ и европейскихъ вещей, а для остальныхъ членовъ — изъ ста ланъ серебра, двухъ кусковъ матеріи и двухъ (именныхъ) изреченій *) на каждаго, утверждаетъ, что присланное для насъ серебро, „вопреки желанію г. Сосновскаго" и лишь по настоянію гг. Пясецкаго и Матусовскаго, какъ подарокъ въ формѣ денегъ, оскорбительный по европейскимъ понятіямъ, было отправлено обратно пославшему его и въ томъ же количествѣ, въ какомъ было получено.

Въ дѣйствительности же этотъ случай съ подарками происходилъ такъ: Пясецкому, Матусовскому, Андреевскому и мнѣ было прислано цзо-цун таномъ, сверхъ двухъ кусковъ матеріи, по сто ланъ на каждаго. На замѣчаніе г. Сосновскаго, что деньги не подарокъ и принимать ихъ нельзя, тотъ же г. Пясецкій, и *только онъ одинъ*, при молчаливомъ соучастіи г. Матусовскаго, возражалъ начальнику экспедиціи и настаивалъ, что въ подобной формѣ подарка нѣтъ ничего оскорбительнаго, что это тотъ же китайскій обычай. „Я тоже—продолжалъ докторъ—могу отдарить цзо-цзунтана, пославъ ему свой микроскопъ, стоющій сто рублей" (сто же ланъ составляютъ болѣе двухсотъ металическихъ рублей). Разговоръ этотъ происходилъ при всѣхъ. Когда же я продолжалъ протестовать, то г. Сосновскій обратился ко мнѣ со словами: „Пясецкій, какъ видите принимаетъ, а вы, всетаки, отказываетесь?", на чтó я тогда же отвѣчалъ: „Пясецкій можетъ подарить свой микроскопъ, а я не могу ничего, потому что ничего не имѣю". Потомъ г. Сосновскій, несмотря на неудовольствіе доктора, приказалъ переводчику Андреевскому отнести серебро обратно къ китайскому намѣстнику, присоединивъ къ нему, отъ имени экспедиціи, еще двѣсти ланъ на бѣдныхъ; слѣдовательно, отнесено обратно не четыреста ланъ, какъ говоритъ г. Пясецкій, а шестьсотъ.

Еслибъ вѣрить всему, что говоритъ докторъ по поводу подарковъ отъ цзо-цун-тана, то можно, пожалуй, подумать, что г. Пясецкій вообще не признаетъ совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ принимать какіе бы ни было подарки, такъ какъ, по его словамъ, онъ нетолько съ негодованіемъ (каково было это негодованіе, только-что указано) отвергъ присланное ему отъ китайскаго намѣстника серебро, но не захотѣлъ даже оставить себѣ полученные въ подарокъ же куски матеріи, отдавъ ихъ казакамъ. Жаль только, что г. докторъ не всюду выдерживаетъ въ своей книгѣ такой строгій взглядъ на подарки. Разсказывая (стр. 572-я), что послѣ крушенія лодки на берегу лежалъ чуть не магазинъ китайскихъ вещей и шолковыхъ матерій, бóльшею частью, полученныхъ въ подарокъ, въ томъ числѣ принадлежавшихъ и ему съ Матусовскимъ, самъ же г. Пясецкій какъ бы жалуется на то, будто бы эти подарки не

*) Особый, почотный видъ подарка.

были своевременно отданы ему и его сотоварищу. Интересно было бы только знать, когда и отъ кого получены были эти неотданныя доктору вещи? Находясь неотлучно при экспедиціи, мнѣ положительно извѣстно, что г. Сосновскій самъ покупалъ въ Хань-Коу и Фанченѣ разныя китайскія издѣлія и матеріи; въ подарокъ же первыя матеріи получены были нами лишь въ Лан-чжеу, т.-е. почти три мѣсяца спустя послѣ крушенія лодки на Хань-цзянѣ.

Въ дѣйствительности же г. Пясецкій относился къ подаркамъ нѣсколько своеобразнѣе, чѣмъ это можно заключить изъ собственныхъ его разсказовъ. Такъ, напримѣръ, въ Хами, бесѣдуя съ губернаторомъ Чжан-лаусуй-емъ (въ домѣ котораго мы всѣ жили), докторъ усердно расхваливалъ китайскія матеріи и, высказывая желаніе пріобрѣсти ихъ, сѣтовалъ, однако, на дороговизну ихъ. Вслѣдъ затѣмъ, взявъ съ собою бумагу и карандашъ, онъ отправился въ комнату губернатора рисовать его портретъ и вскорѣ вернулся оттуда, неся подъ мышкой кусокъ китайской матеріи. Всѣ мы это видѣли, въ томъ числѣ и состоявшій при экспедиціи китаецъ Сюй, который, на ломаномъ кяхтинскомъ нарѣчіи, замѣтилъ, что нехорошо сдѣлалъ докторъ, взявъ съ собою матерію, такъ какъ, по китайскому обычаю, лицо, желающее одарить равнаго себѣ по положенію, посылаетъ къ нему сперва свою визитную карточку, съ приложеніемъ списка предназначаемыхъ въ подарокъ вещей; уносить же съ собою полученный подарокъ считается крайне унизительнымъ для одареннаго. Но, по пословицѣ „успѣхъ оправдываетъ средства", г. Пясецкій тѣмъ же способомъ заполучилъ себѣ подарки въ Баркюлѣ: лошадь и лукъ съ принадлежностью; можетъ быть, были и другія вещи, но я увѣренно сказать не могу.

Привожу еще два эпизода изъ пребыванія нашего въ Лан-чжеу-фу, о которыхъ г. Пясецкій почему-то забылъ упомянуть въ своемъ сочиненіи, хотя они не менѣе интересны, чѣмъ помѣщонные въ немъ случаи.

На неофиціальномъ ужинѣ у цзо-цун-тана зашла рѣчь о поэзіи и вообще о китайской литературѣ; перешли къ драматическому искусству, музыкѣ и пѣнію. Вдругъ г. Пясецкій обращается къ намѣстнику съ предложеніемъ, не можетъ ли онъ продекламировать намъ какую-нибудь пѣсню. Предложеніе, хотя и несомнѣнно свидѣтельствующее о высокой любознательности доктора, но обращонное къ высшему китайскому сановнику, показалось послѣднему чрезвычайно оскорбительнымъ, такъ какъ у китайцевъ актеры и уличные пѣвцы не пользуются гражданскими правами. И цзо, не безъ негодованія, отвѣтилъ г. Пясецкому: „Вы можете получить это удовольствіе отъ любого уличнаго пѣвца за нѣсколько чохъ" (восемь—девять чохъ составляютъ одну копѣйку).

Вотъ второй случай изъ медицинской практики доктора. Въ бесѣдѣ съ тѣмъ же цзо-цзун-таномъ о бывшихъ возмущеніяхъ въ Китаѣ, намѣстникъ указалъ, между прочимъ, на одного изъ близь стоявшихъ солдатъ, который, участвуя въ подавленіи возстанія, былъ раненъ пулею въ ногу. Пуля эта осталась въ ногѣ и вотъ

уже четырнадцать лѣтъ, какъ сидитъ тамъ, причиняя ломо̀ту во время перемѣнъ погоды. Г. Пясецкій сейчасъ же заявилъ намѣстнику, что „это пустая вещь" и что онъ посредствомъ операціи извлечотъ пулю, чѣмъ избавитъ солдата отъ частыхъ страданій. Намѣстникъ, однако, усомнился въ этомъ и сталъ уговаривать доктора отказаться отъ подобной операціи, мотивируя свое сомнѣніе въ успѣхѣ давностью получонной солдатомъ раны. Но г. Пясецкій, осмотрѣвъ мѣсто пули, настоялъ на своемъ. На слѣдующій день, 3-го іюля, положивъ солдата на возвышеніе у дверей нашей квартиры и не хлороформируя его, докторъ приступилъ къ операціи. Сдѣлавъ крестообразный разрѣзъ тѣла до кости, гдѣ сидѣла пуля, и ковыряя въ ранѣ, г. Пясецкій довольно долго мучилъ бѣдную жертву, которая во все время операціи глухо стонала и обливалась потомъ. Въ концѣ-концовъ, какъ бы въ подтвержденіе словъ цзо-цзун-тана, докторъ заявилъ, что операціи сдѣлать нельзя безъ клиническихъ приспособленій.

И говорить нечего, что всѣ мы чувствовали себя неловко послѣ этой неудавшейся операціи. Намѣстникъ, изъ понятнаго чувства деликатности, не заходилъ къ намъ нѣкоторое время, боясь, чтобъ не зашла рѣчь объ этомъ тягостномъ случаѣ и понимая, какъ это было бы непріятно для насъ. Нѣсколько дней спустя, зайдя къ намъ, Цзо, въ разговорѣ, на который мы сами навели его, высказался по поводу операціи какъ бы въ оправданіе доктора и проводя паралель между европейскими докторами и китайскими „тай-фу" *) (лекари), сказалъ, что подобныя операціи трудно удаются и въ Китаѣ.

Всѣ мы хорошо замѣтили, что именно послѣ приведенныхъ мною двухъ случаевъ между нами и цзо-цзун-таномъ „точно пробѣжала чорная кошка", какъ говоритъ докторъ, относя это къ извращонному имъ эпизоду съ подарками.

Описывая далѣе выѣздъ нашей экспедиціи изъ Лан-чжу-фу, г. Пясецкій замѣчаетъ, на страницѣ 816-й, что насъ китайцы „не проводили, а выпроводили", и что „ни одинъ мандаринъ не хотѣлъ проводить насъ". А на страницѣ 822-й самъ же упоминаетъ, что перемѣнили сопровождавшій насъ въ пути конвой, и нѣсколько далѣе, на страницѣ 859-й, усматриваетъ ужъ не одного мандарина, объ отсутствіи котораго, при проводахъ въ Лан-чжеу-фу, такъ скорбитъ г. Пясецкій, а цѣлыхъ трехъ, прибавляя, что они сопутствовали намъ и заботились о нашихъ удобствахъ въ дорогѣ. Положимъ, г. Пясецкій могъ бы и просмотрѣть конвоировъ, безотлучно состоявшихъ при насъ, въ числѣ отъ пятнадцати до двадцати человѣкъ, точно такъ же, какъ и трехъ мандариновъ, сопровождавшихъ насъ отъ самого Лан-чжун-фу до города Баркюля, впродолженіи почти двухъ мѣсяцевъ (съ 10-го іюля по 4-е сентя-

*) Не знаю почему, г. Пясецкій слово „тай-фу" переводитъ „великій докторъ". Въ Китаѣ, сколько мнѣ извѣстно, подраздѣленій па званія „великаго доктора" и „лекаря" не существуетъ.

бря). Но если ужъ онъ ихъ замѣтилъ, хотя и нѣсколько поздно, то къ чему же разсказывать небылицы и придавать темную окраску проводамъ нашимъ со стороны цзо-цун-тана, какъ это дѣлаетъ докторъ на 816-й страницѣ, руководствуясь въ этомъ случаѣ исключительно своею дурно настроенною фантазіей? Воля ваша, но это отзывается болѣе чѣмъ недобросовѣстностью.

Сознаю, что настоящее письмо мое выходитъ непозволительно длиннымъ для газеты; но что же дѣлать, когда при чтеніи чуть не каждой страницы „Путешествія" г. Пясецкаго возмущается чувство правды и становится обидно за печатное слово, которымъ ловкіе люди могутъ такъ легко морочить публику ради собственныхъ цѣлей. Хотѣлось бы прослѣдить отъ страницы до страницы всю книгу доктора, чтобъ разсѣять напущенный имъ туманъ и показать, что собственно останется отъ нея на долю истины. Къ сожалѣнію, мнѣ это не подъ силу. Буду, однако, надѣяться, что общественное мнѣніе, надъ которымъ г. Пясецкій вздумалъ безцеремонно издѣваться, не останется долго въ заблужденіи и что построенный, какъ видно опытною рукою, эшафодажъ лжи будетъ уничтоженъ словомъ человѣка, болѣе меня компетентнаго и обладающаго всѣми необходимыми для того средствами.

Трудъ во всякомъ случаѣ нелегкій, очень тяжолый. Девять, напримѣръ, страницъ сряду, начиная съ 988-й и до 997-й, докторъ посвятилъ описанію ложной тревоги, происходившей 10-го сентября въ китайскомъ отрядѣ, вслѣдствіе возникшаго слуха о появленіи дунганской шайки: но что ни страница, то новость даже для меня, бывшаго очевидцемъ всего происходившаго.

Наполнивъ всѣ эти страницы какимъ-то хаосомъ смятенія и тревоги, чего то непостижимаго и небывалаго, гдѣ, однако опытный глазъ доктора, помимо воли, видѣлъ „болѣзненное дрожаніе губъ и смертную блѣдность начальника", безпомощно отыскивавшаго себѣ мѣсто, г. Пясецкій самъ, наконецъ; говоритъ: „чувствую, что читатель готовъ принять меня за съумасшедшаго, который чепуху городитъ; нѣтъ, я съ ума не сошолъ и разсказываю быль".

А эта быль на основаніи моего дневника заключается въ слѣдующемъ:

Два солдата, караулившіе ночью табунъ, прибѣжали на разсвѣтѣ съ заявленіемъ, что дунгане угнали двухъ лошадей. Полковникъ Ли, командовавшій конвоемъ, сообщилъ объ этомъ Сосновскому. Сосновскій приказалъ послать разъѣздъ, изготовить на случай оружіе, но не останавливать, однако, подготовленій къ выступленію. Подошедшему же въ это время доктору Сосновскій сказалъ: „Пока идутъ сборы и вьючатъ верблюдовъ, вы успѣете еще препарировать шкурку обезьяны", которую наканунѣ, случайно, зашибъ до смерти верблюдъ. Но г. Пясецкій хотя и говоритъ теперь, что не хотѣлось бросить обезьяны: вѣдь, обезьана вещь рѣдкая, но ограничился только тѣмъ, что обрѣзалъ лапы, а самую обезьяну бросилъ, не сдѣлавъ ни малѣйшей попытки снять шкурку.

Вѣроятно, въ торопяхъ... Въ торопяхъ, вѣроятно, г. Пясецкій принялъ и дикихъ лозъ (кулановъ) за дунганей, а теперь, въ своей книгѣ, сваливаетъ свою забавную ошибку на Сосновскаго заставляя его отрывисто кричать: стрѣляй! стрѣляй!

Въ заключеніе позволю себѣ сказать еще два слова по поводу упомянутой уже мною недостойной инсинуаціи, которою г. Пясецкій заканчиваетъ свое сочиненіе. Не безъ сожалѣнія отказываясь отъ критическаго разбора научныхъ и практическихъ результатовъ экспедиціи, докторъ говоритъ: „Тогда можетъ быть, возможно было бы поставить вопросъ, не являются ли настоящія усложненія политическихъ дѣлъ съ Китаемъ прямымъ послѣдствіемъ нѣкоторыхъ нашихъ дѣйствій, напримѣръ, въ городѣ Лан-чжеу-фу“.

Разъ докторъ признаетъ возможность постановки такого вопроса, то я ему отвѣчу теперь же, что если усложненія съ Китаемъ и имѣютъ какое нибудь отношеніе къ бывшей экспедиціи, то они являются послѣдствіемъ не „нѣкоторыхъ нашихъ дѣйствій“, и не въ Лан-чжеу, а исключительно образа дѣйствій самого г. Пясецкаго въ предѣлахъ нашего отечества, во время оффиціальныхъ его визитовъ въ Омскѣ кому слѣдовало.

Какъ ни длинно вышло мое письмо, но я могъ привести въ немъ опроверженіе лишь нѣкоторыхъ фактовъ, подобно которымъ наполнены оба тома г. Пясецкаго. Опроверженіе же всѣхъ ихъ, на основаніи фактическихъ данныхъ и свидѣтельскихъ показаній, потребовало бы составленіе такой же объемистой книги, какъ и сочиненіе доктора. Не будь личности Сосновского, книга о Китаѣ нашего спутника оказалась бы столь тощею, что едва ли нашла бы въ себѣ достаточно элементовъ для появленія на свѣтъ.

Скажу, наконецъ, что не будь г. Сосновскаго, Богъ знаетъ, къ какому исходу пришла бы экспедиція. Сосновскому мы обязаны, многимъ, обязаны, главнымъ образомъ, тѣмъ, что русская экспедиція прошла такъ благополучно и совершенно открыто черезъ весь Китай, въ то время, какъ англо-индійская экспедиція Броуна окончилась умерщвленіемъ Мэргери и его товарищей.

Въ интересахъ истины, покорнѣйше прошу васъ, господинъ редакторъ, напечатать настоящее письмо въ вашей уважаемой газетѣ и, ручаясь за достовѣрность приводимыхъ мною фактовъ, заявляю, что принимаю на себя всѣ послѣдствія за все, что высказываю, потому что говорю по чистой совѣсти и съ искреннямъ убѣжденіемъ. Примите и проч.

Бывшій фотографъ при экспедиціи **А. Э. Боярскій.**

Ростовъ-на-Дону.
13-го ноября 1880 года.

Теперь судите, правъ ли я былъ, говоря, что въ этомъ документѣ *для меня явилось послѣднее, самое блестящее доказательство полнаго безсилія моихъ противниковъ для борьбы съ моими ложью и клеветою*, хотя собственно для меня ни-

какія доказательства и не были нужны. Они были необходимы для читателей, и вы видите теперь, что я не обошелъ ни одного сколько-нибудь содержательнаго слова...

А *нѣкая исторія съ дневниками*, въ которой вы принимали *участіе*! А вашъ *образъ дѣйствій въ предѣлахъ отечества, во время вашихъ оффиціальныхъ визитовъ въ Омскъ, кому слѣдовало?!* — возразитъ мнѣ читатель.

Мои «визиты въ Омскѣ, кому слѣдовало».

Въ книгѣ моей я прошелъ молчаніемъ „Исторію съ дневниками", какъ эпизодъ, въ которомъ „вовсе нѣтъ предмета для хвалы"; относительно же моего „образа дѣйствій въ Омскѣ и моихъ тамъ визитовъ, кому слѣдовало", я самъ нахожусь почти въ полномъ недоумѣніи, и даже не догадываюсь, на что тутъ дѣлается намекъ. Но доискиваться какого-нибудь серьезнаго значенія въ словахъ этого намека было-бы напрасно: въ нихъ нѣтъ ни явнаго, ни тайнаго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, задумайтесь на секунду: возвращается изъ экспедиціи домой самый заурядный маленькій человѣкъ, докторъ; проѣздомъ останавливается на четыре дня въ Омскѣ, гдѣ, какъ военный чинъ, дѣлаетъ оффиціальный визитъ „кому слѣдовало", т.-е. генералъ-губернатору (тогда имъ былъ Н. Г. Казнаковъ), котораго онъ видитъ въ первый разъ въ жизни; тотъ приглашаетъ его къ себѣ, одинъ разъ къ обѣду и одинъ разъ на оффиціальный вечеръ. Затѣмъ путешественникъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, и вдругъ, какъ утверждаетъ „фотографъ Боярскій", оказывается, что вслѣдствіе его, этого доктора, *образа дѣйствій* и *визитовъ* въ Омскѣ, Китай собираетъ свои войска, подвигаетъ ихъ къ нашей границѣ и предъявляетъ Россіи извѣстныя требованія, угрожая, въ случаѣ неудовлетворенія ихъ, войною!.. Согласитесь, что на такихъ мудрыхъ рѣчахъ долго останавливаться не стоитъ. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ Омскъ въ нашихъ сношеніяхъ съ Китаемъ? Что я за государственный канцлеръ, чтобъ отъ моихъ визитовъ къ кому бы то ни было, могли возникать такія событія, какъ возможность войны Китая съ Россіей! И я эти рѣчи понимаю не иначе, какъ вышеупомянутое невольное

и безсознательное барахтанье человѣка, почувствовавшаго, что почва подъ его ногами сильно пошатнулась и постепенно уходитъ внизъ. И тутъ точно также, какъ во всемъ остальномъ, я не ожидаю разъясненія, потому-что изъ ничего ничего и не выйдетъ; и мнѣ оно ни на что не нужно. Если теперь разумѣть подъ *визитами, кому слѣдовало* посѣщеніе мною двухъ-трехъ знакомыхъ въ Омскѣ, то и въ нихъ я не могу найти и тѣни какой-нибудь причины для созданія такихъ важныхъ политическихъ событій. Если же бы мои слова и могли вліять какъ-нибудь на наши отношенія къ Китаю, то они скорѣе должны были способствовать упроченію нашей дружбы съ этой державой, потому-что я ничего, кромѣ хорошаго, о китайцахъ не говорилъ, а напротивъ, какъ и въ книгѣ моей, выражалъ совершенно искреннія симпатіи къ китайскому народу и указывалъ на нѣкоторыя наши заблужденія относительно его и нашей съ нимъ политики, но всегда проповѣдывалъ о необходимости дружбы съ Китаемъ. Тѣ же мои, произнесенныя въ Омскѣ, слова, какими мнѣ приходилось отвѣчать на предлагавшіеся вопросы частныхъ лицъ,—(правда-ли тò, какъ могло быть это, и неужели дѣйствительно правда вотъ то-то),—конечно, не могли имѣть никакого вліянія на ходъ политическихъ событій, потому-что они касались только нѣкоторыхъ сторонъ нашего путешествія, такъ-какъ г. Сосновскій раньше меня пріѣхалъ въ Омскъ, о многомъ успѣлъ поразсказать и кой-чѣмъ такъ удивлялъ многихъ, что они принуждены были какъ бы провѣрять его показанія. Болѣе же всего этимъ коварнымъ слушателямъ казались удивительными *большія денежныя пожертвованія* г. Сосновскаго на бѣдныхъ, какія онъ *дѣлалъ отъ имени экспедиціи* въ раззоренныхъ городахъ Китая и которыя доходили, по его словамъ, напримѣръ до 2,000 р. только въ одномъ пунктѣ. Не могли же, говорю, мои отвѣты на подобные вопросы, *каковы бы они ни были*, послужить причиною политическихъ усложненій между двумя государствами. Для подобнаго историческаго событія бываютъ нужны, хотя иногда и ничтожныя, за то болѣе существенныя причины; и въ настоящемъ случаѣ онѣ были двоякаго рода: однѣ отдаленныя, т.-е. интересы и соображенія китайскаго правительства относительно Илійскаго Края (Кульчжи); другія—ближай-

шія, послужившія средствомъ для приведенія въ исполненіе этихъ давнишнихъ желаній. А именно: китайцы давно собирались придти съ войсками за полученіемъ обратно Кульчжинскаго Края, временно занятаго нами вслѣдствіе политическихъ безпорядковъ, по случаю возстанія китайскихъ мусульманъ, а также для возвращенія отпавшаго отъ нихъ Кашгара. Но они не могли передвинуть своихъ войскъ въ достаточномъ количествѣ, потому-что не могли обезпечить своей арміи въ этихъ мѣстахъ необходимымъ количествомъ продовольствія; а подвозъ его черезъ пустыню Гоби былъ по разнымъ причинамъ невозможенъ. Имъ нужно было, во что бы ни стало, достать хлѣба для продовольствія солдатъ изъ какого-нибудь другого источника, а не изъ Собственнаго Китая; тогда у нихъ развязывались руки и для военныхъ дѣйствій противъ Кашгарскаго владѣтеля (Якубъ-Бека), и для прибытія съ достаточными силами въ Кульчжинскій Край. Они и получили потребное количество хлѣба отъ г. Сосновскаго, который, какъ объяснено въ X главѣ моей книги (или стр. 86—88 здѣсь), заключилъ съ генералъ-губернаторомъ Западнаго Китая, Цзо, контрактъ на поставку хлѣба изъ Семипалатинской Области Западной Сибири въ ближайшій оттуда г. Гу-Чэнъ, и условія этого контракта исполнилъ чрезвычайно акуратно, какъ видно было изъ газетъ 1876 и 77 годовъ; а китайцы съ неменьшею акуратностью выплачивали по 30 серебряныхъ рублей за каждую доставленную четверть пшеницы...

Вотъ эти мои рѣчи г. Сосновскій называетъ недостойной инсинуаціей. Но это совершенно неосновательно: я могу ошибаться,—то другое дѣло, но какая же тутъ инсинуація, когда въ моей книгѣ все разсказано ясно и просто! У меня нѣтъ темныхъ фразъ и неясныхъ для читателя намековъ или двусмысленностей; я ничего не говорю полусловами или отъ имени другого, и, какъ видите, не отказался поддержать все, сказанное мною въ книгѣ, объясненіями и доказательствами. Точно также и въ будущемъ я не стану, да и не могу, отговариваться тѣмъ, что это писалъ не я, или что я думалъ совсѣмъ не то;—нисколько, я писалъ, что думалъ, и думаю теперь то же, что написалъ въ книгѣ. Впрочемъ, тамъ, собственно говоря, и думъ почти нѣтъ: тамъ переданы лишь одни

факты; а задуматься надъ ними заставляетъ меня теперь это „Письмо въ редакцію"... Правъ ли я былъ, въ самомъ дѣлѣ, допуская, что эта поставка хлѣба китайцамъ г. Сосновскимъ можетъ привести къ политическому столкновенію? Правъ ли я теперь, думая то же самое?—Не знаю; но вотъ какія у меня основанія. Разсмотрите, и, если найдете какія заблужденія, — поправьте ихъ: я буду только признателенъ за разъясненіе настоящаго смысла торговаго предпріятія г. Сосновскаго, а также положенія недавно минувшихъ и еще не совсѣмъ оконченныхъ дѣлъ съ Китаемъ. Вотъ, въ видѣ вопросовъ—то, что и какъ долженъ я думать о связи между нашей экспедиціей и споромъ, возникшимъ по поводу Кульчжинскаго Края.

На какихъ основаніяхъ (какъ замѣтилъ г. Петровскій), г. Сосновскій *заранѣе предрѣшилъ*, что западный путь въ Китай гораздо короче и во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе и выгоднѣе кяхтинскаго; и для чего онъ потомъ старался, во что бы ни стало, доказать это положеніе, и для доказательства рѣшился приводить даже *невѣрныя цифры* въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ? Въ Письмѣ это не отрицается.

Зачѣмъ нужно было держать дѣло въ такомъ *секретѣ*, когда экспедиція отправлялась изъ Петербурга, и такъ заботиться съ самаго начала о пріобрѣтеніи *бо́льшихъ средствъ*, когда мы и нашихъ,—скажемъ, „небольшихъ",—казенныхъ средствъ не съумѣли израсходовать, а привезли назадъ въ Россію? Это тоже не отрицается.

Отчего г. Сосновскій, ставъ во главѣ экспедиціи, имъ же названной „учено-торговой", съ такимъ невообразимымъ равнодушіемъ и, можно сказать, презрѣніемъ относился и къ научнымъ интересамъ, и къ изученію условій нашей торговли съ Китаемъ, что весь отчетъ его даетъ *нуль новыхъ результатовъ* въ этихъ отношеніяхъ?

Почему онъ, ревностно заботясь объ увеличеніи средствъ экспедиціи, такъ обрѣзалъ и обманулъ эту самую экспедицію, и только *бредилъ* всю дорогу именемъ неизвѣстнаго города Лань-Чжоу? И для чего онъ, *тотчасъ* по пріѣздѣ, прежде чѣмъ другіе успѣли прибыть въ этотъ городъ, уже заключилъ условіе съ генераломъ Цзо *о поставкѣ хлѣба* изъ Семипалатинской области для китайскихъ войскъ?

Развѣ все это не странно!

Отчего генералъ Цзо былъ такъ *не покитайски быстръ* въ своихъ дѣйствіяхъ и пошелъ на всякія условія, безъ обычныхъ для китайцевъ возраженій и размышленій, и согласился платить за хлѣбъ даже болѣе 30 серебряныхъ рублей за четверть?*). (Въ „договорѣ"—за 100 гиновъ 5 ланъ).

Отчего, по возвращеніи экспедиціи, такъ закипѣло у г. Сосновскаго дѣло по поставкѣ хлѣба въ Китай, прикрытое будто бы отправленіемъ нашихъ *торговыхъ* каравановъ по будто бы „*открытому* для нашей торговли новому западному пути?" (Это было въ концѣ 1875 года и потомъ продолжалось въ 1876 и 1877 годахъ).

И отчего, наконецъ, вскорѣ по возвращеніи экспедиціи въ Петербургъ (уже въ 1878 году), прибылъ китайскій посланникъ Чунъ-Хоу для разрѣшенія вопроса о возвращеніи Кульчжинскаго Края, до котораго они не могли дойти съ самаго занятія его нашими войсками въ 1863 году? Отчего *раньше* эти войска не могли придти сюда, а теперь *немедленно* явились?.. Не оттого ли только, что раньше онѣ не имѣли, и не могли имѣть, продовольствія?

Дальнѣйшія событія и ходъ дѣлъ по Кульчжинскому вопросу извѣстны читающему обществу изъ періодической печати за послѣдніе два года, а потому я ихъ касаться не буду... Какъ же, спрашивается, въ виду такой логической связи событій могла не придти мнѣ въ голову мысль, что чуть было не возгорѣвшая война между Китаемъ и Россіей имѣетъ свое ближайшее начало въ томъ „чувствѣ дружбы, побуждаемый которымъ" г. Сосновскій согласился сдѣлать китайцамъ одолженіе въ видѣ доставки хлѣба для ихъ арміи!.. Но я человѣкъ вовсе не упрямый; и если дѣло выяснится и мнѣ будетъ доказано, что я впалъ въ заблужденіе,—что „истинный смыслъ и значеніе дѣятельности начальника экспедиціи были совсѣмъ другіе", то я охотно откажусь отъ своего воззрѣнія и съ удовольствіемъ раздѣлю другое, „истинное", отъ кого бы разъясненіе ни исходило,—это для меня безразлично... Но это разъясненіе должно быть сдѣлано *прямо и честно*, а отнюдь не

*) Авторъ „Письма", касаясь стоимости моего микроскопа, говоритъ: „сто же ланъ составляютъ болѣе двухсотъ металлическихъ рублей",—хотя обыкновенно принято считать одинъ ланъ за два серебряныхъ рубля. Пусть будетъ такъ: тогда и 15 ланъ составятъ болѣе 30 сер. руб. Значитъ „одолженіе"—еще выше!

походить на свидѣтельское показаніе „по чистой совѣсти и съ искреннимъ убѣжденіемъ“ автора „Письма въ редакцію“. Желательно и необходимо, чтобы въ „обстоятельное разъясненіе недоразумѣній, вызываемыхъ моею книгою“, *не входили* выраженія, понятныя одному мнѣ и совершенно темныя для читателей. Для читателей же,—именно для нихъ, всѣ наши рѣчи должны быть *ясны, понятны* и *убѣдительны*, потому что для нихъ мы и пишемъ, потому что они пока—наши судьи; и отъ ихъ рѣшенія зависятъ приговоры обѣимъ несогласнымъ сторонамъ. А то, напримѣръ, подобныя выраженія, какъ слѣдующая темная фраза, развѣ могутъ служить для разъясненія и серьезнаго обсужденія вопроса?

Существуетъ, наконецъ, — говорится въ „Письмѣ“,—документы, уличающіе г. Пясецкаго въ умышленномъ извращеніи истины и выставляющіе въ надлежащемъ свѣтѣ участіе его въ нѣкоей „*исторіи съ дневниками*“, вѣроятно сохранившейся еще въ памяти г. доктора, хотя тому уже прошло пять лѣтъ“ *).

Эта фраза брошена, но къ ней не прибавлено и одного слова какого нибудь объясненія... Что же читатели должны и могли вообразить объ этой „исторіи“, которую я, къ сожалѣнію, буду помнить не „пять лѣтъ“, а, вѣроятно. не забуду втеченіи всей моей жизни!.. Изъ простого сострađанія я не коснулся ея въ моей книгѣ но теперь развѣ могу я пройти ее молчаніемъ? Не разскажи я ея, — кто повѣритъ, что я молчу изъ хорошаго побужденія, а не изъ опасенія скомпрометировать собственную особу! Итакъ, принужденъ разсказывать, и еще разъ удивить читателя, тѣмъ что *угроза, дѣлаемая мнѣ*, есть ничто иное, какъ скандалъ самаго оскорбительнаго свойства для самолюбія г. Сосновскаго и характеристики его ближайшаго друга по путешествію, г. Боярскаго! Они очень хорошо знали, какимъ

*) Нѣкоторыя подробности этого опущеннаго мною эпизода уже забылись и, не будь онѣ записаны на мѣстѣ, мнѣ бы не удалось возстановить ихъ. Теперь же я передаю то, что есть въ моихъ дорожныхъ запискахъ; выпускаю только нѣкоторыя выраженія, которыхъ, надѣюсь, тѣ, кого они касаются, добиваться отъ меня не станутъ. Узнавъ, въ чемъ заключается *Исторія съ дневниками*, читатели поймутъ, почему я предпочелъ не касаться этого также *важнаго факта*, — изъ чувства-ли страха и какихъ-то опасеній отвѣтственности за свое въ ней „*участіе*“, или просто въ силу нѣкоторой разборчивости въ *фактахъ*, а также изъ уваженія къ читателямъ.

опаснымъ оружіемъ,—опаснымъ только для нихъ самихъ,— вздумали они угрожать мнѣ, а потому тотчасъ закутали одну фразу въ другую; и до сихъ поръ цѣль ихъ была вполнѣ достигнута: общество могло воображать про меня всевозможные ужасы и предполагать самыя предосудительныя дѣянія; — такъ искусно и съ такимъ профессорскимъ знаніемъ дѣла сотканы только что приведенныя и нижеслѣдующія фразы.

„Какъ ни печально,—говорится въ „Письмѣ",—выводить наружу то, о чомъ лучше было бы умалчивать и что до настоящей минуты, изъ понятнаго (хотя и непрактическаго) чувства деликатности и *уваженія къ русскому имени*, оставалось извѣстнымъ лишь тѣсному кружку бывшихъ членовъ экспедиціи; но появленіе книги г. Пясецкаго, принявшаго на себя благородный трудъ очернить имя русской экспедиціи въ Китай требуетъ прервать *слишкомъ долгое молчаніе* *) и не таить долѣе правды, какъ бы непривлекательна она ни была".

Вы ожидаете, что за этимъ послѣдуетъ откровенное изобличеніе меня въ томъ, что такъ „печально выводить наружу",—ни чуть не бывало. Читателя ожидаетъ переходъ самый неожиданный: „*Поэтому*,—говоритъ псевдо-фотографъ Боярскій,—*настоящимъ письмомъ я обращаюсь къ г. Сосновскому и прошу его... не медлить обнародованіемъ всего*"... и т. д. И такъ никакого *выведенія чего либо наружу* и не послѣдовало... Извольте поэтому опять слушать меня, — я буду откровеннѣе и, повторяю, хотя и поневолѣ, разскажу все, ясно и понятно, насколько все понятно самому.

«Нѣкая исторія съ дневниками».

Углубимся въ одну изъ песчаныхъ пустынь внутренней Азіи и возстановимъ въ памяти нѣкоторыя относящіяся къ дѣлу событія изъ нашей внутренней жизни, происходившія 19 и 20 сентября 1875 года. Въ ясный солнечный день, по холмистой песчаной пустынѣ, пробирается нашъ караванъ; человѣкъ двадцать китайцевъ и монголъ сопровождаютъ его въ качествѣ погонщиковъ, хозяевъ вер-

*) Чье это слишкомъ долгое молчаніе? Кто это говоритъ? Если г. Боярскій, то это неумѣстно, потому-что „онъ", какъ прочелъ книгу, такъ сейчасъ и „написалъ" ея разборъ. Если же г. Сосновскій, тогда совершенно справедливо, — слишкомъ долгое.

блюдовъ, наемной прислуги или конвоировъ, подъ начальствомъ одного китайскаго офицера Бао, отправившагося съ нами изъ г. Гу-Чэна; (онъ собственно маньчжуръ и его маньчжурское имя—Нэльхешенъ).

И такъ, группа этихъ всадниковъ, караванъ вьючныхъ верблюдовъ и между ними телѣга, запряженная также верблюдомъ, идутъ по пескамъ, хотя и съ начальникомъ, но безъ отчетливаго сознанія,—куда, почему идутъ здѣсь, что тутъ изучаютъ; хотя и съ двумя вожаками, но блуждая, и не зная, что ожидаетъ сегодня вечеромъ и что завтра утромъ. Вереница людей и животныхъ растянулась, примѣрно, на полверсты. По обыкновенію, я съ г. Матусовскимъ, казакомъ Смокотнинымъ и китайскимъ офицеромъ Танъ, ѣдемъ отдѣльно, потому что наши занятія заставляютъ насъ, то отставать, то обгонять остальную компанію, чтобъ потомъ имѣть въ запасѣ нѣсколько минутъ для новаго промедленія; и въ данный моментъ мы находились впереди всѣхъ. Было уже около двухъ часовъ дня, и мы остановились за однимъ невысокимъ холмомъ, чтобъ утолить голодъ. Въ это время по другую сторону упомянутаго холма намъ послышались громкіе крики чѣмъ-то разгнѣваннаго г. Сосновскаго; а вскорѣ за тѣмъ явившійся къ намъ казакъ Степановъ потребовалъ казака Смокотнина къ „капитану". Когда онъ пришелъ туда, крики приняли еще болѣе неистовый характеръ, и черезъ нѣсколько минутъ казакъ возвратился, очень опечаленный и съ навернувшимися на глазахъ слезами. Спрашиваемъ, въ чемъ дѣло, и узнаемъ, что ему былъ учиненъ выговоръ за то, какъ онъ смѣлъ обращаться въ Гу-Чэнѣ къ китайцамъ съ своими заботами и вопросами по части фуражу для нашихъ лошадей? *).

— Какъ только я имъ сказалъ,—продолжалъ Смокот-

*) Г. Сосновскій уѣхалъ изъ Гу-Чэна въ голодную степь безъ достаточнаго запаса *даже хлѣба для людей* и *совсѣмъ безъ запаса* фуражу для лошадей. А г. Матусовскій, по обыкновенію, озаботился этимъ на другой же день по пріѣздѣ въ городъ. Казакъ же только исполнилъ его приказаніе, и вина его состояла въ томъ, что онъ не явился къ г. Сосновскому испросить *на это его* дозволенія! Теперь, очутившись въ такомъ незавидномъ положеніи, онъ выходилъ изъ себя и обвинялъ всѣхъ, кромѣ себя, а ему особенно слѣдовало бы обо всемъ позаботиться, чтобы не приходилось потомъ дѣлить фуражъ, взятый только для *трехъ* нашихъ лошадей, на всѣхъ бывшихъ съ нами, т.-е. на *десять*.

нинъ,—что мнѣ господа приказали,—что я же не могъ ослушаться,—какъ они кинутся на меня съ нагайкой, какъ закричатъ:—„Какіе тебѣ господа! Я тебѣ сказалъ, что тутъ нѣтъ господъ, кромѣ меня!"... На пять ночей на часы поставили, а потомъ, говорятъ, въ Зайсанѣ разсчитаемся"!..

„Это замѣчаніе было сдѣлано при всѣхъ туземцахъ и въ такой формѣ, что ему, уже пожилому человѣку, урядниву, очень прискорбно было выслушать его, тѣмъ болѣе что выговоръ и обѣщаніе „поставить на нѣсколько ночей на часы" были ничѣмъ имъ незаслужены. Это насъ не удивило и никакого особеннаго впечатлѣнія не произвело, какъ явленіе привычное и обыкновенное. Но черезъ нѣсколько минутъ, за тѣмъ же холмомъ, гдѣ сдѣлала привалъ остальная компанія, снова раздались крики, еще болѣе ожесточенные; а вскорѣ затѣмъ къ намъ является переводчикъ Андреевскій въ состояніи чуть не умоизступленія... Я не стану подробно описывать его вида, никогда не рѣшусь привести въ точности его словъ, а передамъ только смыслъ его безсвязныхъ рѣчей, съ какими онъ бросился ко мнѣ и г. Матусовскому, и которыя онъ произносилъ громовымъ голосомъ; но въ чемъ было дѣло, мы не могли понять. Онъ искалъ у насъ защиты отъ г. Сосновскаго, просилъ насъ или вступиться за него, или лучше убить его, потому что жизнь ему стала невыносимой; онъ говорилъ, что не останется ни одной минуты переводчикомъ, что пусть его разстрѣливаютъ, пусть дѣлаютъ, что хотятъ, а онъ служить не станетъ; что онъ боленъ и отказывается даже ѣхать верхомъ, а ляжетъ въ телѣгу и изъ нея не выйдетъ до самаго пріѣзда въ Россію... И объ этомъ онъ просилъ меня, какъ врача, передать... „ему"... Что такое тамъ произошло, мы такъ и не могли узнать толкомъ. Г. Андреевскій сѣлъ въ проѣзжавшую мимо телѣгу, и она тронулась впередъ; а минутъ черезъ пять выѣхалъ изъ за того же холма г. Сосновскій въ сопровожденіи фотографа, казака Степанова и нѣкоторыхъ туземцевъ. Я подошелъ къ нему и, по всѣмъ правиламъ дисциплины, оффиціально, доложилъ о томъ, что̀ меня просилъ передать г. Андреевскій.

— А, онъ боленъ; онъ не можетъ ѣхать! Хорошо-съ!

Я его вылѣчу... А вы можете обратиться къ вашимъ занятіямъ,—отвѣтилъ онъ и проѣхалъ впередъ.

Потомъ уѣхали и мы съ г. Матусовскимъ и нашими двумя конвоирами; обогнали телѣгу, которую верблюдъ, а потомъ даже два, едва тащили по глубокому песку, образовавшему около кустовъ корявaго кустарника высокія кочки, за которыя безпрестанно задѣвали телѣжныя колеса; обогнали компанію начальника и, присоединившись къ каравану, подвигались вмѣстѣ съ нимъ впередъ. Черезъ нѣсколько времени мы снова услыхали позади себя чьи-то громкіе, визгливые крики, но было довольно далеко, и ни голоса, ни словъ мы различить не могли, а потому и не знали, что такое тамъ еще совершилось.

Вскорѣ мы остановились, не зная куда идти. Тутъ г. Андреевскій былъ оффиціально „отставленъ отъ должности“ и на его мѣсто назначенъ казакъ Смокотнинъ. Опальный переводчикъ еще приближался издали пѣшкомъ и прямо подошелъ ко мнѣ и г. Матусовскому, сидѣвшимъ на песчаномъ холмѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Хотя онъ былъ болѣе покоенъ чѣмъ прежде, но все-таки находился въ состояніи сильнаго гнѣва, имѣлъ озлобленный видъ и, съ совсѣмъ несвойственною ему смѣлостью, опять громко произносилъ очень нелестныя для самолюбія слова, ни мало не стѣсняясь близостью того, къ кому они относились. Мы останавливали его въ виду безполезности этихъ рѣчей или даже вреда ихъ для него же, но онъ, очевидно, находился въ ненормально-возбужденномъ состояніи, близкомъ къ болѣзненному припадку.

Г. Андреевскій разсказалъ, какъ, послѣ нашего удаленія впередъ, *они* подъѣхали къ телѣгѣ, какъ г. Сосновскій началъ съ нимъ дерзкій разговоръ на ты, упрекалъ его въ пьянствѣ и потребовалъ, чтобы онъ всталъ, когда съ нимъ говорятъ.

— Я говорю: „я боленъ“,—разсказывалъ г. Андреевскій.

— Больной не можетъ курить,—закричалъ на меня Сосновскій и вырвалъ папиросу изо рта.—Вставай, когда я съ тобой говорю!

— Я боленъ,—отвѣчаю я...

— А, ты боленъ!.. Ну-ка, Степановъ, тащи его изъ телѣги; я его полѣчу нагайкой!

Не смущайтесь, читатель, — вѣдь это происходило въ Азіи; а тамъ *степные законы*!

— Степановъ вытащилъ меня изъ телѣги, — продолжалъ г. Андреевскій;—я сталъ кричать, сколько было силъ, призывая васъ на помощь; но у меня голосу не было...

— Каковъ.........! — (продолжалъ разсказъ г. Андреевскій), — обратился Сосновскій къ Боярскому; а тотъ говоритъ ему:—онъ затѣмъ и залѣзъ въ телѣгу, чтобъ выпить тамъ водку, да поѣсть закуску и т. д. И принялись хохотать и ругать меня всякими словами. Я готовъ былъ застрѣлиться, и не зналъ, что дѣлать отъ злобы и сознанія своего безсилія... Имъ, наконецъ, надоѣло ругаться, да и никакихъ словъ они больше не находили... Наконецъ, они отстали и уѣхали; телѣга—тоже. А я такъ и дошелъ пѣшкомъ до этого мѣста...

За этимъ опять послѣдовало нѣсколько громкихъ выраженій, которыхъ, конечно, г. Сосновскій не могъ не слышать, такъ какъ разстояніе между нами было не велико.

У колодца Тунгутъ-Гурбань рѣшили остановиться на ночлегъ, потому что вожаки сбились съ дороги.

Наступила ночь. Лагерь разбитъ; засвѣтились огни. Нашъ казакъ теперь попалъ въ милость и сталъ уже „братецъ ты мой"; а отставленный г. Андреевскій пріютился поневолѣ въ нашей палаткѣ. Идетъ у насъ невеселая бесѣда; и даже близость родины не можетъ радовать насъ, потому что мы не чаемъ добраться до нея... Вдругъ г. Андреевскій всполошился...

— Надо будетъ, однако, взять свои бумаги,—сказалъ онъ какъ бы со страхомъ:—Сосновскій уже требовалъ ихъ у меня сегодня... Я,—говоритъ онъ,—сейчасъ принесу ихъ изъ телѣги и передамъ вамъ на храненіе: тамъ у меня все,—мой дневникъ, письма родныхъ и знакомыхъ; а въ дневникѣ я мало ли что писалъ, и не хочу, чтобъ „онъ" касался до моихъ бумагъ"...

Но не успѣлъ онъ выйти изъ палатки, какъ является добродушный „Представитель серьезной фирмы", старикъ Сюй, и сообщаетъ ему таинственно, что „какую-то его шкатулку казакъ Степановъ, по приказанію Со-да-жень (т.-е. г. Сосновскаго), досталъ изъ транспорта и унесъ къ нему въ палатку"... Эти слова какъ громомъ поразили г. Андре-

евскаго: онъ мгновенно выскочилъ изъ палатки и исчезъ на нѣсколько минутъ, повидимому, чтобъ удостовѣриться, правду ли сообщилъ ему Сюй, и тотчасъ вернулся въ состояніи такого же умоизступленія, въ какомъ мы видѣли его сегодня по утру.

Новые крики и новые (пропускаемые мною) десятки словъ, обращенныхъ къ стоявшей неподалеку палаткѣ г. Сосновскаго, раздались посреди лагеря надъ уснувшей пустыней. Ихъ понимали только шесть человѣкъ, знавшихъ по-русски, но и не понимавшіе китайцы и монголы видѣли ясно, что происходитъ что-то дурное, неприличное и недоброе... Г. Андреевскій громко требовалъ, чтобъ ему были немедленно возвращены его дневникъ, записки и письма и грозилъ *убить себя* тутъ же, непремѣнно, если его требованіе не будетъ сейчасъ исполнено. Въ его рукахъ былъ револьверъ г. Матусовскаго, который онъ схватилъ, выскакивая изъ палатки. Видя г. Андреевскаго въ такомъ состояніи, что трудно было ручаться за благоразуміе его дѣйствій, и желая положить, наконецъ, предѣлъ этой безобразной и конфузной сценѣ, я отправляюсь въ палатку г. Сосновскаго и говорю послѣднему, что Андреевскій, по всему видно, не успокоится до тѣхъ поръ, пока не получитъ какой-то своей шкатулки, что онъ находится просто въ болѣзненно-возбужденномъ состояніи, близкомъ къ припадку маніи, что никакія увѣщанія на него не дѣйствуютъ: надо или отдать ему то, чего онъ требуетъ, или принять какія нибудь мѣры, чтобъ его успокоить... Г. Сосновскій мнѣ отвѣчаетъ: „г. Андреевскій безпокоится за свои бумаги... Потрудитесь передать ему, что ему нечего безпокоиться за свои бумаги; что его частныя письма будутъ ему возвращены, а то, что составляетъ собственность государства и что нужно для цѣлей правительства, я считаю своимъ святымъ долгомъ арестовать, тѣмъ болѣе, что вы же сами, господинъ докторъ, нашли его, какъ вы выражаетесь, въ состояніи маніи".

Г. Сосновскаго, какъ я замѣтилъ, озарила при словѣ „манія" какая-то мысль, и онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, дѣлая особенное удареніе на этомъ словѣ, какъ бы передразнивая меня.

— А можете ли вы выдать мнѣ форменную бумагу въ

томъ, что вы нашли г. Андреевскаго въ состоянiи *манiи*? Онъ опять подчеркнулъ „манiю“ и слова *форменную бумагу*.

— Отчего-же,—говорю; если она вамъ нужна,—извольте.

Во время этого нашего разговора г. Андреевскiй не переставалъ громить моего собесѣдника, и его слова, точно гранаты прилетали въ палатку и рвались здѣсь на части, изображаемыя мною точками, или, правильнѣе, никакъ неизображаемыя, потому что я и ихъ не ставлю. Собесѣдникъ старался дѣлать видъ, что вовсе не слышитъ ихъ; потомъ желалъ все приписать влiянiю „винныхъ паровъ“; однако понялъ серьезность атаки и сообразилъ, что дальнѣйшая борьба съ „лопнувшимъ терпѣнiемъ“ одного изъ спутниковъ будетъ ему не по плечу, и рѣшился отступить, но, разумѣется, съ полнымъ сохраненiемъ собственнаго достоинства.

Онъ прибавилъ, для передачи г. Андреевскому, „что онъ, г. Сосновскiй, можетъ *даже* не вынимать находящихся въ шкатулкѣ бумагъ, а только освидѣтельствуетъ ихъ, потомъ запечатаетъ своею печатью, и въ такомъ видѣ она прiѣдетъ въ Зайсанъ, а тамъ, по разсмотрѣнiи *дѣла*, всѣ его частныя бумаги будутъ въ цѣлости ему возвращены; что онъ даже сейчасъ принесетъ, если угодно, шкатулку въ палатку казаковъ и въ присутствiи всѣхъ завяжетъ ее и приложитъ печати“... Я опять едва сдерживалъ смѣхъ.

Вернувшись, передаю эти слова г. Андреевскому; онъ нѣсколько успокоился, но не переставалъ громко требовать, „чтобъ это было сдѣлано сейчасъ, сiю минуту, что онъ не желаетъ, чтобъ кто-нибудь касался его бумагъ и писемъ, чтобы онѣ ни одной секунды болѣе не оставались въ палаткѣ“... (г. Сосновскаго). Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ является Степановъ и подаетъ мнѣ конвертъ. Раскрываю, и вижу оффицiальное *Отношенiе, на бланкѣ*, отъ начальника учено-торговой экспедицiи! Отъ меня требовалось имъ медицинское свидѣтельство въ томъ, въ какомъ состоянiи нашелъ я переводчика Андреевскаго. На эту „форменную бумагу“, за нумеромъ, полученную въ глухой пустынѣ и тѣмъ самымъ разсмѣшившую насъ на нѣсколько минутъ, я, разумѣется, тотчасъ отвѣтилъ столь-же серьезной форменной бумагой, копiю съ которой, ужъ конечно, сохранилъ въ своей дорожной тетрадкѣ, куда, вслѣдствiе без-

сонницы, былъ занесенъ и разсказываемый эпизодъ. Вотъ эта копія:

„Г. Начальнику учено-торговой экспедиціи.

Согласно предписанію вашему, отъ 19 сентября 1875 г., за № 48, я произвелъ медицинское изслѣдованіе переводчика Андреевскаго и нашелъ его въ такомъ состояніи разстройства нервной системы съ характеромъ возбужденія (Mania), что считаю его неспособнымъ къ продолженію своихъ обязанностей, по званію переводчика, до времени его выздоровленія. Словесно вы изволили спрашивать у меня, не происходитъ ли, по моему мнѣнію, болѣзнь г. Андреевскаго „отъ винныхъ паровъ“? На этотъ вопросъ я долженъ отвѣтить, что признаковъ алкоголизма при освидѣтельствованіи не нашелъ. Въ семъ удостовѣряю“ и проч.

Вскорѣ потомъ явился г. Сосновскій съ шкатулкой въ рукахъ, въ сопровожденіи двухъ казаковъ и фотографа Боярскаго, и приступилъ къ обезоруженію г. Андреевскаго. Читатель, я увѣренъ, не посѣтуетъ на меня, если я пропущу подробности непривлекательной сцены, разыгранной съ полнымъ достоинствомъ, на потѣху присутствовавшихъ здѣсь туземцевъ... Г. Андреевскій схваченъ и введенъ въ палатку, назначенную для казаковъ и нѣкоторыхъ изъ китайцевъ; г. Сосновскій пригласилъ войти туда же меня и г. Матусовскаго, и потомъ очень тщательно озаботился о томъ, — „здѣсь ли Адольфъ Эразмовичъ“ (т. е. фотографъ), хотя хорошо зналъ и видѣлъ, что онъ здѣсь. Когда всѣ вошли, онъ обратился, ко всѣмъ вообще и ни къ кому въ особенности, съ рѣчью, смыслъ которой былъ тотъ, что все написанное г. Андреевскимъ, по приказанію и указанію его, Сосновскаго (т.-е. *дневникъ г. Андреевскаго*), этотъ послѣдній никакъ не можетъ считать своею собственностью, потому-что онъ есть собственность государства, точно такъ, какъ и дневникъ штабсъ-капитана Матусовскаго, съ которымъ, поэтому самому, можетъ быть поступлено такимъ-же образомъ, если г. докторъ пришлетъ и относительно г. Матусовскаго такую же „*страшную* бумагу“. (Читателямъ слѣдуетъ помнить, независимо отъ насмѣшливаго тона „страшной бумаги“, что *она выдана г. Сосновскому уже послѣ того, какъ дневникъ былъ отобранъ*, слѣдовательно: *отобранъ онъ никакъ не на основаніи ея, или какихъ-нибудь моихъ „страшныхъ словъ“*, а по собственнымъ соображеніямъ).

Г. Сосновскій продолжалъ:

— Только на одинъ дневникъ г. доктора, это правило не распространяется, потому что онъ представляетъ его личную, т.-е. побочную работу; а потому онъ можетъ-быть совершенно покоенъ, что онъ никому не понадобится...

У меня немного отлегло отъ сердца, переполненнаго и негодованіемъ, и ожиданіемъ подобныхъ-же рѣчей и относительно меня; а я уже было приготовился отстаивать свои дорожныя записки вооруженною рукою, предпочитая все, даже смерть, допущенію надъ собою подобнаго насилія, и не зная, какая участь можетъ постигнуть все записанное мною въ теченіи полутора года; ожидать же отъ „степныхъ законовъ“ всего было можно. Можетъ-быть, эта-то рѣшимость и была прочитана въ моихъ глазахъ въ ту минуту г. Сосновскимъ, который, можетъ-быть, только поэтому и предпочелъ отнести мой дневникъ къ побочнымъ работамъ, вовсе не нужнымъ для цѣлей правительства. Или, другими словами, онъ только не рискнулъ коснуться до него. А поступи онъ иначе, кто знаетъ, что могло бы произойти: положеніе дѣлъ и отношенія всѣхъ очень обострились; и опасность была тѣмъ болѣе, что въ это время экспедиція завѣдомо для всѣхъ — (кромѣ, должно думать, самого распорядителя, всегда отличавшагося оригинальностью воззрѣній)—шла тогда почти на вѣрную гибель отъ голода и жажды въ пустынѣ.

Послѣ этого вступленія г. Сосновскій приступилъ было къ прикладыванію печати на концы какой-то оборванной веревки, которою былъ обвязанъ сундучекъ г. Андреевскаго. Но такъ-какъ мы были приглашены въ качествѣ свидѣтелей, удостовѣрявшихъ, что всѣ бумаги г. Андреевскаго цѣлы, то я попросилъ предварительно открыть ящикъ и показать намъ, что въ немъ находится, а главное, — самому г. Андреевскому, который только одинъ и могъ сказать, все-ли тамъ цѣло или чего-нибудь не хватаетъ; иначе въ нашемъ свидѣтельствованіи не было смысла; да кромѣ того, съ насъ потомъ могли бы, богъ-знаетъ что спрашивать, или поставить въ вину, что мы свидѣтельствовали что-то такое, о чемъ и понятія не имѣли. Г. Сосновскій, однако, нашелъ это „вмѣшательствомъ не въ свое дѣло“ и отказалъ; но г. Андреевскій *настоятельно* потребовалъ того-же, и бумаги

были пересмотрѣны; онѣ оказались лишь нѣсколько перерытыми, но въ сохранности; по крайней-мѣрѣ, г. Андреевскій не замѣтилъ отсутствія чего-либо. Ихъ уложили обратно; шкатулку завязали и запечатали печатью г. Сосновскаго, почему-то не сургучомъ (хотя послѣдній находился въ этой же самой шкатулкѣ), а воскомъ (!), такъ-что въ виду недостаточной гарантіи одной печати г. Сосновскаго, а главнымъ образомъ матеріала, г. Андреевскій попросилъ меня сдѣлать съ нея снимокъ, что я и исполнилъ. И какъ ни прискорбно было предаваться подобнымъ занятіямъ, я внутренно хохоталъ и едва сдерживалъ смѣхъ, когда случайно взглядывалъ на серьёзныя лица двухъ нашихъ „начальниковъ“. Затѣмъ, ужъ чисто потѣхи ради, я попросилъ всѣхъ подписаться подъ снимкомъ, что всѣ и исполнили; но г. Сосновскій отказался, сказавъ, что „это его не касается, что это мое личное дѣло“. Потомъ онъ потребовалъ отъ г. Андреевскаго какую-то „черную сумку“; но тотъ отвѣтилъ, что изорвалъ ее и бросилъ въ степи. Г. же Сосновскій, предполагая, не скрыта-ли она гдѣ-нибудь у насъ, обѣщалъ произвести обыскъ; но его, слава-богу, не послѣдовало, и первый актъ невеселой комедіи кончился... Г. Андреевскій былъ посаженъ подъ арестъ, въ той-же палаткѣ, и къ нему приставленъ казакъ Степановъ.

Наступилъ слѣдующій день. Намъ слѣдовало съ восходомъ солнца трогаться въ путь, но благодаря нашей нормальной безурядицѣ, и тому, что малѣйшаго вмѣшательства кого-нибудь въ общее дѣло было достаточно, чтобъ вызвать скандалъ и испортить себѣ цѣлый день, а то и больше,— благодаря этому, говорю, мы, собравшись сегодня въ путь, узнаемъ, что четырехъ изъ нашихъ лошадей на-лицо не оказывается, что онѣ пропали неизвѣстно куда. Разослали пѣшихъ и конныхъ на розыски, и наконецъ, лошадей отыскали за цѣлыхъ двѣнадцать верстъ, на прошломъ ночлегѣ, гдѣ были вода и кормъ, которыхъ въ этомъ мѣстѣ, можно сказать, не существовало. Было уже за полдень; да и лошадей всѣхъ измучили, а потому принуждены были остаться дневать.

Но *мы* преслѣдовали „высшія заданія“, и этотъ день *у насъ* не пропалъ: онъ весь прошелъ въ „учено-торговыхъ“ занятіяхъ. А именно: когда было рѣшено остаться здѣсь на вторую ночь, и когда опять разбили лагерь, собравшійся

было въ походъ, сегодня, оказалось, было одною палаткою больше вчерашняго, и начальникъ, самъ, съ помощью прислуги, для чего-то устанавливалъ еще четвертый шатеръ, назначеніе котораго вскорѣ объяснилось для всѣхъ. Отъ г. Сосновскаго пришелъ казакъ Степановъ съ приказаніемъ къ г. Андреевскому, чтобы онъ явился въ его палатку.

— И васъ тоже, ваше высокоблагородіе, приказано просить, чтобъ пришли,—обратился онъ ко мнѣ и г. Матусовскому...

Являемся, развлеченія ради; а г. Андреевскій велѣлъ сказать, что чувствуетъ себя дурно и что онъ вообще не желаетъ видѣть г. Сосновскаго. Прійдя, я заявляю ему, что Андреевскій дѣйствительно жалуется на сильное нервное разстройство, и я нахожу, что его слѣдуетъ оставить въ покоѣ, по-крайней-мѣрѣ на нѣсколько дней, что иначе онъ можетъ, пожалуй, заболѣть серьезно; да и теперь его здоровымъ нельзя считать: вы сами, говорю, видѣли, въ какомъ состояніи онъ вчера находился.

— Вы находите его больнымъ,—очень хорошо-съ; но я васъ покорнѣйше прошу не учить меня, какъ я долженъ поступать: это не входитъ въ предѣлы вашей компетентности, господинъ докторъ,—возразилъ г. Сосновскій.

— Позвольте; сами же вы называете меня докторомъ, слѣдовательно, именно я одинъ компетентенъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ дѣло касается здоровья одного изъ насъ.

Но г. Сосновскій, не отвѣчая на мои слова, попросилъ насъ обождать, а самъ удалился, приговаривая: „а, онъ боленъ; онъ не можетъ встать... ничего... у насъ встанетъ; я его вылѣчу и онъ пойдетъ, куда прикажутъ“... Онъ отправился съ двумя казаками, опять съ нагайкой въ рукѣ къ нашей палаткѣ, возлѣ которой лежалъ на пескѣ г. Андреевскій. Чтобы не дозволить крайняго насилія надъ несчастнымъ переводчикомъ, мы также отправились слѣдомъ за нимъ и сопровождавшимъ его фотографомъ.

— Ну-ка, ребята,—обратился г. Сосновскій къ казакамъ,—бери его; поднимай, поднимай - не бойсь!..

Тутъ опять слѣдуютъ подробности, которыя читатель самъ пойметъ и дорисуетъ себѣ, какъ пойметъ и общее состояніе духа. Наше присутствіе все-таки было не лишнимъ.

— Ну, вотъ, теперь веди его въ палатку!

Совершились „взятіе“, попытка г. Андреевскаго воспротивиться насилію, „подниманіе-безъ-боязни“ и отведеніе его въ палатку начальника... Такъ совершилось еще разъ полное поруганіе правъ, и просто человѣческихъ, и больного человѣка, и правъ врача, къ словамъ котораго обыкновенно относятся съ уваженіемъ и общество, и законъ, и судъ!.. Но развѣ во время путешествія они для насъ существовали?! Ничего не было, и намъ ничего не оставалось, какъ все терпѣть, скорбѣть за погибшее дѣло и выслушивать всевозможныя обвиненія, угрозы военнымъ судомъ, или слушать, какъ онѣ дѣлаются другимъ.

Такъ было и въ этотъ доблестный и достопамятный день, 20 сентября 1875 года... Г. Сосновскій призвалъ насъ въ свою палатку. Меня и г. Матусовскаго пригласилъ стать напротивъ себя и своего помощника,—г. Боярскаго; приказалъ ввести приведеннаго силой г. Андреевскаго; велѣлъ войти внутрь палатки казакамъ, назвавъ ихъ на этотъ разъ „братцами“, и произнесъ слѣдующую, по обыкновенію смутную рѣчь, смыслъ которой былъ такой:

— „Я пригласилъ всѣхъ сюда—(онъ говорилъ съ остановками и удареніями на каждомъ словѣ),—чтобъ объявить г. Андреевскому, что онъ обвиняется въ слѣдующемъ: онъ совершилъ уголовное преступленіе, *поднявъ оружіе на начальника*, а потому не можетъ оставаться свободнымъ, а объявляется арестованнымъ, и будетъ подъ арестомъ привезенъ въ Россію; а тамъ съ нимъ будетъ поступлено по законамъ“...

Не тяжкій ли это сонъ?! — думалось мнѣ въ ту минуту... Неужели это мы,—члены экспедиціи! Неужели подобныя событія обыкновенны и могутъ кого нибудь не возмущать своимъ безобразіемъ и будутъ повторяться всегда!

— „Никто кромѣ доктора“, продолжалъ онъ, „не можетъ входить въ палатку, куда будетъ посаженъ г. Андреевскій, и имѣть съ нимъ сношенія. Да даже и докторъ можетъ входить къ нему не иначе, какъ совмѣстно со мною, для чего онъ всегда долженъ предварительно явиться ко мнѣ, и мы вмѣстѣ отправимся“...

— „Вамъ, братцы“, обратился онъ къ казакамъ, „спасибо за то, что вы не забыли службы!“...

Но казаки промолчали въ отвѣтъ: они, конечно, чув-

ствовали, что не особенно славную службу сослужили; что не для такой службы они ѣхали... Да и какую-же цѣну могло теперь имѣть „капитанское спасибо", послѣ вчерашнихъ утреннихъ и вечернихъ рѣчей, раздававшихся во всеуслышаніе?!... Но у всякаго свои понятія и пріемы... И г. Сосновскій, даже не безъ нѣкоторой ловкости раскланявшись съ нами, молча указалъ ручною кистью на дверь, давая этимъ знать, что мы можемъ удалиться.

Но я обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Я бы позволилъ себѣ спросить, съ какою цѣлью и въ качествѣ чего приглашались сюда мы? Для того, чтобы вы могли показать г. Боярскому и казакамъ, что вы насъ презираете и что можете смѣяться надъ нашими словами?.. Вы спрашиваете оффиціально мое мнѣніе, какъ врача; я вамъ говорю, что считаю Андреевскаго больнымъ; я говорилъ сегодня, что съ подобнымъ выговоромъ и дальнѣйшими дѣйствіями слѣдовало бы обождать; а вы не только...

— А неугодно-ли вамъ оставить палатку начальника, и не вступать съ нимъ въ разговоры, когда онъ не даетъ на это никакого права, — отвѣтилъ онъ и разсмѣшилъ г. Боярскаго, которому вчерашнія и сегоднешнія событія, повидимому, чрезвычайно нравились... Но какія мысли и чувства роились внутри этого человѣка, я рѣшительно недоумѣвалъ... Да и теперь не могу понять ясно подобныхъ психическихъ аномалій у человѣка, не больного умственно.

— Извините, г. начальникъ, но я долженъ еще сказать, что если вы приглашали насъ въ качествѣ какъ-бы свидѣтелей, то обвиненія г. Андреевскаго въ поднятіи руки на васъ я никакъ признать не могу, потому-что при мнѣ ничего подобнаго не было, и я ни отъ кого, кромѣ васъ, ничего объ этомъ не слыхалъ.

— Ну, это мнѣ все равно; и я вамъ повторяю, г. докторъ, что не нахожу удобнымъ разсуждать съ вами объ этомъ. Не угодно ли вамъ выйти... Я же прибавлю только одно: что вотъ вчера вамъ слѣдовало бы обезоружить Андреевскаго; это было вашею святою обязанностью... Впрочемъ, повторяю, что мнѣ это рѣшительно все равно!

— Да... Но подумайте о томъ, такъ ли будетъ, когда мы вернемся въ Россію.

— Прошу васъ удалиться, потому что у меня есть дѣла поважнѣе разговоровъ съ вами...

Что это еще за новая комбинація мыслей, — подумалъ я, возвращаясь къ своей палаткѣ?.. Почему моей *обязанностью* было обезоруживать Андреевскаго? И когда, въ какой моментъ? И что бы могло выйти, если бы я дѣйствительно это сдѣлалъ? Вышло бы навѣрно то, что г. Сосновскій, созвавъ всѣхъ, объявилъ бы, что „г. докторъ вышелъ изъ предѣловъ своей компетентности и вмѣсто того, чтобы заниматься своими спеціальными обязанностями, вздумалъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, когда его о томъ никто не просилъ“ и такъ далѣе, по знакомому намъ обыкновенію.

Г. Андреевскій отведенъ и посаженъ въ отдѣльную палатку, къ которой приставленъ для караула Степановъ. Послѣ обѣда я пошелъ навѣстить, такъ называвшагося у насъ, „игрушечнаго арестанта“, и ради опыта хотѣлъ войти одинъ; но Степановъ объявилъ, что не можетъ впустить меня безъ „капитана“, что они приказали стрѣлять, если кто попробуетъ войти къ Андреевскому одинъ... Не проси г. Андреевскій навѣстить его, какъ больного, я бы, конечно, не пошелъ къ нему; а тутъ, нечего дѣлать, пришлось побѣдить возмущавшее меня сложное чувство, котораго однимъ словомъ не назовешь... Посылаю пригласить г. Сосновскаго и жду... Послѣдній продолжительно играетъ съ обезьяной, чтобы заставить меня ожидать себя... Вхожу, наконецъ; за мною г. Сосновскій, усѣвшійся потомъ у двери. Г. Андреевскій совсѣмъ голову повѣсилъ, похудѣлъ, глаза заплаканы. На мои вопросы и успокоительныя слова отвѣчаетъ, что онъ теперь — человѣкъ погибшій, арестантъ, котораго (какъ ему потомъ было сказано г. Сосновскимъ наединѣ) ожидаетъ въ Зайсанѣ неизбѣжная смертная казнь.

— „Мнѣ все говорятъ, что меня тамъ разстрѣляютъ“, сказалъ онъ; потомъ вспомнилъ о своихъ родныхъ и заплакалъ.

— Да успокойтесь, — говорю, — безъ суда васъ не разстрѣляютъ, а по суду окажется, что взведенное на васъ обвиненіе въ подниманіи оружія на начальника несправедливо: вѣдь мы же видѣли, что этого не было, слѣдовательно, и говорить будемъ тоже; а слѣдовательно...

Г. Сосновскаго эти мои слова привели въ такое него-

дованіе, что онъ подскочилъ ко мнѣ и, задыхаясь и заикаясь, закричалъ:

— Позвольте вамъ замѣтить, господинъ докторъ...

— Позвольте мнѣ кончить свой разговоръ съ больнымъ,— отвѣтилъ я самымъ спокойнымъ тономъ;— потомъ мы выйдемъ отсюда, и я буду васъ слушать: а то подобный разговоръ еще болѣе разстроитъ его; мнѣ же, прежде всего, необходимо успокоить его нервную систему.

— Да вы меня не учите... Что такъ нервная система!.. Я вѣдь не маленькій; я все понимаю: я все знаю самъ... здѣсь дѣтей нѣтъ,— страшно горячился г. Сосновскій, опять усиленно жестикулируя очень близко передо мною.

— Если такъ, то вы, конечно, должны знать, что докторъ — полноправный хозяинъ въ комнатѣ своего паціента,— отвѣчаю я ему, и обращаюсь къ г. Андреевскому съ вопросомъ:— желаетъ ли онъ, чтобы я его посѣщалъ?— И потомъ прошу, не избавитъ-ли онъ меня отъ этого, потому что, при такихъ условіяхъ, мои посѣщенія пользы ему не принесутъ, а скорѣе повредятъ.

— Оставьте, Юліанъ Адамовичъ!.. Оставьте меня въ покоѣ!— обратился онъ къ г. Сосновскому.

— Я вамъ еще разъ повторяю,— кричалъ мнѣ послѣдній,— я вамъ положительно запрещаю подобные разговоры, за которые вы пойдете подъ судъ!.. И онъ наступалъ ко мнѣ все ближе; но тѣмъ крѣпче становилось мое самообладаніе и тѣмъ болѣе спокойный тонъ придавалъ я своему голосу... Эта сцена начинала забавлять меня.

— Если вы будете чувствовать себя дурно,— продолжалъ я говорить г. Андреевскому,— пришлите за мною, а самъ я не приду. Теперь же могу сказать вамъ одно,— что вы, какъ больной, имѣете право никого къ себѣ не принимать, если не пожелаете...

— А васъ, г. начальникъ,— обратился я къ г. Сосновскому,— я бы покорнѣйше просилъ также не входить къ больному безъ моего разрѣшенія, потому что я имѣю основаніе думать *), что не только ваши посѣщенія, но даже
ство вашей палатки дѣйствуетъ на него вредно, и вслѣд-
этого я бы убѣдительно просилъ васъ перенести ва-

*) Андреевскій самъ жаловался, что г. Сосновскій слишкомъ часто захажи-
ъ нему и все пугаетъ „самымъ худшимъ окончаніемъ его дѣла“.

латку г. Андреевскаго на нѣкоторое разстояніе подальше отъ своей...

— Нѣтъ-съ, не угодно ли будетъ *вамъ* перенести *вашу* палатку ближе къ этой!...

Я не понялъ, что хотѣлъ сказать этимъ г. Сосновскій; да онъ и не для того, кажется, говорилъ: мнѣ казалось, что ему надо было вызвать меня на поднятіе на него руки; вотъ поэтому-то я и говорилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, хотя внутри у меня и закипало негодованіе.

— Я говорю о вредномъ вліяніи для Андреевскаго близости вашей палатки,—отвѣчаю я,—и если вы будете такъ относиться къ моимъ словамъ, то я и совсѣмъ не явлюсь ни на какое требованіе, чтб бы съ кѣмъ ни случилось. О томъ же, что я, какъ врачъ, былъ лишенъ вами свободы дѣйствій, я принужденъ буду составить актъ и попрошу г. Матусовскаго и казаковъ быть свидѣтелями вашихъ несправедливыхъ произвольныхъ дѣйствій.

— Я имъ не позволю быть свидѣтелями,—кричалъ г. Сосновскій... Да что вы мнѣ разсказываете... Вы... тотъ... Вы за сказанныя здѣсь слова будете призваны къ отвѣтственности... Ужъ вы... тотъ... не избѣгнете скамьи подсудимыхъ!..

— Зачѣмъ же мнѣ ея избѣгать... Я буду искать ея, какъ чести и высшаго блага,—отвѣчаю я.

И такъ далѣе, въ этомъ родѣ происходилъ еще нѣкоторое время разговоръ *въ палаткѣ больного*!... Потомъ нашъ „обмѣнъ мыслей" принялъ еще болѣе „учено-торговый" характеръ, и, потеряй я, говорю, на секунду самообладаніе, бесѣда могла бы кончиться какимъ нибудь безумнымъ дѣйствіемъ. Но я все понималъ; и мы разстались, только поговоривъ.

Вотъ въ чемъ и состоитъ эта нелѣпая и недостойная трагикомедія, эта „нѣкая исторія съ дневниками"!.. Кончилась же она тѣмъ, что г. Сосновскій въ этотъ день очень усердно посѣщалъ своего *Тунутъ-Гурбанъскаго плѣнника*; очень старательно потомъ сталъ жалѣть его „старушку-мать" и вообще его „бѣдныхъ родныхъ", такъ что наконецъ это „теплое участіе" привело къ желаннымъ результатамъ, а именно: къ ночи того же дня онъ съ нимъ состоялъ, какъ насъ увѣдомили, въ дружескихъ отношеніяхъ и, въ знакъ примиренія, вмѣстѣ съ нимъ даже водки выпилъ!... Тѣмъ не менѣе, арестъ съ г. Андреевскаго

снять не былъ; и въ дорогѣ потомъ онъ *еще долгое время* считался арестантомъ, то есть при немъ постоянно находился казакъ Степановъ, и съ нимъ было строжайше *запрещено говорить*. Исполняя приказаніе начальника, Степановъ не дозволялъ даже приближаться къ нему, не только что ѣхать съ нимъ рядомъ, и просилъ *лучше уйти отъ грѣха*!.. Но люди такъ созданы, что подобныя мѣры заставляютъ только болѣе интересоваться предметомъ тщательно охраняемой тайны и сильнѣе желать разоблачить ее. Здѣсь же, очевидно, зародилась какая-то тайна, которая и заставила г. Сосновскаго наложить на уста г. Андреевскаго обѣтъ невольнаго молчанія. Г. Сосновскій въ это время считалъ для себя особенно опаснымъ всякій обмѣнъ мыслей между мною и г. Андреевскимъ, потому что послѣдній обнаруживалъ ко мнѣ и расположеніе, и довѣріе; а кромѣ того онъ, какъ посредникъ между г. Сосновскимъ и китайцами, зналъ многое такое, что лучше было хранить *лишь въ небольшомъ кружкѣ лицъ*... Меня же, въ свою очередь, интересовали нѣкоторыя явленія, причины и смыслъ которыхъ могъ истолковать мнѣ только г. Андреевскій, какъ онъ же могъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія, напримѣръ, по части экспедиціонныхъ расходовъ и вещей, какія дарились въ послѣднее время, напримѣръ въ г. Баркюлѣ начальнику города, Вану, и сопровождавшимъ насъ отъ г. Лань-Чжоу мандаринамъ и конвоирамъ. Обо всемъ этомъ мнѣ проще всего было бы прямо спрашивать у самого г. Сосновскаго и съ вѣдома его записывать какъ расходы денегъ, такъ и раздачу подарковъ; но я уже говорилъ, что въ это время у насъ съ нимъ даже никакихъ бесѣдъ не происходило... Такъ мнѣ и неудалось многое узнать или глубже понять: остроумно придуманный *арестъ языка переводчика* оказался мѣрой дѣйствительной; и я объ *исторіи съ дневниками* больше ничего не знаю и сообщить не могу, такъ что ея начало и конецъ покрыты, какъ говорится, мракомъ неизвѣстности. Но разсѣять его можетъ, хоть отчасти, слѣдующее письмо г. Андреевскаго, отъ 17 сентября 1875 года. Хотя оно получено раньше, чѣмъ разыгралась *исторія съ дневниками*, хотя выраженія его нѣсколько темны, изобличая опасеніе запуганнаго г. Андреевскаго говорить прямо и откровенно, но оно богато содер-

жаніемъ и наводитъ на нѣкоторыя мысли. Я приведу здѣсь копію съ этого письма, но никакихъ поясненій къ словамъ его дѣлать не стану, такъ какъ точнаго смысла ихъ не знаю, прибѣгать же къ какимъ либо натяжкамъ или собственнымъ соображеніямъ и догадкамъ относительно неясно высказанныхъ мыслей, я себѣ не дозволяю... Вотъ, это письмо, полученное въ отвѣтъ на сдѣланный г. Андреевскому упрекъ въ томъ, что онъ какъ будто скупится своими свѣдѣніями и не хочетъ ничего сообщать на предлагаемые ему вопросы *).

„Добрые Зиновій Лавровичъ и Павелъ Яковлевичъ!—писалъ онъ г. Матусовскому и мнѣ. — Вы говорите, что я отказываюсь сообщать; мнѣ грустно, когда я начинаю дѣлать для васъ какую нибудь вымѣтку подарковъ нашего Да-женя" (т. е. г. Сосновскаго), а почему грустно,—„нечего вамъ разсказывать: вотъ уже другой годъ вмѣстѣ и больше можете судить, какъ тяжело переносить безтактности труднаго путешествія.

„Глубоко и глубоко благодарю, З. Л., что вы сочувственно относитесь ко мнѣ; ваши слова, сказанныя сегодня, 17 сентября объ Адол. Эразм." (г. Боярскомъ). „Эти св. слова, сказанныя въ день, памят., для меня" (день именинъ его сестры) „самый лучшій задатокъ въ будущемъ. Развѣ я не понимаю его нахальныя выходки, свойственныя ему; но что дѣлать, когда онъ такой... Честный человѣкъ не пропадетъ; честный всегда будетъ честнымъ. Что дѣлать, здѣсь счетовъ сводить невозможно. Небо насъ не покинетъ; скоро и Россія. Тамъ верховная власть, тамъ законы. Я не тотъ, чтобы *поддаться ласкѣ* (?) я и маленькимъ не особенно любилъ пряники; зачѣмъ же теперь *сдаваться на фальшивую приманку* (?). Грѣшно бы было *изъ честнаго* сдѣлаться Іудой-Предателемъ,(?) нарушить духовный и гражданскій законъ (?). Не буду много задаваться; пускай эта маленькая записка будетъ залогомъ моей преданности правдѣ. Мы поѣхали Россіи привезти правду, а не ложь (?), такъ и долженъ каждый изъ насъ исполнить. Вотъ слова преданнаго вамъ. И. С. Андреевскаго" *).

---

*) Само собою разумѣется, что я и не упомянулъ бы объ этомъ письмѣ, если бы оригиналъ его не находился у меня; потому что ничего нѣтъ смѣшнѣе въ подобномъ дѣлѣ, какъ ссылки на документы, которыхъ не имѣешь, или угроза тѣмъ, чего не смѣешь показать и обнародовать. (Прошу у г. Андреевскаго извиненія въ томъ, что печатаю его письмо, не испросивъ у него предварительно дозволенія, причина чего заключается въ медленности сношеній съ Иркутскомъ и неувѣренность, тамъ ли онъ находится).

**) Читателю можетъ показаться страннымъ, почему мы,—ѣдущіе и живущіе въ городахъ вмѣстѣ, — не говоримъ, а переписываемся? Именно потому, что г. Андреевскій почти безотлучно находился при г. Сосновскомъ, и послѣдній вообще не дозволялъ ему,—хотя сначала и не открыто,—много бесѣдовать съ нами, даже

Это письмо характеризуетъ самого г. Андреевскаго, какъ человѣка съ честными намѣреніями и стремленіями и желаніемъ, по мѣрѣ своихъ силъ, исполнить принятыя на себя обязанности *). Съ другой стороны оно заключаетъ въ себѣ,

когда тотъ былъ совершенно свободенъ. Вотъ почему нерѣдко приходилось записками спрашивать что-нибудь у г. Андреевскаго и въ видѣ записокъ же получать отвѣтъ. Но и это случалось очень рѣдко,—за все путешествіе, можетъ быть, разъ пять-шесть.

Замѣчу кстати, что отношенія мои къ г. Андреевскому и обратно не носятъ на себѣ даже оттѣнка дружбы или какой-нибудь зависимости; и я даже не знаю, что заговоритъ г. Андреевскій, когда настанетъ его очередь подать свой голосъ,—захочетъ ли онъ быть искреннимъ и рѣшится ли сказать правдиво все, что ему извѣстно или также возстанетъ противъ меня... Могу только сказать:—не думаю!

*) Кяхтинское купечество поручило г. Андреевскому, какъ коммерческому человѣку, собрать практическія торговыя свѣдѣнія по извѣстной программѣ, и за доставленіе ихъ обѣщало ему, какъ я отъ него слышалъ, награду въ три или пять тысячъ рублей, смотря по количеству доставленнаго матеріала. Вотъ эти свѣдѣнія и заключались въ такъ-называемомъ его дневникѣ, изъ-за котораго и возгорѣлась „Исторія". Г. же Сосновскій предложилъ г. Андреевскому *свою* программу для собиранія свѣдѣній, а *потому* считалъ все написанное имъ своею собственностью. Эта программа въ высшей степени интересна; а на ряду еще съ указанной быстротой нашего движенія и кратковременностью остановокъ въ попутныхъ городахъ, зачастую лишь *на одну ночь* или даже *на нѣсколько часовъ*, она просто неподражаема по широтѣ взгляда и тонкости выполненія государственной задачи. Послушайте только, что говоритъ въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ (Д. Эксп. Ч. П, стр. 40) г Сосновскій.

„Собираніе матеріаловъ производилось по такой программѣ: въ особо заведенной книгѣ были сдѣланы отдѣльныя рубрики: 1) число жителей, сословій, квартиры, помѣщенія, мѣстные обычаи и особенности, пища и домашній обиходъ населенія; 2 и 3) существующія артели и ремесленныя заведенія, основанія ихъ устройства, отношенія къ государству, отношенія хозяина къ рабочимъ и членовъ артели между-собою, выручка и процентное распредѣленіе ея; 4) повинности натуральныя и денежныя, государственныя и мѣстныя, отдѣльно по статьямъ и сословіямъ, какъ-то: поземельный налогъ, пошлины, промысловыя свидѣтельства и пр., условія ихъ взиманія и назначенія; 5, 6 и 7) деньги, вѣсы и мѣры; 8) мѣстная производительность, промышленное и торговое дѣло; 9) научныя, естественно-историческія и географическія изслѣдованія".

Могъ ли Петербургъ остаться недовольнымъ такой прекрасной программой?!.. Но могла-ли даже вся экспедиція, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, исполнить хотя десятую часть ея!.. А при *нашемъ*-то образѣ движенія и *изученія* страны, какой смыслъ получаютъ такія обворожительныя фразы, эти или слѣдующія?!

„Каждый день, съ прибытіемъ на мѣсто,—продолжаетъ г. Сосновскій,—приходили переводчики и получали, сообразно этой программѣ, заданія на день. Къ вечеру *мы* собирались, показанія систематизировались, подвергались оцѣнкѣ, а потомъ заносились г. Андреевскимъ въ общую книгу".

Видите, какъ все это прекрасно: *заданія* раздаются, *система-*

хотя темныя, но многознаменательныя выраженія, послѣ которыхъ я поставилъ вопросительные знаки, и которыя, дѣйствительно, представляютъ для меня вопросы... Что это за *„ласка“* и *„фальшивая приманка“*, которымъ г. Андреевскій не желаетъ поддаваться? Почему онъ говоритъ о „грѣхѣ сдѣлаться изъ честнаго человѣка *Іудой-Предателемъ*“? Что таится въ словахъ: „грѣшно было бы *нарушить* духовный и гражданскій *законъ*“?.. Очень бы интересно узнать, и, можетъ быть, впослѣдствіи г. Андреевскій или г. Сосновскій объяснятъ намъ ихъ смыслъ, теперь же онѣ такъ загадками и останутся. Отъ перваго я не могъ получить какихъ либо разъясненій, потому что по отъѣздѣ изъ гор. Семипалатинска, я не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній. Слышалъ, что вскорѣ послѣ моего отъѣзда онъ получилъ какое-то назначеніе при хлѣбныхъ караванахъ г. Сосновскаго и уѣхалъ обратно въ Гу-Чэнъ, а потомъ,—что онъ вернулся на родину, въ Иркутскъ. Но не нуждаясь вовсе въ какихъ-либо постороннихъ свидѣтельствахъ, доказательствахъ или подтвержденіяхъ, я не обращался ни къ кому съ какими-либо просьбами о защитѣ; и даже г. Матусовскаго просилъ ничего не писать до выхода въ свѣтъ моей настоящей брошюры.

Этимъ я и заканчиваю свою рѣчь въ защиту моего труда, который мнѣ только тѣмъ и дорогъ, что все въ немъ правда: я могъ заблуждаться, но не могъ сознательно и умышленно говорить не то, что я думалъ и зналъ,—если

тизируются, *обсуждаются* и *мы* собираемся каждый вечеръ для ученыхъ занятій (только къ сожалѣнію неизвѣстно — кто это мы и читатель отчета могъ легко думать, что всѣ члены экспедиціи)... Увы! Ничего подобнаго не было, и все это только pia desideria, да лавированія передъ спрашивающими обо всемъ отчета... И опять авторъ его льстилъ себя надеждою, что онъ будетъ принятъ, и погребенъ въ архивѣ. А его вдругъ удостоили вниманія—прочли, и увидали, что въ приведенныхъ напримѣръ словахъ его кромѣ фразъ ничего нѣтъ, и доказательствомъ этого можетъ служить то, что подобныя тонкія и точныя свѣдѣнія даются о городахъ, въ которыхъ мы провели всего два дня. Напримѣръ, на стр. 219 (Воен. Сб. № 11-й) такія свѣдѣнія даются о гор. Гань-Чжоу. Или:—о городахъ, въ которыхъ мы *совсѣмъ не были*, даются несравненно болѣе подробныя *свѣдѣнія*, чѣмъ о тѣхъ, гдѣ *мы были*; объ этихъ зачастую ничего не говорится, если не считать выписокъ изъ чужихъ книгъ.

конечно, не вѣрили въ право полевого суда надъ нами, предоставленное г. Сосновскому, потому что онъ отказался предъявить намъ инструкцію, въ которой бы это было сказано. Но мы знали въ то же время, что онъ можетъ издѣваться надъ нами въ дорогѣ, особенно на пути отъ Хань-Коу до нашей границы, совершенно безнаказанно и безгранично, если мы сами не начертимъ ему незамѣтнымъ и деликатнымъ образомъ опредѣленной рамки. Но для этого требовалось единомысліе и общность стремленій у всѣхъ насъ, его спутниковъ; а откуда же было ихъ взять, когда вступившій въ экспедицію вольно-наемный, а слѣдовательно изъятый изъ всякихъ правилъ дисциплины, фотографъ Боярскій сдѣлался другомъ г. Сосновскаго и даже, какъ было указано выше, его господиномъ. Да не подумаетъ читатель, что въ моихъ словахъ сказывается досада или месть... Нѣтъ, первая, мало-по-малу, улеглась, а послѣдняя въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста; я передаю факты, какъ понималъ ихъ. И такъ, этотъ спутникъ, — частный человѣкъ и ни за что не отвѣтственный неожиданный распорядитель экспедиціи, — или держалъ сторону г. Сосновскаго, или держалъ его самого въ своихъ рукахъ и враждовалъ со всѣми; — значитъ тутъ рѣчи объ единомысліи быть не могло. . . . .

Остаются три казака: изъ нихъ Павловъ былъ приближеннымъ любимцемъ г. Сосновскаго и его довѣреннымъ лицомъ. Онъ меньше всѣхъ дѣлалъ, часто бесѣдовалъ о чемъ-то съ послѣднимъ и былъ всегда отличаемъ имъ въ донесеніяхъ, представленіяхъ и т. п. Какъ сказано, онъ былъ отправленъ г. Сосновскимъ изъ г. Лань-Чжоу съ какими-то неизвѣстными намъ бумагами въ Зайсанскій Постъ, и, очевидно, подготовилъ тамъ администрацію и общество въ *надлежащемъ тонѣ,* относительно хода экспедиціи вообще и о *нашихъ беззаконіяхъ* (т. е. моихъ) въ частности. Слѣдовательно о немъ мы больше говорить не будемъ. Двое другихъ видѣли и понимали рѣшительно все отъ начала до конца, и внутренно, по чувству справедливости, были на нашей сторонѣ, — мы это знали; но для казака долгъ службы, какъ оно и должно быть, священнѣе всякаго внутренняго чувства и умовозрѣній; а по долгу службы они были обязаны повиноваться начальнику. Г. Сосновскій это

надъ людьми; никогда не смолкнетъ на землѣ „гласъ народа“, который не даромъ называютъ „гласомъ божіимъ“, выраженіемъ и средствомъ котораго было и есть человѣческое слово, и попреимуществу печатное. Вотъ за него-то, за честно сказанныя мною слова моей книги, и вступаюсь я въ настоящемъ случаѣ; вступаюсь за всѣхъ, кто говоритъ и будетъ говорить правдиво и честно, что кому доведется сказать,—а не за себя исключительно... Я, одинъ, ничего не значу. Что я для Россіи?! Листъ съ дерева „лѣсовъ ея безбрежныхъ“;—атомъ ничтожный; но печать есть одна изъ силъ, распоряжающихся атомами, изъ которыхъ состоятъ націи; она является или силой созидательной, скрѣпляющей ихъ, или дѣйствующей на нихъ губительно и разъединяющей ихъ.... Унизьте и оскорбите человѣка только разъ, за такое его дѣло, которое онъ исполнилъ съ беззавѣтной любовью къ роднинѣ и полной готовностью служить ей по мѣрѣ своего умѣнья, и вы не только не прибавите ему силъ, а не съ разу подниметe и тѣ, какія были; а если еще на ряду съ оскорбленіемъ за честно исполненное дѣло, вы станете защищать оскорбителя и то, что у всѣхъ считается предосудительнымъ, то этого достаточно, чтобъ погубить въ человѣкѣ немалую долю его добрыхъ наклонностей и стремленій, или покрайней мѣрѣ охладить въ немъ тѣ порывы, которые, вѣдь, за что же нибудь да называются у людей благородными и представляютъ далеко не пустой придуманный звукъ, а служатъ выраженіемъ одной изъ сторонъ человѣческой натуры.

Я не писатель, и не имѣю ни малѣйшихъ претензій на какое нибудь значеніе моего труда въ русской литературѣ; но написанная мною книга есть все же трудъ; она останется, и вопросъ о ея правдивости или лживости—вопросъ не ничтожный; такъ можно ли допустить чтобъ подобные (хоть по объему) труды сбрасывались, такъ сказать, подъ лавку, какъ ни на что негодная вещь, однимъ почеркомъ такого пера, которое пишетъ разные *матерялы* съ *ресунками* и *всню*, *двести*, *солнй*. Положимъ, что это фактъ и немыслимый, и желаніе недостижимое, но надо же оградить честь и время людей, дѣлающихъ что нибудь гораздо больше для другихъ, чѣмъ для себя; — надо чтобы каждое перо писало то, что ему писать надлежитъ, и подписывало только

ный упрекъ. Я и самъ того мнѣнія, что мы въ этомъ виноваты, что я виноватъ, и оправдывать себя много не стану; но не могу не сказать, что, поступи я по внушенію честной мысли и преданности дѣлу и родинѣ, тогда я провинился бы передъ формою, и мнѣ, пожалуй, не удалось бы убѣдить своихъ судей, оффиціальныхъ и не оффиціальныхъ, въ чистотѣ своихъ побужденій. Но я бы все-таки рискнулъ отнять у г. Сосновскаго право распоряженія экспедиціей въ г. Гу-Чэнѣ, изъ котораго онъ повелъ ее почти на вѣрную гибель,—если бы я только могъ разсчитывать на какую-нибудь поддержку. Но судьбѣ угодно было распорядиться иначе... Какъ именно, — читателямъ извѣстно.

Не знаю теперь,—долженъ ли я или нѣтъ, прибавлять что нибудь лично для почтенныхъ сотрудниковъ по сочиненію знаменитой „Экспедиціи въ Китай"... Пожалуй, обратимся и къ нимъ съ немногими словами.

Прочли, милостивые государи? И скажите — довольны ли теперь?.. Вотъ, сколько еще новыхъ „лжи и клеветы" откровенно изложилъ я, но на этотъ разъ гораздо больше вашими собственными словами! Подъ силу или *не подъ силу* будетъ теперь разсѣять этотъ новый туманъ и инсинуаціи или, къ сожалѣнію, это будетъ опять предоставлено кому нибудь другому, болѣе васъ компетентному? Напечатавъ ваше „Письмо въ редакцію", вы, вѣроятно, не разъ задумались надъ тѣмъ, какъ-то отнесется къ нему вашъ бывшій спутникъ, — этотъ „великій мастеръ картинно извращать самые простые факты"? Удастся ли отклонить его отъ намѣренія отвѣчать на эту *не серьезную и не заслуживающую возраженія статью*, какъ называла ее редакція „Голоса"? Станетъ ли онъ ожидать появленія „обстоятельнаго разъясненія" полковника Сосновскаго до тѣхъ поръ, пока дѣло мало-по-малу затихнетъ, забудется и авось, все пройдетъ безнаказанно?.. Вы видите теперь, что вы меня совсѣмъ не потрудились узнать во время путешествія и ошиблись во всѣхъ вашихъ расчетахъ: вы совсѣмъ меня не поняли, а потому и не знали, что я крѣпко держусь правила,—за интересы общіе стоять смѣло и на полдорогѣ никогда не останавливаться; что запугать меня, когда я поступаю открыто и честно, нельзя, потому что нельзя убѣдить меня въ томъ, что истина есть ложь, а

Далѣе: мои собранія научныхъ предметовъ... Они пожертвованы въ музеи (Университета и Академіи Наукъ), управленія которыхъ приняли на себя расходы по перевозкѣ и выдали мнѣ 400 руб. Эти предметы, подобно рисункамъ, также служатъ гораздо болѣе другимъ, чѣмъ для моихъ *таинственныхъ* цѣлей и не названныхъ интересовъ. Я же даже объ этомъ вознагражденіи не помышлялъ.

Пойдемъ далѣе и разберемъ все до конца. Можетъ быть, окажется, что изданіе книги было единственной мечтой въ надеждѣ на полученіе „запрещенныхъ и неисчислимыхъ“ выгодъ... Но кто же не знаетъ, какъ плохо въ большинствѣ случаевъ вознаграждается литературный трудъ,—что изданія подобныхъ сочиненій нерѣдко не окупаютъ даже сдѣланныхъ затратъ; и что если авторъ получаетъ половину стоимости книги, то это считается хорошимъ успѣхомъ. Значитъ, и тутъ не къ чему было стремиться *)... Остаются интересы не матеріальные: почетныя награды — офиціальныя (по службѣ) и общественныя. Но первыя, какъ извѣстно, принято давать за самое совершеніе путешествія, какъ извѣстнаго подвига, — тотчасъ по окончаніи, и по рангу, а не по количеству и качеству работъ каждаго, когда сданы всѣ результаты сдѣланнаго втеченіи путешествія; мы ихъ касаться не будемъ, а скажемъ два слова о вторыхъ, къ которымъ я отношу и присужденную мнѣ И. Р. Географическимъ Обществомъ золотую медаль.

Для каждаго изъ насъ, конечно, очень дороги одобренія и оцѣнка нашихъ трудовъ другими, какъ провѣрка нашихъ собственныхъ дѣйствій; но это „воздаяніе каждому по дѣломъ его“ зависитъ отъ множества случайностей; да и самые взгляды на него въ обществѣ не установлены и противорѣчивы: одни требуютъ отъ рабочаго человѣка идеальнаго безкорыстія и полнѣйшаго равнодушія ко всякаго рода поощреніямъ; другіе видятъ въ желаніи заслужить послѣднее только тщеславіе, малодушіе и даже нѣкоторую нравственную испорченность; вообще, далеко не всѣ согласны въ томъ, что въ этомъ свойствѣ человѣческой натуры, то есть стремленіи къ доброй славѣ о насъ, скорѣе больше хорошаго, чѣмъ дурного. Конечно, всегда [illegible]

*) Словомъ далеко до тѣхъ 400,000 руб. сер., которыя г. Сосновскій [illegible] дозволенія обмѣнять въ Семипалат. казнач. на кредит. билеты (18 ноября [illegible]

совершать хорошія дѣла, ради ихъ самихъ; но вѣдь это доступно лишь для тѣхъ немногихъ, кто совсѣмъ не нуждается въ другихъ людяхъ и отъ нихъ нисколько не зависитъ; да и изъ этихъ-то немногихъ лишь очень немногіе равнодушны къ общественному голосу одобренія.

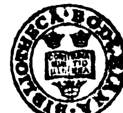
Но, какъ бы ни была привлекательна слава, всякій, работавшій надъ чѣмъ нибудь съ любовью, знаетъ, что не одобренія и награды—самый могущественный возбудитель, заставляющій насъ предпринимать и совершать многія дѣла; всякому извѣстно, что ради ихъ однихъ люди во всѣ времена многаго не создавали; что для этого нуженъ своего рода порокъ, умственное поврежденіе, если угодно, — въ видѣ непреодолимаго стремленія и любви къ данному дѣлу, которыя проходятъ черезъ всю жизнь и кончаются только вмѣстѣ съ нею. И въ подобнаго рода дѣятельности даже нѣтъ ни особенной заслуги, ни источника для гордости или, вообще смѣшного, чванства. Человѣку, обладающему какимъ нибудь изъ подобныхъ „пороковъ", хочется только одного: чтобы люди, т. е. соотечественники или страна, во-время воспользовались нашими силами, пріобрѣтенными нами знаніемъ и „охотой пуще неволи". Хочется одного,— чтобы въ награду за одно честно исполненное дѣло дали возможность исполнить другое такое же,—исполнить еще лучше, еще съ большимъ умѣньемъ и съ прежнею любовью—къ дѣлу, а не результатамъ: результаты принадлежатъ ужъ другимъ, а автора не занимаютъ. Авторъ ищетъ новаго дѣла и средствъ для его исполненія,—законныхъ средствъ въ обмѣнъ за свой совершонный трудъ,—для новаго не легкаго, но пріятнаго *дѣла*, а не для доставленія себѣ dolce far niente, которое притомъ и не для всѣхъ привлекательно.

Всѣ безпристрастные читатели поймутъ сейчасъ сказанныя слова и въ искренности ихъ сомнѣваться не станутъ; а до сихъ поръ я только къ нимъ и держалъ мою рѣчь. Пристрастные же такими и останутся, хоть умри въ доказательство своей благонамѣренности. Это—истина старая.

Теперь скажу нѣсколько словъ по поводу одного относящагося къ дѣлу упрека, выражаемаго мнѣ и остальнымъ спутникамъ г. Сосновскаго г. Григорьевымъ въ его замѣткѣ о моемъ „Путешествіи по Китаю" *).

*) „Отголоски". 1881 года, № 1, стр. 109.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано:	*Должно читать:*
Стр.	5	строка	7 св.	его духовныхъ силъ	духовныхъ силъ человѣка
„	66	„	17 св.	въ Кяхтѣ;	въ Кяхтѣ,
„	84	„	1 сн.	какъ	Какъ
„	111	„	16 св.	тихъ (?)	шире *).
„	167	„	9 св.	пріятелю?	пріятелю,
„	204	„	19 св.	отправлять и	и отправлять
„	205	„	8 сн.	шесть	пять!
„	230	„	4 св.	тотъ сервизъ	зеркальце, нѣсколько,
„	241	„	13 св.	чего никто	никто

---

*) Въ этомъ словѣ была сдѣлана ошибка переписчикомъ копіи.

